КНИГА О РЕБЕНКѢ

THE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

111

H.00

49.1
K742
v.1

КНИГА О РЕБЕНКѢ

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУДЪ СПЕЦИАЛИСТОВЪ
ПО ВОПРОСАМЪ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ И УХОДА ЗА НИМИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Вступительныя главы. Душа и тѣло ребенка.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІИ
д-ра Л. Г. Оршанскаго.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА. МОСКВА.—1912.
PRINTED IN RUSSIA

649.1
K742
V.1

КНИГА О РЕБЕНКѢ

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУДЪ СПЕЦІАЛИСТОВЪ
ПО ВОПРОСАМЪ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ И УХОДА ЗА НИМИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Вступительныя главы. Душа и тѣло ребенка.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
д-ра Л. Г. Оршанскаго.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА. МОСКВА.—1912.
PRINTED IN RUSSIA

THE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Вступительныя главы.

Бракъ, наслѣдственность и этика размноженія. *Д-ра В. Шалльмайера.* Переводъ А. С. Балавенскаго..... 1
Обязанности матери передъ рожденіемъ дѣтей. *Д-ра М. Гильфердингъ-Генисбергъ.* Переводъ А. С. Балавенскаго..... 21

Душа и тѣло ребенка.

I. Тѣло ребенка.

Красота ребенка. *Г. Фидуса.* Переводъ С. А. Мясново..... 33
Тѣло ребенка и его развитіе. *Проф. Шмидта.* Переводъ С. А. Мясново..... 39
Питаніе грудного младенца. *Проф. Г. Финкельштейна.* Переводъ С. А. Мясново..... 56
Общій физическій уходъ и гигіена ребенка въ раннемъ возрастѣ. Гигіена дѣтской. *Проф. Р. Фишля.* Переводъ С. А. Мясново. 75
Уходъ за здоровьемъ дѣтей школьнаго возраста. *Проф. Л. Бургерштейна.* Переводъ С. А. Мясново..... 90
Дѣтскій ростъ. *Д-ра В. Камерера.* Переводъ С. А. Мясново... 98
Питаніе ребенка. *Д-ра В. Камерера.* Переводъ С. А. Мясново. 106
Глазъ. *Д-ра В. Фейльхенфельда.* Переводъ А. С. Балавенскаго. 111
Уши, глотка и носъ. Прив.-доц. *Брюля.* Переводъ А. С. Балавенскаго..... 122
Уходъ за зубами въ дѣтскомъ возрастѣ. *Проф. Э. Іессена.* Переводъ А. С. Балавенскаго..... 131
Одежда ребенка. *А. Шрейберъ.* Переводъ Е. И. Барсовой..... 140
Острыя инфекціонныя болѣзни въ дѣтскомъ возрастѣ. Проф. *Р. Фишля.* Переводъ А. С. Балавенскаго..... 157
Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при заболѣваніяхъ дѣтей. Прив.-доц. *Р. Гекера.* Переводъ А. С. Балавенскаго. 178
Половой вопросъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Д-ра медиц. *Ф. Зибера.* Переводъ С. А. Мясново..... 205

II. Душевная жизнь ребенка.

Душевная жизнь ребенка. *М. Брана.* Переводъ С. А. Мясново. 226
Нравственное чувство ребенка. *Д-ра М. Брана.* Переводъ С. А. Мясново 266
Влеченіе ребенка къ игрѣ и искусству. *В. Амента.* Переводъ С. А. Мясново 284
Нервность въ дѣтскомъ возрастѣ. *Проф. С. Брунса.* Переводъ С. А. Мясново. 299
Дѣтскія самоубійства. *Дра А. Эйленбурга.* Переводъ С. А. Мясново 323
Ребенокъ и преступленіе. *Д-ра Мёнкемёллера.* Переводъ С. А. Мясново 330
Характеръ и его недостатки. *I. Трюнера.* Переводъ С. А. Мясново 345

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ГЛАВЫ.

Бракъ наслѣдственность и этика размноженія.

Доктора В. Шалльмайера.

Какъ соціальный институтъ, бракъ установленъ ради дѣтей. Какъ отзывается на жизни ребенка бракъ, ясно показываетъ необычайно высокая смертность внѣбрачныхъ дѣтей*). Конечно, здѣсь играетъ извѣстную роль исторически сложившееся и теперь существующее незаслуженно неблагопріятное соціально-экономическое и семейное положеніе матери внѣбрачнаго ребенка, а также и позорное клеймо, которое накладывается на нее обществомъ. Борьба противъ этихъ предразсудковъ ведется съ разныхъ сторонъ; особенно этимъ заняты «Общества защиты материнства».

Важнѣйшимъ условіемъ устойчивости и процвѣтанія народа или націи надо считать обезпеченіе количественно и качественно удовлетворительнаго потомства. Этому требованію прежде всего и долженъ отвѣчать половой укладъ каждаго общества. Однако, поскольку намъ извѣстно изъ исторіи, рѣдко случалось такъ, чтобы народъ или его правители и духовные вожди въ своихъ перспективахъ обращали вниманіе на условія благополучія будущихъ поколѣній и вводили бы съ этой цѣлью какія-нибудь реформы или

*) По статистикѣ О. Шпанна на 1000 мальчиковъ выжили до 20 лѣтъ 660,5 рожденныхъ въ бракахъ и только 181,5 внѣбрачныхъ. Во всякомъ случаѣ эта послѣдня цифра въ 3 раза меньше первой.

хотя бы лишь перемѣны въ сексуальномъ укладѣ соціальнаго организма. Неудивительно поэтому, что изъ всѣхъ разнообразныхъ общественныхъ нормъ половой жизни, установленныхъ какъ у различныхъ народовъ, такъ и у одного и того же народа въ разное время, ни одна не отвѣчаетъ вышеупомянутымъ условіямъ. Но естественный подборъ, которому подчинены и общественные организмы съ ихъ соціальными учрежденіями, заботился и будетъ заботиться о томъ, чтобы подобныя формы сексуальнаго попорядка, а вмѣстѣ съ ними и примѣняющіе ихъ соціальные организмы исчезали, а оставались бы лишь такіе, гдѣ имѣются болѣе или менѣе совершенныя условія для благопріятнаго развитія національно-біологическаго процесса воспроизведенія. Нѣтъ сомнѣнія, что и нашъ теперешній сексуальный укладъ можетъ и долженъ быть усовершенствованъ, отчасти уже потому, что съ измѣненіемъ хозяйственныхъ и другихъ соціальныхъ и культурныхъ условій долженъ измѣниться и сексуальный порядокъ, хотя бы раньше онъ и былъ пригоднымъ. Надо однако замѣтить, что на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи измѣненіе сексуальнаго, нравственнаго и правового порядка особенно легко совершается въ направленіи слишкомъ чрезмѣрной и односторонней заботливости объ индивидуальныхъ интересахъ; и въ этой тенденціи заключается огромная опасность. Всегда быстро сходили со сцены тѣ народы и тѣ государства, у которыхъ нормы половой жизни благопріятствовали интересамъ личности и пренебрегали интересами рода.

Краеугольнымъ камнемъ сексуальнаго порядка, который служитъ не столько интересамъ личности, сколько интересамъ рода, у всѣхъ народовъ, хотя и въ очень различныхъ формахъ, является институтъ брака. Онъ мало удовлетворяетъ разнузданныхъ въ половомъ отношеніи людей, но зато — въ извѣстной, конечно, степени совершенства — тѣмъ лучше отвѣчаетъ цѣлямъ созданія и воспитанія многочисленнаго и сильнаго потомства. Единственно въ этомъ и заключается естественно и соціально-историческое объясненіе брака, а также и его соціологическое оправданіе.

Нравственная и правовая сторона брака должна быть нормирована всецѣло въ интересахъ дѣтей. Когда люди женятся, преслѣдуя только личныя цѣли: любовь и взаим-

ныя удобства, какъ это обыкновенно дѣлаютъ вступающіе въ бракъ пожилые люди, а въ наше время, стала дѣлать и молодежь, которая не только намѣчаетъ, но и выполняетъ извѣстную программу брака, — то существованіе такихъ quasi-браковъ не представляетъ значительнаго интереса ни для государства ни для общества. Для такихъ связей, которыя служатъ только индивидуалистическимъ цѣлямъ, нѣтъ никакой надобности въ такомъ тяжеловѣсномъ правовомъ аппаратѣ, какимъ является бракъ со всей трудностью его расторженія, — для такихъ цѣлей было бы вполнѣ довольно гражданско-правового договора.

Какъ для родителей, такъ и для націи важно и необходимо при размноженіи принимать въ расчетъ съ одной стороны количество, съ другой — качество потомства. Однако и родители и государство до сихъ поръ обыкновенно обращаютъ вниманіе почти исключительно только на количество. Наслѣдственныя качества національнаго потомства, какъ цѣлаго, считались обычно за величину постоянную, которая въ рядѣ поколѣній остается всегда равной себѣ, а природныя качества дѣтей разсматривались родителями какъ нѣчто случайное или попросту необъяснимое. Такимъ образомъ на наслѣдственныя качества потомства въ обоихъ случаяхъ смотрѣли какъ на нѣчто такое, чего практически нельзя принимать въ расчетъ. Взглядъ этотъ измѣнился лишь въ послѣднее время. Толчкомъ къ этому послужила теорія Дарвина, который показалъ, что не только усовершенствованіе рода или вида, но и сохраненіе пріобрѣтеннаго уже усовершенствованія достигается болѣе сильнымъ размноженіемъ усовершенствованныхъ, т.-е. болѣе приспособленныхъ къ жизненнымъ условіямъ индивидуумовъ и вымираніемъ или менѣе интенсивнымъ размноженіемъ индивидуумовъ, менѣе приспособленныхъ. Это примѣнимо также и къ человѣческому роду, а равно и къ составляющимъ его группамъ. Такъ какъ ученіе Дарвина основывалось, между прочимъ, также на опытахъ съ наслѣдственностью, которые производились надъ животными и растеніями, то неизбѣжно въ концѣ-концовъ должны были вновь обратить вниманіе и на наслѣдственность у человѣка. Опыты и пріемы скотоводовъ, игравшіе такую значительную роль въ умозаключеніяхъ Дарвина и пробудившіе те-

перь интересъ къ себѣ не однихъ только спеціалистовъ по разведенію скота, настойчиво наталкивали на мысль о подборѣ и у человѣка. Въ результатѣ съ одной стороны явилась мысль о возможности облагороженія человѣческой породы и необходимости добиваться этого, а съ другой — опасеніе, что наслѣдственное развитіе націи идетъ въ дурномъ направленіи.

Мы не станемъ здѣсь разбирать, насколько основательно такое опасеніе. Допустимъ, что даже и при современныхъ соціальныхъ условіяхъ наше національное развитіе наслѣдственности идетъ въ благопріятномъ направленіи, — все-таки имѣется достаточно основаній къ тому, чтобы позаботиться и о дальнѣйшемъ усовершенствованіи его.

Усовершенствованіе своей расы, и не только въ смыслѣ ея здоровья и жизнедѣятельности, а и въ смыслѣ ея духовнаго, нравственнаго и интеллектуальнаго развитія природныхъ дарованій, является самой возвышенной цѣлью, какую только можетъ поставить себѣ нація. Эта цѣль не только выше стремленія къ поднятію матеріальной культуры; съ нашей точки зрѣнія она заслуживаетъ быть поставленной и выше стремленія къ совершенствованію и расширенію нравственной, интеллектуальной и эстетической культуры, поскольку такое усовершенствованіе покоится на образованіи и воспитаніи, а не на повышеніи въ то же время и природныхъ дарованій. Такія культурныя пріобрѣтенія менѣе надежны для нашего потомства, чѣмъ унаслѣдованныя усовершенствованія. Послѣднія нельзя отнять у націи, какъ можно отнять у нея хозяйственныя блага; имъ нельзя выучиться и ихъ нельзя перенять, какъ это можно сдѣлать съ научными и техническими пріобрѣтеніями или соціальными учрежденіями. Такія усовершенствованныя природныя способности и дарованія просто передаются потомству, и при надлежащемъ родовомъ подборѣ онѣ способны къ дальнѣйшему совершенствованію. Къ этому присоединяется еще то, что при повышеніи унаслѣдованныхъ природныхъ дарованій расширяется и область того, что можно пріобрѣсти образованіемъ и воспитаніемъ. Правда, для каждой націи возможенъ культурный ростъ ея и безъ поднятія средняго уровня ея природныхъ дарованій, но усвоеніе и примѣненіе не унаслѣ-

дованныхъ, а лишь накопленныхъ духовныхъ и культурныхъ благъ, ограничивается мозговой способностью воспріятія и нравственной одаренностью человѣка. Какъ никакой методой нельзя сдѣлать атлета изъ индивидуума со слабой отъ природы мускулатурой, такъ и успѣхъ нравственнаго и интеллектуальнаго воспитанія и самообразованія зависитъ между прочимъ отъ наличности нравственныхъ и интеллектуальныхъ способностей.

Отъ интенсивности размноженія особей, стоящихъ по своимъ способностямъ ниже или выше средняго уровня, зависитъ увеличеніе или уменьшеніе унаслѣдованныхъ достоинствъ народа въ цѣломъ. Послѣднему обычно препятствуетъ въ природѣ или въ некультурномъ состояніи естественный подборъ, которымъ заблаговременно уничтожаются развивающіеся или уже развившіеся индивидуумы; тѣ индивидуумы, которые унаслѣдовали благопріятныя качества, чаще, чѣмъ индивидуумы съ плохой наслѣдственностью, получаютъ возможность вести нормальную жизнь и размножаться. Этотъ контроль естественнаго подбора надъ унаслѣдованными усовершенствованіями уменьшается и ослабляется съ повышеніемъ культуры, и вслѣдствіе этого въ борьбѣ за существованіе отдѣльныхъ личностей и обществъ культурное оружіе получаетъ перевѣсъ надъ оружіемъ унаслѣдованнымъ.

Здѣсь ничего не подѣлаешь. Но уничтоженіе естественнаго подбора легко и съ лихвой могло бы быть возмѣщено усовершенствованіемъ у насъ полового подбора. Къ сожалѣнію онъ, какъ у насъ, такъ и у большинства другихъ культурныхъ народовъ, въ высшей степени несовершененъ. Особи, страдающія серьезными психопатическими недугами, не только переполняютъ наши колоссально увеличивающіеся какъ численно, такъ и по своимъ размѣрамъ дома умалишенныхъ, но и въ огромномъ количествѣ случаевъ проводятъ часть своей жизни, а многіе и всю жизнь, внѣ такихъ домовъ; они ни на минуту при этомъ также не задумываются путемъ размноженія передавать свои душевныя недуги потомству, и общественное мнѣніе по большей части нисколько ихъ за это не порицаетъ. То же надо сказать и относительно не менѣе многочисленныхъ у насъ привычныхъ пьяницъ. Необычайно также велико теперь и

число мужчинъ, которые вступаютъ въ бракъ, будучи больны заразительными болѣзнями. А какъ часто чахоточные позволяютъ себѣ вступать въ бракъ, хотя и впередъ знаютъ, что черезъ годъ или нѣсколько лѣтъ имъ придется разстаться съ жизнью!

Плоды нашего подбора мы видимъ въ цѣломъ легіонѣ идіотовъ, людей со слабыми, странными или патологическими интеллектуальными и нравственными свойствами, прирожденныхъ калѣкъ, немощныхъ и т. д. Всѣмъ этимъ несчастнымъ ихъ существованіе не менѣе тягостно, чѣмъ ихъ ближнимъ, которымъ приходиться возиться съ ними и которымъ они ничего не могутъ дать взамѣнъ, кромѣ своего грустнаго существованія.

Что мы должны приносить съ собой въ міръ всѣ условія личнаго совершенства и что счастье нашей жизни обусловливается врожденными намъ и унаслѣдованными способностями больше, чѣмъ чѣмъ-либо другимъ, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Біологическія изслѣдованія послѣднихъ десятилѣтій, въ особенности изученіе микроскопическихъ процессовъ при образованіи и созрѣваніи яичныхъ и сѣменныхъ клѣтокъ, а также при оплодотвореніи, пролили нѣкоторый свѣтъ на таившіяся во мракѣ условія наслѣдственности. Прежде всего цѣлый переворотъ въ этомъ смыслѣ произвели наблюденія надъ процессами оплодотворенія, сдѣланныя въ 1875 году, Оскаромъ Гертвигомъ, подъ наблюденіемъ Геккеля, надъ зародышевыми клѣтками морскихъ ежей. Необычайно важными являются затѣмъ наблюденія надъ процессами созрѣванія зародышевыхъ клѣтокъ, которые предшествуютъ процессамъ оплодотворенія; здѣсь было установлено, что изъ каждой созрѣвшей (мужской или женской) зародышевой клѣтки выдѣляется всегда ровно половинное число такъ называемыхъ зародышевыхъ ядерныхъ палочекъ (kernstäbchen), которыя почти несомнѣнно являются носителями способности унаслѣдованія или наслѣдственной субстанціи. Затѣмъ при оплодотвореніи одна изъ образовавшихся такимъ образомъ половинъ способной къ унаслѣдованію, или наслѣдственной, массы (Erbmasse) женской зародышевой клѣтки соединяется съ половиной наслѣдственной массы мужского индивидуума. Но изъ безконечнаго числа наблю-

деній мы знаемъ, что [не считая очень рѣдкихъ близнецовъ, которые выходятъ изъ одного и того же (раздѣлившагося) яйца] даже дѣти однихъ родителей никогда не являются на свѣтъ съ идентичными, но всегда съ необычайно разнообразно унаслѣдованными способностями. Изъ этого можно заключить, что при развитіи зародышевыхъ клѣтокъ въ особи должны были происходить столь многочисленныя и различныя другъ отъ друга дѣленія наслѣдственной субстанціи, переданной этой особи отъ родителей, что ни одна изъ клѣтокъ, образовавшихся въ особи въ безчисленномъ множествѣ, никогда не содержитъ въ себѣ совершенно тожественной комбинаціи наслѣдственныхъ элементовъ родителей, хотя всѣ эти клѣтки и являются продуктомъ дѣленія одной и той же первоначальной клѣтки и хотя каждая изъ нихъ снабжена равнымъ количествомъ зародышевыхъ палочекъ.

Чѣмъ меньше число дѣтей, тѣмъ меньше шансовъ на то, что имъ передадутся всѣ способности ихъ родителей. При двухъ дѣтяхъ это еще мыслимо; все-таки очень мало вѣроятно, чтобы двѣ половинныхъ части наслѣдственной массы родителей, полученныя однимъ ребенкомъ, случайно въ такой мѣрѣ восполнили бы двѣ другія части, полученныя вторымъ ребенкомъ, чтобы они оба вмѣстѣ заключали въ себѣ всѣ наслѣдственные элементы, которыми была снабжена первичная зародышевая клѣтка отца или матери, или же всѣ элементы, какъ отцовскій, такъ и материнской первоначальной клѣтки. Такія дѣти должны были бы быть крайне не похожими другъ на друга. На самомъ же дѣлѣ первичныя зародышевыя клѣтки каждаго ребенка, хотя и содержатъ въ себѣ иной подборъ и иную комбинацію наслѣдственныхъ единицъ или наслѣдственныхъ элементовъ родителей, но все-таки такъ, что то большая, то меньшая часть наслѣдственныхъ элементовъ или группъ элементовъ, которые получены однимъ изъ дѣтей, всегда сходны съ таковыми же въ другихъ дѣтяхъ. Изъ этихъ нормальныхъ случаевъ бываютъ, конечно, исключенія, когда первичныя зародышевыя клѣтки уже въ двухъ дѣтяхъ содержатъ въ себѣ всѣ наслѣдственныя элементы отцовской или материнской зародышевой клѣтки или же обоихъ ихъ вмѣстѣ, т.-е. часть наслѣдія родителей (точнѣе

прародителей) утрачивается. Но чѣмъ больше число дѣтей, тѣмъ больше шансовъ, что черезъ нихъ передадутся всѣ наслѣдственныя свойства родителей.

Но изъ наслѣдственныхъ способностей, которыя заключаются въ первичной зародышевой клѣткѣ особи, при развитіи послѣдней имѣетъ значеніе лишь небольшая часть ихъ, которая и опредѣляетъ свойства этой особи. Эти наслѣдственныя свойства называютъ явными въ противоположность скрытымъ, которыя хотя и имѣются въ первичной зародышевой клѣткѣ особи, а потому также могутъ быть унаслѣдованными, но при данной комбинаціи наслѣдственныхъ элементовъ не оказываютъ ровно никакого вліянія на развитіе тѣлесной или духовной структуры ихъ носителя. При новой комбинаціи наслѣдственныхъ элементовъ, возникающей при оплодотвореніи, эти способности, находившіяся у носителя ихъ въ скрытомъ состояніи, могутъ попасть въ условія, благопріятныя для ихъ развитія, и такимъ образомъ надѣлить новаго носителя ихъ тѣми или другими свойствами; чаще же всего и при возникновеніи новой комбинаціи онѣ вновь остаются скрытыми и т. д. Такимъ же образомъ способности, которыя у одного изъ родителей или у обоихъ были явными, у части дѣтей ихъ или же у всѣхъ дѣтей, иногда даже и у внуковъ, превращаются въ скрытыя. Но было бы невѣрно заключать отсюда, что онѣ вообще не могутъ быть унаслѣдованы; въ данномъ случаѣ имѣлъ мѣсто лишь обмѣнъ между явной и скрытой наслѣдственностью. Аналогично этому всѣ тѣ ставшія явными способности (т.-е. свойства) индивидуума, которыя онъ пріобрѣлъ лишь во время своей (эмбріональной или позднѣйшей) жизни, независимо отъ его зародыша, надо отнести къ способностямъ, которыя унаслѣдованы и поэтому способны передаваться по наслѣдству, — все равно, были ли онѣ когда-либо у его родителей и предковъ ихъ явными или нѣтъ. Иными словами даже тамъ, гдѣ новая комбинація отдѣльныхъ составныхъ частей наслѣдственной субстанціи вызываетъ къ жизни въ потомствѣ совершенно новыя свойства, мы имѣемъ всегда дѣло съ переходомъ наслѣдственныхъ элементовъ (или группъ ихъ) родителей къ потомству, а поэтому и съ процессомъ унаслѣдованія. Это вполнѣ ясно, напримѣръ, относительно цвѣта глазъ, кожи,

волосъ, густоты и распространенности волосяныхъ покрововъ, звуковыхъ оттѣнковъ голоса и пр. или же, говоря объ аномаліяхъ, относительно родимыхъ пятенъ и т. п., Для воспроизведенія всего этого не существуетъ иной возможности даже и тогда, когда соотвѣтствующія качества у предковъ не были развиты.

Этой огромной роли скрытаго унаслѣдованія тѣлесныхъ и духовныхъ свойствъ часто не цѣнятъ, что ведетъ къ умаленію значенія наслѣдственности.

Итакъ, на наслѣдственную массу дѣтской клѣтки переходятъ не всѣ свойства, которыя заключаются въ отцовской и материнской первичной зародышевой клѣткѣ, и не всѣмъ перешедшимъ въ наслѣдственную массу клѣтки ребенка свойствамъ удается также развиться во время роста ребенка; гораздо чаще большая часть ихъ, вслѣдствіе разныхъ вліяній, при развитіи новой особи вытѣсняются болѣе сильными конкурирующими съ ними свойствами. Этимъ до извѣстной степени объясняется наблюденіе, что у высокоодаренныхъ отцовъ по большей части бываютъ умѣренно одаренныя дѣти, тогда какъ выдающіеся таланты нерѣдко выходятъ изъ такихъ семей, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній подъ рядъ рождались особи только со средними способностями. Кромѣ этого надо замѣтить, что особенно высокая одаренность въ какой-нибудь области духа достигается особенно благопріятной комбинаціей духовныхъ дарованій. Условіемъ вѣроятнаго повторенія этой особенно счастливой комбинаціи также и у дѣтей этого человѣка является прежде всего необходимость, чтобы въ населеніи и спеціально въ производительномъ циклѣ, изъ котораго происходитъ отецъ дѣтей, встрѣчалось бы большое количество индивидуумовъ съ вышеупомянутой одаренностью, потому что только въ такомъ случаѣ будетъ имѣться достаточно вѣроятности, что, по крайней мѣрѣ, значительное количество множества милліоновъ различныхъ другъ отъ друга сѣменныхъ клѣтокъ, которыя произвелъ этотъ человѣкъ въ теченіе многихъ лѣтъ своей воспроизводительной жизни, при раздѣленіи между ними перешедшаго въ его первичную зародышевую клѣтку наслѣдія предковъ — вновь сложится въ эту особенно благопріятную комбинацію группъ наслѣдственныхъ элементовъ, каковой и обусловле-

на его высокая одаренность. Если же это будетъ происходить при маломъ количествѣ вышеупомянутыхъ клѣтокъ, то слишкомъ мало будетъ шансовъ, что именно эти немногія, служащія для рожденія его дѣтей клѣтки, какъ разъ и будутъ одарены именно такими высокими свойствами. Къ этому надо добавить еще то, что у насъ, какъ и у большинства высшихъ животныхъ, размноженіе сопровождается смѣшеніемъ раздѣлившихся наслѣдственныхъ субстанцій двухъ особей, вслѣдствіе чего возникаетъ новое комбинированіе наслѣдственныхъ элементовъ; и напередъ можно считать мало вѣроятнымъ, что то особенно счастливое соединеніе духовныхъ способностей, изъ котораго возникъ отцовскій геній, вновь повторится, если супруга геніальнаго мужа не обладаетъ, какъ это обыкновенно случается, столь же цѣнными наслѣдственными достоинствами.

Въ инстинктахъ животныхъ колебанія индивидуальныхъ отклоненій гораздо меньше, чѣмъ въ духовныхъ способностяхъ человѣка, т.-е. повторное соединеніе опредѣленныхъ наслѣдственныхъ элементовъ, изъ котораго развивается у животнаго какой-нибудь крупный инстинктъ, обезпечивается процессомъ унаслѣдованія гораздо надежнѣе, чѣмъ повторное соединеніе тѣхъ наслѣдственныхъ элементовъ у человѣка, которые комбинируясь образуютъ извѣстный талантъ, извѣстную духовную одаренность. Съ точки зрѣнія подбора это весьма понятно. Огромное индивидуальное, соціальное или родовое значеніе инстинкта въ жизни животныхъ должно было привести къ тому, что на протяженіи безчисленнаго ряда поколѣній всякая варіація инстинкта, которая являлась уклоненіемъ отъ достигнутаго въ этомъ смыслѣ родителями и предками совершенства, лишала особей возможности безпрепятственно продолжать размноженіе. Этимъ объясняется огромная устойчивость тѣхъ комбинацій наслѣдственныхъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ инстинкты у животныхъ. Напротивъ, комплексы психическихъ наслѣдственныхъ элементовъ, которые мы называемъ у людей талантомъ, съ одной стороны, надо полагать, значительно болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ существенные инстинкты животныхъ, и уже поэтому одному менѣе устойчивы; съ другой же стороны и для ихъ обладателей они не всегда столь существенно важны въ жизни,

чтобы естественный подборъ, хотя бы приблизительно, могъ придать имъ тотъ обычный и общій характеръ, какой свойственнен инстинктамъ рода.

Но все-таки, если бы человѣческій подборъ производился такимъ образомъ, что преимущество при размноженіи было бы на сторонѣ талантливыхъ особей, дальше—если бы даже за это онѣ не встрѣчали бы ограниченія по части выбора полового партнера, — то относительное число такихъ особей, въ наслѣдственной клѣточной субстанціи которыхъ заключаются элементы или группы элементовъ, несущіе талантъ, все возрастало бы, появленіе талантовъ дѣлалось бы все менѣе рѣдкимъ явленіемъ. Оно даже сдѣлалось бы наконецъ общимъ. Въ то же время въ отдѣльныхъ случаяхъ талантъ могъ бы значительно превысить существовавшую до этого норму.

Лѣтъ 20 тому назадъ считалось общепризнаннымъ, что унаслѣдоваться могутъ также и «соматогенныя» (или «функціонально пріобрѣтенныя») качества, т.-е. съ одной стороны органическіе результаты упражненія и воспитанія, съ другой различныя поврежденія, полученныя нашимъ тѣломъ за время его жизни. Но мнѣніе это было поколеблено, особенно трудами Вейсманна, и, какъ мнѣ кажется, должно считаться мало вѣроятнымъ, хотя нѣкоторые видные біологи придерживаются его и теперь еще. Во всякомъ случаѣ на практикѣ нельзя строить свои расчеты на такомъ спорномъ и ненадежномъ фундаментѣ. Другими словами нельзя полагаться на то, что моральная природа человѣка можетъ улучшиться путемъ нравственнаго воспитанія и заучиванья моральныхъ правилъ рядомъ поколѣній, или что унаслѣдованный человѣкомъ интеллектуальный багажъ увеличится путемъ упражненія соотвѣтствующихъ частей мозга. Нельзя также разсчитывать на то, что развитіемъ путемъ гимнастики учащейся молодежи и солдатъ можно достичь не только благопріятныхъ личныхъ результатовъ, на что возлагается столько надеждъ, но и улучшенія рассы,— однимъ словомъ такого рода соображенія не уничтожаютъ необходимости улучшенія человѣческаго подбора.

Никто не утверждаетъ, что всѣ переживанія нашего тѣла не имѣютъ вліянія на наслѣдственную субстанцію. Хотя органическія измѣненія, которыя, благодаря упраж-

неніямъ, претерпѣваютъ части мозга или отдѣльныя мышечныя группы, и не касаются нашей наслѣдственной субстанціи, тѣмъ не менѣе всѣ тѣ внѣшніе факторы, которые качественно или количественно вліяютъ на питаніе нашего тѣла, въ то же время воздѣйствуютъ извѣстнымъ образомъ и на нашу наслѣдственную субстанцію посредствомъ циркулирующихъ въ нашемъ тѣлѣ питательныхъ соковъ, которыми питается и наша наслѣдственная субстанція. Какъ на непосредственные resp. посредственные факторы, вліяющіе на качество зародышевой клѣтки, слѣдуетъ указать, напр., на ядовитыя примѣси къ питающимъ нашъ организмъ сокамъ, какъ алкоголь, хлороформъ и другіе наркотики, или же ртуть и пр., а также и вообще на качество и количество принимаемой тѣломъ пищи; непосредственными факторами являются также поврежденія пищеварительныхъ органовъ, выдѣленія тѣла, окружающая температура, климатическія вліянія и т. д. Но отъ всего этого происходитъ лишь грубое и общее измѣненіе наслѣдственной субстанціи въ противоположность тонкимъ видоизмѣненіямъ ея, которыя зависятъ отъ наличности того или иного варіанта отдѣльныхъ наслѣдственныхъ единицъ и слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ, отъ подбора.

Хотя еще очень многое въ наукѣ о наслѣдственности требуетъ выясненія, надъ чѣмъ теперь много и работаютъ, и хотя нѣкоторые факторы наслѣдственности, напр., тѣ, которыми вызывается различіе дѣтей однихъ и тѣхъ же родителей, кажутся еще не поддающимися учету, все-таки на основаніи различныхъ опытовъ можно уже съ извѣстной вѣроятностью предсказать результаты сочетанія двухъ опредѣленныхъ индивидуумовъ; эта вѣроятность будетъ тѣмъ больше, чѣмъ точнѣе мы освѣдомлены о качествѣ и свойствахъ предковъ. Вся культура животныхъ и растеній съ ея поразительными успѣхами зиждется на подобнаго рода вѣроятныхъ прогнозахъ и можетъ быть разсматриваема, какъ великолѣпное экспериментальное доказательство признаваемаго всѣми безъ исключенія скотоводами и садоводами огромнаго значенія наслѣдственности, не исключая и скрытой наслѣдственности.

Добытые опытами надъ наслѣдственностью факты съ успѣхомъ примѣняются не только въ культурѣ животныхъ

и растеній, но и въ практикѣ страхованія жизни, гдѣ руководствуются, во-первыхъ, свѣдѣніями о наслѣдственныхъ склонностяхъ къ извѣстнаго рода заболѣваніямъ, а, во-вторыхъ, и фактомъ, что бываютъ семьи, наслѣдственно недолговѣчныя и наслѣдственно долговѣчныя. Замѣчательнымъ примѣромъ долговѣчности служатъ норвежецъ Сурингстонъ, который дожилъ до 160 лѣтъ, при чемъ изъ оставшихся послѣ него дѣтей младшему въ годъ смерти его отца было 9 лѣтъ, а старшему 103 года, и англичанинъ Т. Паркъ, который прожилъ 152 года и правнукъ котораго дожилъ до 103 лѣтъ. Особи же недолговѣчныя, напротивъ — даже при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни долго не живутъ.

Между передающимися по наслѣдству предрасположеніями къ заболѣваніямъ главное мѣсто занимаютъ эпилепсія, истерія и множество другихъ дефектовъ и болѣзней центральной нервной системы. Вѣроятно, даже въ каждомъ случаѣ душевной болѣзни играютъ роль наслѣдственныя качества мозга, поскольку здѣсь приходится считаться съ ослабленной силой сопротивленія нервной системы тѣмъ вліяніямъ, которыя служатъ непосредственнной причиной психическаго заболѣванія. Вѣдь намъ часто приходится видѣть, что нѣкоторые люди надолго сохраняютъ свое душевное здоровье даже при самыхъ дурныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ; другіе же, наоборотъ, заболѣваютъ и при значительно лучшихъ условіяхъ.

Огромное значеніе имѣетъ унаслѣдованное пониженіе силы сопротивленія туберкулезной инфекціи, что подтверждается безчисленнымъ количествомъ наблюденій. Врачебныя наблюденія въ этомъ отношеніи сдѣлали неоспоримымъ тотъ фактъ, что при равныхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни одна особь заболѣваетъ чахоткой, другая же, съ врожденной стойкостью тканей, не поражается этой болѣзнью. Почти каждый человѣкъ въ теченіе своей жизни одинъ или нѣсколько разъ подвергаются такой инфекціи, самъ часто не подозрѣвая этого. При наслѣдственно здоровыхъ тканяхъ процессъ далеко не распространяется и зарубцевывается. Напротивъ, при слабой комплекціи попавшія въ организмъ туберкулезныя бациллы одерживаютъ верхъ надъ человѣкомъ.

Еще болѣе худшимъ, чѣмъ дурной подборъ, т.-е. оплодотвореніе недоброкачественныхъ въ смыслѣ ихъ пригодности для размноженія зародышевыхъ клѣтокъ, является повреждеиіе зародыша, напримѣръ, алкоголемъ, сифилисомъ и пр., потому что такимъ образомъ происходитъ разрушеніе доброкачественныхъ зародышей, тогда какъ въ первомъ случаѣ лишь сохраняются, а иногда и умножаются вмѣсто того, чтобы уничтожаться, уже имѣющіяся въ наличности малоцѣнныя наслѣдственныя свойства. Вредъ отъ пораженія зародыша алкоголемъ, который мѣшаетъ и разнообразно вредитъ нормальному развитію оплодотвореннаго яйца, значительно больше вреда отъ пораженія зародыша сифилисомъ. Къ сожалѣнію на это мало обращаютъ вниманія; между тѣмъ алкоголики причиняютъ какъ семьѣ и обществу, такъ и рассѣ больше несчастій, чѣмъ другія порочныя особи.

Къ сожалѣнію мы можемъ только въ крайнихъ случаяхъ сказать съ достаточной увѣренностью относительно каждой данной особи, что она годна для дальнѣйшаго размноженія. Для болѣе совершеннаго полового подбора намъ нужно лучшее, чѣм совершенное, умѣніе распознавать наслѣдственныя достоинства, которыми обладаютъ отдѣльныя особи. «Для составленія сужденія относительно перспективъ наслѣдственности родословная имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ внѣшній видъ». Это заключеніе Дарвина, относящееся къ культурѣ рысистыхъ лошадей, сохраняетъ свою силу и для человѣческаго подбора. Но предки наши за очень малыми исключеніями не оставили намъ родословныхъ, которыми можно было бы воспользоваться для оцѣнки зародышей. Не будемъ разсуждать о томъ, сдѣлали ли бы они это и обратили ли бы при своемъ размноженіи вниманіе на интересы подбора, если бы имъ было извѣстно, какую услугу они могли бы этимъ оказать будущимъ поколѣніямъ ихъ рода. Во всякомъ случаѣ имъ нехватало нужной для этого достаточной проницательности, чѣмъ не можетъ похвастаться и наше поколѣніе. Поэтому понятно, что теперь нравственный долгъ по отношенію къ будущимъ поколѣніямъ нашего народа не находитъ общаго признанія. Въ противномъ случаѣ тѣ затрудненія, которыя ставятся на пути введенія офиціальныхъ родословныхъ списковъ, т.-е. наслѣд-

ственнобіологическихъ описаній особей съ цѣлями изслѣдованія качествъ индивидуальныхъ зародышей, не играли бы уже такой большой роли; и нація, которая первая задалась бы цѣлью дѣйствительно осуществить у себя идеалъ улучшенія расы, создала бы себѣ этимъ въ будущемъ громадное преимущество передъ другими націями.

Въ видахъ удовлетворенія потребности въ достойной жизненной цѣли, а слѣдовательно и въ видахъ нашего личнаго удовлетворенія необходимо всѣ наши надежды и стремленія направлять скорѣе на цѣлое, которому свойственно длительное существованіе, чѣмъ на нашу отдѣльную личность съ ея скоро преходящей жизнью. Въ природѣ можно замѣтить даже слишкомъ безполезное подчиненіе индивидуалистическихъ интересовъ интересу родовому. Такъ, напр., у всѣхъ видовъ животныхъ и растеній наблюдается расточительное производство молодыхъ индивидуумовъ. Это отвѣчаетъ условіямъ дальнѣйшаго существованія родовъ и породъ. Но неразлучнымъ спутникомъ этого явленія бываетъ всегда преждевременное уничтоженіе чрезмѣрнаго количества появившихся на свѣтѣ молодыхъ индивидуумовъ, т.-е. крайнее нарушеніе индивидуальныхъ интересовъ. Аналогичнымъ явленіемъ надо считать и доходящій до самопожертвованія материнскій инстинктъ у нѣкоторыхъ животныхъ. Подобно тому, какъ индивидуальные интересы всюду являются подчиненными родовымъ интересамъ, мы замѣчаемъ и у соціально-организованныхъ животныхъ такое строгое подчиненіе ихъ индивидуальныхъ интересовъ соціальнымъ, что при всякомъ столкновеніи этихъ интересовъ, первые безпощадно приносятся въ жертву вторымъ. Подобное предпочитательное отношеніе не только къ интересамъ соціальнымъ, но и къ интересамъ родовымъ, является безъ сомнѣнія и для націи условіемъ ихъ живучести.

Многіе геніальные философы и проповѣдники своими сочиненіями подготовили и проложили путь къ тому, что бы заботы о будущихъ поколѣніяхъ нашего общества стали общепризнаннымъ нравственнымъ долгомъ, нашей священной обязанностью. Еще до Дарвина Шиллеръ говорилъ объ обязанности искупить вину передъ будущими поколѣніями, такъ какъ мы не можемъ этого сдѣлать по отношенію къ прошлымъ поколѣніямъ. Понятно, онъ имѣлъ при

этомъ въ виду лишь нашу культурную, а не родовую вину передъ потомками. Но послѣ того, какъ мы, благодаря Дарвину, узнали, что человѣкъ наслѣдуетъ не только культурное, но и наслѣдственно-родовое развитіе, мы должны были и въ этомъ отношеніи притти къ сознанію нашей вины или долга передъ нашими потомками. Геніальнымъ и пламеннымъ противникомъ этой новой морали былъ Ницше, этотъ великій переоцѣниватель моральныхъ цѣнностей. «Вы должны любить царство вашихъ дѣтей». «Садъ брака да поможетъ вамъ, братья, расти не только вширь, но и ввысь»,—такъ говоритъ его Заратустра. Недавно Францисъ Гальтонъ въ докладѣ, читанномъ имъ въ первомъ соціологическомъ обществѣ въ Лондонѣ, которое только что возникло благодаря его дѣятельному участію, высказалъ убѣжденіе, что идеалъ, направленный на наслѣдственное усовершенствованіе будущихъ поколѣній народа, имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться національной религіей, а можетъ быть и вообще религіей будущаго. «Эвгенику (т.-е. родовую этику) надо подобно новой религіи ввести въ національное сознаніе». Кромѣ него и другіе выдающіеся ученые высказываются въ послѣдніе годы за то, что обязанности по отношенію къ расѣ, т.-е. къ будущимъ поколѣніямъ, необходимо ставить выше обязанностей по отношенію къ современнымъ намъ поколѣніямъ *).

Съ этими обязанностями не соединима, во-первыхъ, тенденція къ наивозможному ограниченію числа дѣтей, которое все больше и больше практикуется въ соціально привилегированныхъ и даже среднихъ слояхъ европейскихъ народовъ, и какъ разъ къ тому же гораздо чаще въ болѣе одаренныхъ, чѣмъ въ обыкновенныхъ семьяхъ. Съ этими обязанностями не соединимо дальше заключеніе браковъ, неблагопріятствующихъ подбору, т.-е. такихъ, гдѣ имѣется особенно мало шансовъ на полученіе здороваго и жизнедѣятельнаго потомства. Отъ такого рода браковъ надо ждать только ухудшенія средней доброкачественности наслѣдственныхъ свойствъ національнаго организма; кромѣ того, такіе браки

*) Такъ, напр., А. Форель говоритъ: „Обязанности по отношенію къ будущему человѣчеству, это — самыя высшія обязанности“. (Половая этика. Мюнхенъ 1906.)

являются существенной причиной семейныхъ несчастій, поскольку богато одаренныя дѣти обуславливаютъ счастье родителей. И для самихъ дѣтей хорошія природныя способности обусловливаютъ ихъ будущее жизненное счастье можетъ быть въ большей степени чѣмъ благопріятныя внѣшнія условія. При разумномъ человѣческомъ подборѣ эти условія счастья осуществлялись бы все чаще. Кромѣ того, если бы при заключеніи браковъ больше считались съ наслѣдственными свойствами вступающихъ въ бракъ, то повысилось бы и количество счастливыхъ браковъ: меньше было бы столь часто теперь случающихся разочарованій въ тѣхъ ожиданіяхъ, которыя возлагаются на бракъ.

Но ущербъ для цѣлой расы несомнѣнно, конечно, большее зло, чѣмъ разнаго рода опасности, угрожающія отдѣльнымъ индивидуумамъ. И если бы удалось обратить на службу національнаго наслѣдственнаго развитія какъ нравственную силу общественнаго мнѣнія, такъ и нравственное чувство отдѣльныхъ единицъ, то всякое открытое нарушеніе интересовъ расы стало бы считаться постыднымъ поступкомъ, независимо отъ того, являлось ли бы оно слѣдствіемъ заключенія брака или поврежденія своей наслѣдственной субстанціи. Особенно тяжкимъ, достойнымъ презрѣнія грѣхомъ, который можетъ совершить человѣкъ, дожно было бы считаться пьянство, разрушительное дѣйствіе котораго на зародышъ съ такой несомнѣнностью подтверждается богатымъ матеріаломъ наблюденій. Не меньшимъ грѣхомъ надо было бы считать и легкомысленное отношеніе къ зараженію половыми болѣзнями, — не столько вслѣдствіе погрѣшности противъ аскетической морали, сколько вслѣдствіе безпечнаго отношенія къ своему здоровью, охраненіе котораго требуютъ не только интересы личности, но, въ гораздо большей степени, интересы расы. Такъ, напр., ужасныя послѣдствія сифилитической инфекціи для пораженнаго ей субъекта могутъ за малыми исключеніями быть устранены путемъ лѣченія. Но часто бываетъ такъ, что всѣ видимыя признаки сифилиса давно уже исчезли, а сифилитическое поврежденіе зародыша остается. Въ цѣляхъ устраненія риска зачатія съ такимъ поврежденнымъ зародышемъ интересы расы требуютъ, чтобы заразившіеся субъекты на нѣсколько лѣтъ отказались отъ мысли имѣть дѣтей; и мно-

гіе изъ тѣхъ, кто понимаетъ свой долгъ въ этомъ смыслѣ, остаются холостыми на всю жизнь, частью вслѣдствіе преувеличенныхъ сомнѣній въ окончательномъ выздровленіи, частью же по другимъ вызваннымъ этимъ несчастіемъ обстоятельствамъ. Но уже и одно то, что вступленіе въ бракъ будетъ отсрочено, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ зараженія сифилисомъ, наноситъ ущербъ размноженію такихъ лицъ, т. к. въ общемъ въ бракѣ бываетъ тѣмъ больше дѣтей, чѣмъ моложе вступающій въ бракъ мужчина и въ особенности женщина. Однако въ ущербъ интересамъ расы случается такъ, что такимъ путемъ отстаютъ отъ другихъ въ размноженіи какъ разъ такіе люди, которые оказываются наиболѣе способными и пригодными для этой цѣли.

Что касается тенденціи къ воздержанію отъ увеличенія семьи, то она гораздо рѣже является спутникомъ нужды и нищеты, чѣмъ благополучія и извѣстной высоты культурнаго уровня. Съ ростомъ культуры народились новыя матеральныя и идеальныя цѣнности и стремленія, конкурренція съ которыми ведетъ къ подавленію естественнаго влеченія къ размноженію или естественныхъ семейныхъ чувствъ. Хотя обзаведеніе семьей и обладаніе дѣтьми *само по себѣ* свойственно отъ природы каждому человѣку, но при извѣстномъ складѣ соціальныхъ, въ особенности же хозяйственныхъ отношеній большое количество дѣтей может явиться препятствіемъ къ удовлетворенію новыхъ, созданныхъ культурой стремленій и цѣлей; послѣднія односторонній культурный человѣкъ цѣнитъ гораздо выше, чѣмъ естественное стремленіе имѣть семью и дѣтей. У народовъ Восточной Азіи, въ особенности у китайцевъ и японцевъ, хотя культура у нихъ стала развиваться гораздо раньше, чѣмъ у насъ, не утратились еще чувства этого естественнаго стремленія. Соціальный процессъ шелъ у нихъ другимъ порядкомъ и поэтому не привелъ къ опасному ослабленію семейнаго чувства влеченія (не совсѣмъ тожественнаго съ половымъ влеченіемъ) къ размноженію. Это ослабленіе, подъ вліяніемъ образовавшихся на развалинахъ греко-римской культуры соціальныхъ отношеній, обнаруживаютъ, къ сожалѣнію, современные культурные народы Европы и Америки.

При такихъ обстоятельствахъ разумная разсудочность очевидно превращается въ біологически вредное свойство, которое ведетъ къ самоуничтоженію. Такимъ путемъ потомству населенія наносится сначала вредъ въ качественномъ отношеніи, а затѣмъ, — когда это культурное вліяніе распространяются на большія массы населенія,—и въ количественномъ: уменьшается или совсѣмъ прекращается приростъ населенія. Тѣмъ и другимъ болѣла «классическая» культура грековъ и римлянъ, и это послужило причиной гибели этихъ культурныхъ народовъ. Во Франціи обычай имѣть мало дѣтей уже пріобрѣлъ право гражданства болѣе или менѣе во всѣхъ слояхъ населенія (меньше всего, впрочемъ, въ средѣ фабричныхъ рабочихъ). Слѣдствіемъ этого является то, что населеніе Франціи давно уже почти перестало возрастать въ числѣ, что по сравненію съ численно возрастающимъ населеніемъ конкурирующихъ народовъ значительно ухудшило ея положеніе. Во Франціи собственно давно уже наблюдается даже обсолютный дефицитъ въ приростѣ населенія, который покрывался до сихъ поръ иммиграціей и національзаціей иммигрантовъ, а потому и не былъ замѣтнымъ. Въ богатыхъ и высококультурныхъ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки, а также въ Австраліи давно уже идетъ вымираніе старыхъ, богатыхъ слоевъ общества. Но огромный дефицитъ въ ихъ рождаемости съ лихвой пополняется отчасти сильнымъ притокомъ иммиграціи, отчасти же огромной плодовитостью низшихъ слоевъ населенія. Увеличеніе количества населенія всего государства обезпечивается здѣсь избыточной рождаемостью въ другихъ штатахъ Союза, гдѣ соціальное развитіе не достигло еще той высоты, на какой оно стоитъ въ ново-англійскихъ штатахъ, и гдѣ поэтому упомянутое явленіе не успѣло еще какъ слѣдуетъ культивироваться.

Подобный процессъ долженъ наступить и рано или поздно сдѣлаться роковымъ у всѣхъ народовъ и расъ, соціальный и нравственный прогрессъ которыхъ не заботится, какъ это наблюдается, напр., у китайцевъ, о поддержаніи функцій инстиктовъ, обслуживающихъ интересы рода. Эти инстинкты, столь сильные у животнаго, при развитіи его въ человѣка вмѣстѣ съ другими инстинктами значительно понизились за счетъ свободнаго разума. Эти ослабленные инстинк-

ты оказываются такимъ образомъ непригодными для конкуренціи съ новыми индивидуальными цѣлями, которыя выдвинула высокоразвитая культура съ ея новыми цѣнностями, когда на помощь имъ не приходятъ властные психическіе мотивы, создаваемые общественнымъ внушеніемъ, въ формѣ ли мистически-религіозныхъ воззрѣній или въ формѣ естественнаго нравственнаго ученія, напр., конфуціанскаго, вліяніе которыхъ не менѣе сильно, чѣмъ вліяніе вышеупомянутыхъ инстиктовъ.

Итакъ, главнѣйшей задачей, которую должно ставить себѣ воспитаніе народа, является культура естественнаго семейнаго чувства и подавленіе пустыхъ стремленій къ погонѣ за наслажденіями и возвеличеніемъ личности, массовое распространеніе которыхъ сдѣлалось болѣзненнымъ явленіемъ нашей культуры. И всякій, кто воспитываетъ себя и своихъ дѣтей въ этомъ направленіи и въ стремленіи высоко держать знамя родовой или естественной цѣнности, приноситъ огромную пользу и своему народу и собственному роду.

Обязанности матери передъ рожденіемъ дѣтей.

(Д-ра Маргретъ Гильфердингъ-Генисбергъ Вѣна).

Изъ всего огромнаго количества ежедевно рождаемыхъ дѣтей лишь незначительную часть родители производятъ на свѣтъ по доброй волѣ и желанію, — а еще менѣе значительную часть и съ чувствомъ сознанія той отвѣтственности, которая лежитъ на родителяхъ.

Молодая мать, вступающая на свое новое поприще неподготовленной къ исполненію своей первой материнской обязанности, нуждается въ стороннемъ совѣтѣ и помощи. Совершенно справедливы жалобы на то, что наши дѣвушки ни въ школѣ, ни въ семьѣ не получаютъ предварительной подготовки къ материнству.

Но природный инстинктъ въ женщинѣ беретъ свое.

Мы видимъ, какъ неосмысленныя дѣвушки, почти еще дѣти, сдѣлавшись матерями, созрѣваютъ вдругъ въ разумныхъ женщинъ.

Мы видимъ, какъ женщины, занимавшіяся все время научнымъ и художественнымъ трудомъ, бросаютъ письменный столъ и мольбертъ, чтобы съ честью выполнить ту роль, которую отвела имъ природа.

Мы видимъ, какъ женщины, которыя вообще прежде занимались пустяками, умѣютъ серьезно и добросовѣстно относиться къ дѣлу воспитанія своихъ дѣтей.

Мы видимъ, что всѣ эти женщины дѣлаются прекрасными матерями. Поденщица и княгиня одинаково сосредоточиваютъ на своемъ ребенкѣ всѣ свои труды, свои интересы, свои духовныя и тѣлесныя способности. Женщина тяжелаго физическаго труда и женщина утонченнаго духовнаго творчества, — обѣ одинаково умѣютъ въ этомъ отношеніи жертвовать собой и отрекаться отъ себя.

Такъ могучъ инстинктъ въ женщинѣ, такъ сильна забота природы о будущихъ поколѣніяхъ.

Но въ какія неизмѣримо лучшія условія были бы по-

ставлены нарождающіяся поколѣнія, если бы матери, которыя при своемъ невѣдѣніи и непониманіи руководятся часто лишь животнымъ инстинктомъ, и которыя все-таки оказываются столь отвѣчающими своему назначенію, подходили къ исполненію своей задачи съ полнымъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла!

Потому что недостаточно еще быть хорошей матерью — случайно и по инстинкту; надо стремиться сдѣлаться хорошей матерью путемъ пріобрѣтенія знаній и самовоспитанія.

Въ семьяхъ, гдѣ много дѣтей, надлежащія познанія послѣ шестого и весьмого ребенка пріобрѣтаются, конечно, путемъ предыдущаго опыта. Но можемъ ли мы удовлетвориться тѣмъ, что только послѣднія дѣти будутъ имѣть хорошихъ матерей, а рожденныя раньше ихъ будутъ воспитываться еще не искусившимися въ своемъ дѣлѣ женщинами?

Какъ во всякомъ другомъ мы учимся на чужомъ опытѣ, такъ должно быть и въ призваніи матери.

Правда, здѣсь намъ приходится бороться съ той трудностью, что материнская наука не слагается изъ ряда готовыхъ правилъ, гигіеническихъ предписаній и нравственныхъ нормъ. Для матери, какъ для художника, обладаніе техникой не составляетъ еще содержанія призванія. Возвышенному, въ извѣстной степени художественному характеру материнскаго призванія, которое больше всего походитъ на дѣло ваятеля, — нельзя научиться изъ книгъ.

Мы не хотимъ этимъ вовсе сказать, что материнство есть только чисто животный инстинктъ.

Нѣтъ, только соединеніемъ подготовленности съ природнымъ инстинктомъ можно достичь здѣсь того, что требуется. Есть техника материнства, ей можно научиться, ей учатъ въ нашихъ дѣтскихъ пріютахъ, садахъ, въ учительскихъ школахъ; по существу своему эта техника можетъ выработать хорошую воспитательницу, а не мать.

Если и говорятъ про Рафаэля, что онъ, родись безъ рукъ, все равно сдѣлался бы великимъ художникомъ, то мы позволимъ себѣ замѣтить, что художникомъ въ ходячемъ смыслѣ этого слова «создавателемъ картинъ» онъ при такомъ условіи не сдѣлался бы. Такъ и женщина, обладающая несравненными душевными способностями матери, сумѣетъ

воспитать своихъ дѣтей, если даже у нея и нѣтъ той физической и умственной подготовки, которую другія женщины пріобрѣтаютъ въ дѣтскихъ пріютахъ, въ садахъ и школахъ. Съ другой же стороны одной, даже идеальной выучки уходу за дѣтьми недостаточно еще для выполненія обязанностей матери.

Есть дѣти, которыхъ хорошо кормятъ, чисто содержатъ, которыя получаютъ хорошее внѣшнее воспитаніе, окружены постояннымъ вниманіемъ своей матери, но которыя все-таки не знаютъ, что такое материнская любовь. Случается иногда даже такъ, что мать, которая временами сурово наказываетъ своихъ дѣтей, бываетъ для нихъ лучшей матерью, чѣмъ та, которая нѣжно и кротко обращается со своими дѣтьми.

Простыя женщины, не умѣющія ни читать ни писать, оказываются зачастую геніальными матерями. Но есть также матери, которыя не умѣли слиться со своимъ ребенкомъ.

Тотъ материнскій инстинктъ, который свойственъ почти каждой женщинѣ, способенъ совершенствоваться и развиваться. И мы должны предоставлять взрослымъ дѣвушкамъ эту возможность. Наши стремленія воспитать хорошихъ матерей часто могутъ не получить осуществленія; но основнымъ правиламъ ухода за дѣтьми, питанія и воспитанія ребенка можно научить жещинъ и этимъ создать для будущихъ поколѣній по крайней мѣрѣ дѣльныхъ воспитательницъ дѣтей.

Отъ одной деревенской повивальной бабки мнѣ пришлось услышать однажды замѣчательныя слова: «У дѣвочекъ, вскормленныхъ грудью матери, бываютъ болѣе развитыя груди и лучшеее сердце, чѣмъ у дѣвочекъ, вскормленныхъ кормилицей или рожкомъ». Въ сущности же эти слова значатъ: Дѣвочка наслѣдуютъ отъ своей матери физическія свойства материнства (развитіе груди, способность кормленія грудью) и душевныя качества (хорошее сердце).

То, что можно сказать о наслѣдственности со стороны матери, можно сказать и о наслѣдственности со стороны отца и всѣхъ прежнихъ поколѣній. Лучшія матери выходятъ изъ тѣхъ семей, гдѣ никогда не наблюдалось никакихъ наслѣдственныхъ болѣзней, ни душевныхъ, ни тѣлесныхъ,—

изъ семей, гдѣ матери всегда легко и свободно разрѣшались отъ бремени и гдѣ матери сами кормятъ грудью своихъ дѣтей.

Какъ скотоводъ серьезно относится къ выбору породъ для приплода, избѣгая спаривать животныхъ, въ физическомъ сложеніи которыхъ замѣчаются слишкомъ рѣзкія различія или которыя страдаютъ какой-нибудь болѣзнью, такъ и при подборѣ супруговъ, въ цѣляхъ огражденія интересовъ матерей, должны быть отброшены тѣ основанія, которыми руководствовались до сихъ поръ люди при заключеніи браковъ; не должно соединяться то, что физически не пригодно для соединенія. Здоровье родителей, это—не только самое существенное наслѣдство дѣтей, это — гарантія того, что въ юные годы они будутъ находиться подъ надежной охраной.

Если тѣ родители, которые страдаютъ тяжелыми сердечными, легочными или почечными болѣзнями, вовсе не должны производить на свѣтъ дѣтей, потому что вслѣдствіе своей болѣзни они не могутъ во всей полнотѣ выполнить своего родительскаго долга, то съ другой стороны матери или отцы, которые больны туберкулезомъ, сифилисомъ или душевной болѣзнью, должны бы вступать въ бракъ лишь съ разрѣшенія врача, такъ какъ въ противномъ случаѣ они рискуютъ еще въ зародышѣ наградить дѣтей своихъ болѣзнью.

Каждая дѣвушка, собираясь вступить въ бракъ, должна тщательно провѣрить себя, можетъ ли она быть матерью и обладаетъ ли она требуемой для этого душевной и тѣлесной пригодностью. И если она замѣтитъ у себя какіе-либо недочеты въ этомъ смыслѣ, она должна приложить всѣ старанія къ тому, чтобы устранить эти недочеты и совершенно выздровѣть.

Наши бабушки и прабабушки не находили ничего неудобнаго или непріятнаго въ томъ, чтобы произвести на свѣтъ и взростить дюжину и больше дѣтей. Въ наше время, когда борьба за существованіе стала значительно труднѣе, такая плодовитость налагаетъ тяжелую отвѣтственность. Женщина теперь гораздо меньше, чѣмъ прежде, приспособлена къ тому, чтобы проводить свою жизнь въ вѣчной беременности. — Да и сама природа часто противится этому; она рѣд-

ко допускаетъ возможность длиннаго ряда нормально протекающихъ беременностей; она прерываетъ этотъ рядъ выкидышами и преждевременными родами съ ихъ безконечно большимъ рискомъ, чѣмъ тотъ, съ которымъ связано своевременное разрѣшеніе отъ бремени. Одно лишь большое количество рожденій нельзя считать цѣннымъ также и съ точки зрѣнія хозяйственнаго благополучія народа. Много женщинъ, рожавшихъ отъ 18 до 20 разъ, въ результатѣ своей производительной дѣятельности, дарятъ человѣчество всего лишь однимъ или двумя здоровыми дѣтьми. Другія же дѣти или рождаются на свѣтъ мертвыми, или рано умираютъ, или вообще гибнутъ тѣмъ или инымъ путемъ и приносятъ матери только заботы и болѣзни.

Такая безцѣльная плодовитость дѣтей означаетъ лишь умаленіе правъ тѣхъ дѣтей, которыя выживаютъ. Мужчинамъ и женщинамъ слѣдовало бы сознавать ту отвѣтственность, которую они берутъ на себя, когда производятъ на свѣтъ много дѣтей въ ущербъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Женщина должна помнить, что вслѣдствіе частыхъ беременностей ея тѣло преждевременно блекнетъ, теряетъ силы и дѣлается мало пригоднымъ для производства здоровымъ зародышей.

Наполеонъ говорилъ, что онъ выше всего ставитъ ту женщину, которая произвела на свѣтъ дѣтей больше, чѣмъ всѣ другія женщины; мы думаемъ, что та женщина заслуживаетъ похвалы, которая изъ большинства своихъ дѣтей выростила здоровыхъ, работоспособныхъ людей.

Не маловажное значеніе для будущихъ поколѣній имѣетъ возрастъ матери. Въ общемъ самыя сильныя, крѣпкія и развитыя дѣти рождаются у женщинъ въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ женщины легче разрѣшаются отъ бремени и обладаютъ наибольшей способностью къ кормленію.—Въ интересахъ материнства мы должны настаивать на томъ, чтобы вступленіе въ половую жизнь женщинѣ не позволялось раньше, чѣмъ она вполнѣ не созрѣетъ для этого. Материнство 14—15-лѣтней дѣвушки варварски безнравственно и тяжело вымещается какъ на матери, такъ и на ребенкѣ. Плачевное зрѣлище являетъ случай, подобный недавно бывшему въ Вѣнѣ, когда 14-лѣтняя дѣвушка судится

за небрежное обращеніе съ своимъ ребенкомъ. Поэтому являются желательнымъ тѣ статьи закона, которыя охраняютъ половую жизнь дѣвушки отъ звѣрскихъ покушеній на нее, измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы находящійся подъ охраной закона возрастъ былъ возможно повышенъ, повышенъ до тѣхъ предѣловъ, когда первое материнство можетъ уже переноситься безъ тяжелыхъ послѣдствій для тѣла, души и, наконецъ, матеріальнаго состоянія женщины.

Если каждая беременность приноситъ женщинѣ страданія и заботы, то больше всего ихъ приноситъ первая беременность, которая непривычной еще къ такому положенію женщинѣ причиняетъ гораздо больше терзаній и тревогъ, чѣмъ любая послѣдующая беременность. Вслѣдствіе непривычнаго физическаго состоянія первая беременность порождаетъ своеобразное душевное состояніе, проявляющееся обыкновенно въ преувеличенной раздражительности и безпокойствѣ, а иногда и въ полномъ нарушеніи душевнаго равновѣсія. Часто фантазія беременной создаетъ ужасныя картины предстоящаго ей разрѣшенія отъ родовъ и повергаетъ ее въ такой страхъ, который граничитъ съ помѣшательствомъ. Словомъ, женщина переживаетъ такое время, когда ей больше всего нуженъ нѣжный и внимательный уходъ, лучше всего со стороны мужа или матери.

Это — послѣдній срокъ, который даетъ природа женщинѣ для того, чтобы серьезно подумать надъ предстоящимъ ей материнствомъ и приготовиться къ нему.

Дать развиться получившему жизнь зародышу, дать безпрепятственно созрѣть плоду въ утробѣ матери — вотъ въ чемъ заключается первая и самая существенная обязанность.

Существуетъ масса самыхъ разнообразныхъ правилъ и предписаній о томъ, какъ должна вести себя беременная женщина. На самомъ же дѣлѣ, здѣсь врядъ ли можно установить какія-либо точныя и одинаково для всѣхъ пригодныя правила. Самое главное правило должно быть: никакихъ рѣзкихъ отклоненій отъ прежняго образа жизни. Кто привыкъ къ физическому труду, долженъ цѣлесообразно продолжать его и во время беременности. Кто велъ сидячій образъ жизни, тотъ пусть не увлекается слишкомъ книжными совѣтами, предписывающими немедленно бро-

сить этотъ образъ жизни и по цѣлымъ часамъ гулять. Надо жить такъ, какъ того вообще требуетъ здоровье, гигіена, съ тѣми лишь исключеніями, которыя вызываются состояніемъ беременности. Особую осторожность слѣдуетъ соблюдать только въ первые мѣсяцы и въ самые послѣдніе дни беременности. Плаванія, ѣзды на велосипедѣ, спорта, путешествій, хоть все это нѣкоторыми женщинами и хорошо переносится, лучше, конечно избѣгать. И, напротивъ, особенно тщательно надо заботиться о содержаніи тѣла въ чистотѣ. Горячія ванны въ концѣ беременности составляютъ необходимую подготовку къ родамъ. Необходимо также регулярное физическое движеніе на свѣжемъ воздухѣ. Ношенія тѣсной одежды нужно избѣгать во всякомъ случаѣ. Корсетъ затрудняетъ дыханіе и мѣшаетъ дѣятельности брюшныхъ мускуловъ, которые имѣютъ огромное значеніе для родовъ. Всякая женщина, которая готовится стать матерью, должна съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ «таліи». И пока женщины не перестанутъ видѣть въ беременности только то, что уродуетъ ихъ и причиняетъ имъ мученія, — мы всегда будемъ лицезрѣть тѣ удивительные фасоны одежды, которые обыкновенно особенно бросаются въ глаза на женщинахъ, стремящихся замаскировать свое положеніе. Предохранять груди отъ обвислости можно такъ называемымъ поддерживателемъ грудей (Büsthalter'омъ). Тяжесть одежды не должна концентрироваться на бедрахъ и таліи, для чего слѣдуетъ пользоваться такъ называемымъ платьемъ «реформъ», которое спускается прямо съ плечъ. Круглыя подвязки, которыя носятъ надъ или подъ колѣномъ, должны быть совершенно изгнаны изъ употребленія. Это только усиливаетъ склонность къ образованію венозныхъ узловъ, каковая склонность и безъ того вызывается беременностью. Чтобы избѣжать слишкомъ сильнаго обвисанія живота, въ послѣдніе мѣсяцы беременности можно съ успѣхомъ пользоваться приспособленнымъ для этой цѣли набрюшникомъ. Этотъ же набрюшникъ, соотвѣтственнымъ образомъ передѣланный, родильница можетъ употреблять и послѣ.

Въ общемъ — гардеробу беременной незачѣмъ отличаться ни особой пышностью, ни излишней нарядностью. Довольно, если платья не будутъ ни слишкомъ тѣсны, ни слиш-

комъ коротки. Беременная женщина можетъ на это время оставить моду.

Что касается пищи для беременной, то здѣсь надо руководиться тѣмъ же принципомъ «какъ прежде». Большинство женщинъ во время беременности ѣдятъ больше обыкновеннаго; а нѣкоторыя, напротивъ, значительно меньше. И то и другое нисколько не опасно. Боязнь растолстѣть во время беременности совершенно напрасна, потому что во время родовъ женщины по большей части теряютъ все накопленное. Замѣчающаяся потомъ у женщинъ полнота пріобрѣтается обыкновенно во время кормленія; она является нормальнымъ слѣдствіемъ физіологическихъ процессовъ и при сооотвѣтствующей діэтѣ и гигіеническомъ уходѣ исчезаетъ послѣ отнятія ребенка отъ груди. Бояться, что слѣдствіемъ хорошаго питанія матери явится слишкомъ большой ребенокъ и затруднительные роды, нѣтъ никакихъ основаній. Нѣтъ ничего нелѣпѣе поэтому, какъ лѣчиться въ это время отъ ожиренія, полноты и т. п., потому что все это ослабляетъ женщину какъ разъ тогда, когда она больше всего нуждается въ силахъ. Такъ что тотъ, у кого есть аппетитъ, можетъ ѣсть совершенно спокойно и утѣшаться мыслью, что онъ ѣстъ за двоихъ. Ненормальнымъ прихотямъ беременныхъ, которыя наблюдаются, впрочемъ, не такъ уже часто, какъ это принято думать, по большей части надо уступать. Иногда хорошо переносится даже и тяжелая пища.

Часто большія нарушенія въ питаніи вызываютъ рвоту. Нѣкоторыя женщины послѣ рвоты могутъ опять ѣсть, у другихъ же вновь появляется рвота. Если извѣстныя кушанья не переносятся, можно въ теченіе цѣлаго ряда недѣль безо всякаго вреда примѣнять діэту (молоко, молочныя кушанья, яйца, ветчина и пр.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ достаточно полежать въ постели (по крайней мѣрѣ, въ часы утренней ѣды).

Между прочимъ твердая пища переносится легче, чѣмъ жидкая. Часто причиной рвоты по утрамъ служитъ чистка зубовъ; тогда ее надо перенести на другое время дня.

При тошнотѣ и позывахъ къ рвотѣ большое облегченіе доставляютъ мятныя лепешки. Къ коньяку и вину не слѣдуетъ совсѣмъ прибѣгать, чтобы не пріобрѣсти привычку

къ алкогольнымъ напиткамъ. Обычно проявляющіяся въ это время разстройства въ пищевареніи нужно устранять соотвѣтствующей діэтой. Если же это окажется безрезультатнымъ, то надо обратиться къ легкимъ слабительнымъ, какъ, напр., касторовое масло, карлсбадская вода и пр. На второмъ или третьемъ мѣсяцѣ беременности почти всегда чувствуются усиленные порывы къ мочеиспусканію; это довольно тягостно, но не требуетъ никакого вмѣшательства.

Съ набуханіемъ венъ (венозные узлы), а также и съ легкимъ опуханіемъ ногъ, появляющимися въ послѣдніе мѣсяцы беременности, можно бороться посредствомъ обертываній фланелевыми бинтами. Болѣе сильное и длительное опуханіе, какъ и длительное затрудненіе при мочеиспусканіи или даже появленіе крови и гноя въ мочѣ требуютъ спеціально изслѣдованія мочи.

Половыя сношенія во время беременности не противопоказуются; но въ первыя и послѣднія недѣли должно быть осторожнымъ. Совершенно недопустимы они лишь въ случаяхъ привычнаго аборта, когда слѣдуетъ соблюдать и другія, особыя предосторожности (лежаніе въ постели; избѣгать напряженій и волненій).

Простой народъ говоритъ, что беременная женщина заколдована отъ горестей и печалей. И намъ дѣйствительно часто приходится видѣть, что тяжелые удары судьбы переносятся беременными женщинами довольно хладнокровно. Можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ такое спокойное душевное состояніе женщины вызывается тѣмъ, что она вся поглощена заботами о будущемъ материнствѣ. Окружающіе должны стараться не нарушать этого состоянія беременной, потому что оно — лучшій залогъ счастливаго будущаго. Сама природа, повидимому, становится въ это время на защиту матери. Тяжелое состояніе беременности, нервность и раздражительность первыхъ мѣсяцевъ теперь исчезаютъ. Молодая мать начинаетъ чувствовать, что въ ней шевелится ребенокъ, и это пробуждаетъ въ ней теперь сознаніе личной связи съ неродившимся еще существомъ. Размѣры тѣла женщины увеличиваются, и это вынуждаетъ ее къ домашнему спокойному образу жизни. Сонъ, вначалѣ неспокойный, теперь становится крѣпкимъ и глубокимъ.

Безпокоитъ только одно: все возрастающій страхъ передъ родами. И здѣсь уже совершенно не слѣдуетъ допускать къ беременной глупыхъ бабокъ и мудрыхъ тетушекъ съ ихъ разсказами о тяжелыхъ родахъ. Не слѣдуетъ давать беременной и спеціальныхъ медицинскихъ книгъ, гдѣ значительное мѣсто отводится какъ разъ патологическимъ родамъ. Напротивъ, надо стараться дѣлать такой подборъ книгъ, чтобы всѣ мысли беременной направлялись на будущее, на время родовъ, кормленія, воспитанія младенца. Не малую пользу здѣсь можетъ оказать совѣтъ врача. Путемъ изслѣдованія врачъ можетъ почти точно предсказать теченіе родовъ; изслѣдованіемъ можно установить наличность возможности тяжелыхъ родовъ и предупредить или облегчить ихъ.

Каждая женщина во время первой беременности, даже и въ томъ случаѣ, если она чувствуетъ себя безукоризненно хорошо, должна посовѣтоваться съ врачомъ. Тогда она спокойнѣе будетъ смотрѣть впередъ. Во всѣхъ же случаяхъ, когда беременность переносится тяжело, обратиться къ врачу совершенно необходимо; потому что только врачъ можетъ установить, вызывается ли это тяжелое состояніе причинами физіологическими или же патологическими. Почти 150 лѣтъ тому назадъ императрица Марія Терезія среди множества очень цѣнныхъ совѣтовъ въ письмѣ къ своей дочери Маріи Антуанетѣ, во время беременности послѣдней, давала ей такой совѣтъ: «Не слушай, что болтаютъ старыя бабы, а положись на докторовъ».

Знахарство и суевѣріе должны быть совершенно изгнаны какъ изъ комнаты родильницы, такъ и потомъ изъ дѣтской.

Все, что касается матери и ребенка, можетъ и должно быть выяснено и изучено. Мистическимъ и таинственнымъ останется только могучій инстинктъ, который всегда былъ и будетъ—вѣчная, всепобѣждающая любовь матери.

ДУША И ТѢЛО РЕБЕНКА.

Красота ребенка.

Г. Фидуса (Груневальдъ).

Если я попытаюсь здѣсь сказать нѣсколько словъ о красотѣ дѣтскаго тѣла, не слѣдуетъ думать, что я намѣренъ приписать ее только ребенку и осмѣливаюсь говорить только о ней.

Развитые люди, даже часто съ тонкой душевной организаціей, держатся того мнѣнія, что съ зрѣлымъ возрастомъ и духовнымъ и умственнымъ ростомъ въ одинаковой степени должна пропорціонально уменьшаться физическая красота человѣка. Люди, напримѣръ, тѣмъ больше стѣсняются признаться въ своей симпатіи или даже влюбленности во внѣшнюю красоту, чѣмъ болѣе взрослаго человѣка это касается. И это не всегда дѣлается изъ лицемѣрія, а отчасти основано на обычаѣ нашей культуры пренебрегать тѣломъ и заботится и цѣнить только духъ, отчасти на внѣшней непривлекательности тѣла, которая явилась результатомъ этого пренебреженія къ нему. Получилось слѣдующее: средневѣковое міровоззрѣніе презирало тѣло, — поэтому оно было забыто и заброшено; тѣло было заброшено, — оно стало неэстетическимъ — понятіе, которое колеблется между чѣмъ-то неаппетитнымъ и грѣховнымъ. Естественно, что такое отношеніе къ «нечистотѣ» тѣла должно было уси-

ливаться съ возрастающей старостью и что рука объ руку съ такимъ отношеніемъ шла «нечистоплотность».

Мы не будемъ здѣсь спорить съ аскетическимъ міросозерцаніемъ, но считаемъ необходимымъ бороться за новый естественный взглядъ на жизнь, благодаря которому должна исчезнуть разрушительная борьба между тѣломъ и духомъ, душою и чувственнымъ міромъ.

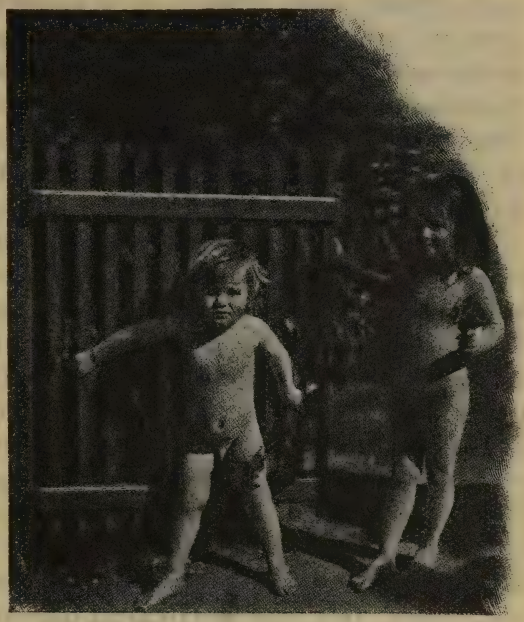
Чтобы достигнуть этого, намъ слѣдуетъ снова постепенно пріучить себя уважать и оберегать во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ его членахъ человѣческое тѣло, какъ видимый и осязаемый образъ и подобіе Божіе. Наше тѣло должно снова, — или, лучше сказать, наконецъ, — сдѣлаться самымъ совершеннымъ и чистымъ сосудомъ божественной природы и самымъ послушнымъ орудіемъ божественной воли.

Конечно уже одна мысль о цѣлесообразномъ уходѣ за тѣломъ покажется тяжелой человѣку настоящаго времени, привыкшему относиться къ нему отрицательно, и тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ старше будетъ его собственное тѣло и тѣло его близкихъ. Поэтому естественно, что мы можемъ стремиться къ тому лишь постепенно, и для того, чтобы снова находить радость въ своемъ тѣлѣ и развивать его, мы должны начать съ ребенка. Но не для того начать, чтобы прекратить такой образъ дѣйствій со вступленіемъ въ «опасный» или какой бы то ни было возрастъ, а, напротивъ, чтобы сознательно вести его далѣе, какъ самую благородную добродѣтель и обязанность даже и тогда, — и именно тогда, когда это должно казаться особенно труднымъ.

Я желалъ бы, чтобы на уходъ за дѣтскимъ тѣломъ смотрѣли не какъ на самодовлѣющую цѣль, но чтобы его уважали, прославляли и холили, какъ необходимое основаніе для развитія совершеннаго человѣка. Представленіе о божественности оказалось бы очень слабымъ, если бы ея подобіе видѣли лишь въ тѣлѣ и физической прелести ребенка, а на все болѣе зрѣлое смотрѣли только какъ на обязательно испорченное. Чистота и невинность оказались бы лишь очень слабаго свойства, если бы ихъ пришлось искать въ дѣтской нетронутости и дѣтскомъ незнаніи, и нужно было бы по возможности ревниво охранять въ старшемъ возрастѣ. Нѣтъ, истинная божественность, истинная

красота заключаются въ знаніи, а высшую невинность и чистоту составляетъ свободная отъ заблужденій воля, лишенная эгоистической боязни «нечистаго» прикосновенія.

Представляя лишь мостъ къ высшему идеалу, ребенокъ и его тѣло все же составляютъ вѣрнѣйшій способъ начать новое воспитаніе, ведущее къ возрожденію и болѣе сознательной жизни. Никому не слѣдуетъ поэтому пренебрегать не только заботой о тѣлѣ своего собственнаго ребенка, но наоборотъ, горячо стоять и за физическій уходъ за чужими дѣтьми. По крайней мѣрѣ, относительно дѣтей пора побороть ложную стыдливость, поскольку она проистекаетъ изъ ложной добродѣтели. Какъ трудно подвергнуть опасности «естественную стыдливость» дѣтей, блестящимъ образомъ показываютъ намъ «enfants terribles». Почти весь стыдъ, относящійся ко всему, что касается тѣла, прививается дѣтямъ воспитаніемъ и затѣмъ уже обращается у нихъ въ привычку, которую вообще принято называть «нравами» и даже «нравственностью». Эти общественные нравы и привычки, не представляя собою ни ясныхъ понятій ни инстинктовъ, совершенно различны у различныхъ народовъ и расъ и тѣмъ доказываютъ, что они совершенно не требуются природой. Есть народы, женщины которыхъ скорѣе согласятся обнажить свое тѣло, чѣмъ лицо, передъ посторонними людьми, и существуютъ племена, представители которыхъ ни за что въ мірѣ не позволятъ



Снимокъ съ Ганни Шварца. Берлинъ.

себѣ удовлетворять одну изъ важнѣйшихъ потребностей тѣла — голодъ! — въ присутствіи чужихъ людей.

Но чѣмъ рѣшительнѣе мы будемъ бороться противъ такихъ наружныхъ проявленій «нравственности», которыя являются совершенно лишними и только тормозятъ свободную жизнь, тѣмъ серьезнѣе обязаны мы вступиться за истинную природную стыдливость. Развѣ рѣшеніе въ этомъ случаѣ такъ трудно?

Тотъ, кто съ искренне хорошимъ чувствомъ и уваженіемъ къ святости личности подходитъ къ людямъ, а также и къ дѣтямъ, тотъ никогда не оскорбитъ естественной стыдливости, хотя бы говорилъ и поступалъ такъ, какъ еще не принято теперь. Въ жизни чувства такое искреннее уравновѣшенное «соціальное» поведеніе можно назвать тактомъ и красотой. Красота не представляетъ ничего матерьяльнаго, опредѣленнаго и всѣми признаннаго, она нѣчто колеблющееся, взаимное и измѣнчивое.

Если мы съ такимъ понятіемъ о «красотѣ» приступимъ къ тѣлу ребенка, мы почувствуемъ въ немъ сосудъ красоты и источникъ наслажденія для глаза, какимъ онъ, еще нетронутый, вступаетъ въ жизнь. Возьмемъ, напримѣръ, здороваго младенца, который такъ естественно приникъ къ груди матери и пьетъ до тѣхъ поръ, пока не откинется назадъ, засыпая: все его существо, весь его обликъ есть олицетвореніе инстинкта питанія и растительныхъ нуждъ; все въ немъ сосетъ, дышитъ, пульсируетъ и растетъ, мозгъ его работаетъ очевидно лишь въ томъ направленіи, которое для насъ стало уже непонятнымъ и таинственнымъ; онъ еще погруженъ въ сонъ, сознаетъ только тѣ склонности и отвращенія, которыя относятся къ физическимъ потребностямъ и дѣйствуютъ на чувства осязанія, обонянія и вкуса. Если мы это поймемъ, мы сумѣемъ заглянуть и глубже назадъ и раздѣлить вмѣстѣ съ матерью радость при видѣ краснаго какъ ракъ и кричащаго новорожденнаго ребенка. Можно ли найти большее чудо? Даже когда знаешь, какъ постепенно произошло это новое живое существо, самый фактъ, что оно явилось на свѣтъ Божій такимъ совершеннымъ и жизнеспособнымъ, всегда является какъ бы новымъ откровеніемъ.

А теперь взгляните на маленькихъ ползуновъ! Мимо нихъ

никто не пройдетъ, не залюбовавшись ими. Какъ ихъ болѣе сильные члены уже проявляютъ желаніе двигаться, какъ они бѣгаютъ ножками и стараются дѣйствовать, какъ лица ихъ уже выражаютъ удовольствіе и отвращеніе, еще не зная ни самоотреченія ни тяжести жизни! И въ этомъ случаѣ еще преобладаетъ только физическое развитіе и, надо сознаться, что настоящая красота начинается лишь съ душевной, а вмѣстѣ съ ней и половой диференціаціей. Только тогда, когда стройный мальчикъ бѣгаетъ и борется съ «врагами» или «друзьями», или когда болѣе нѣжная дѣвочка играетъ со своей куклой или въ «дядю», нашъ внутренній интересъ къ нимъ пробуждается все сильнѣе и сильнѣе. Разница между обоими полами сначала выражается больше въ движеніяхъ, чѣмъ въ формахъ тѣла. У обоихъ половъ нашихъ расъ до шестого и седьмого года члены одинаково округлы и стройны, бедра узки, грудь одинаково плоска, лица круглы и пухлы, а волосы доходятъ приблизительно до плечъ. Конечно мы подразумѣваемъ, по возможности, естественно воспитанныхъ и не по модѣ подстриженныхъ дѣтей. Во всѣхъ наружныхъ линіяхъ едва можно уловить какую-либо половую разницу. Кожа тоже, въ сущности, совершенно одинаковая, бархатистая, вся покрытая пушкомъ и золотисто-ананасоваго цвѣта, — собственно «бѣлой» расы въ природѣ не существуетъ, она происходитъ только вслѣдствіе платья и сидѣнья въ комнатахъ. Красной можно скорѣе назвать арійскую расу, потому что пурпуровыя щеки встрѣчаются исключительно у нея; очевидно онѣ служатъ отраженіемъ духовныхъ силъ въ этой наиболѣе молодой человѣческой разновидности.

Съ годами формы дѣтскаго тѣла начинаютъ разниться: мальчикъ становится худощавымъ и костистымъ въ ожиданіи развитія будущихъ мускуловъ; движенія его дѣлаются неловкими, потому что соотвѣтствующая имъ мускульная сила еще отсутствуетъ, руки и ноги несоразмѣрно длинны. Онъ предпочитаетъ всему остальному развитіе своего разума въ области ли знанія, или остроумія, или сознанія своей силы. Онъ охотно тогда отвергаетъ всякія душевныя чувства, или они еще совсѣмъ въ немъ не проснулись. Онъ знаетъ лишь «дѣло». Онъ презираетъ дѣвочку, которая, хотя и не отстаетъ отъ него въ ростѣ, но кажется ему пустой и

глупой; потому что она теперь больше обращаетъ вниманія на свою внѣшность и свои манеры и все больше и больше предается чувствамъ, какого бы рода они ни были; она еще играетъ въ куклы, но и онѣ должны быть красивы. Тѣло дѣвочки медленно развивается въ формы женщины, тазъ дѣлается шире, а грудь постепенно наполняется. Но все это происходитъ такъ нѣжно и незамѣтно, что едва возбуждаетъ сознаніе цѣли и почти не заставляетъ спрашивать о ней. Дѣвочка тоже въ этомъ возрастѣ старается выказаться передъ своими подругами, но еще не обращаетъ вниманія на «надменныхъ» мальчишекъ, разыгрываетъ мать относительно младшихъ сестеръ и братьевъ, упражняется въ болтовнѣ и вообще производитъ забавное впечатлѣніе. И мальчикъ и дѣвочка именно тогда безсознательно сильно готовятся каждый къ своему дѣлу, и пріятно смотрѣть, какъ во всѣхъ ихъ членахъ выражается подготовка, и различіе пола, и жизнерадостная сила.

Снимокъ съ Ганни Шварца. Берлинъ.

Вопросъ о красотѣ «опаснаго» возраста не входитъ въ рамки этой статьи, и немногіе поблагодарили бы меня за него. Потому что эстетичный или, вѣрнѣе сказать, естественный взглядъ на воспитаніе встрѣчаетъ столько препятствій въ мнѣніяхъ и возможности его осуществленія, что едва ли приходится говорить о самой красотѣ, и можно лишь сказать нѣсколько словъ о правахъ и обязанностяхъ, относящихся къ ней.

Только уваженіе къ природѣ, въ которой осуществляется высшая воля, подготовляетъ человѣка къ благородному дѣлу воспитанія, и только воспитаніе въ духѣ сознательной естественности ведетъ человѣка къ истинной красотѣ.

Тѣло ребенка и его развитіе.

Проф. Шмидта (Боннъ).

Слѣдить за тѣмъ, какъ человѣкъ, появившійся на свѣтъ безпомощнымъ существомъ, развивается и растетъ; какъ онъ учится стать на ноги; какъ затѣмъ вступаетъ въ золотой періодъ дѣтства; какіе успѣхи онъ дѣлаетъ, вступивъ въ возрастъ мальчика или дѣвочки и, наконецъ, достигаетъ полнаго расцвѣта какъ юноша или дѣвушка, — составляетъ одну изъ самыхъ дивныхъ задачъ науки о человѣкѣ. Когда мы взглянемъ, напримѣръ, на измѣненіе внѣшнихъ формъ дѣтскаго тѣла, то увидимъ, что ростъ ихъ совершается неравномѣрно. Отдѣльные части и органы дѣтскаго тѣла увеличиваются неодинаково и не въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ. Ребенокъ далеко не представляетъ взрослаго человѣка лишь въ умственномъ видѣ; условія строенія его тѣла совершенно различны съ таковыми же вполнѣ взрослаго человѣка.

У новорожденнаго ребенка прежде всего бросаются въ глаза большая голова и туловище, между тѣмъ какъ конечности, особенно нижнія, представляютъ только мало развитые привѣски туловища. Длина головы содержится во всей длинѣ тѣла только четыре раза, длина туловища три раза, руки и ноги короче туловища. Для формы головы характерна преобладающая величина черепа, высота котораго, считая отъ темени до корней зубовъ, относится къ высотѣ остальной части лица какъ 7 : 5.

Послѣднее измѣреніе у взрослыхъ совершенно измѣняется. Прежде всего совершенно измѣняется отношеніе длины волосъ къ длинѣ всего тѣла; у взрослаго она содержится въ длинѣ тѣла $7^1/_2$ или 8 разъ. Далѣе, длина руки

Сказка жизни Карла Дифенбаха. „Per aspera ad astra".

(отъ плеча до концовъ пальцевъ) превышаетъ длину туловища приблизительно на 25%, а длина ноги приблизительно на 34%. Слѣдовательно у взрослаго голова относительно маленькая, а остальные члены относительно длинные.

Въ общемъ ростъ продолжается въ длину, начиная съ младенческаго возраста до полной зрѣлости такъ, что приблизительно увеличиваются:

голова	въ	2 раза.
туловище	»	3 »
рука	»	4 »
нога	»	5 »
вся фигура	»	$3^3/_4$ »

Общее развитіе ребенка можно безъ труда раздѣлить на опредѣленные отдѣлы или періоды роста, изъ которыхъ каждый отличается типическими анатомическими или физіологическими явленіями. Прежде всего мы отмѣчаемъ возрастъ грудного младенца, обнимающій первый годъ жизни. Образованіе молочныхъ зубовъ, усвоеніе умѣнья стоять и ходить, первые опыты рѣчи, — составляютъ переходное явленіе отъ возраста грудного младенца къ дѣтскому возрасту (2—8 лѣтъ), — періоду молочныхъ зу-

Изъ группы танцующихъ, исполненной Фидусомъ въ 1889 году.

бовъ. Перемѣна зубовъ — назовемъ здѣсь лишь этотъ наружный признакъ — обозначаетъ переходъ въ возрастъ «мальчика» и «дѣвочки» (jeunesse у французовъ, 8—15 лѣтъ). Наконецъ начинающаяся половая зрѣлость, сильный ростъ кадыка (переломъ голоса у мальчиковъ) вмѣстѣ съ несоразмѣрнымъ увеличеніемъ легкихъ и въ особенности сердца,— служатъ опредѣленными признаками періода развитости или зрѣлости.

Какъ въ дѣтскомъ, такъ и въ мальчишескомъ возрастѣ часто наблюдаютъ временное замедленіе, а затѣмъ, напротивъ, такое же ускореніе роста. Первое обозначаютъ «наполненіемъ», а второе «вытягиваніемъ». При «наполненіи» замѣчается больше прибавленіе въ вѣсѣ, а при «вытягиваніи» въ ростѣ. Сообразно съ этимъ дѣтскій возрастъ дѣлятъ на періодъ «перваго наполненія», приблизительно отъ 2—4 лѣтъ, и на періодъ «перваго вытягиванія», отъ 5—7 лѣтъ. Затѣмъ въ мальчишескомъ и дѣвичьемъ возрастѣ слѣдуетъ періодъ «второго наполненія» (8—10 лѣтъ) и «второго вытягиванія» при ускоренномъ ростѣ (11—14 лѣтъ). Ростъ въ этотъ періодъ яснѣе выражается у дѣвочекъ, которыя вообще уступаютъ въ немъ мальчикамъ, но въ означенное время перегоняютъ ихъ. На 15 году мальчики въ этомъ отношеніи снова опережаютъ дѣвочекъ. Такъ какъ ростъ женщинъ заканчивается раньше, чѣмъ мужчинъ, а именно въ 17 и

не позднѣе 20 лѣтъ, между тѣмъ какъ мужчина растетъ и послѣ 20 лѣтъ, то мужчина нормальнаго роста въ общемъ бываетъ на 10 сантиметровъ выше въ ростѣ женщины.

Постепенное измѣненіе величинныхъ отношеній тѣла даетъ относительно головы приблизительно слѣдующія цыфры:

	У грудного младенца длину тѣла сост.	4	головы
Въ дѣтск. возрастѣ	первую полноту „ „ „	$4^1/_2$—$5^1/_2$	„
	первое вытягиванье „ „ „	6	„
Въ мальчиш. возр.	вторую полноту „ „ „	$6^1/_2$	„
	второе вытягиванье „ „ „	7—$7^1/_2$	„
	У стройно сложен. взросл. „ „	$7^1/_2$—8	„

Измѣненія въ соразмѣрной длинѣ конечностей будутъ отмѣчены дальше при описаніи отдѣльныхъ ступеней роста.

Возрастъ грудного младенца.

Новорожденный обладаетъ лишь самыми элементарными задатками самостоятельной душевной жизни: неопредѣленныя ощущенія пріятнаго и непріятнаго, особенно же потребность питанія и боль,—вотъ все, что онъ можетъ выразить, чтобы потребовать помощи отъ заботливой матери. Цѣлый рядъ стройныхъ рефлективныхъ движеній ребенокъ приноситъ съ собой на свѣтъ, какъ унаслѣдованное богатство. Дыханіе начинается съ первыхъ минутъ освобожденія изъ чрева матери. Движеніе сосанія появляется само собой, какъ только ребенокъ приложится къ груди матери или вложатъ ему въ ротъ предметъ соотвѣтствующей формы (резиновую соску, бутылочку съ молокомъ); ощущеніе вкуса уже настолько развито, что сладкая пища принимается съ удовольствіемъ, а горькая и кислая отвергается со всѣми признаками неудовольствія; раздраженіе слизистой оболочки носа или зѣва вызываетъ чиханье или кашель и т. д. Все это цѣлесообразные рефлексы, соотвѣтствующіе извѣстнымъ жизненнымъ потребностямъ, и важны или, лучше сказать, необходимы для сохраненія юной жизни. А какъ нѣжна эта юная жизнь! Бюффонъ называетъ новорожденное существо слабѣйшимъ изъ всѣхъ созданій. Ни въ одномъ періодѣ роста не встрѣчаются такія частыя заболѣванія и не велика такъ смертность, какъ въ возрастѣ грудныхъ дѣтей.

Въ первыя недѣли жизни постепенно пробуждаются болѣе тонкія чувства, появляются и зрительныя и слуховыя впечатлѣнія, которыя развиваются съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Предвѣстникомъ рѣчи являются такъ называемые начальные звуки. Какъ пискъ и крикъ выражаютъ жалобу на безпокойство и боль, такъ покой и радость выражаются особенными пѣвучими и визгливыми звуками. Только въ концѣ грудного періода настолько развивается влеченіе къ подражанію, что ребенокъ повторяетъ часто слышанныя нетрудныя слова (ма-ма, ба-ба, ат-та, вау-вау и т. п.), но сначала безъ всякой связи съ тѣмъ предметомъ, который они обозначаютъ.

Тогда же ребенокъ начинаетъ пріучаться къ цѣлесообразнымъ, упорядоченнымъ и произвольнымъ движеніямъ: напримѣръ ребенокъ начинаетъ хватать предметъ, который ему протягиваютъ, сначала неувѣренно размахивая ручонками, а потомъ все опредѣленнѣе давая имъ желаемое направленіе. Такимъ образомъ, благодаря постоянному упражненію, развивается цѣлый рядъ основныхъ движеній и проявленій воли, къ которымъ ребенокъ уже вполнѣ привыкаетъ.

Но на первый планъ у грудного младенца выступаютъ растительныя функціи: питаніе, пищевареніе и ростъ. Ни въ какомъ періодѣ дѣтское тѣло не проявляетъ такой энергіи роста. Средній ростъ хорошо развитого новорожденнаго младенца въ 3500 граммъ черезъ 24 недѣли уже удваивается. Въ концѣ перваго года тѣло въ $2^3/_4$ раза тяжелѣе, чѣмъ въ первый день. Этотъ необыкновенный ростъ, не считая замедленія его въ первые дни непосредственно послѣ рожденія, особенно сильно проявляется въ продолженіе перваго мѣсяца, когда тѣло увеличивается на $^1/_7$ первоначальнаго вѣса. Съ этого же времени онъ замедляется, и на 12-мъ мѣсяцѣ прибавка въ вѣсѣ достигаетъ лишь $^1/_{33}$. Длина тѣла въ 50 сантим. въ первый годъ жизни, увеличивается на 75 сантим. Слѣдовательно, оно становится въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ было при рожденіи.

Такое преобладаніе пищеваренія и нарастанія тѣла наружно выражается тѣмъ, что при непропорціональной и безъ того величинѣ туловища грудная область сильно

уменьшается и впадаетъ, а область живота очень расширяется и выпячивается. При этомъ подъ кожей, если питаніе ребенка идетъ хорошо, образуется значительный слой жира. Члены округлы и едва обрисовываютъ лежащіе подъ подкожнымъ слоемъ жира мускулы, кромѣ ясно выраженной мясистой части икры. При соединеніи руки съ кистью вокругъ сустава образуется глубокая морщина. То же самое мы видимъ и вокругъ сустава ступни, но не такъ сильно, какъ на рукѣ. Характерная для грудного младенца плоская морщина, которая идетъ поперекъ верхняго бедра, немного повыше его середины, позднѣе исчезаетъ. На ручкахъ и ножкахъ пальцы растопырены. Ихъ разнообразное движеніе, особенно странное на ногахъ, представляетъ прелестную картину. Нога грудного младенца еще не искажена, и пальцы ея еще не сжаты нецѣлесообразной обувью: острымъ на концѣ, воронкообразнымъ чулкомъ и твердымъ башмакомъ.

Такъ характеризуется возрастъ грудного младенца по пропорціямъ и формамъ тѣла. Прибавимъ еще, что извѣстныя изображенія младенцевъ въ искусствѣ большей частью не соотвѣтствуютъ возрасту грудныхъ младенцевъ, а скорѣе 2- и 3-хлѣтнему возрасту, что совершенно вѣрно, если дѣти изображены идущими или бѣгающими. Но и тамъ, гдѣ дѣло должно итти о грудныхъ младенцахъ, напримѣръ, о младенцѣ Іисусѣ, Котораго несетъ или кормитъ грудью Мадонна, художники большею частью изображаютъ такого ребенка, которому по его формамъ не можетъ быть менѣе 2 лѣтъ.

Дѣтскій возрастъ.

(2—7 лѣтъ).

Къ концу грудного возраста начинаютъ уже въ опредѣленномъ порядкѣ прорѣзываться молочные зубы, такъ что послѣ 12 мѣсяца налицо уже оказываются всѣ восемь переднихъ зубовъ, за которыми до конца второго года слѣдуютъ четыре переднихъ коренныхъ зуба, четыре глазныхъ зуба и, наконецъ, четыре заднихъ коренныхъ зуба. Въ это время ребенокъ давно уже отвыкъ отъ груди матери и можетъ разжевывать и переваривать болѣе твердую пищу.

Это развитіе первыхъ зубовъ сопровождается соотвѣтственнымъ измѣненіемъ формы лица. Лицо пріобрѣтаетъ уже въ бо́льшей мѣрѣ индивидуальный оттѣнокъ. Черепъ уже не такъ великъ, какъ у грудного младенца. Если высота черепа относилась у послѣдняго къ остальной части лица какъ 7:5, то у $4^1/_2$—5-лѣтняго ребенка обѣ высоты одинаковы.

Въ лицѣ ребенка заключается необыкновенная прелесть. Этому прежде всего способствуетъ свѣжая и въ то же время нѣжная окраска кожи лица. Но въ особенности дѣтское личико прелестно своими большими и блестящими глазами. Глазъ растетъ меньше всѣхъ остальныхъ частей тѣла. Къ концу седьмого года онъ почти достигаетъ своей окончательной величины. И какой блескъ мы видимъ въ дѣтскихъ глазахъ! Какъ всѣ ткани ребенка тоньше и нѣжнѣе, потому что онѣ моложе, такъ и бѣлокъ дѣтскаго глаза чище и переливается перламутромъ, а окраска радужной оболочки яснѣе и блестящѣе. Глазъ ребенка больше на выкатѣ, онъ еще мало углубленъ и почти не оттѣняется бровями. Такъ какъ дѣятельность слезныхъ железъ, особенно живая у дѣтей, постоянно увлажняетъ глазное яблоко ребенка, то глаза его, отражая солнечные лучи, особенно ярко блестятъ. Прибавимъ къ этому живую мимику лица! Притворство еще чуждо ребенку. Его личико въ этомъ періодѣ является чистымъ и непосредственнымъ зеркаломъ души, безыскусственно отражающимъ всѣ его ощущенія.

Исключая прически, мы не найдемъ въ выраженіи лица въ дѣтскомъ возрастѣ никакихъ явныхъ отличительныхъ признаковъ пола. Кудрявая головка годового мальчика могла бы успѣшно помѣститься на туловищѣ дѣвочки. Въ скелетѣ и внѣшнихъ формахъ тѣла разница тоже еще едва выражена. Построеніе членовъ въ дѣтскомъ возрастѣ представляетъ громадную разницу съ формой тѣла грудного младенца. Мы уже говорили, что высота головы содержится въ длинѣ тѣла грудного младенца лишь 4 раза, между тѣмъ какъ у 8-лѣтняго ребенка она содержится уже 6 разъ. Слѣдовательно фигура становится существенно стройнѣе; это относится болѣе къ сильному росту въ дѣтскомъ возрастѣ конечностей. У грудного ребенка длина туловища превосходила и верхнія и нижнія конечности. Между 3-мъ

и 6-мъ годомъ рука вмѣстѣ съ кистью и вся нога уже достигаютъ длины туловища. Дальше скорѣе растутъ ноги и существенно превосходятъ въ этомъ отношеніи длину рукъ и еще болѣе длину туловища. Постоянная работа всѣми членами тѣла во время игръ, бѣганья, прыганья и т. д. очень содѣйствуетъ сильному, естественному въ это время росту конечностей ребенка.

Ребенокъ пріобрѣтаетъ способность стоять прямо въ началѣ дѣтскаго возраста, повинуясь живому влеченію; упражняясь въ этомъ все больше и больше, онъ становится все сильнѣе и увѣреннѣе. Относительно наружной формы тѣла эта привычка имѣетъ еще другія послѣдствія, а именно сформированіе спинного хребта съ его естественными изгибами. У грудного ребенка спинной хребетъ совсѣмъ прямой, спина совсѣмъ плоская. Только во время сидѣнья спинной хребетъ сгибается въ области груди и образуетъ выпуклость сзади. Если мускулы затылка ребенка настолько окрѣпли, что онъ можетъ поднять свою тяжелую голову, чтобы свободно осмотрѣться вокругъ себя, то шейные позвонки должны изогнуться и образовать выпуклость спереди. Съ той минуты, какъ ребенокъ въ первый разъ самостоятельно станетъ на ноги, для поддержки центра тяжести его тѣла, требуется, чтобы тазъ его наклонился, а поясничные позвонки подались впередъ. Эти естественные изгибы спинного хребта въ дѣтскомъ возрастѣ сейчасъ же исчезаютъ, какъ только ребенокъ ложится. Но позднѣе, приблизительно съ 7-го года, они остаются навсегда и не выпрямляются даже при лежаніи на спинѣ.

Къ появленію молочныхъ зубовъ и къ привычкѣ выпрямлять свое тѣло присоединяется еще въ дѣтскомъ возрастѣ изученіе членораздѣльной рѣчи. Мы видимъ, что стремленіе говорить пробуждается у ребенка уже въ концѣ возраста грудного младенца. Оно выражается тѣмъ, что ребенокъ начинаетъ лепетать часто повторяемыя передъ нимъ слова. Но затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшіе рѣшительные шаги: ребенокъ научается этими словами обозначать людей и вещи, которые его окружаютъ. Каждый день увеличиваетъ сокровищницу его рѣчи. Желаніе говорить, жажда дѣлиться съ другими сильно способствуютъ развитію его способностей ясно передавать заученныя слова. Чтобы го-

ворить ясно и членораздѣльно, приходится овладѣть многочисленными мускулами и упорядочить ихъ общую работу, напр., мускулами дыханья, потому что разговоръ требуетъ другого дыханія, чѣмъ обыкновенно, мускулами кадыка и, наконецъ, языка, неба и губъ. Поэтому неудивительно, что правильное произношеніе стоитъ ребенку немало труда; въ особенности нѣкоторыя согласныя долго не даются ему. Иногда неправильно произносится с, иногда не удаются ф или в или р и к и т. д. При этомъ словоохотливый ребенокъ или замѣняетъ другими тѣ звуки, которыхъ еще не можетъ произнести, напр. к онъ замѣняетъ т, л — н, ф — п и т. д. или совсѣмъ ихъ выпускаетъ. Такимъ образомъ происходитъ иногда до неузнаваемости искаженный языкъ. Языкъ этотъ тѣмъ болѣе непонятенъ, что ребенокъ часто самъ изобрѣтаетъ названія для предметовъ, которыми онъ занимается, придумываетъ совсѣмъ новыя слова, которыя впослѣдствіи сами собой исчезаютъ. Но не всегда исчезаютъ неправильности въ произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ. Въ этомъ отношеніи часто грѣшатъ окружающіе ребенка, а въ особенности мать, которая, находя такія искаженныя слова «прелестными», старается говорить съ ребенкомъ его языкомъ, вмѣсто того, чтобы постоянно поправлять его произношеніе. Поэтому дѣти часто являются въ школу еще съ такимъ искаженнымъ произношеніемъ. Оно такъ входитъ въ привычку, что, напр., сюсюканье или пришепетыванье сохраняется до самаго поздняго возраста.

Дѣтскій возрастъ въ періодъ «первой полноты», слѣдовательно, отъ 2 до 4 лѣтъ носитъ на себѣ, въ смыслѣ формы и гармоніи тѣла, самый чистый и прелестный дѣтскій отпечатокъ. Поэтому этотъ возрастъ особенно любимъ скульпторами, изображающими дѣтей этого возраста въ видѣ ангеловъ, амуровъ и т. д. Члены все еще не лишились своей неопредѣленной округлости, какую мы видимъ въ концѣ возраста грудного младенца, но въ закругленіи плеча уже нѣжно вырисовывается дельтовидный мускулъ, на груди большой грудной мускулъ, а на ногѣ икра. Концы суставовъ, а именно колѣни, уже не такъ вздуты, какъ у грудного младенца. Ноги еще несоразмѣрно длинны, голова слишкомъ велика, но спинной хребетъ вслѣдствіе прі-

обрѣтенной способности стоять и ходить, уже имѣетъ свои естественные изгибы. Область поясницы особенно вогнута, вслѣдствіе чего сѣдалище сильно выступаетъ.

Такія фигуры съ невыразимой прелестью воспроизводитъ Рафаэль, а изъ временъ древности намъ досталось великолѣпное и вѣрное изображеніе 3-лѣтняго ребенка въ извѣстной группѣ мальчика съ гусемъ.

Возрастъ «мальчика» и «дѣвочки».

(отъ 8 до 15 лѣтъ).

Переходъ изъ дѣтскаго въ возрастъ мальчика или дѣвочки обозначается перемѣной зубовъ, т.-е. замѣной молочныхъ постоянными. На это развитіе требуется рядъ годовъ. Начало его совпадаетъ уже съ концомъ дѣтскаго возраста, такъ какъ на 6-мъ и 7-мъ году уже начинаютъ прорѣзываться первые четыре большихъ коренныхъ зуба. Послѣднее прорѣзыванье зубовъ въ этомъ періодѣ совершается на 12-мъ—14-мъ году, когда появляются четыре вторыхъ коренныхъ зуба. Послѣдніе четыре большихъ коренныхъ зуба (зубы мудрости), какъ извѣстно, появляются только у взрослыхъ, на 20-мъ — 30-мъ году, а иногда и позднѣе. При перемѣнѣ зубовъ дѣло идетъ не только о замѣнѣ (20) молочныхъ зубовъ, но и объ увеличеніи числа зубовъ, къ которымъ прежде всего прибавляются восемь большихъ коренныхъ зубовъ. Такое увеличеніе числа зубовъ влечетъ за собой соотвѣтствующее увеличеніе верхней и нижней челюсти. Вмѣстѣ съ этимъ замѣтно мѣняется форма лица, т.-е. устанавливается другое отношеніе между личной и черепной частью головы. Лицо удлиняется; такъ какъ мозговая часть черепа растетъ медленнѣе, чѣмъ лицо, то черепъ кажется меньше, а глаза выше, чѣмъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ то же время черты лица дѣлаются опредѣленнѣе, круглый ротикъ вытягивается въ ширину, пухлыя щечки ребенка исчезаютъ и уже болѣе плоско переходятъ въ подбородокъ и область рта.

Ростъ скелета продолжается въ томъ направленіи, въ какомъ онъ началъ развиваться съ конца дѣтскаго возраста. Особенно задерживается относительно болѣе сильный

ростъ рукъ и ногъ. Такимъ образомъ длина тѣла въ 12 — 15 лѣтнемъ возрастѣ содержитъ отъ 7 до $7^1/_2$ разъ высоту головы. Но и ростъ въ ширину въ это время также проявляется сильнѣе, съ той только разницей, что у мальчиковъ увеличивается ширина плечъ, а у дѣвочекъ ширина бедеръ.

Укрѣпленіе скелета идетъ рука объ руку съ усиленнымъ ростомъ мускулатуры. Ни одна составная часть тѣла не растетъ такъ энергично, какъ мускульная ткань. Между тѣмъ какъ вѣсъ всего тѣла отъ рожденія до полнаго развитія увеличивается въ 19 разъ, мускулатура увеличивается въ 48 разъ (по крайней мѣрѣ у мужчины). Въ мальчишескомъ возрастѣ особенно замѣтенъ ростъ мускулатуры одновременно съ расширеніемъ плечъ и бедеръ. Соотвѣтственно съ этимъ въ этомъ возрастѣ усиливается не только желаніе, но и способность къ сильному и разнообразному мускульному движенію. Рядомъ съ опытомъ, пріобрѣтеннымъ въ этой области, существуютъ также заботливо произведенныя измѣренія, которыя всѣ доказываютъ, что въ особенности во второй половинѣ мальчишескаго возраста во время «второго вытягиванья» (отъ 11 — 14 лѣтъ) годовой ростъ мускульной силы, идя параллельно съ соотвѣтствующимъ ростомъ мускулатуры — несоразмѣрно больше, чѣмъ былъ вначалѣ.

Въ мальчишескомъ или дѣвическомъ возрастѣ впервые яснѣе выступаетъ въ строеніи тѣла цѣлый рядъ половыхъ различій. Они идутъ параллельно съ все возрастающимъ отдѣленіемъ другъ отъ друга двухъ половъ, чему много способствуетъ воспитаніе и что проявляется во всемъ духовномъ направленіи, въ любимыхъ занятіяхъ, рукодѣльяхъ, работахъ и т. д.

У дѣвочекъ прежде всего лицо приближается, несомнѣнно, къ женскому типу. Оно дѣлается короче, шире и округленнѣе. Нижняя челюсть у дѣвочекъ развита не такъ сильно; уголъ нижней челюсти тупѣе и потому линія между челюстью и шеей мягче. Лобъ болѣе покатъ, но зато макушка болѣе плоска. Всегда ли затылокъ дѣвочекъ больше выступаетъ сзади — остается нерѣшеннымъ.

На 7-мъ году тазъ дѣвочекъ начинаетъ расширяться и понижаться. Этимъ начинается развитіе, которое, завершив-

шись, придаетъ развитому женскому тазу самыя типичныя половыя особенности. Это развитіе таза въ ширину внѣшнимъ образомъ еще сильнѣе выражается потому, что у дѣвочекъ въ области бедеръ, сѣдалища и ляжекъ нарастаетъ болѣе толстый слой жира, чѣмъ у мальчиковъ. Между тѣмъ какъ крѣпкое сѣдалище мальчиковъ рѣзко обрисовано и болѣе угловато отдѣляется отъ ляжекъ, у дѣвочекъ оно полнѣе, округлѣе и постепенно переходитъ въ заднія плоскости ляжекъ. Икры дѣвочекъ тоже мягче, толще и округлѣе.

Грудная область дѣвочекъ уже и менѣе плоская, у мальчиковъ же она шире и болѣе плоска. На 12 — 13 году у дѣвочекъ медленно начинаютъ наливаться груди.

Кожа дѣвочекъ нѣжнѣе и прозрачнѣе кожи мальчиковъ; мускулы менѣе развиты и слабѣе. Такъ какъ у женскаго пола мускулы сильнѣе покрыты соединительной тканью, пропитанной нѣжнымъ жиромъ, то даже при сильномъ развитіи мускуловъ они не такъ ясно выступаютъ на поверхности тѣла, какъ у мальчиковъ и юношей. Всѣ переходы во внѣшнихъ формахъ тѣла у дѣвочекъ мягче, всѣ рѣзкости и узловатости сглажены. Въ этой мягкости формъ и линій лежитъ главнымъ образомъ особенная прелесть строенія женскаго тѣла.

Не слѣдуетъ забывать, что такъ называемыя половыя особенности, напримѣръ, слабость мускуловъ, относительно короткія нижнія конечности, болѣе выступающая область живота и т. п. отчасти составляютъ послѣдствія неправильнаго, изнѣженнаго воспитанія дѣвочекъ, къ которому присоединяется еще противоестественная одежда.

О болѣе сильномъ ростѣ дѣвочекъ во время «второго вытягиванья», когда на 11-мъ году и до 14-го дѣвочки въ среднемъ превышаютъ мальчиковъ и въ длинѣ и вѣсѣ тѣла, мы уже говорили.

Изъ этого видно, что зрѣлость у дѣвочекъ наступаетъ раньше, чѣмъ у мальчиковъ.

Болѣе быстрое развитіе дѣвочекъ проявляется и другимъ путемъ и начинается уже при переходѣ изъ дѣтскаго возраста въ мальчишескій или дѣвическій возрастъ. Мальчикъ не только дольше сохраняетъ въ формахъ своего тѣла дѣтскій типъ, но онъ дольше чувствуетъ себя ребенкомъ

во всѣхъ своихъ наклонностяхъ и влеченіяхъ. Напротивъ, даже у 7—9-лѣтнихъ дѣвочекъ зачастую замѣчается уменьшеніе дѣтскаго влеченія къ игрѣ и удовольствія отъ нея. Маленькія дѣвочки очень охотно разыгрываютъ взрослыхъ; съ особенной гордостью и усердіемъ берутъ онѣ на себя мелкія обязанности по хозяйству, придавая имъ особую важность; особенно онѣ любятъ заботливо ухаживать за младшими братьями и сестрами, которыхъ помогаютъ воспитывать.

Соотвѣтственно съ этимъ развитіе дѣвочекъ заканчивается раньше. Молоденькая дѣвушка-подростокъ уже во всѣхъ отношеніяхъ чувствуетъ себя взрослой дѣвицей, въ то время какъ ея ровесникъ-юноша во всемъ своемъ существѣ и манерахъ проявляетъ еще всю незаконченность, незрѣлость и неловкость, которыя отличаютъ такъ называемый «переходный возрастъ».

Въ наши планы не входитъ болѣе подробный обзоръ времени законченной зрѣлости. Оно переходитъ границы дѣтства.

Вліянія задерживающія физическое развитіе и благопріятствующія ему.

Въ предыдущей главѣ мы пытались изобразить ходъ физическаго развитія въ дѣтскомъ возрастѣ по его различнымъ ступенямъ. Мы видѣли, что ростъ ребенка въ общемъ совершается опредѣленнымъ путемъ, т.-е. совершенно планомѣрно. Направленіе роста дается ребенку уже при рожденіи, какъ наслѣдственный даръ.

Для совершеннаго и здороваго роста, конечно, необходимо правильное питаніе. Необходимыя для роста вещества должны доставляться тѣлу въ достаточномъ количествѣ и въ такомъ видѣ, который благопріятствовалъ бы ихъ усвоенію, какъ пищеварительными органами, такъ и тканями организма. Однообразную пищу переноситъ только грудной младенецъ. Въ болѣе позднемъ возрастѣ аппетитъ существенно зависитъ отъ разнообразія пищи. При этомъ теперь къ дѣятельности пищеварительныхъ органовъ предъявляются существенно большія требованія: твердая

пища должна быть заботливо размельчена зубами и увлажена слюной слюнныхъ железъ рта; железы желудка и кишечника должны выдѣлять достаточное количество пищеварительныхъ соковъ, чтобы превратить принятый питательный матеріалъ въ ту форму, которая пригодна для поддержанія жизненныхъ процессовъ. Поэтому цѣлесообразное питаніе совсѣмъ не требуетъ такого приготовленія пищи, которое не давало бы работы пищеварительнымъ органамъ. Напротивъ, оно должно заставлять ихъ сильно работать и постоянно упражняться и такимъ образомъ увеличивать ихъ развитіе и работоспособность.

То, что относится къ питанію, относится также и къ другимъ мѣропріятіямъ правильнаго ухода за дѣтьми. Такъ, напримѣръ, при уходѣ за кожей не слѣдуетъ уменьшать естественныхъ вспомогательныхъ средствъ тѣла противъ вліянія холода, но, напротивъ, слѣдуетъ еще усиливать ихъ, закаляя кожу холодными обтираньями и ваннами.

Но дѣйствительнѣе всего вліяютъ упражненія и раздраженія для усиленія роста на органы произвольныхъ движеній. Движущіе аппараты — мускулы — составляютъ главную массу тѣла — у взрослаго половина вѣса всего тѣла падаетъ на мускулатуру; движимые аппараты — кости — опредѣляютъ величину и очертанія тѣла. Слѣдовательно ростъ скелета и его мускуловъ имѣетъ рѣшающее значеніе для всего роста тѣла. Ни одна ткань тѣла не обладаетъ такой энергіей роста, какъ мускульная ткань, и ни у одной изъ нихъ не замѣчается такъ ясно увеличеніе ея вслѣдствіе дѣятельности органовъ. То же мы замѣчаемъ и въ скелетѣ. Движеніе, которое мускулы, сокращаясь, даютъ кости, дѣйствуютъ на нее раздражающимъ образомъ, что не только способствуетъ утолщенію кости въ суставѣ, но и вліяетъ на весь составъ кости, придавая ей большую твердость и силу сопротивленія. Что же касается роста кости въ длину, то въ длинныхъ костяхъ онъ исходитъ изъ хрящевыхъ оконечностей суставовъ. Всѣ движенія костей въ суставахъ, нажиманье на концы суставовъ при стояньѣ, ходьбѣ, бѣгѣ и тому подобныя механическія вліянія прямо дѣйствуютъ какъ возбудители роста на эти переходныя точки отъ хряща къ кости, гдѣ совершается образованіе и нарастаніе новой твердой костной субстанціи.

Соотвѣтственно съ этимъ происходитъ и ростъ членовъ ребенка, совершенно сообразно роду и силѣ преобладающей дѣятельности. Уже грудной младенецъ, какъ только онъ въ состояніи сидѣть, инстинктивно стремится къ дѣятельности, постоянно размахивая руками, хватая, поднимая и бросая всѣ предметы, которые онъ можетъ достать. Когда ребенокъ дѣлается старше и умнѣе, дѣйствія его дѣлаются упорядоченнѣе и ловчѣе. Ребенокъ постоянно находится въ движеніи и очень любитъ возиться съ своими игрушками. Благодаря этому у него быстро растутъ руки, длина которыхъ между 3-мъ и 6-мъ годомъ уже достигаетъ длины туловища.

Для роста нижнихъ конечностей самое важное значеніе имѣютъ прямое стоянье и ходьба. Если въ началѣ дѣтства возня съ игрушками составляетъ любимое занятіе ребенка, которому еще не позволяютъ удаляться отъ родительскаго дома безъ надзора, то на 6-мъ году уже проявляется живое влеченіе къ свободному движенію на воздухѣ. Желаніе двигаться бѣгать и прыгать естественно ищетъ удовлетворенія. Съ этихъ поръ начинаютъ сильнѣе расти ноги и постепенно все больше и больше перерастаютъ руки вмѣстѣ съ кистью.

Нѣтъ сомнѣнія, что веселая возня и оживленныя игры ребенка такъ же необходимы для его роста, какъ и питаніе. Равномѣрное развитіе всего тѣла, а особенно типичное развитіе его конечности относительно туловища и другъ друга достигается только тогда, когда ребенку доставляется въ достаточной мѣрѣ возможность правильныхъ движеній и упражненій.

Мы не должны забывать, что школа, вступающая въ свои права на 6-мъ году ребенка и заставляющая его ежедневно спокойно просиживать нѣсколько часовъ подъ рядъ, противодѣйствуетъ росту. Такое сидѣнье не только вредитъ развитію самыхъ двигательныхъ органовъ, но и развитію легкихъ и сердца, о чемъ будетъ говорено ниже. Уже для одного того, чтобы предотвратить такой вредъ, слѣдуетъ обязательно вводить для учащейся молодежи гимнастическія упражненія и, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю устраивать подвижныя игры на воздухѣ, въ которыхъ должны участвовать всѣ ученики. Само собой разумѣется, что это столь-

ко же относится къ дѣвочкамъ, сколько и къ мальчикамъ. У дѣвочекъ болѣе сильный ростъ въ періодъ 11—14 лѣтъ и болѣе ранняя законченность развитія особенно требуютъ, чтобы мы способствовали этому быстрому естественному росту всевозможными средствами, различными упражненіями и движеніями на воздухѣ, которыя должны дать этому росту здоровое направленіе.

Тамъ, гдѣ отношенія въ строеніи тѣла сильно отступаютъ отъ типичной нормы хорошо развитого человѣка, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда туловище несоразмѣрно длинно, а ноги несоразмѣрно коротки, дѣло бо́льшей частью идетъ о задержкѣ на болѣе ранней ступени развитія. Такія отношенія часто встрѣчаются въ строеніи женскаго тѣла, и ихъ даже были склонны объяснять особымъ свойствомъ пола. Но такой взглядъ совершенно неправиленъ. Мнимое свойство пола только служитъ подтвержденіемъ того факта, что физическое воспитаніе нашихъ дѣвочекъ очень хромаетъ. Въ рѣшающій періодъ роста дѣвочкамъ дается очень мало возможности свободно двигаться на воздухѣ. Но то, что не было достигнуто въ этотъ періодъ роста, потеряно разъ навсегда. Даже занятіе спортомъ молодой дѣвушки, когда она уже начала формироваться, не можетъ уже устранить этого недостатка физическаго развитія.

Сильное движеніе и упражненіе мускулатуры въ дѣтствѣ всегда соединяется съ соотвѣтствующимъ оживленіемъ и усиленіемъ дѣятельности дыханія и кровообращенія. Для здороваго роста и развитія легкихъ и сердца упражненія и игры подрастающаго юношества незамѣнимы.

Далѣе слѣдуетъ вспомнить, что произвольныя мускульныя движенія одновременно дѣйствуютъ на двигательные нервы и въ особенности на тѣ части сѣрой мозговой коры, которыя способствуютъ передачѣ волевыхъ возбужденій мускуламъ. Всѣ тѣ занятія ребенка, которыя способствуетъ физической ловкости, какъ, напр., ручной трудъ или гимнастическія упражненія, составляютъ одновременно упражненія нервной системы и существенно помогаютъ развитію чисто умственной ловкости и сообразительности.

Такимъ образомъ подходящимъ заботливымъ воспитаніемъ достигается всесторонній ростъ, здоровое и совершен-

ное развитіе ребенка. При этомъ одновременно закладывается самый вѣрный фундаментъ для достиженія наибольшей умственной работоспособности. Пространные отчеты нашихъ школъ доказали намъ, что самыя развитыя физически дѣти легче всего осиливали школьные уроки. Наоборотъ дѣти, слабыя физически, оказывались такими же и въ умственномъ отношеніи. Поэтому физическое и умственное воспитаніе должны итти рука объ руку. «Воспитываютъ не одинъ умъ, не одно тѣло, а человѣка». (Монтень).

Питаніе грудного младенца.

Проф. Гейнриха Финкельштейна.

Новорожденнымъ мы называемъ ребенка до того момента, когда вполнѣ закончены процессы, связанные съ отдѣленіемъ дѣтскаго организма отъ материнскаго. Это время обнимаетъ первые 14 дней. Въ эти дни особое кровообращеніе плода переходитъ въ обычное у человѣка, пуповина отпадаетъ, и пупочная ранка заживаетъ; поврежденіе, которое наносится ребенку родовымъ актомъ, выражающееся, между прочимъ, и въ потерѣ вѣса, среднимъ числомъ около 200 gr., исправляется, и начинается собственный періодъ роста грудного младенца.

Въ процессъ нормальнаго развитія ребенка прежде всего входитъ правильное нарастаніе вѣса тѣла. Изъ многихъ сотенъ взвѣшиваній здоровыхъ дѣтей получены слѣдующіе средніе результаты. Средній вѣсъ тѣла грудного младенца при первоначальномъ вѣсѣ свыше 2750 gr.:

	Питаніе грудью.	Искусств. питаніе.
Конецъ 1 недѣли.	3408	3314
„ 2 „	3567	3384
„ 4 „	3995	3693
„ 8 „	4818	4307
„ 12 „	5546	4905
„ 16 „	6225	5534
„ 20 „	6788	6222

	Питаніе грудью.	Искусств. питаніе
Конецъ 24 недѣли.	7320	6900
„ 28 „	7767	7283
„ 32 „	8147	7729
„ 36 „	8585	8123
„ 40 „	8959	8328
„ 44 „	9209	8695
„ 48 „	9526	8914
„ 52 „	9862	9228

Изъ этого ясно, что вѣсъ тѣла въ первые шесть мѣсяцевъ удваивается, а до конца перваго года утраивается. Но гораздо болѣе важные, чѣмъ вѣсъ, на который могутъ вліять различныя случайныя явленія, признаки здоровья ребенка суть наличность нормальной физической дѣятельности и нормально развитой умственной и физической работоспособности. Мы требуемъ отъ здороваго ребенка упругой гладкой розоватой кожи, твердаго мяса и сильныхъ костей. Роднички на темени и на затылкѣ къ концу перваго года должны почти срастись; на ребрахъ въ области суставовъ рукъ и ногъ не должно быть никакихъ утолщеній, а въ рукахъ, ногахъ, грудной области и спинномъ хребтѣ никакихъ искривленій. Зубы должны появляться не позднѣе третьей четверти года— сначала нижніе средніе рѣзцы, затѣмъ верхніе, за ними боковые нижніе и боковые верхніе рѣзцы, позднѣе первые коренные зубы и т. д. — и всегда парами и одновременно. Сонъ долженъ быть крѣпкій, настроеніе веселое, движенія живыя, и желательно постоянное стремленіе къ нимъ. На второмъ мѣсяцѣ голову ребенокъ долженъ поднимать, а во второй четверти года уже крѣпко держать ее. Шести мѣсяцевъ ребенокъ долженъ быть въ состояніи сидѣть прямо, а девяти мѣсяцевъ стоять. Не раньше начала второго года ребенокъ обыкновенно научается ходить. Одновременно съ физическими способностями должны развиваться и умственныя. Всякое уклоненіе отъ такого хода развитія указываетъ на разстройство здоровья.

Больше всего описанному нами нормальному развитію способствуетъ кормленіе ребенка грудью матери; и наоборотъ, оно подлежитъ сильному сомнѣнію, если его вскармливаютъ на рожкѣ. Превосходство дѣтей, выкормленныхъ грудью, во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ неопровержи-

мый фактъ. Статистика вмѣстѣ съ повседневнымъ опытомъ говоритъ намъ, что изъ равнаго числа новорожденныхъ въ 6 или 7 разъ чаще умираютъ дѣти, вскормленныя на рожкѣ, и что 70—80 случаевъ смертей изъ ста происходятъ вслѣдствіе лишенія дѣтей груди матери. То же, что мы говорили о смертельныхъ болѣзняхъ, относится и къ несмертельнымъ заболѣваніямъ и всюду въ этихъ случаяхъ проявляется охраняющая сила естественнаго питанія. Ребенокъ, вскормленный грудью матери, совсѣмъ не подвергается желудочно-кишечнымъ заболѣваніямъ, припадкамъ и судорогамъ гортани, англійской болѣзни, скорбуту грудныхъ младенцевъ и малокровію, а если и подвергается, то гораздо рѣже и въ болѣе слабой формѣ. И противъ такихъ болѣзней, которыя хотя и не имѣютъ прямого отношенія къ питанію, какъ, напримѣръ, гнойная лихорадка, воспаленіе легкихъ и другія лихорадочныя заболѣванія, молоко матери даетъ ребенку поразительную силу сопротивленія, которая сильно увеличиваетъ надежду на счастливый исходъ даже въ самыхъ отчаянныхъ случаяхъ, чего никакъ нельзя ожидать при искусственномъ кормленіи.

Поэтому всякой молодой матери, которая серьезно любитъ своего ребенка, все сказанное нами указываетъ лишь одинъ вѣрный путь: она должна все сдѣлать, чтобы сама кормить своего ребенка. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Даже когда она знаетъ, что внѣшнія обстоятельства заставятъ ее скоро отнять ребенка отъ груди, или если добываніе насущнаго хлѣба заставляетъ ее временно или на долгое время разлучиться съ своимъ ребенкомъ, она все же должна воспользоваться для его кормленья даже и тѣмъ короткимъ срокомъ, который выпадаетъ ей на долю. Потому что именно первые дни и недѣли самые опасные и каждый лишній день у груди матери служитъ лишнимъ залогомъ для сохраненія жизни. Разъ первыя шесть недѣль прошли, выиграно уже многое; если мать будетъ въ состояніи кормить малютку три мѣсяца, у него будетъ почти столько же шансовъ на дальнѣйшее существованіе, сколько у дѣтей, которыхъ кормили 6—9 мѣсяцевъ.

Если бы всѣ наши матери сами кормили своихъ дѣтей, въ Германіи не было бы той громадной дѣтской смертности, которая за послѣдніе годы такъ сильно занимаетъ обще-

ственное вниманіе. Но лишь небольшое число матерей исполняютъ и въ этомъ отношеніи свою обязанность. Остальнымъ нужда не позволяетъ кормить своего ребенка. Но тамъ, гдѣ соціальныя условія ни при чемъ, тамъ — не къ чести нашихъ женщинъ будь сказано—отказъ отъ кормленія почти всегда обосновывается ничтожными и ложными доводами.

Конечно, есть матери, которымъ приходится запрещать кормленіе ради сохраненія ихъ здоровья. Сами матери, а еще чаще ихъ слишкомъ нѣжные близкіе и, къ сожалѣнію, легкомысленныя акушерки или слишкомъ робкіе и уступчивые врачи часто находятъ предлоги къ такому запрещенію. Въ дѣйствительности же количество женщинъ, неспособныхъ къ кормленію, очень невелико. Богатый опытъ доказалъ, что потеря силъ во время беременности и родовъ, малокровіе, нервность и даже цѣлый рядъ настоящихъ хроническихъ болѣзней при кормленіи не вредятъ ни матери ни ребенку и, напротивъ, вмѣсто вреда влекутъ за собой выздоровленіе и настоящій расцвѣтъ. Лишь при туберкулезѣ или при подозрѣніи его безусловно запрещается кормленіе, такъ какъ оно можетъ повлечь за собой усиленіе болѣзни. При всякомъ другомъ положеніи слѣдуетъ вмѣстѣ съ опытнымъ врачомъ взвѣсить всѣ резоны за и противъ кормленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ случаѣ сомнѣнія дѣло должна рѣшить мужественная попытка. Вспомнимъ слова стараго опытнаго врача. «Почти каждая женщина, которая была въ силахъ носить и благополучно родить ребенка, будетъ въ силахъ такъ же и выкормить его своей грудью».

Но почему же и цвѣтущія, сильныя женщины такъ поразительно часто отказываются отъ кормленія? Отвѣтъ на это вызываетъ краску стыда: мода, устарѣлый обычай, нежеланіе и неудобство, непониманіе серьезности дѣла и неизвинительное довѣріе къ пользѣ искусственнаго кормленія, на которое жалуются такъ сильно многіе врачи и друзья человѣчества. «Я не корова», сказала мнѣ молодая мать, отказавшаяся дать свою переполненную молокомъ грудь новорожденному ребенку. Многія также боятся, что кормленіе испортитъ ихъ фигуру и особенно форму груди. Но это невѣрно; если это случается, то только во время беременности и родовъ; остальное потомъ проходитъ.

Третьей причиной часто служитъ мнѣніе матери, въ большинствѣ случаевъ раздѣляемое окружающими и медиками, что у нея нѣтъ или только мало молока. Теперь даже дошли до того, что утверждаютъ, будто, благодаря вырожденію расы, женщина въ настоящее время лишилась способности производить молоко, и это утвержденіе повторяется и до сихъ поръ, хотя безпристрастное изслѣдованіе доказано, что оно совершенно невѣрно. Если матери дѣйствительно желаютъ получить правильныя указанія, то нужно сказать, что запрещеніе кормленія грудью встрѣчается лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. 80—90 изъ ста женщинъ могутъ вполнѣ насытить своего ребенка; у небольшого числа женщинъ молока хватаетъ, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени, и, можетъ быть, лишь 5 изъ ста женщинъ оказываются совсѣмъ неспособными къ нему. Конечно, часто нужно много терпѣнія, чтобы добиться успѣха. У многихъ грудь начинаетъ дѣйствовать очень медленно и сначала не обѣщаетъ ничего; но въ концѣ-концовъ дѣло налаживается, если только мать продолжаетъ неутомимо и правильно свои попытки и постоянно прикладываетъ къ груди малютку. Такимъ образомъ примѣняется единственное правильное средство, способное возбудить дѣятельность молочной железы. Сосаніе ребенка посредствомъ сложнаго нервнаго рефлекса болѣе или менѣе скоро способствуетъ повышенію образованія молока.

У женщинъ съ богатымъ запасомъ молока большей частью на четвертый день при ощущеніи напряженности въ грудяхъ начинается «приливъ» молока, и тогда же наступаетъ правильное его выдѣленіе. Чтобъ это выдѣленіе усиливалось должнымъ образомъ, а главное, чтобы не наступила преждевременная убыль молока, кормящая мать должна твердо помнить, что ничто не можетъ быть такъ вредно для кормленія ребенка, какъ его неправильность: она должна знать, что для его успѣшности требуется ничѣмъ не нарушаемая и спокойная дѣятельность груди, что органъ этотъ долженъ съ правильными промежутками ежедневно совершенно опорожняться и, что безпорядочное и неполное высасываніе въ концѣ-концовъ влечетъ за собой уменьшеніе драгоцѣннаго питанія.

Питаніе и образъ жизни кормящей матери

раньше затрудняли цѣлой массой предписаній и запретовъ, которые заставляли смотрѣть на кормленіе какъ на трудное и непріятное дѣло. Теперь мы знаемъ, что все это было основано на однихъ предразсудкахъ. Прежде всего совершенно излишня всякая діэта. Она теперь совсѣмъ не соблюдается. Все позволено, поскольку оно оказывается полезнымъ и не употребляется въ слишкомъ большомъ количествѣ. Кормящая мать не должна мѣнять своей обычной пищи, а на всѣ разговоры о вредномъ вліяніи на молоко различныхъ продуктовъ должна смотрѣть какъ на басню. Хорошая разнообразная пища, смѣшанная съ 2—2$^1/_2$ литрами жидкости въ какомъ угодно видѣ — супомъ, кофе, водой, молокомъ — самая правильная. Кто въ достаточномъ количествѣ ѣстъ твердую пищу, масло и хлѣбъ, тому совсѣмъ не нужно прибѣгать къ такъ называемымъ «супамъ кормилицъ» и большому количеству молока, а совершенно спокойно можно утолять свою жажду водой. Алкоголя лучше всего совершенно избѣгать. Но изрѣдка выпитый стаканъ легкаго вина или пива не причинитъ вреда. Во всемъ остальномъ хотя и слѣдуетъ вести правильный и спокойный образъ жизни, но стѣснять себя нѣтъ надобности, и мать, напротивъ, должна принимать участіе во всѣхъ безвредныхъ радостяхъ жизни.

Не слѣдуетъ думать, что количественное питаніе грудного младенца произвольно и зависитъ отъ его желанія. Совершенно наоборотъ. Необходимое для его питанія количество молока строго опредѣлено природой. Ребенокъ, котораго правильно кормятъ, высасываетъ изъ груди лишь столько молока, сколько ему нужно для своего развитія.

Грудной младенецъ выпиваетъ — не считая первыхъ 10—14 дней — въ первыя недѣли $^1/_5$ вѣса своего тѣла, отъ середины первой до конца второй четверти года отъ $^1/_6$ до $^1/_7$ во второй половинѣ года $^1/_8$. Выражаясь круглыми цыфрами, можно сказать, что въ первый мѣсяцъ ребенокъ выпиваетъ приблизительно 500—600 grm., во второй 700—900, въ третій 900 и въ четвертый около 1000 grm. Опредѣленіе ежедневнаго количества пищи часто желательно, когда нѣкоторыя явленія возбуждаютъ сомнѣніе, не шлъ ли ребенокъ слишкомъ много или слишкомъ мало. Для этого ребенка взвѣшиваютъ до и послѣ кормленія, разница въ

вѣсѣ опредѣляетъ вѣсъ принятой пищи, а сумма всѣхъ разницъ представляетъ количество пищи всего дня.

Вышеприведенныя цыфры даютъ самыя лучшія надежды на спокойное и правильное развитіе. Онѣ не должны сильно понижаться, чтобы не повредить успѣху питанія; но вреднѣе пониженія оказывается излишекъ пищи. Даже при такой полезной пищѣ, какъ молоко матери, грудному ребенку часто грозятъ серьезныя заболѣванія, если онъ получаетъ въ слишкомъ большомъ количествѣ. Чтобъ избѣжать этихъ заболѣваній, слѣдуетъ разумно вести все дѣло кормленія.

Прежде всего надо установить число кормленій. Ребенка, которому даютъ грудь при каждомъ крикѣ и который цѣлыми часами лежитъ у груди, конечно, очень скоро перекармливаютъ. Но и очень распространенный обычай давать грудь черезъ каждые два часа совершенно ошибоченъ и только вызываетъ разстройство пищеваренія. Дѣти въ такіе короткіе промежутки не могутъ достаточно скоро переварить такую массу пищи, желудокъ и кишечникъ переполняются, и въ концѣ-концовъ появляется поносъ или рвота. Поэтому новорожденнымъ и маленькимъ дѣтямъ до трехъ мѣсяцевъ не слѣдуетъ давать грудь чаще, какъ черезъ каждые три часа, а въ общемъ всего шесть разъ въ сутки, при чемъ надо рано настаивать на длинныхъ промежуткахъ ночью. Если такой порядокъ будетъ послѣдовательно установленъ съ самаго начала, дѣти удивительно быстро привыкнутъ къ правильному сну, пробужденію и требованію пищи. Ни при какомъ методѣ нельзя добиться такихъ покойныхъ ночей, такихъ покойныхъ и хорошихъ, а, главное, такихъ здоровыхъ и правильно развивающихся дѣтей, какъ именно при этомъ, хотя примѣненіе его часто встрѣчаетъ сильное сопротивленіе въ устарѣлыхъ обычаяхъ.

Продолжительность каждаго кормленія назначается самимъ ребенкомъ; разъ онъ кончилъ кушать, не слѣдуетъ силой заставлять его снова брать грудь. Часто голодъ утоляется уже черезъ нѣсколько минутъ; обыкновенно на кормленіе надо 20 минутъ; при этомъ на первыя десять минутъ падаетъ львиная доля, остальныя уже имѣютъ мало значенія. Дольше 20 минутъ не слѣдуетъ продолжать кормленія.

Обыкновенно кормленіе идетъ совершенно правильно, и о немъ нечего задумываться. Только въ относительно рѣдкихъ случаяхъ бываютъ осложненія или со стороны ребенка, или со стороны матери. На причины такихъ случаевъ и на ихъ устраненіе къ сожалѣнію почти всегда существуютъ совершенно ложные взгляды и именно въ этой области совершаются наибольшія ошибки. Это случается, когда у ребенка оказывается не все совершенно правильнымъ, напримѣръ, если испражненія его представляютъ не совсѣмъ обычную картину, т.-е. оказываются не яично-желтаго цвѣта и не равномѣрной кашицеобразной консистенціи, а оказываются зеленоватыми и водянистыми, или если аппетитъ ребенка уменьшается, онъ мало прибавляется въ вѣсѣ, безпокоенъ и т. д. Тогда почти всегда воображаютъ, что молоко подверглось вреднымъ измѣненіямъ, которыя явились вслѣдствіе анормальнаго состоянія матери, стараются вспомнить какое-нибудь нарушеніе діэты, взваливаютъ вину на запоръ и даютъ матери слабительное, ищутъ причину то въ менструаціи, то въ душевномъ волненіи; часто это кончается тѣмъ, что ребенка отнимаютъ, берутъ кормилицу или прибѣгаютъ къ рожку.

И все это ошибочно и совершенно излишне. Самыя тщательныя наблюденія доказали, что вреднаго для ребенка измѣненія материнскаго молока или совсѣмъ не бываетъ или если оно и бываетъ, то такъ рѣдко, что съ этимъ совсѣмъ не приходится считаться. Не пища виновата, если въ ребенкѣ замѣчаются какія-нибудь неправильности — причина ихъ заключается или въ неправильномъ способѣ кормленія, большей частью въ злоупотребленіи имъ — или въ случайномъ, отъ питанія совершенно независящемъ, разстройствѣ здоровья грудного младенца. Такія уклоненія отъ нормы устраняются прежде всего строгой и разумной постановкой кормленія, а затѣмъ тщательнымъ наблюденіемъ за малюткой устанавливаютъ сущность его болѣе или менѣе сильнаго заболѣванія, и на этомъ наблюденіи основываютъ нужное лѣченіе. Но отнимать ребенка отъ груди или лѣчить мать не рекомендуется ни въ какомъ случаѣ. По крайней мѣрѣ безъ совѣта свѣдущаго врача не слѣдуетъ предпринимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ.

У матерей временами бываетъ уменьшеніе молока. Душев-

ныя волненія, возобновленіе менструацій и т. п. не играютъ здѣсь никакой роли, по крайней мѣрѣ, непосредственной. Въ такихъ случаяхъ дѣло идетъ или о матеряхъ съ недостаточнымъ запасомъ молока, или о сильныхъ волненіяхъ, вслѣдствіе которыхъ ребенку неправильно давалась грудь, а послѣдняя недостаточно освобождалась отъ молока. Послѣднее же необходимо для дальнѣйшей дѣятельности железы; если ребенокъ нѣсколько разъ въ день основательно не высосетъ ее, то безусловно уменьшается ея производительность.

Неправильно также бросать кормленіе вслѣдствіе остраго заболѣванія матери. При небольшихъ лихорадкахъ, гриппѣ, воспалительномъ состояніи горла и т. д. кормленіе можно съ успѣхомъ вести далѣе. Но и при 8-или 14-тидневной болѣзни, при которой сильно пострадаетъ аппетитъ, все же можно два-три раза давать грудь, чтобы сохранить ея работоспособность, а ребенка, кромѣ того, поить съ рожка. Если боятся заразить ребенка, то молоко можно оттянуть такъ называемымъ «молокоотсосомъ». (Рис. 1). Страхъ, что молоко больной женщины будетъ вредно ребенку, почти всегда совершенно неоснователенъ. По крайней мѣрѣ оно вредитъ гораздо меньше, чѣмъ переходъ къ искусственному кормленію. Поэтому лишь тяжелыя и продолжительныя болѣзни матери должны служить причиной отнятія ребенка отъ груди, а между тѣмъ на него рѣшаются слишкомъ скоро даже и тогда, когда кормленіе не могло бы повредить ни той ни другой сторонѣ, а грудь матери могла бы быть сохранена для ребенка.

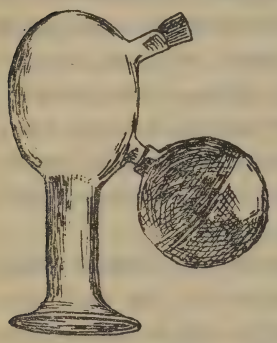


Рис. 1, Молочный насосъ по Форесту.

При трещинахъ на соскѣ сосанье облегчается колпачкомъ, который надѣвается на него. (Рис. 2 и 3). Во всякомъ случаѣ при этомъ страданіи слѣдуетъ предпринять заботливое лѣченье подъ руководствомъ врача. Немедленное и умѣлое лѣченье можетъ быстро остановить продолжительное и болѣзненное нагноеніе грудной железы или, по крайней мѣрѣ, не дать ему развиться.

Матери, у которыхъ нѣтъ достаточно молока, чтобъ онѣ

могли насытить имъ своего ребенка, большей частью бросаютъ кормленіе. Это ошибка! Потому что даже небольшое количество материнскаго молока имѣетъ для ребенка гораздо большее значеніе, чѣмъ исключительное кормленіе рожкомъ. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ прибѣгать къ двухмолочному или «смѣшанному кормленію» (Allaitement mixte), давая ребенку попеременно то грудь, то рожокъ. Грудь надо давать не менѣе трехъ разъ, иначе молоко постепенно исчезаетъ. Такой процессъ имѣетъ большое значеніе для женщинъ, которыя должны уходить изъ дома ради заработка и потому принуждены надолго оставлять своего ребенка.

Рис. 2. Колпачокъ для соска.

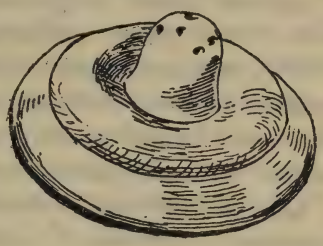


Рис. 3. Предохранитель соска Беркгана.

И при большомъ количествѣ молока нецѣлесообразно давать ребенку только грудь послѣ шести мѣсяцевъ. Дѣти, которыхъ долго кормили однимъ материнскимъ молокомъ, бываютъ блѣдны и склонны къ англійской болѣзни. Поэтому съ шестого или седьмого мѣсяца дѣтей слѣдуетъ прикармливать. Сначала одно кормленіе грудью замѣняютъ супомъ, лучше всего бульономъ, засыпаннымъ мелкой крупной. При этомъ важно то, что ребенокъ привыкаетъ къ соленому вкусу. Начиная съ девятаго мѣсяца, можно давать по вечерамъ немного каши изъ сухарей, муки или мелкихъ крупъ. Позднѣе къ супу въ двѣнадцать часовъ прибавляютъ столовую ложку овощного пюре (картофельнаго, шпинатнаго, морковнаго и яблочнаго). Рекомендуется также давать при этомъ нѣсколько чайныхъ ложекъ свѣжаго фруктоваго сока (апельсиннаго, виноградного).

Переходъ къ кормленію рожкомъ, отнятіе отъ груди обыкновенно происходитъ послѣ третьей четверти года; въ другихъ странахъ продолжаютъ кормленіе до второго года, но это не имѣетъ никакого преимущества. Если это только возможно, отнимать ребенка отъ груди не слѣдуетъ лѣтомъ, вслѣдствіе опасности, которая угрожаетъ при кормленіи рожкомъ во время лѣтней жары; затѣмъ отнятіе это должно происходить постепенно, сначала замѣняютъ рожкомъ только одно кормленіе въ день, а затѣмъ послѣ 8 или 14-дневнаго промежутка идутъ далѣе. Такая осторожность необходима, такъ какъ многія дѣти заболѣваютъ во время отнятія отъ груди. Тогда грудь нужнѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. Опасность непріятныхъ явленій во время перехода къ другой пищѣ устраняется тѣмъ, что заботливо избѣгаютъ перекормить ребенка.

Чѣмъ меньше матери будутъ избѣгать своей обязанности кормить своихъ собственныхъ дѣтей, тѣмъ чаще можно будетъ избѣжать необходимости брать кормилицу, обычай, противъ котораго можно многое возразить. По крайней мѣрѣ при настоящемъ положеніи вещей этотъ обычай не выдерживаетъ критики. Съ этической и соціальной точки зрѣнія недопустимо, чтобы ради ребенка болѣе состоятельныхъ родителей лишали материнской груди болѣе бѣднаго ребенка и тѣмъ сильно повредили бы его здоровью. На сильную смертность дѣтей, вскормленныхъ кормилицами, указывали не разъ. Съ медицинской точки зрѣнія опасно передавать ребенка женщинѣ, состояніе здоровья которой нельзя точно опредѣлить по одному изслѣдованію, а съ другой стороны нежелательно подвергать опасности кормилицу заболѣть отъ порученнаго ей ребенка. Для семьи присутствіе такой часто очень непріятной особы тоже болѣе чѣмъ неудобно. Кромѣ того рекомендательныя конторы для кормилицъ имѣютъ много темныхъ сторонъ. Здѣсь необходимы коренныя измѣненія. Начало этимъ измѣненіямъ положено пріютомъ для грудныхъ младенцевъ профессора Шлосманна въ Дрезденѣ. Туда принимаются матери съ новорожденными младенцами; онѣ поправляются тамъ и кормятъ своихъ дѣтей, при чемъ въ пріютѣ заботливо слѣдятъ за ихъ здоровьемъ, отпускаютъ мать со всевозможными ручательствами и только тогда, когда уже миновала са-

мая большая опасность заболѣванія для ея ребенка. Заведеніе же продолжаетъ заботиться и о дальнѣйшей судьбѣ своихъ питомцевъ.

Взгляды на кормилицъ также почти всегда ложны и ошибочны. Напримѣръ совершенно излишне требовать, чтобы ребенокъ кормилицы былъ одного возраста съ ребенкомъ, котораго ей поручено кормить, такъ какъ уже достаточно доказано, что слѣдуетъ только избѣгать перекармливанья ребенка; разница же въ возрастѣ совершенно безразлична. Неправильно также приписывать ненормальныя отправленія желудка или недостаточное увеличеніе въ вѣсѣ «плохому молоку»; такія явленія происходятъ только вслѣдствіе состоянія ребенка или слишкомъ обильнаго кормленія. Неумѣлое обращеніе съ грудью кормилицы и самой кормилицей также часто ведетъ къ быстрому исчезновенію молока, что при умѣломъ веденіи дѣла случается очень рѣдко. Перемѣна кормилицы по той или другой причинѣ происходитъ очень часто, но въ большинствѣ случаевъ такая перемѣна совершается не къ лучшему, и виною этому не плохая кормилица, а неподготовленность окружающихъ.

Рѣшеніе вскормить ребенка искусственно, т.-е. коровьимъ молокомъ, существенно увеличиваетъ опасность для его здоровья и жизни, и чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ опасность больше. Правда, во многихъ случаяхъ этотъ методъ не уступалъ естественному методу; но счастливый исходъ связанъ съ столькими условіями, что неудача можетъ наступить при малѣйшей ошибкѣ. Прежде всего необходимо безупречное молоко и безошибочная техника. Исполненіе этихъ двухъ условій предъявляетъ нѣкоторыя требованія къ матеріальному состоянію и интеллигентности родителей и потому часто бываетъ недоступно ребенку бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Но и въ обратномъ случаѣ нельзя еще быть увѣреннымъ въ успѣхѣ, такъ какъ многое зависитъ отъ самого ребенка. Есть дѣти, которыхъ совершенно невозможно выкормить искусственно, которыя вслѣдствіе этого болѣютъ, несмотря на точное исполненіе всѣхъ требованій кормленія; другія дѣти заболѣваютъ при малѣйшей ошибкѣ, и только небольшую часть удается вскормить успѣшно. Къ какой изъ этихъ группъ принадлежитъ грудной младенецъ—зара-

нѣе рѣшить нельзя; можно только сказать, что хорошо сформированныя, сильныя дѣти здоровыхъ молодыхъ родителей изъ здоровой семьи подаютъ надежду на хорошій исходъ, но разочарованія могутъ наступить и въ такихъ случаяхъ.

Наука не можетъ еще опредѣлить, на чемъ основывается различное вліяніе на ребенка молока женщины и молока коровы, а еще менѣе можетъ она уничтожить эту разницу. Приходится только приложить всѣ старанія, чтобы не усилить вредъ искусственнаго кормленія неумѣлымъ обращеніемъ съ нимъ. Но и это требованіе выполнить далеко не легко.

Особенно трудно достать безупречное молоко, т.-е. молоко свѣжее, богатое питательными веществами и свободное отъ всякихъ примѣсей, произвольныхъ или происшедшихъ химически вслѣдствіе вліянія корма, особенно же свободное отъ грязи и бактерій. При обычномъ небрежномъ доеніи коровъ въ молоко попадаютъ отъ вымени, отъ кожи животнаго, рукъ доильщика, нечистой посуды, отъ пыли и соломы стойла и т. д. множество частичекъ грязи, такъ называемой «рыночной грязи». Ее легко замѣтить въ видѣ отстоя, если дать молоку спокойно постоять нѣсколько часовъ въ высокомъ сосудѣ или если пропустить его черезъ фильтръ. Вмѣстѣ съ грязью въ молоко массами проникаютъ мельчайшіе грибки (бактеріи), которые въ теплѣ быстро размножаются до нѣсколькихъ милліоновъ въ одной каплѣ молока.

Часть этихъ бактерій можетъ вызвать вредныя разложенія, могущія повредить ребенку даже и тогда, когда молоко не измѣнилось ни по виду ни по вкусу. Кромѣ того въ молокѣ часто находятся возбудители тяжелыхъ желудочныхъ и кишечныхъ заболѣваній. Тифъ, скарлатина и другія болѣзни могутъ также передаваться черезъ молоко, а за послѣднее время много говорятъ о томъ, что распространенный между дѣтьми туберкулезъ (жемчужная болѣзнь) передается употребленіемъ сырого молока. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть дѣтскихъ поносовъ происходитъ отъ такого молока, содержащаго массу грибковъ.

При хорошо организованномъ доеніи можно избѣжать этой опасности, если оно происходитъ въ чистомъ помѣщеніи и при соблюденіи большой опрятности; небольшому же количеству грибковъ, все же находящемуся въ молокѣ, не

даютъ развиваться, сильно охлаждая его. Такое молоко, которое кромѣ того должно получаться отъ здоровыхъ коровъ, кормленныхъ безвреднымъ кормомъ, называется дѣтскимъ молокомъ. Для обезпеченія полученія такого молока существуютъ полицейскія распоряженія, которыя большей частью строго соблюдаются. Дѣйствительно хорошее дѣтское молоко можно съ спокойной совѣстью употреблять для кормленія грудного младенца, но хлопоты при его добываніи доводятъ его цѣну до 30 и 60 пфениговъ за литръ. Бѣдные родители, которые не въ состояніи тратить такихъ денегъ, принуждены покупать молоко въ лавочкахъ и на рынкѣ или въ маленькихъ молочныхъ, а такое молоко, особенно лѣтомъ, большей частью очень вредитъ такому воспріимчивому грудному младенцу. Необходимость такого учрежденія, которое давало бы возможность и менѣе состоятельнымъ людямъ доставлять своимъ дѣтямъ хорошее молоко, вслѣдствіе этого очевидна, чтобы уменьшить смертность среди грудныхъ младенцевъ.

Такъ какъ большинство грибковъ погибаетъ при высокой температурѣ, то опасность, которой угрожаютъ бактеріи, вотъ уже 20 лѣтъ стараются устранить тѣмъ, что молоко передъ кормленіемъ стерилизуютъ, т.-е. кипятятъ. Но не слѣдуетъ думать, что этимъ устраняется всякая опасность, потому что стерилизаціи поддается лишь вполнѣ чистое молоко. Въ молокѣ же, которое добыто нечистоплотно, можетъ образоваться столько разлагающихъ веществъ, не поддающихся жару, и столько бактерій, что даже послѣ кипяченья эти вещества, такъ же какъ и мертвыя бактеріи, могутъ вредить ребенку; кромѣ того въ такомъ молокѣ всегда бываютъ бактеріи, которыя не умираютъ даже отъ кипяченія. Слѣдовательно и для стерилизаціи необходимъ хорошій матеріалъ. Существуетъ особый аппаратъ для стерилизаціи молока. Преимущество его, кромѣ большаго удобства, состоитъ въ томъ, что молоко, необходимое для каждаго кормленія, стерилизуется въ отдѣльныхъ бутылкахъ, которыя до употребленія остаются закупоренными и нетронутыми и потому предохранены отъ загрязненія. Тамъ, гдѣ нельзя пріобрѣсти аппаратъ вслѣдствіе его дороговизны, можно обойтись обыкновеннымъ кипятильникомъ, какіе употребляются въ хозяйствѣ или предписываются врачами

(Флюгге Сольтманнъ и др.). (Рис. 4). Конечно тутъ необходима самая строгая опрятность.

Послѣ стерилизаціи безусловно необходимо быстрое охлажденіе и храненіе молока въ холодномъ мѣстѣ въ ледяномъ шкапу или, по крайней мѣрѣ, въ холодной водѣ. Если этого не придерживаются, бактеріи, не погибшія во время кипяченья и не растущія при холодѣ, въ тепломъ помѣщеніи опять начнутъ развиваться и испортятъ молоко. Очень цѣлесообразно вставлять сосудъ, наполненный водой, въ которомъ находятся бутылки съ молокомъ, въ такъ называемый холодильникъ (рис. 5), въ которомъ вода остается холодной въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

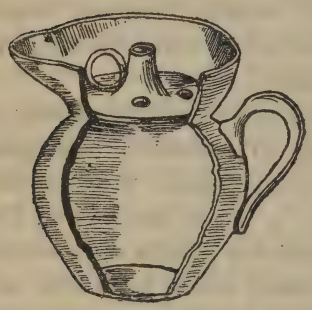


Рис. 4. Кипятильный горшокъ Флюгге.

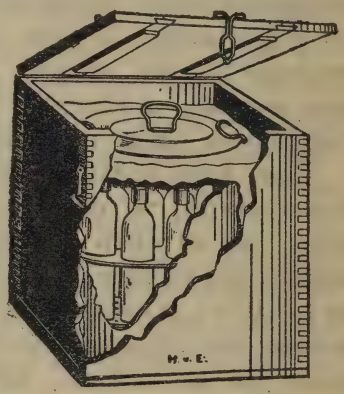


Рис. 5. Холодильникъ. Модель бреславской молочной кухни.

Не такъ давно стерилизацію упрекали въ томъ, что она способствуетъ развитію англійской болѣзни и малокровія, а главное скорбута грудныхъ младенцевъ (болѣзни Барлова), особой болѣзни, сопряженной съ болью и опухолью ногъ и кровоточивостью кожи и слизистыхъ оболочекъ, которую можно почти всегда излѣчить сырымъ молокомъ. Но, не говоря уже о томъ, что сырое молоко предохраняетъ лишь отъ дѣтскаго скорбута, слѣдуетъ помнить, что получить молоко, свободное отъ бактерій, очень трудно, и потому употребленіе сырого молока можетъ только повредить. Но отъ прежняго долгаго кипяченья и стерилизаціи давно уже отказались. Пяти или десяти минутъ кипяченья

совершенно достаточно, чтобы убить бактеріи, не вызвавъ слишкомъ сильнаго измѣненія молока, которому приписываются вышеупомянутыя болѣзни.

За послѣдніе годы вмѣсто стерилизаціи рекомендовали пастеризацію, т.-е. болѣе продолжительное вліяніе температуры въ 60—65 градусовъ, которая, дѣйствительно, убиваетъ бактеріи. Аппараты для пастеризаціи для домашняго обихода можно получать въ различныхъ видахъ (Оппенгеймера, Кобрака и др.).

Предположивъ, что для кормленія имѣется безупречное молоко, мы все же не можемъ быть увѣрены въ успѣхѣ. Надо еще умѣть давать ребенку пищу въ необходимомъ для него составѣ и количествѣ.

Только въ исключительныхъ случаяхъ можно выкормить грудного младенца цѣльнымъ молокомъ. Обыкновенно молоко слѣдуетъ разбавлять водой или еще лучше кашицей изъ крупы или ячменя, къ которой прибавляется молочный или свекловичный сахаръ. Лучше всего начинать съ одной части молока, разбавленной двумя частями примѣси, а затѣмъ постепенно увеличивать количество молока. Но еще важнѣе, чѣмъ выборъ примѣсей, опредѣленіе количества пищи. Опасность заключается въ томъ, что могутъ злоупотреблять коровьимъ молокомъ, котораго всегда можно имѣть сколько угодно. Ни одна женщина не имѣетъ понятія, какъ много или, скорѣе, какъ мало пищи требуетъ грудной младенецъ, и очень немногія отдаютъ себѣ отчетъ, какое количество пищи поглощаетъ въ продолженіе дня ихъ ребенокъ. Почти всѣ думаютъ, что обильное питаніе лучше всего способствуетъ развитію ребенка и что слабыхъ дѣтей слѣдуетъ особенно усердно кормить. Такими соображеніями или просто частымъ предложеніемъ бутылки, понятно, совершается быстрое переполненіе желудка. Можно съ увѣренностью сказать, что даже до настоящаго времени, какъ въ болѣе состоятельныхъ, такъ и въ бѣднѣйшихъ кругахъ, болѣе чѣмъ $^3/_4$ дѣтей кормятъ совершенно неправильно, т.-е. слишкомъ обильно, иногда даже поразительно обильно. Это роковая ошибка, потому что количество пищи, необходимое для развитія ребенка, выкармливаемаго искусственно, такъ же невелико, какъ и то, которое требуется для ребенка, котораго кормитъ сама мать,

а избытокъ коровьяго молока вредитъ больше, чѣмъ избытокъ молока матери.

Самое умѣренное питанье одно изъ важнѣйшихъ условій для успѣха искусственнаго вскармливанія. Ради него приходится разбавлять молоко; ради него же слѣдуетъ настаивать на продолжительныхъ перерывахъ между кормленіемъ и на уменьшеніи числа ихъ въ продолженіе дня. Это необходимо уже потому, что коровье молоко переваривается гораздо дольше, чѣмъ женское молоко. Число кормленій никогда не должно превышать шести разъ. Лучше всего ребенка какъ можно раньше пріучить кушать только пять разъ въ сутки. Что касается количества, то съ восьмой недѣли можно считать 100 g. молока на одинъ килогр. вѣса тѣла. Къ этому прибавляется примѣсь. Больше одного литра нельзя давать груднымъ младенцамъ и не надо требовать, чтобъ онъ пилъ больше, чѣмъ самъ того желаетъ.

Нижеслѣдующая схема питанія очень часто приводилась въ исполненіе. Но не слѣдуетъ выполнять ее рабски, а увеличивать кормленіе или усиливать примѣсь лишь тогда, когда ростъ ребенка замѣтно замедляется и проявляется явное требованіе болѣе обильнаго питанія. Недостаточное утучненіе ребенка или задержка его, несмотря на достаточное количество пищи или несмотря на увеличеніе ея, всегда указываетъ на болѣзненное явленіе и спеціально на разстройство питанія. Поэтому ничего не можетъ быть ошибочнѣе и ничто не отзывается такъ вредно, какъ когда хотятъ усиленнымъ питаніемъ, напр., прибавленіемъ яицъ, мясного сока и другихъ укрѣпляющихъ средствъ содѣйствовать развитію слабаго или худенькаго ребенка.

Въ первые дни жизни ребенокъ требуетъ очень мало пищи. Со второго дня ему можно давать смѣсь изъ 1:2 воды отъ 50 до 70 g. на день, такъ что въ день даютъ въ общемъ 50 до 70 g.; на третій 100—140, на четвертый 150—200 g. и т. д. Затѣмъ въ концѣ 1 недѣли ребенокъ кушаетъ 7 разъ, и ему даютъ 1 часть молока на 2 части воды.

На второй недѣлѣ онъ кушаетъ 6 разъ (80—100 g.) и именно: 1 часть молока на 2 части воды.

На 3 и 4 недѣлѣ онъ кушаетъ 6 разъ (120—130 g.) и именно: 1 часть молока на 2 части воды.

На 2 мѣсяцѣ онъ кушаетъ 6 разъ (140—170 g.) и именно: 1 часть молока на 1 часть воды.

На 3 мѣсяцѣ онъ кушаетъ 6 разъ (160—180 g.) и именно: 1 часть молока на 1 часть воды.

На 4 до 6 мѣсяца кушаетъ 6 разъ (160—180 g.) и именно: 2 части молока на 1 часть воды.

Послѣ 6 мѣсяца можно давать цѣльное молоко.

Къ смѣси каждый разъ при кормленіи прибавляютъ $^1/_2$—1 чайную ложку сахара и крошечку соли. Но иногда приходится уменьшать количество сахара, потому что учащается стулъ Вмѣсто воды можно съ 6-й недѣли прибавлять овсяную или ячменную кашицу, что часто бываетъ очень полезно. Кашицу варятъ въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, полчаса изъ столовой ложки крупы и протираютъ ее черезъ сито. Самымъ маленькимъ дѣтямъ даютъ кашицу пожиже.

Въ болѣе состоятельныхъ семьяхъ часто употребляютъ молоко стерилизованное искусственно и уже разлитое въ бутылки. Къ такому молоку принадлежитъ и жирное молоко Гертнера, которое даетъ очень жирную пищу. Эти дорогіе препараты, которые пускаются въ продажу съ широкой рекламой, приносятъ не больше пользы, чѣмъ хорошее, обыкновеннымъ образомъ приготовленное молоко. Часто они даже очень вредятъ тамъ, гдѣ простая смѣсь прекрасно переносится, и лучше всего совсѣмъ отъ нихъ отказываться. Дѣтскую муку всѣхъ сортовъ, а ихъ очень много (Нестле, Куфэке, Родемана, Муферлера, Тейнгардта и др.), слѣдуетъ употреблять въ очень небольшомъ количествѣ, какъ прибавленіе къ молоку и не для очень маленькихъ дѣтей. Въ первую четверть года можно къ литру приготовленной смѣси прибавлять не больше чайной ложки муки, позднѣе можно давать немного больше. Сами по себѣ всѣ эти препараты не имѣютъ никакого значенія, какъ бы фабрикантъ ни увѣрялъ, что они вполнѣ замѣняютъ молоко матери.

Вскармливаніе одной мукой и принятое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вскармливаніе кашей для нѣкоторыхъ дѣтей оказывается прямо роковымъ и можетъ быть причиной многихъ бѣдствій. Лучше всего сдѣлаютъ, если будутъ примѣнять всѣ сорта дѣтской муки, а также и другіе препараты, рекомендуемые для питанія дѣтей, какъ, напр., Mellin Tood и др., только по свѣту свѣдущаго врача.

Кормленіе однимъ молокомъ тоже неправильно. Наилучшаго успѣха достигаютъ въ томъ случаѣ, если съ шестого или седьмого мѣсяца переходятъ къ смѣшанной пищѣ, какъ было указано при питаніи ребенка грудью матери. Здоровому двѣнадцатимѣсячному ребенку должно давать три раза въ день по 250 g. молока, въ обѣдъ ему слѣдуетъ давать 100—150 д. супа, одну или двѣ столовыя ложки овощного пюре, а вечеромъ молочную кашку, послѣ которой, если аппетитъ хорошъ, можно еще дать полбутылки молока.

Само собой разумѣется, что приготовленіе пищи и самое кормленіе должны происходить съ щепетильной опрятностью. Резиновые соски послѣ каждаго кормленія слѣдуетъ промывать подъ краномъ водопровода и протирать ихъ снаружи и внутри, а хранить ихъ лучше всего сухими въ чашкѣ; бутылки надо мыть содой и щеткой, прополаскивать ихъ свѣжей водой и хранить, перевернувъ вверхъ дномъ. Приготовлять пищу и кормить ребенка слѣдуетъ чисто вымытыми руками. Подавая бутылку, никогда не слѣдуетъ трогать соска, а держаться за стекло. Согрѣваютъ лишь ту бутылку, которую готовятъ для кормленія, остальныя должны быть холодныя. Остатки тотчасъ же выливаются; чтобы молоко въ бутылкѣ не обсохло, ее сейчасъ же послѣ кормленія наливаютъ водой до окончательной чистки. Бутылки съ краями очень трудно чистить, поэтому препочтительно слѣдуетъ употреблять бутылки съ закругелннымъ дномъ. (Рис. 6 и 7.)

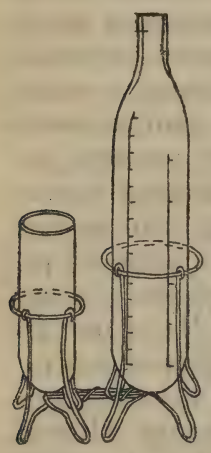


Рис. 6. Бутылка „Колумбъ“ со стаканомъ для соска.

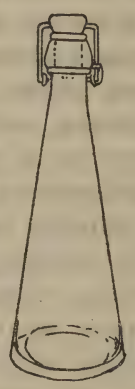


Рис. 7. Бутылка съ патентованной пробкой Рауперта.

Девизомъ при искусственномъ вскармливаніи ребенка для матерей должно служить правило, что важно не то, чѣмъ кормятъ ребенка, а то, какъ его кормятъ. Умѣренное количество пищи, самая тщательная чистота и длинные промежутки между кормленіемъ составляютъ самое важное въ этомъ дѣлѣ, а не дорогіе препараты и разныя хитроумныя примѣси.

Общій физическій уходъ и гигіена ребенка въ раннемъ возрастѣ. Гигіена дѣтской.

Проф. Рудольфа Фишля.

Среди всѣхъ млекопитающихъ нѣтъ ни одного такого безпомощнаго созданія, какъ новорожденный ребенокъ; мало этого, его физическое и умственное развитіе, относительно, идетъ самымъ медленнымъ шагомъ, а угрожающія его здоровью опасности особенно велики. Новѣйшая медицина, видящая самую благородную свою задачу въ предупрежденіи болѣзней и сдѣлавшая въ этой области за послѣднія десятилѣтія самые блестящіе успѣхи, конечно, не оставила безъ вниманія и этихъ безпомощныхъ созданій. Такимъ образомъ въ относительно короткое время гигіена новорожденнаго и грудного младенца достигла значительно высокой степени, результатомъ чего является пониженіе смертности, происходившей вслѣдствіе неправильнаго ухода за дѣтьми, и проистекающихъ отъ этого болѣзней. Какъ акушерство и хирургія удаленіемъ всякихъ инфекціонныхъ зародышей добиваются благополучнаго исхода родовъ и заживленія раны, такъ гигіена новорожденнаго и грудного младенца старается предохранить необыкновенно воспріимчивое и въ нѣкоторыхъ частяхъ прямо предрасположенное тѣло его отъ всякихъ вредныхъ бак-

терій. Я скажу здѣсь нѣсколько словъ о необходимомъ обеззараживаніи комнаты родильницы и всѣхъ, кто занимается уходомъ за ребенкомъ. Замѣчу при этомъ, что я имѣлъ въ виду только благопріятныя условія въ домахъ, при которыхъ возможны желательныя мѣропріятія; сложные же пріемы, которые приняты въ большихъ родильныхъ учрежденіяхъ, не входятъ въ рамки этой статьи.

Изъ теплой и свободной отъ болѣзнетворныхъ зародышей полости матки новорожденный переходитъ во внѣшній міръ. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобъ удалить отъ него всѣхъ возбудителей инфекціи, которые кишатъ вокругъ него; недостаточно развитая способность собственной дѣятельностью поддерживать температуру своего тѣла на одинаковой высотѣ, какъ это дѣлаетъ взрослый человѣкъ, заставляетъ насъ окружить его плохими проводниками тепла, потому что иначе онъ сильно остываетъ и можетъ опасно заболѣть.

Прежде всего приходится уничтожить связь между матерью и ребенкомъ, т.-е. отдѣлить пуповину. Одинъ этотъ актъ уже представляетъ рядъ опасностей. То, что для матери съ ея вполнѣ развитыми предохранительными аппаратами совершенно безопасно, грозитъ ребенку тяжелой инфекціей, хотя бы, напримѣръ, микробы нормальныхъ выдѣленій родового пути. Слѣдовательно, прежде всего надо устроить ребенка, а потомъ роженицу, и первое, что необходимо предпринять съ уже нормально дышащимъ и кричащимъ новорожденнымъ, это перевязка и отдѣленіе пуповины. Недостаточная заботливость при этомъ актѣ влечетъ за собой самыя дурныя послѣдствія.

Къ этому вступительному акту присоединяется первое купанье, во время котораго новорожденный освобождается отъ остатковъ своего девятимѣсячнаго пребыванія въ утробѣ матери, а именно отъ слоя жира, защищавшаго его кожу отъ раздраженія родовыми водами, но который теперь является излишнимъ и можетъ только помѣшать обмѣну веществъ верхняго слоя его кожи.

Далѣе очень важно, чтобъ остатокъ пуповины на тѣлѣ ребенка при первомъ купаньѣ былъ такъ заботливо защищенъ, что не могъ бы помѣшать быстрому осушенію его; во-

вторыхъ, слѣдуетъ избѣгать всякаго тренія и, наконецъ, всякой инфекціи пупочной ранки.

Упомяну здѣсь еще объ одной манипуляціи, которая хотя и относится къ области акушера или акушерки, но которую я считаю до такой степени важной, что серьезно совѣтую близкимъ новорожденнаго обязательно настаивать на ея выполненіи и тѣмъ предотвратить угрожающее зло. Я говорю о пріемѣ Кредэ, состоящемъ въ томъ, что въ глаза ребенка впускаютъ 2%-й растворъ ляписа, который служитъ почти безошибочнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ опаснаго гнойнаго воспаленія глазъ, большей частью бывающаго причиной позднѣйшей слѣпоты. Въ Австріи всѣ акушеры и акушерки обязаны продѣлать эту манипуляцію, въ другихъ же странахъ, гдѣ нѣтъ такого правила, просвѣщенная среда должна настаивать на его исполненіи.

Что касается купанья, то оно должно совершаться въ достаточно большой ваннѣ, которую легко чистить и которую ставятъ или на соотвѣтствующей подставкѣ или на двухъ стульяхъ.

Фаянсовыя ванны, которыя послѣ употребленія приходится только сполоснуть горячей водой, самыя опрятныя, но, къ сожалѣнію, самыя дорогія; за ними слѣдуетъ эмалированныя ванны или ванны, покрытыя внутри никкелемъ, и только послѣднее мѣсто занимаютъ мѣдныя и цинковыя ванны. Всѣ онѣ имѣютъ тотъ недостатокъ, что между дномъ и стѣнками набирается грязь, а также и въ трещинахъ внутри попорченныхъ ваннъ, и, кромѣ того, ихъ, большей частью, приходится чистить кислотами, что очень портитъ матеріалъ. При деревянныхъ ваннахъ къ этому еще присоединяется ржавчина металлическихъ частей и то, что онѣ быстро протекаютъ. Но изъ боязни повредить ваннѣ не слѣдуетъ откладывать ея основательную чистку послѣ каждаго употребленія, а затѣмъ надо ставить ее вверхъ дномъ или закрывать полотняной простыней.

Температура воды должна быть не ниже и не выше 28° по Реомюру (исключеніе допускается только по предписанію врача) и должна быть опредѣлена градусникомъ, при чемъ во все время купанья, которое продолжается четверть часа, слѣдуетъ поддерживать такую температуру, подливая

теплую воду. Какъ слишкомъ горячія, такъ и слишкомъ прохладныя ванны могутъ сильно повредить ребенку, и нѣтъ болѣе ненадежнаго опредѣлителя теплоты, какъ рука, особенно рука акушерки или няньки, которая дѣлается нечувствительной отъ частаго мытья и дезинфецированья. Тамъ, гдѣ качество водопроводной воды возбуждаетъ хотя бы малѣйшее сомнѣніе, ее слѣдуетъ кипятить для купанья новорожденнаго, а для мытья лица и головы я вообще совѣтую употреблять только кипяченую воду. Ребенка кладутъ въ ванну на чистую полотняную простыню, покрывающую дно, одну руку подкладываютъ подъ его головку, чтобы держать ее на поверхности воды, а другой намыливаютъ его тѣло марлевой тряпкой. Не раздражающее и не душистое, но достаточно пѣнистое дѣтское мыло должно во время купанья лежать въ фарфоровой чашкѣ, наполненной тепловатой водой. Лицо и голову моютъ особой марлевой тряпочкой или кускомъ ваты изъ особаго сосуда съ кипяченой водой температуры тѣла, рекомендуется также нужную для этого мыльную пѣну приготовить въ особой чашкѣ. Если это только возможно, слѣдуетъ избѣгать перчатокъ для мытья, потому что ихъ недостаточно часто и основательно моютъ, но въ особенности слѣдуетъ изгнать губки, чистка которыхъ требуетъ самыхъ сложныхъ манипуляцій, совсѣмъ невыполнимыхъ въ частномъ домѣ. Вмѣсто нихъ надо употреблять стерилизованные куски марли или ваты или заранѣе нарѣзанные и прокипяченные куски полотна, которые до употребленія хранятся въ чистой коробкѣ, стеклянной банкѣ и т. д. Только такимъ образомъ можно избѣжать инфекціи, такъ какъ весь этотъ матеріалъ послѣ употребленія бросается и уничтожается.

Такія предписанія, быть можетъ, отчасти мелочны, но долголѣтній и свой собственный и чужой опытъ научилъ насъ, что асептика обыденной жизни должна начаться съ самыхъ первыхъ часовъ послѣ рожденія. Извѣстному изреченію, что количество употребляемаго мыла служитъ мѣриломъ состоянія культуры націи, аналогично замѣчаніе, что количество ежедневно употребленнаго бѣлья, ваты и т. п. служитъ доказательствомъ заботливости при уходѣ за груднымъ ребенкомъ.

Спорный пунктъ составляетъ чистка полости рта груд-

ного младенца. Я стою на той точкѣ зрѣнія, что пока еще нѣтъ зубовъ и кромѣ молока и молочныхъ кушаній ребенку ничего еще не дается, ея совсѣмъ не слѣдуетъ производить.

Всякая манипуляція, произведенная въ дѣтской полости рта неловкой или неопытной рукой, можетъ причинить поврежденія чувствительной слизистой оболочки, которыя потомъ служатъ исходными точками мѣстныхъ и общихъ заразныхъ болѣзней. Если ребенокъ не сейчасъ же послѣ рожденія начинаетъ дышать и кричать и если убѣдятся, что причиной этому является заложеніе дыхательныхъ путей мокротой и родовыми водами, то нужныя мѣры для устраненія этого явленія долженъ предпринять непремѣнно самъ врачъ, во всякихъ же другихъ случаяхъ полость рта грудного младенца для всѣхъ окружающихъ должна быть постояннымъ «не тронь меня», потому что цѣлость слизистой оболочки самая лучшая защита противъ проникновенія живыхъ возбудителей болѣзней. Наблюденіе надъ цѣлыми тысячами новорожденныхъ доказали, что цѣлый рядъ заболѣваній полости рта, которыя ложно приписывали особенностямъ этого возраста, происходитъ лишь отъ неумѣлаго обращенія съ нимъ и что пріостановка омовенія рта надолго ихъ останавливала. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о мѣстномъ заболѣваніи полости рта ребенка и такихъ, которыя ничего общаго не имѣютъ съ омовеніемъ рта, а ихъ бываетъ очень много, только врачъ долженъ рѣшать, какъ и кому лѣчить эти болѣзни.

Вопросъ о томъ, должно ли новорожденнаго и грудного ребенка купать ежедневно или нѣтъ, особенно пока еще не отпала пуповина и заживленіе пупочной ранки еще не совершилось, возбудилъ самыя противорѣчивыя мнѣнія, особенно среди акушеровъ.

Понятно, что передъ купаньемъ неизбѣжно снять съ пупочка бинтъ, а послѣ купанья снова наложить на него марлю и вату и забинтовать, при чемъ, конечно, невозможно избѣжать легкаго тренія. Но надо замѣтить, что опасность зараженія совершенно устраняется тщательной опрятностью, начиная съ мытья рукъ няньки и кончая послѣднимъ бинтикомъ, особенно, если пуповина была коротко обрѣзана, а бинтованіе облегчается короткими бинтами. Съ

другой стороны, у меня и многихъ другихъ врачей является опасеніе дискредитировать ежедневное купанье младенцевъ, сознаніе необходимости котораго проникло въ бѣднѣйшіе классы, а это легко можетъ случиться, если посовѣтуютъ отложить купанье во время первой недѣли. Въ заведеніяхъ, гдѣ опасность инфекціи особенно велика и разнообразна, можно еще усомниться, слѣдуетъ ли допускать купанье, но въ частныхъ семьяхъ все можетъ спокойно остаться по-старому.

Но послѣ отпаденія пуповины и зарастанія пупочной ямки кожей въ продолженіе всего перваго года необходимо ежедневное купанье въ водѣ, равной температурѣ тѣла и по вышеупомянутому способу.

Я настаиваю на томъ, что считаю прямо вреднымъ уже въ этомъ нѣжномъ возрастѣ предпринимать закаливанье ребенка, постепенно понижая градусы воды. Такимъ закаливаньемъ слишкомъ злоупотребляли въ послѣднее время.

Эти разъясненія заставляютъ насъ поговорить о температурѣ дѣтской. Она не должна превышать 15—16° по Реомюру, для чего зимой должна производиться соотвѣтствующая топка, которая контролируется висящимъ въ дѣтской градусникомъ, и лѣтомъ такой температуры достигаютъ, заботливо провѣтривая комнату, запирая окна, спуская занавѣсы и т. д. Только во время купанья, и то только въ первые мѣсяцы, комната можетъ быть немного теплѣе или ванну придвигаютъ къ печкѣ и отгораживаютъ ее отъ остальной комнаты ширмами.

Послѣ купанья ребенка, сухо вытертаго простынкой, одѣваютъ въ согрѣтое бѣлье, рубашечку, которая завязывается тесемочками на спинѣ; затѣмъ подъ ребенка подкладываютъ пеленку, сложенную трехугольникомъ, и нижній конецъ ея закладываютъ между ножками, а боковые концы перекрещиваютъ сверхъ него на животикѣ, а потомъ покрываютъ фланелевой пеленкой. Относительно непромокаемыхъ подстилокъ, которыя кладутся подъ пеленки и подушки, я скорѣе посовѣтовалъ бы избѣгать ихъ и замѣнять болѣе частой перемѣной бѣлья, такъ какъ непромокаемыя матеріи мѣшаютъ испаренію урины, вслѣдствіе чего ребенокъ часто довольно долго лежитъ сырымъ, что вызываетъ раздраженіе кожи и появленіе различныхъ сыпей.

Но со временемъ я пришелъ къ убѣжденію, что употребленіе такой массы бѣлья большей частью непримѣнимо. Поэтому мнѣ пришлось примириться съ подстилкой, но я предпочитаю не каучуковую, а какую-нибудь другую плотную ткань; она и дешевле и не имѣетъ запаха; ее можно чаще мѣнять и подвергать кипяченью.

Съ бѣльемъ слѣдуетъ обращаться очень заботливо, и въ особенности рекомендуется не употреблять пеленокъ, загрязненныхъ уриной и просто высушенныхъ, потому что это можетъ повлечь за собой сильное раздраженіе кожи ребенка. Необходимо избѣгать сушить пеленки въ той комнатѣ, гдѣ находится ребенокъ.

Эти нѣсколько драконовскія требованія могутъ заставить многихъ матерей прибѣгнуть для ихъ устраненія къ раннему пріучиванію ребенка сидѣть на горшечкѣ. Я бы этого не рекомендовать. Грудной младенецъ мочится такъ часто, что ему пришлось бы цѣлый день сидѣть на горшкѣ, такъ, чтобы не запачкать своего бѣлья, а кромѣ того, такое преждевременное сидѣнье связано съ сильнымъ искривленіемъ спины, что, конечно, вредно для спинного хребта. Такіе фокусы лучше оставить и только тогда пріучать ребенка къ совершенію желудочныхъ отправленій на особомъ, предназначенномъ для этого сосудѣ, когда онъ уже будетъ въ состояніи понимать цѣль сидѣнья на немъ и когда питаніе его будетъ уже такого рода, что отправленія эти будутъ происходить черезъ болѣе продолжительные промежутки, что можетъ наступить лишь въ концѣ перваго года.

При перепеленаніи ребенка, которое обыкновенно происходитъ вслѣдствіе моченія или отправленія желудка, нянька должна позаботиться объ очищеніи его тѣла отъ послѣдствій этихъ актовъ. Я уже говорилъ, что не слѣдуетъ скупиться на бѣлье, и нахожу, что 25—30 пеленокъ въ день составляютъ не слишкомъ большое число. Но кожу задней части тѣла не надо обтирать пеленкой, потому что ея слишкомъ плотная ткань только раздражаетъ кожу и не можетъ проникнуть въ жирныя складки тѣла, куда забиваются остатки испражненій и тамъ разлагаются. Если дѣло касается только урины, нянька должна просто взять томпонъ ваты, осушить имъ ребенка, а затѣмъ присыпать порошкомъ; если же младенецъ испачкался испражненіями,

слѣдуетъ прежде всего отбросить все выпачканное бѣлье, иногда даже рубашку и пупочный бинтикъ, а затѣмъ основательно вымыть запачканную часть тѣла ватнымъ томпономъ, смоченнымъ въ тепловатой мыльной водѣ, вытереть ее сухой ватой и наконецъ присыпать порошкомъ. Если при такомъ образѣ дѣйствій частички испражненій все же не удаляются, можно помочь дѣлу, смазывая эти мѣста вазелиномъ изъ оловянной трубочки, а затѣмъ снова смывая ихъ. Только такимъ способомъ возможно основательное очищеніе и избѣжаніе непріятнаго раздраженія кожи, которое иногда бываетъ даже очень опаснымъ.

Теперь поговоримъ о дальнѣйшемъ туалетѣ ребенка. Прежде всего упомянемъ о тюфячкѣ, въ которомъ носятъ его по комнатамъ и на прогулкахъ.

У насъ въ Богеміи употребляютъ тюфячокъ, къ которому ребенка прикрѣпляютъ крестообразно пришитыми свивальниками, часто искусно украшенными изобрѣтательными женщинами. Я долженъ сознаться, что предпочитаю эти тюфячки тѣмъ конвертикамъ, которые почти вездѣ употребляются въ Германіи. Тѣло грудного младенца съ его слабыми костями и мускулами въ первые мѣсяцы жизни находитъ для себя въ тюфячкѣ гораздо лучшую поддержку, чѣмъ въ конвертикѣ, въ которомъ ребенокъ прямо утопаетъ и легко можетъ ослабить свивальникъ, двигая ручками и ножками, что составляетъ его постоянную потребность.

Чепчикъ и шапочка совсѣмъ не нужны, пока ребенокъ находится въ комнатахъ съ соотвѣтствующей температурой; для выхода въ холодное время года ему надѣваютъ чепчикъ, закрывающій голову и уши, а когда становится теплѣе,—шапочку или шляпу изъ легкой матеріи; вуали совершенно излишни. Если слишкомъ холодно, или погода очень плохая, грудной ребенокъ остается дома, а при хорошей погодѣ ему только пріятно будетъ ощущать воздухъ на своемъ лицѣ. Голландскіе чепчики положительно никуда не годны, хотя дѣти въ нихъ очень нарядны. Своими украшеніями съ боковъ и своей глубиной, въ которой совсѣмъ утопаетъ головка, они мѣшаютъ доступу воздуха и не позволяютъ ребенку свободно смотрѣть вокругъ себя.

Шинельки, которыя накидываютъ сверхъ тюфячковъ, должны быть такъ устроены, чтобъ ихъ можно было легко

надѣвать и снимать и чтобы не приходилось долго отстегивать ихъ отъ одежды кормилицы или няньки. Вообще грудного младенца слѣдуетъ очень быстро одѣвать и раздѣвать, и надо сознаться, что его туалетъ этому совершенно не соотвѣтствуетъ, исключая практичныхъ панталончиковъ, замѣняющихъ пеленку. Мнѣ всякій разъ жаль бѣдныхъ малютокъ, когда я вижу, какъ ихъ вертятъ при раздѣваньи, слѣдствіемъ чего иногда даже бываетъ рвота, не говоря уже о крикѣ, который свидѣтельствуетъ о непріятномъ ощущеніи. Именно въ этой области, которой до сихъ поръ пренебрегали, изобрѣтательный женскій умъ могъ бы найти благодарное поле дѣятельности.

Чтобы помѣшать большой потерѣ тепла въ первый годъ жизни ребенка во время пребыванія его на воздухѣ, его не выпускаютъ зимой слишкомъ рано, откладываютъ первый его выходъ до солнечнаго, тихаго и не очень холоднаго дня и не оставляютъ на воздухѣ слишкомъ долго. Слѣдуетъ ли для этого употреблять дѣтскую колясочку, которая должна быть снабжена достаточнымъ количествомъ подушекъ, чтобы можно было откинуть верхъ или просто выносить ребенка на рукахъ, — совершенно безразлично. Слѣдуетъ только позаботиться, чтобы тѣ части тѣла, которыя выходятъ изъ тюфячка, были хорошо закрыты, а голова защищена теплымъ чепчикомъ. Не надо спѣшить надѣвать на ребенка длинныя платьица, составляющія предметъ нетерпѣливаго ожиданія молодой матери, которая не можетъ дождаться, когда увидитъ своего маленькаго любимца въ такомъ туалетѣ, потому что, во-первыхъ, при немъ труднѣе и сложнѣе одѣть ребенка достаточно тепло, а, во-вторыхъ, оно способствуетъ искривленію спинного хребта, если его надѣваютъ слишкомъ рано. Какъ ни пріятно смотрѣть на крошку, щеголяющаго въ такомъ платьицѣ, мы не должны наряжать его въ него въ его же интересахъ, пока мускулатура спины не окрѣпнетъ у него настолько, чтобъ онъ могъ, не уставая, сидѣть прямо довольно продолжительное время, что даже при хорошемъ развитіи ребенка не можетъ наступить раньше конца третьей четверти года.

Для одѣванья и раздѣванья грудного младенца, а также и для пеленанья его при омовеніи и послѣ купанья лучше всего служитъ столъ, доска котораго должна быть обтя-

тянута моющейся матеріей, и такой же матеріей должна быть обтянута низкая загородка вокругъ стола. Съ обѣихъ сторонъ стола должны находиться выдвижныя дощечки, на которыхъ хранятся всѣ припасы, а именно: вата, порошокъ, вазелинъ и т. д., все въ хорошо закрытыхъ сосудахъ, а въ ящикахъ стола должно лежать бѣлье и платье ребенка. Эту важную мебель рекомендуется ставить такъ, чтобъ она и днемъ и во время вечерняго освѣщенія была достаточно освѣщена, не стояла на сквознякѣ и не слишкомъ близко отъ окна.

Люльки, по крайней мѣрѣ, въ интеллигентныхъ слояхъ общества, почти совсѣмъ не употребляются, такъ какъ пришли къ тому убѣжденію, что успокоеніе ребенка посредствомъ закачиванья совсѣмъ нежелательно. Тамъ, гдѣ комната небольшая, дѣтская колясочка, снятая съ колесъ, можетъ служить и кроваткой, но это слѣдуетъ допускать только до тѣхъ поръ, пока ребенокъ еще не умѣетъ самъ садиться, иначе онъ можетъ выпасть изъ колясочки или опрокинуть ее. Чтобы хорошо можно было видѣть спящаго грудного младенца въ колясочкѣ, нужно снять ея верхъ, а для того, чтобы доставить ему достаточное количество воздуха, удаляютъ всякіе занавѣсы и драпировки.

Если мѣста въ комнатѣ достаточно, лучше всего ставить для новорожденнаго кроватку, предпочтительно изъ желѣзныхъ лакированныхъ бѣлыхъ палочекъ, съ вынимающимися боковыми сторонами, обтянутыми моющейся матеріей. Очень элегантныя, такъ называемыя, англійскія кроватки съ мѣдными или золотисто-бронзовыми палочками, вошедшія въ моду за послѣднее время, я совсѣмъ не рекомендую, потому что чистка ихъ порошкомъ и кожей далеко не удовлетворительна, а обивка стѣнокъ шелкомъ, сатиномъ и т. п., хотя и очень нарядна, но не отвѣчаетъ требованіямъ гигіены.

Въ кроваткѣ долженъ быть пружинный или сѣтчатый матрацъ, сверхъ котораго кладется волосяной тюфякъ, покрытый непромокаемой тканью, а на нее стелется хорошо разглаженная полотняная простынка, которую по угламъ прикрѣпляютъ англійскими булавками. Стеганое одѣяльце вкладывается въ моющійся чехолъ на пуговицахъ, а лѣтомъ это одѣяльце замѣняется бѣлымъ пикейнымъ. Подушки

должны быть твердыя и не болѣе двухъ. Занавѣски или балдахинъ составляютъ только излишнихъ собирателей пыли; тамъ, гдѣ свѣтъ мѣшаетъ ребенку и не даетъ ему заснуть, кроватку, которая дѣлается на колесахъ, поворачиваютъ такъ, чтобы свѣтъ не падалъ на нее, или завѣшиваютъ освѣщенную сторону ея пеленкой.

Важнымъ предметомъ въ дѣтской должны быть дѣтскіе вѣсы. Мы употребляемъ для этого особые вѣсы, у которыхъ вмѣсто чашки устроенъ большой подносъ или корзина, въ которую кладутъ ребенка, или десятичные вѣсы съ сѣткой.

Для тѣхъ матерей, которыя не обладаютъ большими способностями въ ариѳметикѣ, самые удобные вѣсы тѣ, которые прямо показываютъ цифру вѣса. Такъ какъ взвѣшиванье требуетъ довольно продолжительнаго времени, я совѣтую, чтобы не простудить ребенка, взвѣшивать его совсѣмъ спеленутымъ, а потомъ отдѣльно взвѣсить всѣ пеленки, тюфячокъ и т. д. Болѣе опытныя матери могутъ присоединять взвѣшиванье къ купанью и класть ребенка на вѣсы, завернутаго въ купальную простыню. Въ интересахъ равномѣрныхъ результатовъ слѣдуетъ производить взвѣшиванье въ одни и тѣ же часы. Полученныя цифры записываются въ особую книжку и предъявляются врачу при его посѣщеніяхъ.

Когда физическое развитіе ребенка настолько подвинулось, что онъ выражаетъ сильное влеченіе къ движенію, дѣтскую необходимо приспособить для этого. Лучше всего поставить для этого въ серединѣ комнаты четырехугольную деревянную раму, обтянутую моющейся матеріей, внутри нея покрыть полъ также моющейся матеріей, лучше всего грубымъ холстомъ, и положить на него нѣсколько игрушекъ для малютки. Въ этой предохранительной рамѣ, которая должна доходить до плечъ ребенка, онъ можетъ сидѣть, иногда подниматься по стѣнѣ, дѣлать нѣсколько шаговъ безъ страха, что можетъ серьезно ушибиться.

Послѣ перваго года, когда ребенокъ уже научился сидѣть и ходить, хорошо ползаетъ и уже дѣлаетъ попытки влѣзать на кресла и его опасно оставлять безъ надзора, дѣтская снова требуетъ легко примѣнимыхъ измѣненій. Прежде всего слѣдуетъ сдѣлать рѣшетки въ окнахъ, чтобъ

можно было сажать ребенка на подоконникъ, на которомъ онъ могъ бы становиться на ножки, держась за рѣшетку, дышать воздухомъ и наслаждаться впечатлѣніями улицы, которыя даютъ богатую пищу его фантазіи. Раму, внутри которой ребенокъ учился первымъ шагамъ, удаляютъ, а полъ обиваютъ линолеумомъ, который не пропускаетъ холода и хорошо моется, вслѣдствіе чего отъ ребенка удаляется, хотя отчасти, опасность инфекціи, происходящей отъ нечистоты.

Одежда и уходъ также измѣняются. Полость рта начинаютъ чистить, удаляя послѣ каждой ѣды мягкой щеткой, смоченной въ кипяченой водѣ, остатки пищи и стараясь пріучить ребенка къ полосканью горла, что, конечно, должно совершаться лишь съ помощью такихъ жидкостей, которыя можно безопасно проглотить. Если пренебрегаютъ такимъ уходомъ за полостью рта послѣ каждой ѣды, особенно, когда ребенку уже даютъ мясную пищу, то начинаются процессы броженія и гніенія, которые вредятъ слизистой оболочкѣ и зубамъ и ведутъ къ цѣлому ряду мѣстныхъ и общихъ заболѣваній. Вслѣдствіе этого я считаю очень важнымъ особенно внимательно слѣдить за зубами и при всякомъ испорченномъ зубѣ, если онъ даже и молочный — обращаться къ зубному врачу, который и рѣшитъ, слѣдуетъ ли запломбировать, или вырвать зубъ.

Ванны слѣдуетъ дѣлать на второмъ году и затѣмъ позднѣе, до поступленія въ школу, два-три раза въ недѣлю. Дѣлать ли это утромъ или вечеромъ — относится къ порядку дня. Вечернюю ванну слѣдуетъ отмѣнить, если замѣчаютъ, что ребенокъ послѣ нея возбужденъ и не можетъ заснуть. Послѣ утренней ванны надо слѣдить, чтобы ребенокъ не выходилъ раньше, какъ черезъ два часа послѣ нея.

Противно мнѣнію многихъ, я не совѣтую слишкомъ рано существенно понижать температуру воды и стою за ванну, по крайней мѣрѣ, въ 26° по Реомюру, но и до такой температуры совѣтую доходить только постепенно. Холодныя обтиранья никакъ не слѣдуетъ дѣлать безъ совѣта врача. Польза ихъ въ смыслѣ предохраненія отъ простуды, какъ доказано на опытѣ, очень проблематична, а вредъ, особенно для малокровныхъ и нервныхъ дѣтей, часто очень великъ.

Одежда должна непремѣнно защищать отъ холода. Я совершенно не согласенъ съ обычаемъ открывать шею и надѣвать на дѣтей короткіе чулочки въ продолженіе зимы, такъ какъ это часто влечетъ за собой горловыя болѣзни и каттары легкихъ. Лѣтомъ, конечно, полезно оставлять малютокъ съ открытой шеей, но во время морозовъ я совѣтую надѣвать на нихъ платочекъ. Голыя икры и лѣтомъ, по-моему, имѣютъ мало смысла, потому что тонкій чулокъ совсѣмъ не грѣетъ и защищаетъ отъ укуса насѣкомыхъ, которыя часто именно въ этихъ мѣстахъ производятъ непріятныя воспаленія. Особенно чувствительныя дѣтскія уши во время холода слѣдуетъ закрывать.

Очень маленькаго ребенка не слѣдуетъ выносить на воздухъ при всякой погодѣ, какъ это очень принято въ видахъ закаливанья, потому что благодаря этому только наживаются простудныя болѣзни, а никакъ не спасаются отъ нихъ.

Особенно важно всегда держать въ теплѣ ноги и охранять ихъ отъ сырости, для чего надѣваютъ на дѣтей достаточно плотные чулки, хорошіе башмаки, а въ очень мокрую погоду калоши. Дома, если на улицѣ было сыро или очень холодно, чулки мѣняютъ и надѣваютъ туфли. Исключеніе составляютъ дѣти, которыя, благодаря плоской ступнѣ или какому-нибудь другому недостатку, принуждены и дома оставаться въ предписанной имъ обуви.

Очень рекомендуются домашнія платья изъ моющихся матерій или, по крайней мѣрѣ, большіе, закрывающіе все платье, фартуки изъ такого же матеріала, такъ какъ только въ такомъ случаѣ можно содержать платье въ чистотѣ и не стѣснять ребенка въ его играхъ.

На второмъ году дѣтей возятъ гулять въ сидячей колясочкѣ, такъ какъ они еще неспособны слишкомъ напрягать свои мускулы и уже достаточно двигались въ комнатахъ. Тамъ, гдѣ много солнца, ихъ вынимаютъ изъ колясочки, сажаютъ на простыню или даютъ имъ сдѣлать нѣсколько шаговъ. Заставлять ребенка упражняться въ ходьбѣ слѣдуетъ очень осторожно, и рекомендуется выждать, пока онъ достигнетъ въ ней большихъ успѣховъ, что происходитъ не раньше, какъ въ концѣ пятаго года.

Безусловно необходимо частое мытье рукъ и лица ма-

ленькихъ дѣтей, которыя много играютъ на полу, берутъ въ руки различные предметы и стараются положить ихъ въ ротъ, чего не должно допускать. Послѣ каждой прогулки, а также и послѣ каждой ѣды надо прибѣгать къ умывальнику и основательно вымыть ребенка, лучше всего не слишкомъ твердой ручной щеткой. Ногти надо часто стричь, потому что подъ ними легче всего набирается всякая грязь, часто очень опаснаго свойства (напр., содержащая туберкулезные бациллы). Я также стою за то, чтобы дѣтямъ въ первые годы жизни черезъ правильные и не слишкомъ длинные промежутки коротко стригли волосы, такъ какъ только такимъ образомъ можно основательно содержать въ чистотѣ кожу головы, а иногда и лѣчить мѣстные процессы.

Очень важно доставлять дѣтямъ продолжительный и покойный сонъ. Въ первые мѣсяцы грудной младенецъ, исключая кормленія, спитъ безпрерывно, но и позднѣе большая часть дня проходитъ у него во снѣ. Надо настаивать на томъ, чтобъ и на второмъ году, кромѣ девяти или десяти часовъ ночного сна, ребенокъ спалъ еще $1^1/_2$ или 2 часа до двѣнадцати часовъ и послѣ полудня. Если первое не удается вслѣдствіе живости ребенка, что большей частью бываетъ съ дѣтьми $2^1/_2$ и 3 лѣтъ, слѣдуетъ продолжить ночной сонъ отъ 11 до 12 часовъ и не отмѣнять послѣобѣденнаго отдыха. Послѣ четырехъ лѣтъ дѣтей почти невозможно заставить спать послѣ обѣда, поэтому необходимо, чтобъ они спали ночью не меньше 12 часовъ, что, по-моему, обязательно должно продолжаться до десятилѣтняго возраста. Но для достиженія этой цѣли слѣдуетъ избѣгать сильныхъ нервныхъ возбужденій, напримѣръ, вечеровъ, театровъ и другихъ представленій, и я не могу достаточно сильно рекомендовать не дѣлать такихъ покушеній на дѣтскую нервную систему.

Что касается гимнастики, которую я высоко ставлю какъ средство развитія тѣла, если она правильно поставлена, то о ней говорится въ особой статьѣ этой книги.

Въ заключеніе скажу только нѣсколько словъ о гигіеничномъ устройствѣ дѣтской, которое должно охранять ребенка отъ поврежденій, инфекцій и т. д. и достигнуть котораго при нормальныхъ условіяхъ жилища можно и безъ большихъ затратъ. Я не требую для этого комнаты, кото-

рая походила бы на новѣйшій асептическій операціонный залъ, потому что въ частномъ домѣ это и совсѣмъ не нужно. Но, конечно, всякіе разсадники пыли и грязи должны быть удалены, а этого можно достигнуть, опредѣливъ для дѣтской свѣтлую комнату, расположенную на солнечной сторонѣ, защищенную отъ сквозняковъ, стѣны которой можно мыть, а двери, окна и мебель должны быть выкрашены бѣлой краской, полъ устланъ моющимся линолеумомъ или, по крайней мѣрѣ, такъ устроенъ, чтобы его можно было основательно чистить. Мебель не должна имѣть острыхъ угловъ и краевъ, чтобы ребенокъ не могъ о нихъ ушибиться; желательно также, чтобы мебель была настолько тяжела, что дѣти не могли бы двигать ее; для этого достаточно имъ креслица и столика. Ковровъ, мягкой мебели и тяжелыхъ драпировокъ слѣдуетъ избѣгать; занавѣски дѣлаются изъ моющейся матеріи и передвигаются на шнуркахъ; полъ, если это необходимо, лучше всего покрывать холстомъ. Картинъ, за которыми тоже набирается пыль, въ дѣтской не вѣшать, ихъ замѣняютъ фризами, которые теперь великолѣпно исполняются. Всегда надо имѣть въ виду, что можетъ потребоваться дезинфекція комнаты, которую при такомъ устройствѣ будетъ очень легко выполнить безъ вреда для мебели. По этой же причинѣ хорошо ставить игрушки на моющуюся полку, которую каждый день надо хорошо вытереть отъ пыли. Чѣмъ проще игрушки, тѣмъ легче рѣшаются, въ случаѣ нужды, на ихъ уничтоженіе; то же самое можно сказать и о книгахъ съ картинками.

Соблюдая всѣ высказанные здѣсь принципы, возможно будетъ избавить ребенка отъ цѣлаго ряда опасностей, угрожающихъ его развитію и здоровью и рядомъ съ физическимъ такъ же успѣшно провести и его гигіеничное воспитаніе.

Уходъ за здоровьемъ дѣтей школьнаго возраста.

Проф. Лео Бургерштейна (Вѣна).

Съ перваго школьнаго дня для ребенка начинается новая жизнь, а для родителей обязанность такъ устроить (насколько это позволитъ школа), чтобы здоровое физическое развитіе ребенка не пострадало при существенно измѣнившихся для него условіяхъ жизни.

Раннее начало ученья прежде всего требуетъ заботы о достаточномъ снѣ; потребность въ немъ не одинакова для всѣхъ дѣтей и молодыхъ людей одного и того же возраста, но можно сказать, что среднимъ числомъ для шести-восьмилѣтнихъ дѣтей достаточно 11 часовъ сна; для девяти-десятилѣтнихъ отъ 10 до 11 часовъ; для одиннадцати-двѣнадцатилѣтнихъ 10 часовъ; для тринадцатилѣтнихъ $9^1/_2$ часовъ; для четырнадцати-пятнадцатилѣтнихъ 9 часовъ, а для дѣтей послѣдующихъ возрастовъ достаточно $8^1/_2$ часовъ. Соотвѣтственно съ этимъ школьники должны своевременно ложиться спать.

Передъ сномъ слѣдуетъ избѣгать всего, что можетъ помѣшаетъ быстрому наступленію спокойнаго глубокаго сна; слѣдовательно, передъ сномъ не должно быть возбуждающаго интереснаго чтенія, послѣ ужина не надо готовить уроковъ для школы, не слишкомъ много пить передъ тѣмъ, какъ ложиться въ постель. Лицо, руки и шея должны быть вымыты, а зубы основательно вычищены. Слѣдуетъ позаботиться объ освобожденіи мочевого пузыря; ужинъ, особенно дѣтей старшаго возраста, не долженъ быть слишкомъ обильный.

Спальня должна быть, по возможности, большая и удалена отъ шума, спящій долженъ лежать на туго набитомъ матрацѣ, голова должна покоиться на неслишкомъ мягкой подушкѣ средней величины; одѣяла должны быть не тяжелыя, но изъ легкаго и мягкаго матеріала. Насколько тепло слѣдуетъ покрывать дѣтей (шерстяное одѣяло или пухо-

вичокъ) и насколько тепла должна быть комната (17° Ц. или больше), зависитъ отъ того, идетъ ли дѣло о здоровыхъ и старшихъ или о слабенькихъ и маленькихъ школьникахъ; для послѣднихъ рекомендуется подтапливать комнату зимой въ продолженіе ночи. Насильственное закаливанье слабенькихъ, худенькихъ и малокровныхъ дѣтей нельзя одобрить ни относительно сна ни относительно одежды зимою, такъ какъ большія потери тепла очень вредятъ такимъ дѣтямъ.

Постельное бѣлье слѣдуетъ каждое утро, также и зимой, хорошо провѣтривать, одѣяла, подушки и матрацъ чаще выколачивать, а когда возможно, выносить на солнце. Во многихъ городахъ существуетъ достойный подражанія обычай — основательно провѣтривать каждое утро постель на подоконникахъ открытыхъ оконъ.

Школьники непремѣнно должны совершенно выспаться, чтобъ они могли утромъ проснуться сами, не дожидаясь, чтобъ ихъ разбудили. Передъ отходомъ въ школу должно еще остаться столько времени, чтобы не спѣша умыться, одѣться, позавтракать и дойти до школы. Всѣ нужныя книги и принадлежности должны быть уложены съ вечера. Никакъ не слѣдуетъ допускать брать съ собой больше вещей, чѣмъ необходимо!

Обильный завтракъ очень рекомендуется; хлѣбъ съ масломъ и съ мясомъ, яйца и т. п., къ этому прибавляется молоко или очень жидкій чай съ молокомъ, какао или кофе пополамъ съ молокомъ. Затѣмъ слѣдуетъ еще выполоскать ротъ и горло холодной водой.

Если дѣтямъ утромъ не хочется ѣсть, надо дать имъ съ собой обильный второй завтракъ, завернувъ его въ чистую бумагу, но никакъ не надо давать лакомствъ. Хорошо укладывать завтракъ въ оцинкованную жестяную коробку. Очень рекомендуется употребленіе собственнаго стакана, котораго не слѣдуетъ давать товарищамъ.

Школьники должны во-время итти въ школу и во-время возвращаться домой. Если они возвращаются домой въ полдень, они должны передъ ѣдой вымыть руки, потому что къ нимъ пристаетъ многое, что потомъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и другими кушаньями можетъ попасть на слизистую оболочку рта и затѣмъ проникнуть далѣе, въ пищеварительные органы, благодаря чему происходятъ многія

заразныя болѣзни. Если у школьниковъ бываютъ уроки въ школѣ также и послѣ полудня, обѣдъ долженъ быть удобоваримый и не слишкомъ обильный. По крайней мѣрѣ, часъ послѣ обѣда школьники не должны заниматься уроками и не читать ничего слишкомъ возбуждающаго интересъ.

Такъ какъ въ молодости должно не только замѣнять потраченное, но и дѣлать запасы, превышающіе затрату, то достаточное питаніе и хорошее пищевареніе особенно важны. Совершенно не рекомендуется заставлять дѣтей ѣсть тѣ кушанья, которыя имъ противны. Слѣдуетъ установить правильные часы для ѣды и позаботиться о томъ, чтобы дѣти не глотали кушаній горячими и слишкомъ быстро, но ѣли бы ихъ умѣренно-теплыми, основательно прожевывая твердую пищу. На потерю аппетита, а также и на нежеланіе итти въ школу или играть не слѣдуетъ смотрѣть легко, напротивъ, надо постараться найти причину этому, а въ случаѣ нужды призвать врача.

Пища должна быть разнообразная; но надо избѣгать очень пряныхъ и тяжелыхъ кушаній: слѣдовательно, не надо давать кислаго чернаго хлѣба, содержащаго отруби, стараго сыра или переспѣвшихъ зеренъ стручковыхъ овощей (гороха, бобовъ, чечевицы), которыя лучше давать въ видѣ пюре, больше же всего рекомендуется пища, содержащая въ себѣ бѣлокъ, въ видѣ мяса, яицъ, молока и хорошо выпеченнаго ржаного хлѣба. Молоко надо давать только кипяченое и пастеризованное или въ видѣ простокваши; изъ жировъ, употребляемыхъ съ хлѣбомъ, рекомендуется сливочное масло, гусиное или свиное сало, особенно, если они вытоплены дома. Обязательно избѣгать возбуждающихъ веществъ, какъ, напримѣръ, крѣпкаго кофе, чаю и спиртныхъ напитковъ. Куренье табаку, къ сожалѣнію, распространено среди школьной молодежи.

Для хорошаго пищеваренія необходимы здоровые зубы. Пищевареніе составляетъ работу пищеварительныхъ органовъ, во время которой не могутъ одновременно работать всѣ массы мускуловъ или мозга. Поэтому понятно, что потребность въ такъ называемомъ покоѣ во время пищеварительнаго процесса тѣмъ сильнѣе, чѣмъ обильнѣе и неудобоваримѣе была ѣда. А молодежь слѣдуетъ кормить обильно.

Когда пищевареніе достаточно совершится, слѣдуетъ позаботиться о приготовленіи заданныхъ уроковъ, о моціонѣ и о томъ, чтобъ осталось время и на занятія по собственному выбору дѣтей. Послѣднее очень важно для развитія индивидуальности.

Обременять юношество работой очень нежелательно. Вслѣдствіе этого легко можетъ наступить переутомленіе, особенно, если ребенокъ не одаренъ большими способностями, а отъ него требуютъ окончанія средняго учебнаго заведенія. Въ такомъ случаѣ все время уходитъ на приготовленіе уроковъ, и приходится сокращать сонъ. Къ этому иногда присоединяется жестокость наказанія такихъ дѣтей, между тѣмъ какъ они даютъ все, что могутъ. Замѣчу кстати, что слѣдовало бы совершенно изгнать тѣлесныя наказанія, особенно же никогда не прибѣгать къ ударамъ по головѣ и по спинѣ. Учениковъ народной школы, которые не могутъ удовлетворять ея требованій, слѣдуетъ вести къ врачу, а не наказывать. Выздоравливающихъ дѣтей слѣдуетъ беречь, а не требовать отъ нихъ быстраго усвоенія пропущенныхъ уроковъ; послѣднее можетъ тяжело отомстить за себя, и лучше оставить ребенка еще на годъ въ классѣ, чѣмъ насильственно подгонять его.

Доказано, что извѣстныя болѣзненныя явленія (блѣдная немочь, частыя головныя боли и т. д.) особенно часто встрѣчаются среди дѣвочекъ при нездоровомъ образѣ жизни, тѣмъ болѣе, что переходный возрастъ часто связанъ съ физическими и душевными осложненіями, а заболѣванія во время роста часто влекутъ за собой вредныя послѣдствія на всю жизнь; часто дѣвочкамъ наносится большой вредъ тѣмъ, что ихъ заставляютъ по нѣсколько часовъ сидѣть за рукодѣльями, польза которыхъ очень сомнительна въ воспитательномъ и матеріальномъ отношеніи, или подолгу упражняться на рояли, что также очень вредно. Ко всякой наукѣ слѣдуетъ относиться серьезно, а изученіе музыки требуетъ большого напряженія.

При всякихъ урокахъ очень важно, какъ дѣти сидятъ, потому что всякая умственная работа затрудняетъ дыханіе, а неправильнымъ сидѣньемъ такое непріятное явленіе еще болѣе усиливается. При чтеніи рекомендуется удоб-

но прислониться къ спинкѣ кресла или стула, также и при женскихъ рукодѣльяхъ, которыя это допускаютъ.

Во время писанья особенно трудно избѣжать неправильныхъ положеній, напримѣръ, приближенія глазъ къ работѣ не менѣе, чѣмъ на 30 сант. Отчасти можно достигнуть желаемыхъ результатовъ, во-первыхъ, подставивъ подъ ноги скамейку, во-вторыхъ, приблизивъ туловище къ столу съ помощью твердой подушки на спинкѣ кресла и, въ-третьихъ, удаливъ на нужное разстояніе глаза отъ стола, подложивъ подъ ребенка толстую книгу; если же родители имѣютъ для этого средства, слѣдуетъ купить для школьника пюпитръ, который можно приноравливать ко всякому росту и который можно теперь купить во всякомъ большомъ городѣ. Но никогда не слѣдуетъ забывать, что правильное сидѣнье во время писанья требуетъ большого напряженія мускуловъ, чего не можетъ долго выдержать ни одинъ ребенокъ. Поэтому слѣдуетъ давать школьникамъ подходящія скамейки, сидѣнье на которыхъ не можетъ повредить здоровью; смотря по возрасту, слѣдуетъ дѣлать болѣе или менѣе частые перерывы въ писаніи и заставлять дѣтей двигаться или удобно прислониться.

Источникъ свѣта (окно, лампа) при писаньи всегда должны находиться съ лѣвой стороны, никогда не слѣдуетъ допускать чтенія, писанья, шитья и т. п. въ сумеркахъ.

Учиться, какъ и спать, слѣдуетъ въ тишинѣ, чтобы ничто не мѣшало работѣ.

Рекомендуется разъ въ мѣсяцъ внимательно осматривать спины школьниковъ, предварительно раздѣвъ ихъ, чтобъ убѣдиться, не искривилась ли линія спинного хребта, ровны ли плечи и бедра, а когда ребенокъ наклонится впередъ, не выступаютъ ли одни ребра больше другихъ. Особенно матери должны слѣдить въ этомъ отношенія за дѣвочками.

Къ физическому уходу причисляется и соотвѣтствующее упражненіе мускуловъ и уходъ за кожей. Первое для дѣтей младшаго школьнаго возраста достигается подвижными играми; упражненія, требующія бо́льшаго напряженія, откладываются до болѣе поздняго времени; до 14 лѣтъ вообще не слѣдуетъ допускать ѣзды на велосипе-

дѣ. Никакое упражненіе мускуловъ, даже во время экскурсій, не должно доводиться до переутомленія. Дѣти охотно долго остаются на каткѣ, а большіе мальчики особенно любятъ долго сидѣть въ водѣ во время купанья. Школьникамъ вообще не слѣдуетъ позволять купаться, когда вода холоднѣе 20° Ц. Никогда не надо оставлять дѣтей въ водѣ до тѣхъ поръ, пока губы у нихъ посинѣютъ и сни начнутъ стучать зубами. Дѣтей, которыя не хотятъ входить въ холодную воду, не надо принуждать къ этому, но слѣдуетъ пріучать ихъ къ этому постепенно, напр., холодными обтираньями. Очень малокровные, слабенькіе школьники не должны оставаться въ водѣ больше 5 минутъ. Полезно посовѣтоваться съ врачомъ, прежде чѣмъ разрѣшить дѣтямъ купаться, а особенно плавать. При кашлѣ или насморкѣ дѣтямъ не только не слѣдуетъ позволять купаться, но и не надо пускать ихъ въ школу, такъ какъ эти незначительныя простудныя болѣзни часто влекутъ за собой инфекціонныя заболѣванія.

Для правильной дѣятельности кожи необходимы теплыя ванны, поддерживающія чистоту. Зимой ихъ слѣдуетъ дѣлать, по крайней мѣрѣ, черезъ каждые 14 дней и такъ же, какъ и холодное купанье, только послѣ продолжительнаго пищеваренія. Какъ и при всякомъ мытьѣ, послѣ купанья рекомендуется всегда вытирать ребенка его собственной простыней. Полезно во время купанья затыкать уши ватой.

Очень важно развивать дыханье: для этого необходимы движенія на свѣжемъ воздухѣ и частое провѣтриванье жилища. Тѣхъ школьниковъ, которые мало двигаются на воздухѣ, слѣдуетъ заставлять глубоко вздыхать, вытянувшись во весь ростъ; если не очень холодно, то это продѣлывается у открытаго окна, при чемъ дышать слѣдуетъ, какъ всегда, носомъ. Если дыханіе носомъ затруднено, слѣдуетъ обратиться къ врачу-спеціалисту. Своевременной помощью въ этомъ случаѣ достигаютъ удивительныхъ результатовъ.

Къ правильному физическому уходу относится и здоровая одежда. Всего стѣсняющаго тѣло надо избѣгать; сюда относятся узкіе воротники, узкіе пояса, лифчики и корсеты, круглыя подвязки и тѣсные башмаки. Обувь, вы-

выпачканную грязью или промокшую, слѣдуетъ тотчасъ же снимать по возвращеніи домой; въ послѣднемъ случаѣ надо надѣть теплые, сухіе чулки. Въ дождливую погоду лучше всего служитъ длинный плащъ. Шерстяное бѣлье предпочитается полотняному при сильномъ моціонѣ, а также шерстяныя полоски полезнѣе кожаныхъ предохранителей отъ пота въ шапкахъ и шляпахъ. Надо остерегаться насильственнаго «закаливанья» слабенькихъ дѣтей также и относительно платья; оно должно грѣть, не вызывая пота.

Такъ какъ школьники, особенно младшаго возраста, очень воспріимчивы къ инфекціоннымъ болѣзнямъ, то не слѣдуетъ позволять имъ посѣщать больныхъ товарищей, не убѣдившись, чѣмъ они больны, а также не слѣдуетъ допускать, чтобы дѣти и внѣ дома встрѣчались съ домашними заразнаго больного. Надо слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти содержали въ чистотѣ свои ногти и не трогали собакъ, кошекъ и домашнихъ птицъ.

Обильный ужинъ мѣшаетъ быстрому и спокойному сну тѣмъ болѣе, чѣмъ старше ребенокъ. Во всякомъ случаѣ, очень желательно, чтобы послѣ него дѣти больше не занимались и не предпринимали ничего возбуждающаго. Особенно рекомендуется не водить дѣтей поздно вечеромъ въ театры, на дѣтскіе балы или въ рестораны или давать имъ поздній ужинъ. Опытъ скоро покажетъ, сколько надо давать дѣтямъ ѣсть вечеромъ и въ какой часъ, чтобы не помѣшаетъ сну; трудно перевариваемыхъ кушаній, конечно, слѣдуетъ избѣгать, и вообще маленькимъ школьникамъ рекомендуется давать полужидкія блюда, напримѣръ, засыпанныя крупой молочныя кушанья съ какимъ-нибудь добавленіемъ, если они охотно ихъ ѣдятъ.

Особой осторожности требуетъ періодъ развитія возмужалости, у мальчиковъ въ нашемъ климатѣ послѣ 13, а у дѣвочекъ послѣ 12 лѣтъ. Для дѣвочекъ очень важно въ этотъ періодъ, когда онѣ черезъ немного лѣтъ должны уже изъ ребенка превратиться въ женщину, имѣть много неутомляющаго моціона на воздухѣ; онѣ не должны также много сидѣть за рукодѣльями. Дѣвочки, какъ и мальчики, должны въ этотъ періодъ получать за ужиномъ легкую пищу, избѣгать пряностей, возбуждающихъ и спиртныхъ напитковъ. Мальчиковъ въ особенности слѣдуетъ

въ это время постепенно закалять прохладной водой и сильнымъ моціономъ; они должны спать на твердыхъ матрацахъ, держать руки сверхъ одѣяла, не лежать на спинѣ и избѣгать возбуждающаго чтенія, особенно чтенія романовъ. Всего, что можетъ возбуждать чувственность, слѣдуетъ, по возможности, избѣгать. Передъ сномъ полезна ручная гимнастика. За правильнымъ отправленіемъ желудка надо внимательно слѣдить и обращать большое вниманіе на общество мальчиковъ и на то, какъ они проводятъ каникулы. Руки не должно держать въ карманахъ панталонъ. Лучше всего отклонять мальчиковъ отъ нежелательныхъ школьническихъ компаній (кутежей), выставляя ихъ въ смѣшномъ свѣтѣ уже въ томъ возрастѣ дѣтей, когда они еще не имѣютъ для нихъ никакой прелести.

Очень важно въ воспитальномъ смыслѣ не давать дѣтямъ никакихъ обязательныхъ работъ на воскресенье; это обусловливается все возрастающей культурой, которая требуетъ и усиленной работоспособности. Ради воскреснаго отдыха не слѣдуетъ будить дѣтей слишкомъ рано, чтобъ отправлять ихъ на экскурсіи, какъ это, къ сожалѣнію, часто бываетъ въ большихъ городахъ. Напротивъ, надо пріучать дѣтей по воскресеньямъ вставать не торопясь и отправляться съ ними за городъ позднѣе; съ прогулокъ слѣдуетъ возвращаться не слишкомъ переутомленными и не слишкомъ поздно. Нельзя также одобрить обремененія дѣтей уроками на каникулярное время.

Знаменитый, къ сожалѣнію, рано умершій, профессоръ патологической анатоміи Кэй, въ Стокгольмѣ, очень разносторонній и выдающійся умный политикъ, опубликовалъ въ своемъ родѣ единственный трудъ, въ которомъ приводитъ распредѣленіе времени и занятій для мальчиковъ и юношей школьнаго возраста, основанное на наблюденіяхъ надъ собственными дѣтьми. На основаніи этого распредѣленія и составлена нижеприведенная таблица, содержащая въ себѣ минимальныя требованія съ точки зрѣнія ухода за здоровьемъ, т.-е., въ среднемъ, высшія требованія, какія можно предъявить къ учащимся. Они такъ высоки потому, что Кэй довелъ ихъ до крайней границы сообразно съ тѣми условіями, въ которыхъ тогда находились школы въ Швеціи.

Распредѣленіе дней недѣли и занятій для 6—17-лѣтнихъ дѣтей, т.-е. на 7—18 году.

Возрастъ.	Часъ отхода ко сну и вставанье.		Продолж. сна въ часахъ.	Время одѣв., раздѣванія и т. д.	Время для ѣды и отдыха.	Время для игръ и зан. по собств. выб.	Занятія въ школѣ и дома.	Уроки въ школѣ, включая рекреац. въ четв. часа.	Время занятій, включая пѣніе и гимнастику.		Уроки въ школѣ, включая рекреац. въ четв. часа.	Пѣніе.	Гимнастика.	Домашнія занятія.
	Веч.	Утро.							Въ общ. дома и въ шк.	Въ самой школѣ.				
7.	8	7	11	1	3	6	2—3	2—2,30	12—18	12—18	12—15	2/2 [2])	2 [4])	—
8.	8	7	11	1	3	5—6	3—4	2—3	18—24	15—21	12—18	2/2 [2])	2 [4])	3
9.	8	7	11	1	3	5	4—5	2,30-3,30	24—30	18—24	14—20	2/2 [2])	3 [5])	6
10.	8—9	7	10—11	1	3	3—4	6	4	36	29	24	2 [3])	3	7 [6])
11.	8—9	7	10—11	1	3	3—4	6	4	36	29	24	2	3	7
12.	9	7	10	1	3	3	7	4 и 5 [1])	42	32	27	2	3	10
13.	9	7	10	1	3	3	7	4 и 5 [1])	42	32	27	2	3	10
14.	9,30	7	9,30	1	3	2,30	8	5	48	35	30	2	3	13
15.	10	7	9	1	3	2,30	8,30	5	51	35	30	2	3	16
16.	10	7	9	1	3	2,30	8,30	5	51	35	30	2	3	16
17.	10	6,30	8,30	1	3	2,30	9	5	54	35	30	2	3	19
18.	10	6,30	8,30	1	3	2,30	9	5	54	35	30	2	3	19

1) Т.-е три дня 4 и три дня 5 часовъ.

2) Т.-е. ежедневно 10 минутъ или два дня по 30 минутъ.

3) Въ этомъ и послѣдующихъ годахъ по 20 минутъ.

4) Т.-е 20 минутъ ежедневно.

5) Т.-е. въ этомъ и послѣдующихъ годахъ по 30 минутъ.

6) Въ этомъ и послѣдующихъ годахъ на всѣ домашнія работы полагается одинъ часъ въ недѣлю (10 минутъ въ день).

Уходу за здоровьемъ дѣтей школьнаго возраста можно также способствовать, давая имъ на руки печатныя наставленія относительно самыхъ важныхъ моментовъ въ ихъ возрастѣ.

Дѣтскій ростъ.

Доктора Вильгельма Камерера въ Штутгартѣ.

О значеніи роста и развитія дѣтскаго тѣла будетъ говорено въ ближайшей статьѣ, при чемъ будетъ обращено особое вниманіе на относительныя условія. Поэтому здѣсь мы сдѣлаемъ рядъ указаній относительно абсолютнаго роста длины и вѣса дѣтскаго тѣла.

На первый взглядъ кажется очень простымъ дѣломъ установить ростъ длины и вѣса всего тѣла, по временамъ

взвѣшивая и измѣряя ребенка. Но такой образъ дѣйствій можетъ повлечь за собой значительныя ошибки, такъ какъ рядомъ съ процессами роста еще многія другія причины могутъ уменьшать и увеличивать вѣсъ, а отчасти и длину тѣла. Сюда относятся, напримѣръ, правильныя колебанія вѣса въ продолженіе сутокъ. Ниже всего вѣсъ бываетъ утромъ натощакъ, а выше всего вечеромъ послѣ ужина. У взрослаго разница составляетъ приблизительно 1000 g., у десятилтѣняго ребенка около 700 g. и у 4-мѣсячнаго младенца около 200 g. Понятно, что причиной такой прибавки служитъ перевѣсъ получаемаго надъ тратой, между тѣмъ какъ противоположное отношеніе ночью снова уменьшаетъ вѣсъ. Увеличеніе вѣса съ утра до вечера также подвергается сильнымъ колебаніямъ, соотвѣтственно измѣненіямъ внѣшнихъ условій. Длина тѣла также подвергается въ продолженіе дня извѣстнымъ колебаніямъ; напримѣръ, и дѣти и взрослые утромъ при вставаніи выше всего; черезъ четыре или пять часовъ послѣ него ростъ больше всего уменьшается — отъ 1 до 5 сант. Уменьшеніе бываетъ не равномѣрное, но колеблется сообразно съ занятіями. Тѣлу снова возвращается его самая большая длина, если человѣкъ нѣкоторое время около двѣнадцати часовъ дня пролежитъ горизонтально происходитъ это вслѣдствіе того, что во время продолжительнаго вертикальнаго положенія человѣка сжавшіеся хрящи между отдѣльными позвонками снова оттягиваются, а съ ними и весь позвоночный столбъ. Это и есть причина, почему дѣти, пролежавшія нѣкоторое время въ постели вслѣдствіе болѣзни, кажутся выросщими.

Кромѣ этихъ ежедневныхъ колебаній, существуютъ и правильныя колебанія вѣса и длины въ продолженіе времени года, не имѣющія ничего общаго съ ростомъ. А именно, максимальный періодъ годичнаго увеличенія вѣса падаетъ на осень (отъ августа до декабря), минимальный періодъ на весну (отъ апрѣля до іюля), средній періодъ на на зиму (отъ декабря до апрѣля). Увеличеніе роста совершается совсѣмъ наоборотъ. Это интересное явленіе, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ различныхъ условій. Такъ, напримѣръ, врачами установлено, что весна и начало лѣта составляютъ самое вредное, а осень и начало зимы самое

здоровое время въ году; поэтому весной вслѣдствіе частаго нездоровья вѣсъ тѣла понижается, ростъ же его въ длину ничѣмъ не задерживается; сильная жара также неблагопріятно дѣйствуетъ на вѣсъ тѣла.

Далѣе на вѣсъ тѣла оказываетъ существенное вліяніе недостаточное или слишкомъ обильное питаніе, вслѣдствіе чего часто является кажущееся слишкомъ малое или слишкомъ большое увеличеніе его. Такъ, напримѣръ, въ лѣтнихъ колоніяхъ больше заботятся о поднятіи вѣса, чѣмъ о ростѣ дѣтей, которыя плохо питаются дома; въ колоніяхъ такія дѣти въ короткое время увеличиваются въ вѣсѣ на нѣсколько кило, но вернувшись домой они очень скоро снова ихъ теряютъ.

Поэтому, если хотятъ, чтобы взвѣшиванья и измѣренія имѣли какую-нибудь цѣну, слѣдуетъ принять во вниманіе многія обстоятельства. Слѣдуетъ всегда взвѣшивать дѣтей утромъ натощакъ, всегда въ одной и той же легкой одеждѣ или совсѣмъ обнаженными, и также утромъ, какъ только ребенокъ встанетъ съ постели измѣрить его ростъ. Но такъ какъ и при такихъ предосторожностяхъ опредѣленія у отдѣльныхъ дѣтей могутъ быть ошибочными, лучше всего наблюдать нѣсколькихъ дѣтей сразу и сдѣлать средній выводъ изъ полученныхъ цыфръ; но слѣдуетъ наблюдать, чтобы данный матеріалъ по возможности былъ равномѣрный. Такія наблюденія доказали, что рядомъ съ возрастомъ и поломъ раса и наслѣдственность, соціальное положеніе, время рожденія и число предшествовавшихъ рожденій и т. д. имѣютъ существенное вліяніе на вѣсъ и длину тѣла. Общихъ «нормальныхъ кривыхъ для опредѣленія роста» поэтому не существуетъ, и онѣ не имѣютъ никакого значенія.

Вѣсъ здоровыхъ нѣмецкихъ мальчиковъ средняго класса составляетъ при рожденіи около 3400 g., а вѣсъ такихъ же дѣвочекъ 3200 g. Часто вѣсъ новорожденныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ опредѣляли въ 300 g., но это случалось потому, что первыя изслѣдованія дѣлались въ родовспомогательныхъ клиникахъ, куда, большей частью, являлись очень бѣдныя матери, часто работавшія до самыхъ родовъ и потому производившія на свѣтъ особенно маленькихъ дѣтей.

Въ первые 2—4 дня вѣсъ новорожденнаго вслѣдствіе трудностей и поврежденій во время родовъ уменьшается на 200 g., но на восьмой или десятый день снова возстановляется первоначальный вѣсъ; затѣмъ прибавленіе въ вѣсѣ идетъ приблизительно такъ:

Таблица I.

	Дѣти, вскормленныя грудью.		Искуств. вскормл. мальчики и дѣвочки
	Мальчики g.	Дѣвочки g.	g.
Вѣсъ при рожденіи.	3480	3240	3390
Конецъ 4 недѣли.	4170	3810	3730
„ 8 „	5080	4560	4340
„ 12 „	5870	5270	4950
„ 16 „	6580	5900	5610
„ 20 „	7140	6520	6270
„ 24 „	7650	6920	6900
„ 28 „	8140	7380	7300
„ 32 „	8540	7800	7750
„ 36 „	8900	8090	8130
„ 40 „	9220	8400	8270
„ 44 „	9650	8720	8650
„ 48 „	9970	8970	8910
„ 52 „	10210	9660	9980

Ежедневное увеличеніе въ вѣсѣ дѣтей, вскормленныхъ грудью, составляетъ за 4 недѣли около 30 g.; отъ 5 до 12 недѣли около 28 g.; отъ 13 до двадцатой недѣли отъ 20 до 24 g.; отъ 21 до 36 недѣли 16—18 g.; отъ 37 до 52 недѣли 10—15 g. Слѣдовательно, вѣсъ ребенка, вскормленнаго грудью, къ концу перваго мѣсяца составляетъ около 4000 g.; въ началѣ пятаго мѣсяца первоначальный вѣсъ приблизительно удвоился, а къ концу перваго года приблизительно утроился. Разница въ вѣсѣ мальчиковъ и дѣвочекъ постепенно все увеличивается въ пользу мальчиковъ и къ концу перваго года составляетъ около 500 g., такъ что мальчики въ это время вѣсятъ около 10,2 килогр., а дѣвочки 9,7 килогр.

Изъ таблицы видно, что искусственно вскормленныя дѣти въ первую четверть года значительно отстаютъ отъ дѣ-

тей, вскормленныхъ грудью — вѣроятно, вслѣдствіе нецѣлесообразнаго питанія и заболѣваній; но позднѣе они, наоборотъ, полнѣютъ скорѣе и къ концу перваго года достигаютъ почти того же вѣса, что и дѣти, вскормленныя грудью.

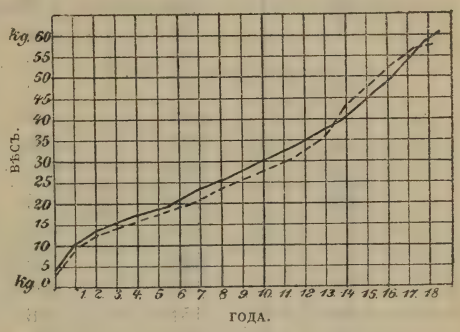
Таблица II: прибавленіе въ вѣсѣ.

Возрастъ.	Мальчики.		Дѣвочки.	
	Вѣсъ тѣла килогр.	Год. увелич. килогр.	Вѣсъ тѣла килогр.	Год. увелич. килогр.
Рожденіе.	3,4	—	3,2	—
1.	10,2	6,8	9,7	6,5
2.	12,7	2,5	12,2	2,5
3.	14,7	2	14,2	2
4.	16,5	1,8	15,7	1,5
5.	18	1,5	17	1,3
6.	20,5	2,5	19	2
7.	23	2,5	21	2
8.	25	2	23	2
9.	27,5	2,5	25	2
10.	30	2,5	27	2
11.	32,5	2,5	29	2
12.	35	2,5	32	3
13.	37,5	2,5	37	5
14.	41	3,5	43	6
15.	45	4	48	5
16.	50	5	52	4
17.	56	6	—	—
18.	60	4	—	—

На второмъ году увеличеніе въ вѣсѣ у мальчиковъ и дѣвочекъ падаетъ приблизительно на 2,5 килогр., а съ третьяго года до пятаго года отъ 1 до 2 килогр. ежегодно; затѣмъ мальчики до 14 года полнѣютъ на 2 или 3 килогр. въ годъ, а отъ 15 до 18 лѣтъ слѣдуетъ усиленный ростъ при увеличеніи вѣса на 4 — 8 килогр. У дѣвочекъ годичное увеличеніе въ вѣсѣ до 12 лѣтъ останавливается на 2 килогр., а затѣмъ отъ 13 до 16 лѣтъ увеличивается до 4 — 5 килогр. Это единственное время, когда онѣ вѣсомъ превышаютъ мальчиковъ. (См. таблицу II). Послѣ этого времени у дѣвочекъ, а у мальчиковъ послѣ 19 лѣтъ, въ сущности заканчивается увеличеніе въ вѣсѣ, происходящее

вслѣдствіе процентовъ роста. Немногіе останавливаются на вѣсѣ, достигнутомъ въ 16 и 19 лѣтъ, но увеличеніе въ вѣсѣ у большинства людей тогда нельзя уже отнести собственно къ «росту», потому что оно существенно зависитъ отъ наростанія жира и увеличенія мускулатуры, отъ внѣшнихъ случайностей, рода занятія и питанія.

Таблица кривыхъ I.



Во всемъ ходѣ увеличенія вѣса, какъ явствуетъ изъ таблицы II и таблицы кривой линіи, можно различить два большихъ періода роста, и именно одинъ въ первый годъ жизни, второй у дѣвочекъ отъ 12 до 16 лѣтъ, а у мальчиковъ отъ 15 до 18, такъ что кривая линія роста представляетъ видъ двойной волны. Первый періодъ обусловливается дѣйствіемъ чрезвычайной энергіи роста, второй совпадаетъ со временемъ періода возмужалости и тѣсно связанъ съ нимъ.

Для изслѣдованій увеличенія роста лучше всего служитъ опредѣленіе всей длины тѣла, такъ какъ ее составляютъ длина ногъ, таза, позвоночника и головы и оно лучше всего выражаетъ ростъ и его измѣненія.

Ростъ здоровыхъ нѣмецкихъ мальчиковъ средняго класса составляетъ отъ 50 до 52 сант., ростъ такихъ же дѣвочекъ 49 — 51 сант. Послѣ первоначальной кажущейся остановки, даже кажущагося уменьшенія роста въ первыя три недѣли жизни, обусловленныхъ постепенно исчезающимъ изуродованіемъ черепа при актѣ рожденія, увеличеніе въ ростѣ въ первую четверть года достигаетъ около 9 сант., во вторую 8 сант., въ третью и четвертую отъ 3 до 4 сант., такъ что весь ростъ въ первый годъ увеличивается на 24 сант. На второмъ году мальчики и дѣвочки вырастаютъ приблизительно на 10 сант., на третьемъ году на 7 — 9 сант., на четвертомъ приблизительно на 5 сант. и, слѣдовательно, въ концѣ четвертаго года достигаютъ высоты 95 — 100 сант. Съ этого времени ростъ мальчиковъ до 13 года ограничи-

Таблица III даетъ понятіе объ увеличеніи роста.

Возрастъ.	Мальчики.		Дѣвочки.	
	Ростъ сант.	Годичное увел. сант.	Ростъ сант.	Годичное увел. сант.
Рожденіе.	50	—	49	—
1.	75	25	74	25
2.	85	10	84	10
3.	93	8	92	8
4.	99	6	98	6
5.	104	5	105	5
6.	109	5	107	4
7.	115	6	113	6
8.	120	5	118	5
9.	125	5	123	5
10.	130	5	128	5
11.	135	5	133	5
12.	140	5	139	6
13.	145	5	146	7
14.	151	6	153	7
15.	157	6	158	5
16.	164	7	160	2
17.	168	4	161	1
18.	170	2	—	—

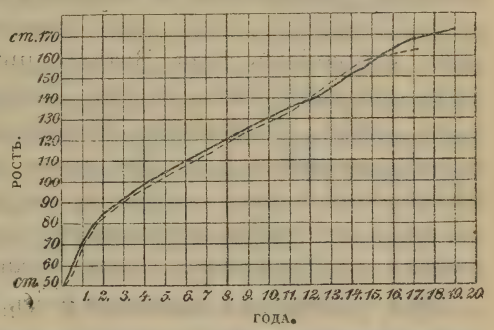
вается приблизительно 5-ю сант. ежегодно, затѣмъ въ слѣдующіе три года увеличивается до 6—7 сант. въ годъ, а позднѣе уже быстро понижается. Дѣвочки отъ 5 до 12 лѣтъ растутъ на 4 или 5 сант. въ годъ, а отъ 13 до 14 лѣтъ на 6 и 7 сант., начиная съ 15 года ростъ ихъ, какъ и у мальчиковъ послѣ 17 года, въ главномъ уже закончился.

Окончаніе роста въ означенные сроки покажется удивительнымъ, т. к. въ общемъ принято думать, что онъ еще продолжается до 24 или 25 года. Дѣйствительно, почти всегда встрѣчается увеличеніе роста на нѣсколько сант. послѣ назначенныхъ сроковъ, а небольшая часть дѣтей даже значительно вырастаетъ послѣ нихъ. Но такой ростъ служитъ доказательствомъ болѣзненнаго запозданія. Лучшимъ доказательствомъ справедливости всего здѣсь сказаннаго служатъ статистическія данныя, изъ которыхъ видно, что, напримѣръ, двадцатилѣтніе нѣмецкіе рекруты въ

среднемъ представляютъ ростъ въ 169 сант., а мужчины-нѣмцы 31 года въ 169,5 сант. Къ 50 годамъ ростъ начинаетъ уменьшаться (главнымъ образомъ вслѣдствіе постепеннаго размягченія хрящеватыхъ соединеній позвоночника), и къ старости уменьшеніе это доходитъ до 5 или 7 сант.

Какъ увеличеніе въ вѣсѣ, такъ и увеличеніе роста въ длину имѣетъ два большихъ періода, первый на первомъ году жизни, а во второй у дѣвочекъ послѣ 12 лѣтъ, а у мальчиковъ послѣ 13, какъ это явствуетъ изъ прилагаемой кривой.

Таблица кривыхъ II.



Причины ихъ тѣ же, что и при увеличеніи вѣса. Второй періодъ роста у дѣвочекъ наступаетъ раньше, чѣмъ у мальчиковъ, поэтому такъ же, какъ и относительно вѣса, онѣ отъ 12 до 14 лѣтъ перерастаютъ мальчиковъ, но начиная съ этого времени сильно отстаютъ отъ нихъ.

Если мы сравнимъ теченіе роста съ теченіемъ вѣса, мы увидимъ, что они очень схожи другъ съ другомъ, что и слѣдовало ожидать. Слѣдуетъ только замѣтить, что періодъ усиленнаго роста наступаетъ немного раньше періода увеличенія вѣса и ростъ прекращается немного раньше увеличенія вѣса.

Питаніе ребенка.

Доктора Вильгельма Камерера въ Штутгартѣ.

У здороваго взрослаго человѣка при нормальныхъ условіяхъ питательныя вещества, поглощаемыя имъ въ видѣ пищи и питья должны исполнить двоякую задачу: прежде всего они служатъ матеріаломъ, отъ сгоранія (окисленія) котораго согрѣвается тѣло, испаряется заключающаяся въ немъ влага и пріобрѣтается сила (энергія) для всѣхъ физическихъ работъ и проявленій, какъ, напр., для дыханія, произвольныхъ движеній и механической дѣятельности, подобно тому какъ приводится въ движеніе машина сгораніемъ угля. Затѣмъ питательныя вещества служатъ замѣной тѣхъ потерь, которыя постоянно терпитъ тѣло, напр., вслѣдствіе шелушенія кожи, обрѣзанныхъ волосъ, ногтей и т. п. Для этого прежде всего необходимы бѣлки, кромѣ того составныя части золы и воды, а запросы силы и энергіи покрываются сгораніемъ жировыхъ веществъ и углеводовъ (мука, сахаръ, крахмалъ).

При растущемъ организмѣ къ этимъ двумъ задачамъ присоединяется еще третья: а именно, питательныя вещества должны также составлять и матеріалъ для роста въ должномъ составѣ и количествѣ. Что дѣти въ періодъ усиленнаго роста ощущаютъ сильную потребность въ питаніи, давно извѣстно, и очень легко составить себѣ мнѣніе при видѣ того, сколько можетъ съѣсть мальчикъ въ періодъ усиленнаго роста, что такого большого количества пищи требуетъ усиленный ростъ. Но что это распространенное мнѣніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, видно изъ того, что пища, употребляемая пятнадцатилѣтнимъ сильно растущимъ мальчикомъ, составляетъ ежедневно приблизительно 1800 g., а ежедневный приростъ его лишь 15—20 g. т.-е. около 1% того, что онъ поглотилъ. Слѣдовательно приростъ этотъ сравнительно съ количествомъ пищи очень незначителенъ. Въ этомъ неравенствѣ ребенка мы имѣемъ дѣло съ особенностью дѣтскаго организма, для объясненія котораго должны сказать нѣсколько словъ объ обмѣнѣ веществъ у взрослаго человѣка.

Изслѣдованія Петтенкофера, Фойта, Рубнера и др. до-

казали, что усиленіе энергіи, опредѣленной тепловыми единицами, у взрослаго, не занимающагося ручнымъ трудомъ, напр., у врача или адвоката — составляетъ въ 24 часа 2700 тепловыхъ единицъ, которыя содержатся приблизительно въ 100 единицахъ бѣлковины, 80 жира и 400 гидратахъ угля. Выдѣленіе энергіи для механической работы составляетъ 150 тепловыхъ единицъ, для испаренія влаги изъ легкихъ 250, для согрѣванія пищи и напитковъ въ желудкѣ и т. д. 100 — и для испусканія теплоты черезъ кожу 1600 тепловыхъ единицъ, и наконецъ для испаренія влаги черезъ кожу 400, — слѣдовательно въ общемъ 2700. Такимъ образомъ 75% всѣхъ тратъ проходятъ черезъ поверхность тѣла, и поэтому трата теплоты, а съ нею и приливъ теплоты и питанія главнымъ образомъ зависятъ отъ величины поверхности тѣла. На 1 gm. поверхности тѣла при всякомъ возрастѣ и всякой величинѣ приходится приблизительно одинаковая трата энергіи, а именно около 1200 тепловыхъ единицъ. Если же разсчитывать трату энергіи на вѣсъ тѣла, то получатся совсѣмъ другіе результаты. А именно у взрослаго человѣка на 1kg. вѣса тѣла приходится трата энергіи приблизительно въ 35 тепловыхъ единицъ, а у ребенка или карлика приблизительно въ 100, слѣдовательно, въ три раза больше. Это происходитъ оттого, что при всѣхъ небольшихъ тѣлахъ поверхность въ сравненіи съ внутреннимъ содержимымъ относительно больше, чѣмъ при большихъ тѣлахъ. У маленькаго ребенка на 1 kg. вѣса тѣла приходится приблизительно въ три раза большая поверхность кожи, чѣмъ у взрослаго, и этимъ объясняется относительно большее потребленіе питательныхъ продуктовъ груднымъ младенцемъ и ребенкомъ, чѣмъ взрослымъ человѣкомъ. Какія питательныя вещества больше усвоиваются, видно изъ слѣдующей таблицы:

	Бѣлокъ. g.	Минеральн. вещества. g.	Жиръ. g.	Угольные гидраты. g.	Вода. g.
1 kg. взрослаго поглощаетъ въ 24 ч.	1,4	0,4	1,4	4,9	35
1 kg. грудн. млад. поглощ. въ 24 ч.	1,5	0,3	5,6	11	140

Между тѣмъ какъ, несмотря на приростъ, кило бѣлка и минеральныхъ веществъ усвоиваются ребенкомъ и взрослымъ почти въ одинаковомъ количествѣ, жиръ и углеводы, служа возбудителями энергіи, поглощаются ребенкомъ въ гораздо большемъ количествѣ; вода, какъ важное для пополненія вещество также, относительно, дается ребенку въ большемъ количествѣ, чѣмъ взрослому.

Познакомившись съ очень важной для науки о питаніи особенностью дѣтскаго организма, рядомъ съ которой играетъ также большую роль разница между дѣтскими пищеварительными органами и таковыми же взрослаго человѣка, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ питаніи. Понятно, что оно очень различно для различныхъ эпохъ дѣтскаго возраста. Относительно питанія въ первый годъ жизни ребенка просимъ обратиться къ страницѣ 44. Питаніе въ слѣдующіе три или четыре года въ выборѣ блюдъ и напитковъ постепенно приближается къ питанію взрослаго человѣка и къ небольшому числу блюдъ конца перваго года постепенно и осторожно прибавляются новыя. Прежде всего пища должна быть не раздражающая и питательная; она должна состоять изъ молока и мучныхъ блюдъ (риса, крупы, лапши, макаронъ, картофельной каши, молочной каши, мучной каши, пуддинговъ и т. д.); бѣлаго хлѣба и сухарей, яицъ въ смятку и въ видѣ яичницы, мягкаго мяса въ маленькихъ порціяхъ (мелко нарѣзаннаго), нѣжныхъ овощей (шпината, цвѣтной капусты, зимней капусты, кольраби, бобовъ, зеленаго горошка, рѣпы), плодовъ въ вареномъ видѣ, напр., въ видѣ яблочнаго муса или варенья, затѣмъ изъ масла и меда. Какъ напитки рекомендуются молоко, какао, вода съ фруктовымъ сокомъ или въ чистомъ видѣ.

Еще обильнѣе пища дѣлается, начиная съ пятаго года. Тяжело перевариваемыхъ блюдъ, какъ, напримѣръ, жирнаго мяса, жирной колбасы, сыра, свѣжаго чернаго хлѣба, картофельнаго салата, огурцовъ, рѣдьки и т. д., еще не слѣдуетъ давать дѣтямъ или, по крайней мѣрѣ, въ очень маленькихъ порціяхъ. Особенно слѣдуетъ избѣгать острыхъ и возбуждающихъ вещей, напр., перца, горчицы, большого количества соли, крѣпкаго мясного бульона, крѣпкаго кофе и чая, но совсѣмъ жидкій кофе и чай можно давать

дѣтямъ съ молокомъ, если оно противно имъ въ чистомъ видѣ. Иногда можно также давать солодовый кофе, чай изъ ромашки, листьевъ земляники, листьевъ ежевики, аниса и укропа. Что касается отношенія животной пищи къ растительной, то по Камереру-старшему онѣ должны относиться другъ къ другу, какъ 1 : 2,2; слѣдовательно послѣдняя должна вдвое превышать первую; вещества же, содержащія азотъ, должны относиться другъ къ другу, какъ 1 : 4—5. По крайней мѣрѣ половина бѣлка должна быть животнаго происхожденія. По исчисленіямъ Зоммерфельда здоровыя дѣти отъ пяти до одиннадцати лѣтъ въ среднемъ съѣдаютъ въ продолженіе дня:

Возрастъ.	Бѣлокъ. g.	Жиръ. g.	Угольные гидраты. g.
5— 7 лѣтъ.	50—58	30—43	145—197
8—10 „	60—88	30—70	220—250
10—11 „	68—86	44—85	211—270

Дѣти должны ѣсть пять разъ въ день; изъ количества всего съѣдаемаго, по мнѣнію Камерера-старшаго, 30% должны приходиться на обѣдъ, 25% на ужинъ, а остальное на завтракъ и два полдника.

Въ періодъ возмужалости совершается наконецъ переходъ къ питанію взрослыхъ людей. Такъ какъ во время этого періода часто, особенно у дѣвочекъ, появляются малокровіе и неправильное пищевареніе, то слѣдуетъ особенно заботливо слѣдить за ихъ питаніемъ. Обильное употребленіе молока очень полезно, но не слѣдуетъ принуждать дѣтей пить его слишкомъ много; прибавляя къ нему немного жидкаго чая или кофе, минеральной воды или фруктоваго сока, дѣлаютъ его болѣе пріятнымъ для дѣтей; въ видѣ простокваши, кефира или кумыса они также охотно употребляютъ его.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ относительно употребленія алкоголя. Что въ возрастѣ грудного младенца и раннемъ дѣтскомъ возрастѣ каждая капля вина, пива и т. д. безусловно запрещается, какъ самый вредный ядъ

(исключая тѣхъ случаевъ, когда они предписаны врачомъ), настолько само собою разумѣется, что, казалось бы, объ этомъ не стоило бы и говорить. Но, къ сожалѣнію, слишкомъ многимъ груднымъ младенцамъ и маленькимъ дѣтямъ часто даютъ пиво и вино, въ большинствѣ случаевъ для «успокоенія», а иногда для укрѣпленія. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что среди школьниковъ поразительно большой процентъ дѣтей частью постоянно, частью при удобномъ случаѣ употребляетъ алкоголь. Такъ Геккеръ, во время изслѣдованій въ нѣсколькихъ мюнхенскихъ народныхъ школахъ, установилъ, что едва 14% дѣтей вели воздержную жизнь, а 55%, напротивъ, постоянно употребляли алкоголь. Чѣмъ больше употреблялось алкоголя, тѣмъ хуже дѣлались отмѣтки и тѣмъ слабѣе способности къ усвоенію науки и прилежаніе. Многочисленныя изслѣдованія подтвердили неблагопріятное дѣйствіе алкоголя на умственныя и физическія способности дѣтей и доказали, что потребленіе его въ этомъ возрастѣ способствуетъ физической и нравственной гибели дѣтей. Поэтому лучше всего запрещать употребленіе алкоголь какъ въ раннемъ, такъ и въ позднѣйшемъ дѣтскомъ возрастѣ. Послѣ періода возмужалости можетъ быть дозволенъ иногда глотокъ вина или пива, но вообще умѣренность должна быть руководящимъ правиломъ въ продолженіе всей жизни.

Глазъ.

Д-ра Вильгельма Фейльхенфельда.

По своему строенію и по своимъ функціямъ глазъ ребенка лишь очень немногимъ отличается отъ глаза взрослаго. Только разрѣзъ глаза въ первые четыре года послѣ рожденія ребенка имѣетъ болѣе округлую форму сравнительно съ разрѣзомъ глаза у взрослыхъ, гдѣ онъ имѣетъ элипсоидную форму. Этимъ обстоятельствомъ — хотя повидимому и совершенно безсознательно — пользуются художники, когда, округляя разрѣзъ глаза, придаютъ лицу взрослыхъ дѣтски-невинное выраженіе.

Глазъ находится подъ надежной защитой, помѣщаясь въ костномъ воронкообразномъ углубленіи, выстланномъ эластической жировой прослойкой. Края вѣкъ снабжены отверстіями маленькихъ желёзъ, которыя выдѣляютъ жиръ, смазывающій края вѣка; кромѣ того на краяхъ же вѣкъ въ три ряда расположены рѣдкіе волосы, рѣсницы, которыя переплетаясь образуютъ тонкую рѣшетку, защищающую глаза отъ пыли и инородныхъ тѣлъ. Въ наружной части верхней глазовой впадины помѣщается слезная железа, которая постоянно выдѣляетъ водянистую жидкость, омывающую переднюю поверхность глаза; эта жидкость предохраняетъ названную поверхность глаза отъ высыханія и смываетъ съ нея попадающія на нее тончайшія частицы пыли. Эта слезная жидкость черезъ два тонкихъ отверстія на внутреннихъ краяхъ вѣкъ стекаетъ потомъ въ слезный мѣшочекъ и отсюда уже по слезно-носовому каналу проходитъ въ носъ. Внутренняя сторона вѣкъ выстлана соединительной тканью (конъюнктивой), которая съ вѣкъ переходитъ затѣмъ на глазное яблоко и покрываетъ его въ его передней части. Глазное яблоко имѣетъ почти шарообразную, нѣсколько выпяченную кпереди форму. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ оболочекъ, покрывающихъ одна другую, какъ шелуха луковицы. Наружная оболочка кожная, такъ называемый «бѣлокъ» глаза, довольно прочная ткань и спереди переходитъ въ прозрачную роговую обо-

лочку. Большое количество нервовъ въ наружномъ слоѣ роговой оболочки дѣлаетъ ее въ высшей степени чувствительной. Сейчасъ же за первой оболочкой лежитъ сосудистая оболочка, представляющая изъ себя плотную нѣжную сѣть кровеносныхъ сосудовъ, питающихъ глазъ. Спереди сосудистая оболочка уплотняется, образуя широкое кольцо,—рѣсничное тѣло, богатое мышцами, напрягающими сѣтчатую оболочку. Изъ рѣсничнаго тѣла выходятъ тонкія, нѣжныя нити, образующія рамку, въ которую вставленъ хрусталикъ. Еще дальше спереди рѣсничное тѣло перехо-

дитъ въ радужную оболочку, имѣющую видъ кружка съ круглымъ же отверстіемъ, — зрачкомъ. Радужная оболочка содержитъ въ себѣ кровеносные сосуды и мышечныя волокна, которыя въ зависимости отъ яркости свѣта суживаютъ или расширяютъ зрачокъ. Внутренняя поверхность радужной оболочки выложена чернымъ пигментомъ. Когда наружныя части ея не имѣютъ собственнаго пигмента, сквозь нихъ просвѣчиваетъ этотъ черный пигментъ, отчего глазъ кажется синимъ. Это почти всегда замѣчается у новорожденныхъ. Когда же впослѣдствіи начинаетъ отлагаться пигментъ и въ наружныхъ слояхъ радужной оболочки, глазъ пріобрѣтаетъ сѣрую, зеленоватую или корич-

невую окраску. Третья оболочка, это — сѣтчатая оболочка (сѣтчатка); она представляетъ изъ себя въ высшей степени нѣжную совершенно прозрачную пленку, въ которой развѣтвляется зрительный нервъ. Сѣтчатая оболочка состоитъ изъ десяти различныхъ слоевъ нервныхъ образованій; лучи свѣта, для того чтобы вызвать свѣтовое ощущеніе, должны проникнуть до крайняго слоя сѣтчатки, который состоитъ изъ самыхъ тончайшихъ нервныхъ волоконъ и замыкается снаружи интенсивно чернымъ пигментнымъ слоемъ. Зрительный нервъ выходитъ изъ мозга и притомъ частью изъ своего, частью изъ противоположнаго мозгового полушарія.

За радужной оболочкой помѣщается въ тѣсно облегающей его сумкѣ хрусталикъ, висящій въ рѣсничныхъ связкахъ Онъ представляетъ изъ себя похожее на чечевицу прозрачное тѣло, настолько эластичное, что кривизна его можетъ претерпѣвать всевозможныя и самыя сильныя измѣненія. Между хрусталикомъ и радужной оболочкой, съ одной стороны, и задней поверхностью роговой оболочки— съ другой, помѣщается передняя глазная камера *), наполненная прозрачной водянистой жидкостью, — водянистой влагой. Внутренность глаза между хрусталикомъ и сѣтчатой оболочкой заполнена студенистымъ прозрачнымъ веществомъ, — стекловиднымъ тѣломъ.

Процессъ зрѣнія происходитъ слѣдующимъ образомъ. Лучи свѣта производятъ во внутреннемъ слоѣ сѣтчатки физическія и химическія измѣненія, которыя посредствомъ зрительнаго нерва вызываютъ раздраженіе въ мозгу, сознаваемое нами, какъ образъ увидѣннаго предмета. Такъ какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ зрительный нервъ входитъ въ глазъ, нѣтъ воспринимающихъ свѣтовые лучи тончайшихъ развѣтвленій нервовъ, то это мѣсто образуетъ такъ называемое слѣпое пятно въ глазу; на мѣстѣ же пересѣченія оси глаз съ сѣтчаткой находится такъ называемое желтое пятно, особенно обильно снабженное нервными развѣтвленіями и потому особенно воспріимчивое къ свѣту. Свѣтовые лучи, идущіе отъ предмета параллельно, при про-

*) Слѣдуетъ различать двѣ камеры: передняя — пространство впереди хрусталика и радужной оболочки, и задняя — пространство за радужной оболочкой съ боковъ хрусталика. *Примѣч. перевод.*

хожденіи черезъ прозрачныя части глаза преломляются (т.-е. отклоняются отъ первоначальнаго ихъ направленія), вслѣдствіе чего на клѣтчаткѣ получается уменьшенное и обратное изображеніе предмета; но затѣмъ путемъ извѣстной работы мозга изображеніе предмета сознается нами не обратнымъ, а уже прямымъ. Путемъ той же работы мозга ощущаемъ лишь одно изображеніе предмета, хотя онъ и отражается въ обоихъ глазахъ. Когда же вслѣдствіе смѣщенія глаза или поврежденія мышцъ, приводящихъ въ движеніе глазное яблоко, свѣтовые лучи попадаютъ не въ то мѣсто, въ которое они должны были бы попасть при нормальномъ состояніи глаза, мы видимъ двойное изображеніе предмета. Если такое поврежденіе держится долго, то мы научаемся не видѣть второго изображенія и видимъ лишь одно.

Когда глазное яблоко слишкомъ длинно, параллельные лучи пересѣкаются, не успѣвъ еще достигнуть сѣтчатки, и мы имѣемъ дѣло съ близорукостью (myopie); помѣщая передъ такими глазами вогнутыя стекла, можно немного разсѣять лучи и такимъ образомъ заставить ихъ дать ясное изображеніе на надлежащемъ мѣстѣ. Когда же глазное яблоко слишкомъ коротко (дальнозоркость), то лучи пересѣкаются лишь за сѣтчаткой; тогда путемъ выпуклыхъ стеколъ можно собрать лучи передъ глазомъ.

Нормальный глазъ можетъ ясно воспринимать лучи, не только идущіе параллельно, т.-е. тѣ лучи, которые идутъ отъ отдаленныхъ предметовъ, но и расходящіеся лучи, идущіе отъ предметовъ, находящихся на очень близкомъ разстояніи, — потому что хрусталикъ обладаетъ свойствомъ измѣнять кривизну (аккомодація). Когда въ старости хрусталикъ теряетъ эластичность, а вмѣстѣ съ этимъ и способность легко мѣнять форму, глазъ дѣлается дальнозоркимъ, и при разсматриваніи предметовъ на близкомъ разстояніи недостаточную кривизну хрусталика приходится восполнять выпуклыми стеклами.

Мнѣ казалось необходимымъ въ краткихъ чертахъ дать описаніе анатоміи и физіологіи глаза, потому что даже и образованные люди у насъ не всегда обладаютъ надлежащими свѣдѣніями по этой части, а между тѣмъ именно объ этомъ органѣ и должны быть прежде всего освѣдомлены

какъ матери, такъ и воспитатели юношества, если они хотятъ чего-нибудь достичь мѣрами гигіены и профилактики. Необходимость этого видна уже изъ того, что глазныя заболѣванія чаще всего встрѣчаются въ дѣтскомъ возрастѣ. Хотя нормальный глазъ ребенка по существу почти не разнится отъ глаза взрослаго человѣка, но зато существуетъ цѣлый рядъ заболѣваній, которыя особенно свойственны дѣтскому возрасту.

Ребенку сейчасъ же послѣ появленія его на свѣтъ грозитъ опасность тяжелаго заболѣванія глазъ, — это гнойное воспаленіе глазъ у новорожденныхъ. На 4 — 5 день послѣ рожденія появляется на глазахъ въ небольшомъ количествѣ выдѣленіе, а вскорѣ затѣмъ наступаетъ и болѣе сильное нагноеніе и припухлость вѣкъ. Безъ надлежащаго лѣченія болѣзнь продолжается очень долго и ведетъ къ сморщиванію глазного яблока или проходитъ, оставляя послѣ себя рубцы на роговой оболочкѣ. Такой исходъ болѣзни раньше такъ часто встрѣчался, что третья часть всѣхъ слѣпыхъ ослѣпла вслѣдствіе этой болѣзни.

Болѣзнь эта возникаетъ отъ соприкосновенія дѣтскаго глаза съ гнойнымъ маточнымъ выдѣленіемъ въ то время, когда голова ребенка проходитъ черезъ маточный рукавъ и влагалище. Это выдѣленіе въ свою очередь вызывается зараженіемъ отъ мужа, мочеиспускательный каналъ котораго инфицированъ маленькими бактеріями (гонококками).

При этомъ не надо забывать, что какъ у мужчины, такъ и у женщины инфекція могла быть очень давно и ясно различимые признаки болѣзни давно уже могли пройти, а у женщины иногда и совсѣмъ не замѣчаться. Такъ какъ при распространенности этой болѣзни среди мужчинъ опасности заболѣванія подвергается огромное количество дѣтей, а между тѣмъ къ предупрежденію ея мы имѣемъ совершенно безвредное и почти абсолютно надежное средство, то, за исключеніемъ такихъ случаевъ, гдѣ можно быть совершенно увѣреннымъ въ невозможности заболѣванія, слѣдуетъ всегда примѣнять предохранительное лѣченіе. Оно состоитъ въ тщательномъ, но осторожномъ промываніи глазъ ребенка послѣ рожденія чистой мокрой ваткой (отнюдь не водой изъ ванны!), послѣ чего слѣдуетъ въ каждый глазъ ребенка впустить по одной каплѣ свѣжаго двухпроцентнаго

раствора ляписа. Акушерка должна произвести эту простую операцію немедленно по окончаніи родовъ, вымывъ хорошенько руки. Въ нѣкоторыхъ родовспомогательныхъ учрежденіяхъ удалось такимъ путемъ понизить это тяжелое заболѣваніе новорожденныхъ съ 20% до 2% и даже до 0.

Со времени введенія этого метода лѣченія замѣтно уменьшилось также и число слѣпыхъ. Если этотъ пріемъ не примѣнялся къ ребенку или, по большей части вслѣдствіе неумѣлаго исполненія, не удался, то сейчасъ же слѣдуетъ обратиться къ врачу. Ни къ какимъ мазямъ бабокъ или добрыхъ пріятельницъ прибѣгать ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ; всякій день промедленія въ обращеніи къ врачебной помощи грозитъ глазамъ ребенка серьезной опасностью.

Половыми болѣзнями родителей обусловливается еще другое тяжелое заболѣваніе дѣтей; при сифилисѣ въ предшествовавшемъ поколѣніи у дѣтей отъ 5 до 12-лѣтняго возраста нерѣдко возникаетъ очень характерное воспаленіе роговой оболочки, которое длится мѣсяцы и даже годы и по большей части вылѣчивается, оставляя послѣ себя рубцы на роговой оболочкѣ, вслѣдствіе чего ослабляется зрѣніе. Такія дѣти часто обнаруживаютъ еще и другіе признаки унаслѣдованной болѣзни: тонкія рубцевыя образованія въ углахъ рта и въ носовыхъ складкахъ, своеобразныя измѣненія зубовъ (потеря эмали, нижняго края рѣзцовъ), хроническій насморкъ, глухоту и т. д. Своевременное лѣченіе можетъ значительно смягчить теченіе болѣзни; но лучше всего здѣсь, какъ и при вышеназванномъ заболѣваніи, указывать родителямъ на то, что ихъ долгъ передъ своимъ потомствомъ обязываетъ ихъ, прежде чѣмъ вступать въ бракъ, убѣдиться, что болѣзнь, которой они страдали, окончательно залѣчена и что супружеское сожительство ихъ не представляетъ никакой опасности ни для одного изъ супруговъ, ни для могущихъ быть у нихъ дѣтей.

На почвѣ наслѣдственности происходитъ также у дѣтей въ возрастѣ отъ 3 до 10 лѣтъ золотушное воспаленіе соединительной (конъюнктивы) и роговой оболочки глаза; на соединительной оболочкѣ и въ особенности на краяхъ роговой оболочки появляются маленькіе, круглые, прозрачные водянички (фликтены) съ расходящимися отъ нихъ прямыми красными жилками (кровеносные сосуды),

затѣмъ поверхностное золотушное воспаленіе роговой оболочки. При послѣднемъ заболѣваніи роговая оболочка, въ обычное время прозрачная, кажется болѣе или менѣе мутной; гладкая зеркальная поверхность ея теряетъ свой блескъ и кажется неровной. Въ началѣ болѣзни немедленная медицинская помощь можетъ прекратить дальнѣйшее развитіе ея и предупредить образованіе рубцовъ на роговой оболочкѣ. Но гораздо важнѣе мѣрами гигіены не давать возникать этому заболѣванію и затѣмъ послѣ того, какъ болѣзнь все-таки придетъ въ первый разъ, стараться не давать ей повторяться. Здѣсь нужно бороться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно борются съ золотухой у дѣтей: хорошій воздухъ въ квартирѣ, больше солнца, движеніе на свѣжемъ воздухѣ, хорошее питаніе, правильный стулъ, содержаніе тѣла въ чистотѣ! Подъ длинными ногтями, особенно во время игры на землѣ, скопляется масса инфекціоннаго матеріала, который заражаетъ ротъ, носъ и глаза; поэтому надо какъ можно короче стричь ногти и возможно чаще мыть съ мыломъ руки. Лѣтнія колоніи, которыя огромному количеству бѣдныхъ дѣтей хоть на нѣсколько недѣль даютъ возможность дышать свѣжимъ воздухомъ и пользоваться свѣтомъ и хорошей пищей, оказываютъ на всѣхъ этихъ золотушныхъ дѣтей благодѣтельное вліяніе уже тѣмъ, что они знакомятся тамъ съ нѣкоторыми гигіеническими пріемами, которые они могутъ потомъ примѣнять и у себя дома.

Грязь и вредныя насѣкомыя служатъ часто причиной гнойнаго воспаленія конъюнктивы и упорнаго воспаленія края вѣкъ у дѣтей: красноты, уплотненія краевъ вѣкъ, образованія струпьевъ на нихъ, склеиванія рѣсницъ. Лѣченіе мазями скоро приводитъ къ улучшенію, но безъ соблюденія чистоты можетъ не принести пользы даже и длительное лѣченіе.

Характернымъ для дѣтскаго возраста является пораженіе глазъ во время инфекціонныхъ болѣзней; при кори почти всегда бываетъ катарръ конъюнктивы; при натуральной оспѣ очень часто появляются оспенные пузырьки на роговой оболочкѣ, которые распадаясь ведутъ къ разрушенію глаза или же, будучи замѣчены, оставляютъ послѣ себя рубчики, вслѣдствіе чего сильно портится зрѣніе. Въ

Германіи теперь, благодаря обязательности для всѣхъ оспопрививанія, не имѣютъ надлежащаго представленія о страшныхъ послѣдствіяхъ этой болѣзни. Но противники оспопрививанія не должны забывать того, что еще и теперь въ странахъ, гдѣ не существуетъ обязательнаго оспопрививанія, подавляющая часть слѣпыхъ ослѣпла именно послѣ и вслѣдствіе натуральной оспы!.. При прививкѣ телячьей оспы мѣсто прививки нужно слегка забинтовывать, чтобы не давать ребенку дотрогиваться до оспенныхъ нарывчиковъ, иначе онъ можетъ пальцами перенести гной и вызвать оспенные нарывчики на другихъ частяхъ тѣла, а также и на глазу. При вѣтряной оспѣ могутъ тоже появляться оспины на вѣкахъ и на роговой оболочкѣ, которыя оставляютъ послѣ себя рубцы.

Слѣдуетъ упомянуть, что каждая инфекціонная болѣзнь можетъ повести иногда къ заболѣванію зрительнаго нерва, кончающемуся временами полной слѣпотой. Къ счастью такіе случаи очень рѣдки; чтобы предупредить такое заболѣваніе глазного нерва надо во время инфекціонной болѣзни, даже во время выздоровленія, беречь глаза ребенка отъ яркаго свѣта и чрезмѣрнаго напряженія (усиленнаго чтенія).

Покраснѣніе конъюнктивы, явленія слѣпоты и слипаніе вѣкъ наблюдаются иногда какъ слѣдствіе глистъ и полового раздраженія. Глисты можно нерѣдко обнаружить благодаря присутствію маленькихъ тоненькихъ личинокъ въ области задняго прохода, особенно вечеромъ, когда тѣло согрѣется въ постели; слѣдуетъ обратить вниманіе также на стулъ, давая иногда предварительно слабительное. Половыя ненормальности у дѣтей нерѣдки; онѣ вызываются или зудомъ отъ глистовъ или же дурнымъ примѣромъ. Нужно внимательно слѣдить за дѣтьми, но осторожно, такъ какъ неудачнымъ образомъ дѣйствій можно причинить больше вреда, чѣмъ пользы!

Огромное количество встрѣчающихся въ дѣтскомъ возрастѣ глазныхъ заболѣваній происходитъ вслѣдствіе поврежденій глаза. Разнаго рода игрушки, какъ, напр., самострѣлы и т. п., являются причиной такого поврежденія; частицы металла, отскакивающія при воспламененіи мѣднаго пистона на игрушечныхъ ружьяхъ и пистолетахъ, не

одному ребенку, вѣроятно, испортили зрѣніе. Распространенная игра, когда заостренную съ обоихъ концовъ деревяшку палкой подбрасываютъ высоко вверхъ, часто оказывалась роковой, какъ для дѣтей, такъ и для проходящихъ по улицѣ во время игры взрослыхъ. Послѣднюю игру слѣдуетъ совсѣмъ не допускать на улицахъ; игрушечныя ружья никогда не должны заряжаться мѣдными пистонами, а игры съ луками и разнаго рода самострѣлами можно позволять дѣтямъ только подъ присмотромъ взрослыхъ. Неумѣлое обращеніе съ ножомъ также можетъ послужить причиной тяжелаго поврежденія глаза: дѣти держатъ обыкновенно то, что они рѣжутъ, поверхъ ножа прямо передъ лицомъ и всецѣло погружаются въ это занятіе; между тѣмъ ножъ соскальзываетъ или, чаще, внезапно прорѣзываетъ предметъ, по прямому направленію устремляется въ глазъ и ранитъ его.

Затѣмъ извѣстныя глазныя заболѣванія глаза свойственны школьному возрасту. Въ переполненныхъ, плохо вентилируемыхъ классныхъ комнатахъ можно найти всегда до 60% дѣтей, страдающихъ фолликулярнымъ катарромъ: фолликулы—едва замѣтные маленькіе бугорки—въ изобиліи покрываютъ поверхность конъюнктивы вѣкъ, которая въ обычное время кажется совершенно гладкой. Временами при этомъ появляется краснота глазъ, легкое выдѣленіе, особенно по утрамъ, чувство давленія, жженіе въ глазу, но часто фолликулярный катарръ протекаетъ совершенно безболѣзненно. Классная пыль является, конечно, существенной причиной этого явленія; свѣтлыя, просторныя классныя помѣщенія, хорошая вентиляція, чистота въ классѣ и пр. предохраняютъ отъ распространенія этой болѣзни. Изслѣдованія школьниковъ показываютъ, что часто это по существу невинное заболѣваніе переходитъ въ трахому, которая проявляется въ болѣе крупныхъ бугоркахъ, расположенныхъ частью въ другомъ мѣстѣ конъюнктивы; это уже весьма опасная и въ высшей степени прилипчивая и затяжная болѣзнь.

Въ школѣ находитъ для себя богатѣйшую почву также и близорукость. Бываютъ, конечно, случаи, когда близорукость развивается независимо отъ школы еще въ раннемъ возрастѣ, будучи пріобрѣтенной отъ родителей; но чаще однако виной ея быстраго развитія оказывается школа,

вслѣдствіе того что дѣти пріобрѣтаютъ тамъ привычку держать глаза слишкомъ близко къ книгѣ. Близорукость развивается при всякой упорной работѣ, которую держатъ на близкомъ разстояніи отъ глазъ, такъ какъ въ это время глазныя мышцы оказываютъ давленіе на эластичное глазное яблоко, отчего глазъ принимаетъ удлиненную форму. При этомъ оказываетъ также извѣстное вліяніе и застой крови въ глазу, который обусловливается наклоненнымъ положеніемъ головы. Въ годы роста у дѣтей оболочки глазъ такъ эластичны и такъ легко поддаются растяженію, что подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ вліяній легко измѣняются въ своей формѣ, которая при длительномъ воздѣйствіи затѣмъ уже и закрѣпляется. Что близорукость дѣйствительно находится въ зависимости отъ школьныхъ условій, явствуетъ изъ того, что наибольшій процентъ близорукихъ наблюдается въ школахъ, гдѣ предъявляются наиболѣе обширныя требованія къ ученикамъ. Чтобы не дать возможности развиваться близорукости, которая можетъ повести къ серьезному ослабленію зрѣнія, нужно, чтобы помѣщенія для занятій были свѣтлыми, въ книгахъ была бы хорошая печать, столы были бы устроены такъ, чтобы дѣти могли сидѣть за ними прямо и удобно, часы научныхъ занятій должны смѣняться часами ручного труда. И все-таки, чтобы достичь благопріятныхъ результатовъ гигіены, нужно требовать ея не только отъ школы, но примѣнять и дома!

Близорукость нерѣдко ведетъ къ косоглазію: близорукій вынужденъ держать работу слишкомъ близко къ глазамъ, что чрезмѣрно напрягаетъ тѣ глазныя мышцы, которыя вращаютъ глазъ въ сторону носа; вслѣдствіе этого мышцы эти скоро утомляются и оказываются не въ состояніи уже поддерживать глазъ въ надлежащемъ положеніи. Изображенія въ глазу не попадаютъ въ соотвѣтствующія мѣста сѣтчатой оболочки, и предметъ двоится; чтобы избѣжать этого, глазъ — особенно, если онъ слабѣе другого — коситъ наружу, и дѣти привыкаютъ смотрѣть только однимъ глазомъ.

Если близорукость уже развилась, то примѣненіемъ правильно подобранныхъ вогнутыхъ стеколъ можно не дать ей развиваться дальше; очками можно также отчасти предупредить и косоглазіе. Предубѣжденіе противъ ранняго по-

шенія очковъ неосновательно и вредно. Болѣе сильное косоглазіе можно устранить оперативнымъ путемъ.

Дальнозоркое зрѣніе требуетъ ношенія очковъ съ выпуклыми стеклами, что предохраняетъ глазныя мышцы отъ чрезмѣрнаго напряженія. Вслѣдствіе сильнаго и длительнаго напряженія аккомодативныхъ мышцъ можетъ наступить извѣстное улучшеніе въ дальнозоркости; но съ этимъ связано въ то же время постоянное вращеніе глазъ внутрь, что часто вызываетъ косоглазіе, при чемъ глаза косятъ внутрь. Такъ какъ аккомодативное напряженіе и вращеніе глазъ внутрь происходитъ чаще всего тогда, когда приходится разсматривать что-нибудь на очень близкомъ разстояніи, то ясно, что косоглазіе появляется у дѣтей на 4—5 году, т.-е. въ то время, когда они начинаютъ внимательно разсматривать предметы — картинки, игрушки и т. д.— на очень близкомъ разстояніи отъ глаза; отсюда понятенъ тотъ фактъ, что раннимъ примѣненіемъ очковъ съ выпуклыми стеклами часто удается уберечься отъ косоглазія или исправить уже пріобрѣтенное косоглазіе. Болѣе сильное косоглазіе внутрь можетъ быть устранено только оперативнымъ путемъ.

Школьному возрасту свойственны и многія заболѣванія глазъ на нервной почвѣ: истерическая слѣпота на одинъ, рѣже на два глаза, и ложная близорукость. Истинныя причины болѣзни можно установить только тщательнымъ врачебнымъ изслѣдованіемъ.

Въ видѣ общаго совѣта можно рекомендовать упражненіе глазъ въ смотрѣніи вдаль, въ опредѣленіи разстояній (глазомѣръ) и въ распознаваніи цвѣтовъ на дальнемъ разстояніи. Если будетъ замѣчено какое-либо отклоненіе глазъ отъ нормы, то воспитатели, прежде чѣмъ выбирать профессію для подрастающаго ребенка, должны посовѣтоваться съ опытнымъ врачомъ, такъ какъ только такимъ путемъ можно предохранить молодыхъ людей отъ того, чтобы они не обманулись въ своемъ выборѣ и не причинили бы этимъ себѣ вреда.

———

Уши, глотка и носъ.

Приватъ-доцента д-ра Брюля въ Берлинѣ.

Уши, глотка и носъ имѣютъ огромное значеніе для дѣтскаго организма. Правильныя функціи уха часто зависятъ отъ состоянія глотки и носа, такъ что уходъ за этими органами является въ то же время и уходомъ за ухомъ.

Для того, чтобы быть въ состояніи воспользоваться совѣтами по части гигіены уха, необходимо хотя бы въ общихъ чертахъ ознакомиться съ устройствомъ этого столь важнаго органа, тѣмъ болѣе, что дѣтское ухо въ своемъ строеніи по существу не отличается отъ уха взрослаго.

Какъ видно изъ прилагаемой схемы, отъ ушной раковины (a) идетъ внутрь узкая трубка, — наружный слуховой проходъ, который въ началѣ состоитъ изъ кожныхъ тканей, а глубже изъ костей (b). Кость, черезъ которую ведетъ этотъ проходъ, называется темянной (m). Этотъ костный слуховой проходъ замыкается необыкновенно нѣжной, просвѣчивающей кожицей, — барабанной перепонкой (e), позади которой расположена маленькая заполненная воздухомъ полость (g), — среднее ухо или барабанная полость. Въ этомъ пространствѣ находятся три маленькихъ соединенныхъ другъ съ другомъ суставами косточки, которыя, вслѣдствіе своей характерной формы, называются: молоточекъ, наковальня и стремя. Молоточекъ прикрѣпленъ къ барабанной перепонкѣ, а стремя — въ отверстіи (надъ g) костной задней стѣнки средняго уха. Изъ средняго уха мягкая (изъ кожныхъ тканей) трубка (f) выходитъ въ глотку, гдѣ и оканчивается раструбомъ и потому называется слуховой трубой. (Евстахіева труба).

За среднимъ ухомъ (g) помѣщается внутреннее ухо, гдѣ можно замѣтить: спереди улиткообразное образованіе (h), — улитку, затѣмъ преддверіе лабиринта (k), а за нимъ три полукруглыхъ канала (l). Слуховой нервъ (i) выходитъ изъ мозга и идетъ черезъ отверстіе въ кости, внутренній слуховой проходъ, направляется къ улиткѣ и полукружнымъ каналамъ.

Въ первые годы жизни ребенка у него отсутствуетъ на-

ружный слуховой проходъ, развивающійся позднѣе (къ тремъ годамъ), такъ что барабанная перепонка расположена у него ближе къ поверхности, чѣмъ у взрослыхъ. Евстахіева труба у ребенка значительно короче, чѣмъ у взрослаго, а височная кость нѣжнѣе и тоньше.

Носъ идущей по срединѣ его перегородкой раздѣляется на двѣ части. Каждая часть представляетъ изъ себя небольшую трубкообразную полость, которая начинается ноздрями и ведетъ назадъ въ глотку (верхнюю часть ея, т. н. носоглоточное пространство); носовыя полости выстланы слизистой оболочкой, которая богата складочками и, облекая выступы на наружныхъ стѣнкахъ костной части носовой перегородки, образуетъ такъ называемыя носовыя раковины.

Схема органа слуха.

Вертикальный разрѣзъ уха (по Рекламу).

a) Ушная раковина.
b) Наружный слуховой проходъ.
c) Ушная мочка.
d) Нижнечелюстная кость.
e) Барабанная перепонка.
f) Евстахіева труба.
g) Барабанная полость.
h) Улитка.
i) Слуховой нервъ.
k) Преддверіе лабиринта.
l) Лабиринтъ и полукружные каналы.
m) Верхняя часть височной кости.

Носовая слизистая оболочка, кромѣ цѣлей обонянія, предназначена главнымъ образомъ для того, чтобы согрѣвать вдыхаемый черезъ носъ воздухъ, увлажнять его и очищать отъ пыли и болѣзнетворныхъ началъ; этимъ путемъ она предохраняетъ и защищаетъ отъ нихъ глубже лежащія части: глотку, гортань, дыхательное горло и легкія.

Если носъ почему-либо закупоренъ, то дыханіе производится черезъ ротъ, и польза нормальнаго дыханія черезъ носъ утрачивается. У дѣтей такое явленіе наблюдается весьма часто вслѣдствіе того, что носъ въ задней своей части закупоривается разрастающейся тканью носоглоточнаго пространства.

Если ложкой придавить ребенку языкъ, то совсѣмъ сзади можно видѣть красную заднюю стѣнку глотки. Передъ ней виситъ, спускаясь сверху внизъ, въ родѣ занавѣси, небная занавѣска съ язычкомъ посрединѣ. Справа и слѣва по бокамъ, у нижнихъ концовъ небной занавѣски, расположены небныя миндалины, которыя очень часто ненормально увеличиваются и служатъ тогда причиной нечистаго произношенія и дыханія черезъ ротъ. Если согнутымъ указательнымъ пальцемъ проникнуть за язычокъ вверхъ, то попадешь въ упомянутое уже носоглоточное пространство, по сторонамъ котораго слѣва и справа открываются Евстахіевы трубы. На верхней стѣнкѣ носоглоточнаго пространства расположена третья миндалина, т. н. глоточная миндалина. Ненормальное увеличеніе этой миндалины наблюдается у дѣтей еще чаще, чѣмъ увеличеніе небныхъ миндалинъ, и образуетъ тогда такъ называемыя аденоидныя разращенія.

Такія разращенія мѣшаютъ маленькимъ дѣтямъ пить; поэтому, чтобы вдохнуть воздухъ, они выбрасываютъ изо рта сосокъ или грудь. Болѣе взрослыя дѣти храпятъ, держатъ всегда ротъ открытымъ и часто имѣютъ вслѣдствіе этого глупый видъ.

Нарушеніе дыханія черезъ носъ можетъ нанести вредъ духовному развитію ребенка вслѣдствіе ненормальнаго кровообращенія въ мозгу. Невнимательность, безпокойный сонъ, недержаніе мочи, неясная рѣчь, плохіе успѣхи въ наукахъ, въ особенности въ ариѳметикѣ, часто устраняются оперативнымъ удаленіемъ разращеній и увеличенныхъ миндалинъ.

Нужно указать еще на другую опасность, которая угрожаетъ здоровью ребенка, если онъ дышитъ ртомъ. Воздухъ, проникая въ глотку не профильтрованнымъ, легко переноситъ болѣзнетворныя начала на очень воспріимчивыя къ нимъ небныя и глоточную миндалины. Поэтому такія дѣти часто заболѣваютъ воспаленіемъ гортани и бронхіальнымъ катарромъ и болѣе воспріимчивы къ простудѣ, чѣмъ дѣти, которыя свободно дышатъ носомъ. Извѣстно, что туберкулезныя бациллы гнѣздятся въ глоточной миндалинѣ и отсюда могутъ перейти и дальше.

Итакъ мы видимъ, къ какимъ плохимъ результатамъ приводитъ закупорка носа у дѣтей; но главный вредъ отъ дыха-

нія ртомъ заключается въ томъ, что этимъ наносится уронъ органу слуха. Чтобы понять этотъ фактъ, нужно уяснить себѣ, какъ при нормальныхъ условіяхъ совершается самый процессъ слухового воспріятія.

Колебанія воздуха, которыя производятъ стукъ, звукъ или тонъ, сотрясаютъ воздухъ также и въ наружномъ слуховомъ проходѣ (см. схему), а вмѣстѣ съ этимъ и барабанную перепонку и соединенную съ ней цѣпь слуховыхъ косточекъ. Сотрясеніе послѣднихъ раздражаетъ расположенныя за среднимъ ухомъ части внутренняго уха, концевыя развѣтвленія слухового нерва въ улиткѣ. Это раздраженіе черезъ слуховой нервъ передается мозгу и сознается здѣсь, какъ звукъ. Конечныя развѣтвленія слухового нерва въ полукружныхъ каналахъ не имѣютъ прямого отношенія къ слуховому воспріятію, а служатъ для урегулированія равновѣсія тѣла.

Среднее ухо, какъ мы уже видѣли, посредствомъ Евстахіевой трубы соединяется съ носоглоточнымъ пространствомъ. Черезъ эту трубу воздухъ проникаетъ въ среднее ухо, такъ что давленіе воздуха на барабанную перепонку со стороны внѣшняго слухового прохода встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны давленія воздуха, проникающаго черезъ Евстахіеву трубу въ среднее ухо. Благодаря этому происходитъ правильно и свободно сотрясеніе барабанной перепонки.

Если теперь отверстіе Евстахіевой трубы закрыто вслѣдствіе воспаленія (опухоли) или разращеній, то воздухъ уже не можетъ въ достаточномъ количествѣ проникать въ среднее ухо; надлежащаго встрѣчнаго давленія не происходитъ, и правильное колебаніе барабанной перепонки и слуховыхъ косточекъ нарушается. Возникаетъ катарръ средняго уха или даже воспаленіе (течь изъ уха), а вмѣстѣ съ этимъ и притупленіе слуха. Такимъ образомъ каждое заболѣваніе носа или глотки отзывается на ухѣ, и цѣлесообразная гигіена уха достигается гигіеной носа и глотки.

Какое вліяніе можетъ оказать на ребенка ослабленіе слуха?

Лучше всего отвѣтить на этотъ вопросъ, если подумать, какая участь постигаетъ дѣтей, которыя родятся глухими. Такія дѣти не выучиваются говорить и остаются нѣ-

мыми. Нормальный слухъ способствуетъ тому, что съ ростомъ ребенокъ оріентируется въ окружающей его обстановкѣ и научается понимать окружающій его міръ. При отсутствіи слуха, на ряду съ потерей способности рѣчи, страдаетъ и развитіе мыслительной способности. Лишь позднѣе, при посредствѣ зрѣнія и осязанія, медленно и съ трудомъ можно научить ребенка (школы для глухонѣмыхъ) тому, съ чѣмъ дѣти съ нормальнымъ слухомъ уже въ готовомъ видѣ являются въ школу.

Подобно глухорожденному, терпитъ огромный ущербъ и ребенокъ съ плохимъ слухомъ въ зависимости, конечно, отъ степени испорченности слуха. У дѣтей, не посѣщающихъ еще школы, испорченность слуха часто не замѣчается. Замѣчается все, что угодно, только не недостаточность слуха. Особенно часто бываютъ неправы по отношенію къ дѣтямъ родители, а потомъ и учителя, когда говорятъ: «Ребенокъ прекрасно слышитъ то, что захочетъ слышать». Мнѣніе это происходитъ вслѣдствіе того, что дѣти нерѣдко, отвѣтивъ на одинъ вопросъ, другой оставляютъ безъ отвѣта. Между тѣмъ изъ физіологіи органа слуха явствуетъ, что при различныхъ заболѣваніяхъ уха слова понимаются съ неодинаковой легкостью. Поэтому для плохо слышащаго ребенка остаются безъ вліянія многіе внѣшніе возбудители; кругъ представленій и понятій ребенка тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ меньше онъ слышитъ; онъ меньше спрашиваетъ, чѣмъ ребенокъ, который слышитъ, потому что разговоръ окружающихъ менѣе рѣзко воспринимается имъ. Что такія дѣти въ школѣ отстаютъ отъ своихъ одноклассниковъ, само собой понятно. Если ни родители ни учителя не догадываются о томъ, что ребенокъ плохо слышитъ, его начинаютъ считать глупымъ, невнимательнымъ, капризнымъ. Поэтому самое существенное требованіе гигіены заключается въ томъ, чтобы у всѣхъ дѣтей до поступленія въ школу, а у особенно плохихъ учениковъ и во время пребыванія ихъ въ школѣ, производилось изслѣдованіе слуха.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ испорченность слуха излѣчивается (путемъ удаленія нагноенія въ ухѣ, вдуванія воздуха въ среднее ухо или операціей глоточной железы). Если же испорченность слуха неизлѣчима, то гораздо лучше заниматься съ ребенкомъ отдѣльно, потому что это

дастъ ему возможность усвоить знанія въ томъ еж объемѣ, въ какомъ усваиваются они въ школѣ дѣтьми съ нормальнымъ слухомъ. Въ большихъ городахъ въ послѣднее время стали учреждаться даже особыя школы для дѣтей съ плохимъ слухомъ.

Надо замѣтить, что часто рекламируемыя въ газетахъ лѣчебныя средства, исцѣляющія отъ глухоты или испорченнаго слуха, нельзя примѣнять безъ совѣта врача; по большей части они вовсе не приносятъ той пользы, которую сулятъ рекламы!

Особенно не надо упускать изъ виду того, что у дѣтей можетъ наблюдаться неизлѣчимая испорченность слуха. Если послѣдняя не врожденная, что бываетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, то пріобрѣтенная вслѣдствіе болѣзни уха. Ухо—это одинъ изъ органовъ, который чаще всего подвергается заболѣванію и при этомъ больше всего находится въ пренебреженіи. Особенно пренебрегаютъ течью изъ уха, которую совершенно ошибочно считаютъ пустякомъ.

Течь изъ уха происходитъ вслѣдствіе нагноенія въ среднемъ ухѣ, откуда гной и вытекаетъ черезъ отверстіе въ барабанной перепонкѣ. Нагноеніе въ среднемъ ухѣ есть всегда серьезное заболѣваніе, хотя и не причиняющее боли, но могущее привести къ потерѣ слуха и даже смерти. Именно у дѣтей среднее ухо очень часто подвергается заболѣванію, потому что въ него легко проникаютъ болѣзнетворныя начала черезъ широкую Евстахіеву трубу и еще потому что при простудѣ и инфекціонныхъ болѣзняхъ (скарлатина, оспа, дифтеритъ) почти всегда воспаляются также носъ и носоглоточное пространство. У дѣтей при нагноеніи въ среднемъ ухѣ это нагноеніе легко переходитъ въ височную кость, что часто вызываетъ заболѣваніе, кончающееся смертью. Такъ что уху дѣтей нужно удѣлять возможно больше вниманія, а при заболѣваніи ушей, вмѣсто того чтобы обращаться къ домашнимъ средствамъ — по большей части не достигающимъ цѣли — нужно сію же минуту обратиться къ врачу-спеціалисту. Потому что всякая небрежность въ отношеніи ребенка горько мститъ за себя въ позднѣйшемъ возрастѣ.

Теперь посмотримъ, что намъ нужно дѣлать съ ухомъ,

носомъ и глоткой дѣтей, чтобы предохранить эти органы отъ заболѣванія.

Въ общемъ нужно сказать, что лучше всего возможно меньше трогать ихъ.

Очень принято спринцовать ухо и носъ. Но дѣлать это ни въ коемъ случаѣ не рекомендуется, если только оно въ силу опредѣленной необходимости не предписывается врачомъ. Потому что по большей части это оказывается безцѣльнымъ, а очень часто вызываетъ сильное воспаленіе со всѣми его опасными послѣдствіями. Не слѣдуетъ также при купаньи надавливать губкой на голову или допускать, чтобы вода проникала въ ухо. Проникая въ ухо, грязная вода смачиваетъ поверхностную часть барабанной перепонки и легко вызываетъ воспаленіе наружнаго слухового прохода и средняго уха.

Прочищать ухо слѣдуетъ лучше всего скрученнымъкончикомъ носового платка, при чемъ не нужно проявлять особаго рвенія въ этомъ смыслѣ, потому что можно, не достигнувъ желаемой цѣли, причинить ребенку только безпокойство. Ушную раковину можно смѣло мыть, не давая однако водѣ попасть въ наружный слуховой проходъ. Послѣ мытья дѣтей просушить заднюю поверхность ушной раковины, иначе чувствительная кожа можетъ начать запрѣвать.

Совершенно излишнимъ является проколъ ушей у дѣтей для продѣванія серегъ. Нѣжная кожа часто не переноситъ раздраженія, и дѣло доходитъ до воспаленія.

Дѣтское ухо надо щадить и въ другихъ отношеніяхъ. Излишнему шуму, въ особенности по вечерамъ, въ дѣтской комнатѣ не должно быть мѣста.

Наказывать за ухо (выдрать за уши), а также ласкать (поцѣлуй) не слѣдуетъ. И тѣмъ и другимъ можно порвать барабанную перепонку и этимъ попортить главную защиту средняго уха. Ошибочно думать, что, если въ барабанной перепонкѣ образовалось отверстіе, то слухъ пропадаетъ, но, конечно, гораздо лучше, если въ барабанной перепонкѣ не будетъ отверстій, потому что послѣднія способствуютъ возникновенію воспаленія средняго уха. Дѣти, у которыхъ послѣ воспаленія средняго уха остается отверстіе въ барабанной перепонкѣ, часто могутъ превосходно слышать, но всегда должны носить вату въ ухѣ, чтобы не произошло

новаго воспаленія. Въ другихъ случаяхъ носить вату въ ухѣ совершенно излишне, потому что ухо привыкаетъ къ ней. Если при воспаленіи средняго уха нужно прибѣгнуть къ проколу барабанной перепонки, то этой операціи бояться не слѣдуетъ, потому что она приноситъ благіе результаты и сама по себѣ нисколько не вредитъ уху.

Если ребенокъ введетъ себѣ въ носъ или въ ухо инородное тѣло, то, какъ бы это ни казалось соблазнительнымъ, трогать его не надо, а нужно пойти къ доктору.

Инородное тѣло въ ухѣ или въ носу только тогда можетъ оказаться опаснымъ, когда съ нимъ расправлялись неопытной рукой: тутъ можетъ даже кончиться и смертью! Въ противномъ случаѣ инородное тѣло въ носу или въ ухѣ не должно вызывать никакихъ опасеній, что оно можетъ повредить мозгу, потому что такъ глубоко ребенокъ никогда не вводитъ его. Удаленіе инороднаго тѣла удается опытному врачу очень легко. А чтобы дѣти этого не дѣлали, лучше всего безъ надзора не давать имъ въ руки мелкихъ предметовъ. Кромѣ того старшіе должны стараться избѣгать подавать дурные примѣры дѣтямъ— ковыряя въ ухѣ шпилькой, засовывая при зубной боли чеснокъ въ ухо, и т. п. Слѣдуетъ также бросать излюбленное примѣненіе шпанской мушки, впусканія въ ухо масла, одеколона и т. д.

Самое лучшее, чѣмъ мы можемъ помочь ушамъ нашихъ дѣтей, это — въ случаяхъ сомнѣнія своевременно обратиться къ врачу.

Чистка носа производится при помощи носового платка, при чемъ чистятъ каждую ноздрю въ отдѣльности! Всякій другой способъ чистки носа (безъ предписанія врача) не допустимъ! Кромѣ того во время прогулокъ нужно заставлять дѣтей дѣлать глубокія вдыханія носомъ при закрытомъ ртѣ. Очень хорошо заставлять ихъ также дѣлать отъ пяти до восьми вдыханій у открытаго окна по вечерамъ передъ тѣмъ, какъ они идутъ спать.

Лучшій уходъ за глоткой, это — чистка зубовъ, регулярный врачебный контроль и полосканіе горла. Нужно уже съ ранняго возраста пріучать дѣтей къ полосканію горла (кипяченой водой), потому что этимъ поддерживается чистота рта. Лучше всего дѣлать это три раза въ день,

послѣ принятія пищи. Болѣзненныя явленія въ глоткѣ и гортани (увеличенныя миндалины и пр.) нужно прекращать по возможности въ самомъ началѣ, пока еще не наступили неизлѣчимыя поврежденія — напримѣръ, поврежденіе слуха.

Молодымъ людямъ, страдающимъ поврежденіемъ слуха, которое не можетъ быть излѣчено, слѣдуетъ указать на это при выборѣ ими профессіи. Лучше всего для нихъ подходятъ такія профессіи, гдѣ словесное общеніе не играетъ большой роли, и рабочій можетъ заниматься независимо отъ другихъ. (Напримѣръ, часовщикъ, граверъ, садовникъ, переплетчикъ, вышивальщица, портниха и пр.).

Уходъ за зубами въ дѣтскомъ возрастѣ.

Профессора Эриста Іессена.

Первые зачатки зубовъ мы находимъ у плода въ утробѣ матери уже на второмъ мѣсяцѣ. Въ намѣтившихся верхней и нижней челюстяхъ развиваются по десяти молочныхъ зубовъ, которые приблизительно на пятомъ мѣсяцѣ начинаютъ уже твердѣть и образовывать костное вещество зубовъ и вещество эмали. Около шестого мѣсяца кромѣ зародыша перваго большого коренного зуба появляются уже зачатки постоянныхъ рѣзцовъ, остальные постоянные зубы зарождаются лишь въ первые годы жизни. Ко времени рожденія бываютъ почти уже вполнѣ готовы коронки молочныхъ рѣзцовъ и клыковъ, а также на двѣ трети въ челюсти и коронки коренныхъ. Корни начинаютъ расти только тогда, когда вполнѣ уже образовались коронки и зубъ готовъ къ прорѣзыванію. Корни молочныхъ зубовъ достигаютъ полнаго развитія (по Прейсверку) лишь спустя 8 до 22 мѣсяцевъ послѣ рожденія.

Для развитія зубовъ имѣетъ весьма важное значеніе не только то, чтобы ребенокъ послѣ своего рожденія, но и мать въ періодъ беременности получали соотвѣтствующую пищу. Развитіе молочныхъ зубовъ ребенка въ высокой степени зависитъ отъ пищи матери, потому что, какъ уже сказано, зубы начинаютъ образовываться уже у плода, еще въ утробѣ матери. При рожденіи ребенка, коронки молочныхъ зубовъ лежатъ уже въ челюсти, и сейчасъ же начинается затвердѣніе зародышей, появляющихся впослѣдствіи, постоянныхъ зубовъ. Отсюда слѣдуетъ, что питаніе ребенка имѣетъ значеніе даже не столько для молочныхъ зубовъ, которые появляются сначала, сколько для постоянныхъ зубовъ, начинающихъ прорѣзываться на шестомъ—седьмомъ году жизни ребенка. Поэтому съ точки зрѣнія ухода за зубами нужно стараться, чтобы дѣти въ первый годъ своей жизни возможно меньше хворали, иначе затвердѣніе зубныхъ зародышей сильно затормозится. Мы знаемъ по опыту, что при искусственномъ питаніи легче,

чѣмъ при естественномъ питаніи грудью матери, наступаютъ разстройства пищеваренія и разныя заболѣванія. Обязанность каждой здоровой женщины заключается поэтому въ томъ, чтобы самой кормить ребенка грудью.

Уже съ первыхъ дней еще беззубый ротъ ребенка требуетъ ухода за собой. Мать должна взять чистый кусокъ полотняной матеріи, обернуть имъ указательный палецъ правой руки, окунуть его въ стаканъ со свѣжей водой и затѣмъ осторожно и тщательно промыть имъ полость рта ребенка. Это надо дѣлать передъ каждымъ кормленіемъ ребенка грудью въ интересахъ самой же матери, чтобы зародыши и грибки, которые находятся даже и въ полости рта грудного младенца, не попали въ трещинки и ранки соска груди и не вызвали бы воспаленія. Въ интересахъ же ребенка промываніе его рта надо дѣлать послѣ каждаго кормленія, чтобы тамъ не оставалось молоко, которое разлагается и вызываетъ разрастаніе грибковъ на слизистой оболочкѣ. Это разрастаніе грибковъ называется молочницей, оно причиняетъ ребенку боль, такъ что онъ отказывается принимать грудь, и способствуетъ разстройству пищеваренія.

Весьма важно знать время прорѣзыванія молочныхъ зубовъ, потому что, въ особенности у перваго ребенка, прорѣзываніе перваго зуба, а затѣмъ и каждаго другого, это — цѣлое событіе въ семьѣ, къ которому присоединяются, къ сожалѣнію, еще разныя разстройства въ общемъ состояніи ребенка. Нормой можно считать слѣдующее время:

I. Средній рѣзецъ	$^1/_2$	г.
II. Боковой рѣзецъ	1	„
III. Первый молочный коренной	$1^1/_2$	„
IV. Клыкъ	2	„
V. Второй молочный коренной	$2^1/_2$	„

Часто наблюдается отклоненіе отъ этой нормы; у крѣпкихъ дѣтей зубы рѣжутся раньше, у слабыхъ позднѣе; у нѣкоторыхъ — легко, у другихъ трудно. Прорѣзываніе рѣзцовъ рѣдко сопровождается болѣзненностью, чаще это наблюдается при прорѣзываніи коренныхъ и клыковъ. Со-

противленіе туго натянутой десны оказываетъ давленіе на зубной нервъ и порождаетъ зубную боль еще прежде, чѣмъ ребенокъ станетъ обладателемъ таковыхъ. Въ другихъ случаяхъ десна воспаляется, краснѣетъ, пухнетъ, дѣлается въ высшей степени чувствительной и иногда даже нарываетъ. Сильное слюнотеченіе, повышеніе температуры, разстройство пищеваренія, поносъ или запоръ — постоянные спутники прорѣзыванія зубовъ. Вслѣдствіе легкой возбудимости нервной системы ребенка происходятъ иногда и судороги. Въ такихъ случаяхъ непремѣнно нужно обратиться къ врачу.

Уходъ за зубами надо начинать на второмъ году. Какъ только прорѣзались первые зубы, дѣтей слѣдуетъ учить самихъ слѣдить за зубами. Съ ранняго возраста ребенка надо заставлять прополаскивать ротъ и чистить зубы щеткой утромъ, когда онъ встаетъ, днемъ послѣ ѣды и вечеромъ передъ тѣмъ, какъ итти въ постель, чтобы задержавшіеся во рту остатки пищи ночью не подверглись разложенію. Затѣмъ очень важно для поддержанія въ чистотѣ глотки и миндалинъ полосканіе горла; хотя дѣти и съ трудомъ выучиваются ему, тѣмъ не менѣе его надо примѣнять уже начиная съ третьяго года, потому что оно нерѣдко предохраняетъ отъ воспаленія горла, даже отъ дифтерита. Въ качествѣ полосканія лучше всего употреблять слабый растворъ поваренной соли, столовую ложку соли на литръ воды *). Но самымъ лучшимъ средствомъ въ уходѣ за зубами служитъ все-таки щетка, потому что только при помощи щетки можно основательно отчистить зубы отъ слизи, бактерій и остатковъ пищи. Въ качествѣ зубного порошка лучше всего употреблять хорошо очищенный мѣлъ. Чистку зубовъ посредствомъ щетки ни въ коемъ случаѣ не можетъ замѣнить прополаскиваніе рта. Много зависитъ также отъ того, какъ пользоваться щеткой. Зубы надо тщательно чистить со всѣхъ сторонъ, захватывая щеткой въ то же время и десны. Слишкомъ жесткая щетка можетъ повредить десны, а слишкомъ мягкая—втираетъ налетъ въ пространство между зубами, но не очищаетъ ихъ.

Лучшее средство имѣть здоровые зубы и десны заклю-

*) Чайная ложка на стаканъ. *Переводъ.*

чается въ томъ, чтобы заставлять ихъ регулярно работать. Жеваніе укрѣпляетъ зубную лунку, очищаетъ зубъ отъ налипшей на него массы, укрѣпляетъ десны и вызываетъ необходимое для пищеваренія выдѣленіе слюны. Надо слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти старательно пережевывали ѣду, и, удобства ради, не кормить ихъ только мягкой пищей и не обрѣзывать корокъ у хлѣба. Черствый черный хлѣбъ—лучшее средство чистки и укрѣпленія зубовъ, пирожныя и клейкій бѣлый хлѣбъ—пагуба и для зубовъ и для желудка.

Употребленіе зубочистокъ для дѣтей не рекомендуется, потому что онѣ легко могутъ послужить во вредъ. Дѣти слишкомъ расковыриваютъ десну вокругъ зубовъ и повреждаютъ ее, такъ что она воспаляется. Зубочистки изъ дерева и изъ металла совсѣмъ нельзя примѣнять; можно пользоваться только зубочистками изъ пера. Если дѣти спятъ съ открытымъ ртомъ и храпятъ, значитъ у нихъ сильно увеличена глоточная миндалина, которая мѣшаетъ доступу воздуха черезъ носъ. При открытомъ ртѣ зубы не надавливаютъ на верхнюю челюсть. Послѣдняя не растетъ въ ширину, дѣлается заостренной и высокой, такъ что для зубовъ нижней челюсти не остается мѣста; они тѣснятся и заболѣваютъ. Необходимо, чтобы врачъ удалилъ увеличенную миндалину и тѣмъ прекратился бы доступъ пыли и холоднаго воздуха черезъ ротъ прямо въ легкія.

На третьемъ году жизни ребенка нужно показать его зубы врачу. Въ этомъ возрастѣ необходимо подвергнуть зубы осмотру, даже если ребенокъ и не жалуется на зубную боль. Молочные зубы, какъ это хорошо извѣстно многимъ родителямъ по опыту, также вѣдь часто болятъ. Гніеніе зубовъ съ его послѣдствіями нерѣдко уже въ ряду молочныхъ зубовъ производитъ такое разрушеніе, которое не остается безъ вліянія на физическое и духовное развитіе ребенка. (Рис. 2 и 3.) При испорченныхъ зубахъ не происходитъ полнаго пережевыванія пищи, и питанію наносится ущербъ. Кромѣ того больные молочные зубы при воспаленіи сумки зубного корня и нагноеніи портятъ лежащія подъ ними коронки постоянныхъ зубовъ и вызываютъ заболѣваніе послѣднихъ сейчасъ же послѣ прорѣзыванія ихъ.

(рис. 1). Поэтому пломбированіе больныхъ молочныхъ зубовъ является необходимостью, которая далеко еще не сознается родителями. Какъ только зубы начали портиться, ихъ надо еще до наступленія болей запломбировать. Большинство дѣтей охотно даетъ продѣлать эту операцію, если зубной врачъ вообще умѣетъ обращаться съ дѣтьми и если дѣтямъ не наговорили по этому поводу разныхъ ужасовъ. И только въ томъ случаѣ, если уже нельзя пломбированіемъ сохранить зубъ, врачъ долженъ прибѣгнуть къ удаленію его.

Если за молочными зубами ухаживаютъ, слѣдятъ и лѣчатъ ихъ, то остается только заставлять дѣтей дѣятельно пользоваться своими зубами, потому что постоянное пользованіе молочными зубами укрѣпляетъ лежащіе подъ ними и находящіеся въ процессѣ развитія постоянные зубы и способствуетъ лучшему отложенію въ нихъ извести. Поэтому еще разъ повторяемъ, что жеваніе черстваго хлѣба не вредитъ зубамъ, а сохраняетъ ихъ.

Изъ постоянныхъ зубовъ ко времени рожденія ребенка начинаетъ отвердѣвать первый большой коренной зубъ, который прорѣзывается на шестомъ году жизни. На первомъ и на второмъ году отвердѣваютъ рѣзцы, на третьемъ году клыки и на четвертомъ—малые коренные зубы. На пятомъ году можно различить бугорки вторыхъ большихъ коренныхъ зубовъ и на девятомъ—бугорки зубовъ мудрости. За исключеніемъ послѣднихъ зубовъ, коронки всѣхъ постоянныхъ зубовъ къ девяти годамъ бываютъ уже совсѣмъ готовы, тогда какъ корни ихъ вполнѣ вырастаютъ и окостенѣваютъ только къ 12—18 годамъ (рис. 1). Этотъ фактъ имѣетъ огромное значеніе. Разстройство здоровья и всевозможнаго рода болѣзни въ первые годы дѣтства сказываются на позднѣйшей жизни ребенка тѣмъ, что постоянные зубы получаютъ не достаточное количество извести. Особенно плохо вслѣдствіе этого развиваются коронки первыхъ большихъ коренныхъ зубовъ и рѣзцовъ, эмаль которыхъ часто бываетъ изуродованной. У насъ есть однако возможность способствовать развитію постоянныхъ зубовъ въ первые годы жизни ребенка усиленнымъ питаніемъ и предохраненіемъ его отъ болѣзней, а соотвѣтствующими медикаментами можно способствовать

не только образованію кости зубовъ, но и отложенію извести въ зубныхъ зародышахъ и этимъ обезпечить ребенку на всю его жизнь здоровые зубы. Часто можно видѣть, что у дѣтей съ плохими молочными зубами бываютъ крѣпкіе постоянные зубы и наоборотъ, у дѣтей съ хорошими молочными зубами вырастаютъ плохіе постоянные зубы.

Здоровая мать при хорошихъ условіяхъ и при раціональномъ образѣ жизни будетъ производить на свѣтъ и дѣтей здоровыхъ и сильныхъ, съ здоровыми и крѣпкими молочными зубами. Если же такія дѣти въ первые годы хворяютъ, то часто постоянные зубы у нихъ бываютъ больными. И наоборотъ, если мать въ періодъ беременности болѣетъ, а ребенокъ родившись растетъ здоровымъ и сильнымъ—тогда молочные зубы бываютъ плохими, а постоянные зубы хорошими.

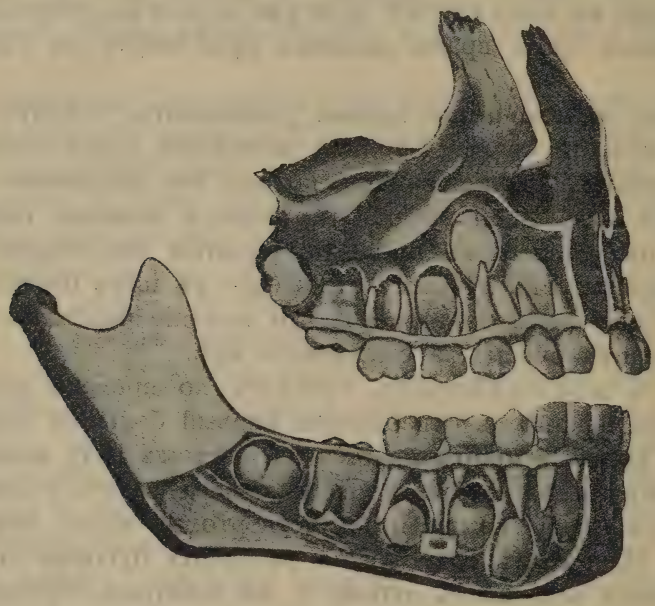


Рис. 1. Верхняя и нижняя челюсти 6-лѣтняго ребенка съ отнятыми стѣнками, чтобы показать корни молочныхъ зубовъ и лежащіе подъ ними зародыши постоянныхъ зубовъ. Первый большой коренной зубъ наканунѣ прорѣзыванія; образовалась уже и коронка второго большого коренного; зуба мудрости еще нѣтъ.

Первый постоянный зубъ, первый большой коренной, появляется на шестомъ году жизни ребенка сзади во рту для восполненія ряда молочныхъ зубовъ, которые скоро будутъ замѣняться постоянными. Этотъ зубъ имѣетъ весьма важное значеніе какъ для развитія зубовъ, такъ для роста челюстей и для всего здоровья ребенка. Въ періодъ смѣны зубовъ онъ дѣлаетъ для ребенка возможнымъ жеваніе пищи, регулируетъ высоту зубовъ и способствуетъ росту челюстей. Къ сожалѣнію многія матери считаютъ его молочнымъ зубомъ. И если онъ заболѣваетъ и въ теченіе года совершенно разрушается, такъ что его приходится выдернуть, то съ нимъ долго не церемонятся: «Ничего, онъ вѣдь еще разъ вырастетъ».

Между тѣмъ это очень печально, потому что ребенокъ знакомится при этомъ съ первыми муками зубныхъ болей и съ первымъ болѣзненнымъ вмѣшательствомъ врача. Это вселяетъ въ него ужасъ передъ зубнымъ врачомъ, съ его лѣченіемъ, что служитъ большимъ тормазомъ въ дѣлѣ сбереженія зубовъ. Если же ребенка своевременно повести къ зубному врачу и запломбировать молочные зубы еще въ началѣ ихъ заболѣванія, тогда онъ охотно ходитъ къ врачу, потому что съ раннихъ лѣтъ пріучается цѣнить и понимать значеніе и пользу врачебнаго вмѣшательства.

Больные зубы являются очагами гніенія, гнилыми ямами, гдѣ скопляются остатки пищи, которые отъ влажной теплоты во рту разлагаются, загниваютъ и распространяютъ заразу на весь ротъ и на всѣ сосѣднія полости. Это — мѣсто для разводки бактерій, которыя, найдя благопріятную для себя почву, размножаются въ невѣроятномъ количествѣ. Въ гнилыхъ дуплахъ зубовъ ютятся всевозможные виды грибковъ, возбудители дифтерита и туберкулеза. Эти грибки и продукты разложенія проникаютъ вмѣстѣ съ воздухомъ въ легкія, со слюной въ желудокъ и черезъ каналы зубныхъ корней лимфатической системой разносятся по всему тѣлу. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ опухоль лимфатическихъ железъ на шеѣ, что мы наблюдаемъ почти у всѣхъ дѣтей съ каріозными зубами. Такъ какъ дѣти, какъ извѣстно, гораздо воспріимчивѣе къ заразѣ, чѣмъ взрослые, то во время заразныхъ болѣзней, эпиде-

мій, въ родѣ оспы, скарлатины и дифтерита, надо особенно слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти, приходя изъ школы, тщательно вычищали ротъ, и чтобы прежде всего ротъ ихъ былъ вполнѣ здоровъ или же приведенъ въ порядокъ зубнымъ врачомъ. На ряду съ заботами родителей, на школѣ

Рис. 2. Коренные зубы въ юномъ возрастѣ такъ сильно разрушены, что пережевываніе пищи дѣлается невозможнымъ. Ребенокъ боленъ единственнно только потому, что у него дурные зубы. Послѣ раціональнаго врачебнаго вмѣшательства все это сейчасъ же проходитъ. Поэтому какъ только молочные зубы заболѣваютъ, ихъ необходимо сейчасъ же запломбировать, иначе испортятся постоянные зубы.

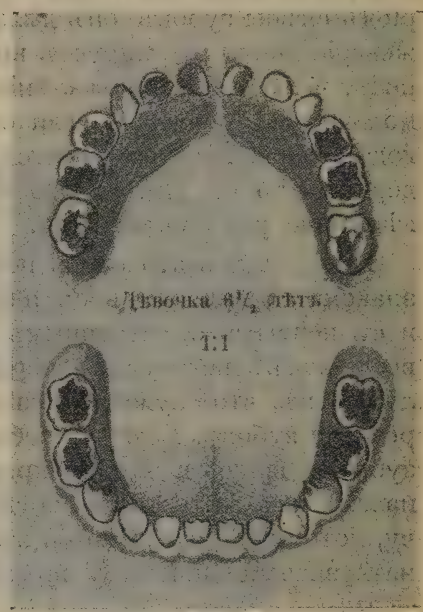


Рис. 3. Постоянные большіе коренные зубы въ нижней челюсти, заразившись отъ больныхъ молочныхъ зубовъ, непосредственно послѣ появленія уже совершенно испорчены. Не успѣлъ ребенокъ достичь еще школьнаго возраста, какъ у него совершенно больной ротъ, зубныя боли, скверный запахъ изо рта, опухоли железъ, боли въ животѣ, разстройство пищеваренія, малокровіе.

лежитъ особая задача распространенія среди народа знаній по уходу за зубами.

Поэтому вышеизображенныя картины должны быть развѣшаны на стѣнахъ во всѣхъ школахъ, чтобы наши дѣ-

ти, у 78—95% которыхъ больные зубы, учились уходу за зубами еще съ юнаго возраста. Дѣти, родители которыхъ не имѣютъ средствъ тратиться на зубного врача, должны имѣть возможность пользоваться безплатнымъ лѣченіемъ зубовъ на средства города или обществъ.

Одежда ребенка.

Адели Шрейберъ.

«Платье создаетъ людямъ положеніе». Смыслъ старинной поговорки болѣе глубокъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Одежда не только вліяетъ на мнѣніе людей, которое вызываетъ отдѣльная личность, одежда фактически имѣетъ вліяніе на основу самаго существа человѣка, носящаго ее. Съ одѣяніемъ человѣка самымъ тѣснымъ образомъ связаны его манера держаться, физическое развитіе, развитіе характера, нравственность, самочувствіе и здоровье. Вся сущность культуры данной эпохи выражается въ современной ей одеждѣ. Какъ различно, напримѣръ, должно было быть все міросозерцаніе людей, носившихъ свободную греческую одежду, отъ міросозерцанія общества, стиснутаго въ противоестественный, напыщенный, вычурный костюмъ эпохи рококо. Первые, конечно, стремились къ красивымъ и здоровымъ формамъ тѣла, къ силѣ и изяществу движеній; они находили наготу естественной, нравственной и эстетичной; ихъ культура была культурой физическаго существа. Въ противоположность этому во времена Людовиковъ XIV и XV (стиль рококо) красота и естественность линій тѣла, цвѣтъ лица и волосъ должны были отступить на второй планъ при господствѣ кринолиновъ, шнурованныхъ лифовъ на костяхъ, пудры, румянъ и париковъ. Въ этотъ періодъ явственно выступаетъ культура внѣшняго вида, культура напоказъ, и вовсе не случайное явленіе, что новая эпоха свободы принесла съ собою полное возвращеніе къ костюмамъ временъ свободы же. Можно безъ преувеличенія утверждать, что въ развитіи ребенка, какъ человѣка, значительную роль играетъ одежда, въ которой онъ выросъ. Въ ткань нашего одѣянія вплетены тысячи нитей, которыя перекидываются затѣмъ въ область духовной жизни и этики. Назначеніе одежды можетъ быть кратко выражено въ двухъ словахъ: она должна быть цѣлесообразна и къ лицу. Однако эти оба требованія заключаютъ въ себѣ разнообразнѣйшія свойства; одежда должна

удовлетворять требованіямъ здоровья, слѣдовательно соотвѣтствовать погодѣ и климату, должна предоставить просторъ стремленію къ дѣятельности и движенію, быть гигіеничной въ смыслѣ чистоплотности и пропуска свѣта и воздуха; должна быть приноровленной къ возрасту и особымъ условіямъ даннаго ребенка и выгодно оттѣнять его внѣшній видъ. Къ счастію всѣ эти требованія нисколько не противорѣчатъ другъ другу. Всякая простая вещь, если она удачно выбрана, будетъ одновременно практична, здорова, недорога и красива. У совсѣмъ маленькаго ребенка, у грудного, бѣлье и одежда должны главнымъ образомъ преслѣдовать ту цѣль, чтобы ему было тепло и чтобы онъ содержался въ чистотѣ. О дѣтскомъ бѣльѣ для грудныхъ дѣтей уже говорилось въ статьѣ „Общій уходъ и гигіена ребенка", поэтому здѣсь можно не повторяться. Зато необходимо указать на нѣкоторыя нововведенія, способныя устранить кое-что изъ отрицательныхъ сторонъ, на которыя жалуется также составитель упомянутаго отдѣла проф. Рудольфъ Фишль. Авторъ находитъ, что одежда младенца до сихъ поръ вообще еще довольно нецѣлесообразна. Она не даетъ возможности быстро раздѣть и одѣть ребенка, заставляетъ часто поворачивать его во всѣ

Рис. 1. Свивальные панталончики и мосиновыя подушечки д-ра Асмуса.

Рис. 2. Дѣтское приданое для реформированной одежды д-ра Асмуса.

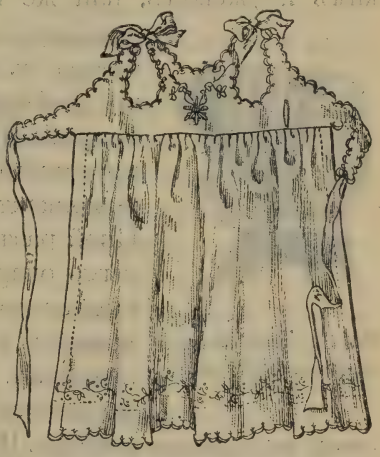
стороны, что для него вредно, требуетъ массу стирки, что доставляетъ и болѣе состоятельному классу большія неудобства, а для менѣе обезпеченныхъ это прямо обременительно. Для изобрѣтательнаго ума женщины, говоритъ проф. Фишль, открылось бы благодарное поле дѣятельности въ запущенной области бѣлья и одежды грудныхъ дѣтей. Однако не женщина, а врачъ предложилъ впервые полную реформу въ дѣтскомъ приданомъ. Д-ръ К. Асмусъ въ Килѣ придумалъ новое бѣлье для грудного младенца, въ которомъ прежнія пеленки замѣняются такъ называемыми мосиновыми подушками, которыя вкладываются въ треугольный застегивающійся мѣшокъ (рис. 1 и 2). Этотъ мосинъ состоитъ изъ хорошо просѣяннаго черезъ очень частое сито мохового торфа; онъ обладаетъ свойствомъ впитывать огромное количество жидкости и уничтожать всякій запахъ. Пеленка съ мосиномъ въ кисейномъ мѣшкѣ, правильно приспособленная къ ребенку, всасываетъ всѣ испражненія, тѣльце остается совершенно сухимъ, пролежни безусловно невозможны при этомъ, ребенокъ чувствуетъ себя всегда хорошо и покойно; такимъ образомъ устраняется опасность частой простуды и вѣчная тряска дѣтей при постоянной перемѣнѣ бѣлья; кромѣ того устраняется всякій запахъ *).

Рис. 3. Моисеева корзинка.

Спорный вопросъ при одѣваніи младенца, это вопросъ

*) По изслѣдованіямъ разныхъ врачей одну и ту же подушку можно было не смѣнять въ продолженіе 20 часовъ и дольше, не причиняя ни ребенку ни окружающимъ чего-либо непріятнаго или вреднаго; слѣдовательно вполнѣ достаточно смѣнять подушку 2 раза въ сутки. Если бросать каждый разъ эти мосиновыя подушки послѣ употребленія, то и тогда ежедневный расходъ на ребенка составитъ только около 25 пфен. (приблизительно 10 к.), а тамъ, гдѣ надо быть побережливѣе, можно ихъ сушить и пускать опять въ дѣло; этимъ расходъ сократится до 10 пф., т.-е. до 4 коп. въ день. Изобрѣтатель настойчиво указываетъ на то, что приладить подушку, т.-е. прикрѣпить ее подъ ребенкомъ, часто не сразу удается, но уже черезъ нѣсколь-

подушки-конверта. Вообще теперь врачи стоятъ за то, чтобы предоставить какъ можно больше свободы движенію; даже сторонники прежняго ватнаго тюфячка съ туго затянутымъ свивальникомъ, отъ котораго теперь, вѣроятно, уже всѣ отказались, только потому защищаютъ его, что такимъ образомъ удобнѣе держать и носить ребенка, чѣмъ въ конвертѣ. Лучшее разрѣшеніе этого вопроса вѣроятно въ томъ, что маленькихъ дѣтей вообще не слѣдуетъ такъ много носить безъ крайней необходимости, и главнымъ образомъ не слѣдуетъ ихъ слишкомъ рано сажать или поднимать на ножки. Можно указать на то, что англійскихъ малютокъ при образцовомъ уходѣ за ними никогда не пеленаютъ и не держатъ въ конвертѣ. Удобный выходъ, чтобы носить самыхъ маленькихъ дѣтей, не нарушая ихъ покоя, представляютъ такъ-наз. Моисеевы корзины, легкія продолговатыя корзины съ мягкой обивкой внутри, которыя на самое первое время могутъ также служить дѣтской постелькой. (рис. 3). Что касается отдѣлки корзины, то слѣдуетъ держаться принципа, который долженъ былъ бы быть главнымъ для всего дѣтскаго приданаго: не гнаться за внѣшнимъ изяществомъ за счетъ требованій гигіены! Какъ ни красиво шелковое дѣтское бѣлье и платье въ нѣжныхъ тонахъ, съ рюшками, ленточками и кружевами въ витринѣ



Р. 4. Платьице съ ручной вышивкой.

ко дней это продѣлывается очень легко. Остальныя части этой новой одежды для грудныхъ дѣтей — это вязаная на машинѣ (безъ швовъ) бумажная или полубумажная кофточка, кругомъ закрытая, съ застежкой на плечахъ; пеленка — штанишки поверхъ подложенной подъ ребенкомъ мосиновой подушки, а сверхъ этого можно еще надѣть фланелевый мѣшокъ на пуговицахъ, предоставляющій полную свободу движенію, но въ то же время равномѣрно грѣющій тѣльце ребенка. Большое преимущество этого новаго одѣянія состоитъ въ томъ, что негигіеничныя клеенки становятся при этомъ совершенно излишними. Одежда-реформъ д-ра Асмуса въ ходу въ многочисленныхъ клиникахъ и чрезвычайно рекомендуется мно ими врачами.

спеціальныхъ магазиновъ дѣтскаго платья, но на практикѣ оно непригодно, рекомендовать его нельзя. Конечно ни одна мать не захочетъ отказать себѣ въ удовольствіи одѣть своего любимца понаряднѣе, но вѣдь это она прекрасно можетъ сдѣлать при условіи, чтобы одежда ребенка хорошо стиралась и чтобы отдѣлка, если ее нельзя мыть вмѣстѣ съ вещью, легко снималась и замѣнялась чѣмъ-нибудь другимъ (рис. 4). Смотря по средствамъ, на самыхъ маленькихъ можно шить изъ полотна и бумажной ткани, бумазеи, фланели, батиста, моющагося шелка и т. д., и при хорошемъ уходѣ ребенокъ одинаково миловиденъ, обшито ли его платьице каемочкой своей работы или простенькимъ кружевомъ, или же на него изведена масса самыхъ дорогихъ отдѣлокъ. Еще больше надо считаться съ тѣмъ, что практично, какъ только ребенокъ примется ползать, рѣшится попробовать ступать, начнетъ цѣлый день неутомимо ходить на своихъ маленькихъ ножонкахъ, сіяя отъ гордости и радости. Иной разъ приходится видѣть расфранченыхъ очаровательныхъ дѣтишекъ въ платьицахъ до земли, большихъ лодкообразныхъ шляпахъ и старательно спущенныхъ на уши локонахъ. Конечно это нарядно, но пусть вдумаются, какимъ мученіемъ становится этотъ нарядъ для ребенка. Вѣдь право же ребенокъ не для того существуетъ, чтобы служить забавой взрослымъ, чтобы его разсматривали, разинувъ ротъ, или любовались имъ какъ картинкой. Благоденствіе ребенка требуетъ, чтобы тщеславіе матерей нѣсколько себя сократило! (рис. 5). Его головка не должна быть закрыта такъ, чтобы личика почти было не видно и чтобы доступъ воздуха былъ исключенъ; густыя кудри, какъ бы живописно это ни выглядѣло, не должны вѣчно мѣшать, путаться, вызывать потъ и быть источникомъ постояннаго страданія; что же касается собственно платьевъ, то лучше всего короткіе, свободные балахончики, въ родѣ русской рубашки, только подлиннѣе, для дѣтей обоего пола, до того возраста, когда мальчуганы начинаютъ носить панталоны, которыми они такъ гордятся (рис. 6). Чѣмъ меньше ребенокъ долженъ бояться

Рис. 5. Чепчикъ, не закрывающій ушей.

испортить эти балахоны, тѣмъ больше они соотвѣтствуютъ своему назначенію; платья должны служить дѣтямъ, а не дѣти платьямъ, какъ это къ сожалѣнію нерѣдко бываетъ. Сколько слезъ проливается, сколько напрасныхъ наказаній и нравоученій сыплется изъ-за испорченнаго платья! Я хотѣла бы подписаться подъ мнѣніемъ американской писательницы Перкинсъ-Гильманъ, считающей, что всѣхъ этихъ наказаній заслуживаютъ собственно взрослые, обязанностью которыхъ должно было бы быть одѣвать дѣтей своихъ именно такъ, чтобы дѣти могли быть по-дѣтски жизнерадостны, не портя этимъ своихъ нарядовъ. Самыми простыми средствами можно достигнуть прелестныхъ сочетаній. Свѣтлыя, моющіяся платьица, имѣющія еще то преимущество, что они особенно гигіеничны, при всей своей простотѣ, производятъ всегда лучшее впечатлѣніе, чѣмъ самыя цѣнныя, дорогія ткани. Для бѣлыхъ или свѣтлыхъ моющихся платьевъ лучше всего брать, смотря по времени года: полотно, батистъ, кисею, пике, бумазею, фланель, особенно суровое полотно, отдѣланное пестрой вышивкой, даетъ прекрасный и прочный матеріалъ для дѣтскихъ платьевъ.

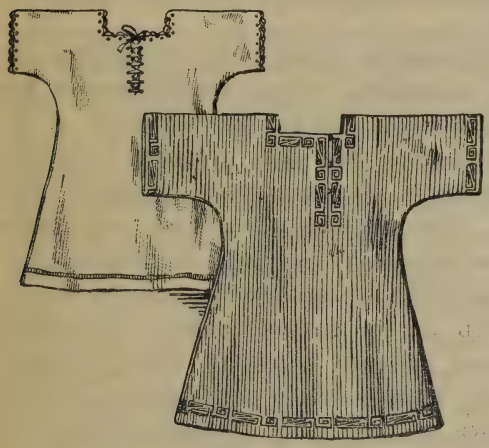


Рис. 6. Практичныя платьица для маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Когда на третьемъ или четвертомъ году жизни начинается раздѣленіе половъ и мальчики заявляютъ свои права на ношеніе панталонъ, то въ послѣднее время сталъ нерѣдко возникать вопросъ: «почему бы дѣвочкамъ, собственно, не носить»—по крайней мѣрѣ до начала ученія въ школѣ,—«тоже шароварчиковъ», соотвѣтствующихъ лучше всего другого дѣтскому стремленію постоянно двигаться. Въ нихъ дѣвочки могутъ одинаково съ мальчиками возиться и лазать, бѣгать и прыгать. Къ счастью однимъ

изъ принциповъ новѣйшаго здороваго воспитанія стало рѣшеніе порвать съ тѣмъ ложнымъ воззрѣніемъ, по которому уже съ самаго нѣжнаго возраста устанавливалось слишкомъ большое различіе въ воспитаніи мальчиковъ и дѣвочекъ, и послѣднія съ самаго начала были приговорены къ благонравію, а это означало—сидѣть смирно, вѣчно кропать что-нибудь иглой, вязать крючкомъ и вышивать. Нынѣ начинаетъ пробиваться мнѣніе, что дѣвочки, наравнѣ съ мальчиками, должны закалять и развивать свои физическія силы. При прежней системѣ, первое положеніе которой гласило: «это неприлично для дѣвочекъ», выросло жалкое поколѣніе блѣдныхъ, малокровныхъ дѣвушекъ, потерявшихъ способность радоваться.

Болѣе или менѣе признанное теперь за женскимъ поломъ право на спортъ, подвижныя игры, гимнастику и физическія упражненія отразилось также на костюмѣ, и такимъ образомъ мы избавились уже отъ стараго балласта, въ особенности отъ тяжелаго, мѣшающаго свободному движенію, нижняго бѣлья. Относительно костюма, предоставляющаго дѣвочкамъ возможность вполнѣ свободно двигаться и развиваться, было бы хорошо придерживаться приблизительно слѣдующихъ легко выполнимыхъ основныхъ положеній. Нижнее бѣлье должно состоять изъ рубашки-панталонъ изъ сѣтчатой ткани болѣе или менѣе легкой, смотря по сезону. Вторыя, закрытыя панталоны (такъ наз. панталоны-реформа), тоже смотря по времени года болѣе или менѣе теплыя, пристегиваются къ лифчику или держатся на помочахъ—этого вполнѣ достаточно для нижняго одѣянія. Чулки тоже пристегиваются посредствомъ резинокъ къ лифчику, обычныхъ же въ прежнее время стягивающихъ, негигіеничность круглыхъ подвязокъ слѣдуетъ избѣгать. Вечеромъ должно быть снято и вывѣтрено все, въ чемъ дѣти были днемъ, а на ночь надѣвается ночная сорочка. Если дѣти спятъ зимою въ прохладныхъ комнатахъ, то хорошо надѣвать ночныя сорочки изъ фланели или бумазеи и настолько длинныя, чтобы онѣ закрывали ноги. Такимъ образомъ дѣти не будутъ зябнуть въ постели даже въ нетопленыхъ комнатахъ; они не подвергнутся опасности простудиться, когда раскидываются во снѣ, и не испы-

таютъ непріятнаго ощущенія отъ прикосновенія къ холодному постельному бѣлью.

Сверху пусть дѣвочки носятъ платье-реформъ, т.-е. свободный балахонъ, который съ годами становится длиннѣе, или сарафанъ на помочахъ съ перемѣнными блузками— этотъ идеальный костюмъ дѣвочка можетъ носить съ самыхъ раннихъ лѣтъ до того времени, пока она не станетъ взрослой. Врядъ ли надо упоминать, что такая одежда-реформъ, держащаяся на плечахъ и нигдѣ не стѣсняющая, допускаетъ разнообразнѣйшія варіаціи въ фасонѣ и въ выполненіи. Мы уже нынѣ видимъ такую массу различныхъ моделей, что объ однообразіи не можетъ быть и рѣчи. Фасонъ поясомъ или жакеткой, ампиръ или принцессъ, искусное примѣненіе всевозможныхъ историческихъ стилей одежды въ соединеніи съ разнообразнѣйшей отдѣлкой позволяютъ осуществлять постоянно новыя, художественно привлекательныя идеи. Вѣдь вся суть въ томъ, чтобы признать неизмѣнными нѣсколько руководящихъ основныхъ принциповъ, въ остальномъ предоставляется полная свобода самому индивидуальному развитію вкуса. Эти основные принципы слѣдующіе: легкость и эластичность платья и носильнаго бѣлья, достаточная теплота платья и одновременно предохраненіе отъ инфекціи, недопущеніе какой-либо шнуровки. Сюда относится самое рѣшительное изгнаніе корсета. Въ сотняхъ брошюръ и лекцій достаточно убѣдительно описаны губительныя послѣдствія ношенія корсета съ того времени, какъ началось могучее движеніе противъ этого орудія пытки женщинъ. Если порой и поднимается еще кое-гдѣ голосъ въ его защиту, то можно каждый разъ прослѣдить, что эта защита вызвана уже ослабѣвшими, неудовлетворяющими своему естественному назначенію мускулами. Само собой разумѣется, что мускулы спинного хребта, годами или десятками лѣтъ не служившіе своей естественной цѣли, отказываются и болятъ, если ихъ лишить ихъ искусственной поддержки — корсета. Но даже эти незначительныя неудобства быстро пропадаютъ, стоитъ только немного привыкнуть, какъ это могутъ подтвердить многія бывшія сторонницы корсета. Но конечно никакихъ доказательствъ не требуетъ утвержденіе, что здоровый молодой женскій организмъ одинаково не нуждается въ искусственной поддерж-

кѣ, какъ и организмъ мужчины. Потребность искусственной опоры, если нѣтъ какихъ-либо искривленій, требующихъ ортопедической помощи, — это только послѣдствіе изнѣженной, долгое время недостаточно работавшей мускулатуры. Какъ ни печально, но приходится сознаться, что эти простыя истины большинствомъ еще далеко не признаются.

Вѣдь напр., по новымъ изслѣдованіямъ д-ра Флакса въ Дрезденѣ, изъ ученицъ третьяго и второго (предпослѣдняго) класса среднихъ учебныхъ заведеній отъ 50 — 60% носятъ корсетъ, а въ первомъ (высшемъ) классѣ даже 70%!

Воспитаніе здоровыхъ матерей, здоровыхъ женъ — это вопросъ національной важности, который касается одинаково какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; поэтому можно было бы привѣтствовать отъ всей души запрещеніе носить корсетъ хотя бы дѣвушкамъ, посѣщающимъ еще школу. Уже первое поколѣніе, выросшее при здоровыхъ и естественныхъ условіяхъ, не будетъ находить идеалъ красоты въ узкой таліи, въ напряженной, натянутой походкѣ, въ отсутствіи гибкости и эластичности, словомъ, во всемъ томъ, чѣмъ въ высокой степени отличается нынѣшняя женщина. Это новое поколѣніе будетъ искать красоту не въ такихъ линіяхъ тѣла, которыя сложились въ модный шаблонъ вслѣдствіе стѣснительной шнуровки, а въ такихъ, которыя имѣли возможность свободно развиваться; оно пойметъ красоту ловкости и гибкости въ движеніяхъ, ту прелесть, которая сквозитъ въ силѣ, доведенной до совершенства, и оправдываетъ старую поговорку о здоровомъ духѣ въ здоровомъ тѣлѣ. Къ этой цѣли нынѣшнія матери обязаны вести подрастающее поколѣніе, которое вѣдь заключаетъ въ себѣ и будущихъ матерей, и всякая мать, дающая своей юной дочери носить корсетъ и все, что съ нимъ связано, снова повинна въ задержкѣ развитія всей расы вообще.

Изъ остальныхъ недостатковъ господствующей одежды еще особеннаго вниманія требуютъ воротники. Мальчикамъ и дѣвочкамъ слѣдовало бы всегда ходить съ открытой шеей. Для мальчиковъ, и въ этомъ отношеніи ничего нельзя возразить противъ очень распространеннаго, выгоднаго и красиваго матросскаго костюма, труднѣе однако будетъ юношѣ-подростку отказаться отъ стѣснительнаго накрахма-

леннаго воротника, который онъ потомъ все-таки вѣроятно будетъ носить по примѣру другихъ. Было бы очень желательно, чтобы хоть кружокъ просвѣщенныхъ, свободомыслящихъ мужчинъ взялся такъ же энергично за реформу мужского платья, какъ это сдѣлали за послѣдніе годы женщины для своей одежды. Кто привыкъ ходить съ открытой шеей, никогда не почувствуетъ холода, даже при низкой температурѣ; впрочемъ при особой чувствительности (которая однако большею частью происходитъ отъ изнѣженности) легко избѣжать простуды при помощи легкаго шелковаго платка.

Особенное вниманіе надо обратить на обувь. Мы всѣ знаемъ, что наша современная обувь, въ pendant къ корсету, положительно портитъ ногу. Вѣдь за исключеніемъ деревенскаго населенія, которое ходитъ часто босикомъ или въ деревянныхъ башмакахъ, едва ли можно еще гдѣ-либо найти нормальныя, неизуродованныя ноги. Если наши стиснутыя съ юности ноги и привыкли ходить всю жизнь съ большимъ или меньшимъ затрудненіемъ въ башмакахъ неестественнаго фасона, то все-таки намъ вмѣняется въ обязанность сохранить подрастающему поколѣнію здоровье и красоту ноги, этой совсѣмъ не маловажной части тѣла. Главный недостатокъ нашихъ башмаковъ, даже тѣхъ, которые можно было бы считать удовлетворительными вслѣдствіе ихъ широкаго фасона, заключается въ томъ, что они дѣлаются по шаблону, положительно противорѣчащему формѣ ноги. Ступня въ естественномъ состояніи даетъ съ внутренней стороны почти прямую линію, тогда какъ у всякой обуви и на этой сторонѣ къ носку эта линія отклоняется, такъ что получается фасонъ, сходящій съ обѣихъ сторонъ на нѣтъ. Такимъ образомъ, помимо многихъ другихъ страданій ноги, появляется съ годами замѣтное отклоненіе большого пальца отъ его естественнаго положенія; чтобы этого избѣжать, обувь должна приходиться съ внутренней стороны по прямой линіи ноги. Въ послѣднее время въ продажѣ появилось довольно большое количество пригодной обуви-реформъ; однимъ изъ первыхъ сталъ ея сторонникомъ художникъ Шульце-Наумбургъ; въ послѣдніе годы различныя фирмы стали работать частью довольно удачную обувь-реформъ (рис. 7—11). Нѣкоторыя остроумныя си-

стемы дѣлаютъ возможнымъ имѣть на складѣ готовую обувь для самыхъ разнообразныхъ формъ ноги, хотя всѣмъ требованіямъ можетъ удовлетворить только ортопедически обученный, искусный башмачный мастеръ, который шьетъ обувь спеціально по ногѣ заказчика. Въ наше время машинной работы это конечно принесетъ полный переворотъ въ башмачномъ ремеслѣ, перешедшемъ уже совсѣмъ на фабричное производство.

Рис. 7. Гигіеническія дѣтскія туфельки.

Требуемую выкройку хорошо сидящаго башмака получаютъ слѣдующимъ образомъ: ребенка заставляютъ встать на одну ногу на листъ бумаги, такъ что вся тяжесть тѣла приходится на нее, и потомъ тщательно обводятъ ногу ка-

Рис. 8. Нормальная нога.

Рис. 9. Нога, испорченная обувью.

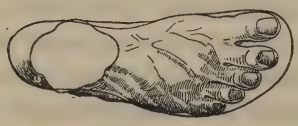


Рис. 10. Форма правильно сшитой обуви.

Рис. 11. Форма неправильно сшитой обуви.

рандашомъ. Если вырѣзать этотъ рисунокъ, то онъ долженъ умѣститься на подошвѣ выбраннаго сапога нигдѣ не загибаясь, иначе обувь должна сжимать ногу. Слѣдуетъ указать еще на одно обстоятельство, съ которымъ надо считаться и при удачно выбранной обуви: быстрый ростъ дѣтей. Въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ дѣтская нога можетъ такъ вырасти, что сапогъ, бывшій раньше въ самый разъ на ногѣ, становится слишкомъ малъ и вредитъ ногѣ, что сами дѣти часто не замѣчаютъ или боятся сказать. Дома и лѣтомъ рекомендуются мальчикамъ и дѣвочкамъ легкія сандаліи, каблуки должны быть очень низкими.

Врядъ ли надо говорить о томъ, что для опредѣленнаго вида спорта, для тенниса, для катанья на конькахъ, для подъемовъ на горы и т. д. необходимо запастись пригодной для этого обувью, при болѣе утомительныхъ экскурсіяхъ надо носить чулки изъ овечьей шерсти, но не бумажные и не нитяные. Большинству дѣтей доставляетъ большое удовольствіе бѣгать босикомъ; съ какою завистью многіе изъ насъ смотрѣли въ дѣтствѣ на босоногихъ деревенскихъ ребятишекъ! Не только на морскомъ берегу, но и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть возможность воспользоваться мягкой мшистой почвой или сочными лугами, свободно можно разрѣшить дѣтямъ эту забаву. Если случайно ребенокъ повредитъ себѣ ногу, или его ужалитъ какое-либо насѣкомое, то эта опасность недостаточно значительна, чтобы перевѣсить всѣ преимущества этого полезнаго удовольствія. То же самое надо сказать по поводу вопроса о ношеніи носковъ. Въ концѣ концовъ дѣти должны были бы отказаться отъ всякаго удовольствія и закаливанія, расти какъ бы подъ стеклянным колпакомъ, если всегда и вездѣ опасаться возможности какой-нибудь бѣды или какого-либо зараженія. Но многіе врачи справедливо возстаютъ противъ излишняго закаливанія; при холодной погодѣ дѣти должны быть одѣты всегда достаточно тепло. Дѣти, которыхъ одѣваютъ такъ, какъ мы предлагаемъ, въ общемъ не нуждаются въ особомъ костюмѣ для спорта, и для дѣвочки ничего не можетъ быть удобнѣе для этой цѣли, какъ ея панталоны-реформъ (упомянутыя выше), которыя въ такомъ случаѣ дѣлаются изъ темной ткани, лучше всего въ цвѣтъ или подходяще ко всему костюму. Тогда для всякаго спорта или для гимнастики достаточно снять юбочку. Въ этомъ смыслѣ задуманъ костюмъ, который недавно очень привился, а именно лейпцигская школьная форма, придуманная д-ромъ Тиршемъ. (Рис. 12 и 13). Она состоитъ изъ синей матроски, короткой юбки, которую снимаютъ для гимнастики, и шароваръ подъ нею изъ того же матеріала. Въ интересахъ новыхъ принциповъ мы находимъ въ этой одеждѣ только тотъ недостатокъ, что она по образцу прежняго женскаго платья дѣлится на двѣ части, какъ разъ въ таліи. Если это и не очень вѣскій недостатокъ, пока дѣвочка носитъ совсѣмъ свободное платье, все-таки впослѣд-

ствіи это легко поведетъ къ прежней ложной системѣ, къ стремленію выдѣлить талію въ серединѣ фигуры и къ узкимъ поясамъ. Болѣе цѣлесообразной подготовкой къ желательной новой женской одеждѣ было бы, если бы — какъ упоминалось выше — шаровары и юбка доходили до груди и прикрѣплялись къ короткому лифчику. Напускъ матроски тоже долженъ былъ бы закончиться въ этомъ мѣстѣ. (Рис. 14 и 15). Это не осложнитъ ни кройку и ни шитья и не из-

Рис. 12. Лейпцигское школьное платье для спорта и гимнастики.

Рис. 13. Лейпцигское школьное платье для школы и улицы.

мѣнитъ практичную пригодность для гимнастики такой школьной формы; это только желательно, какъ подготовка къ женскому платью будущаго. Конечно нельзя не сознаться, что, несмотря на неоднократныя попытки, мудрено замѣнить всѣ преимущества юбки и блузки юбкой-реформъ и блузкой-реформъ. Въ этомъ случаѣ женской изобрѣтательности предстоитъ еще разрѣшить задачу, и если ношеніе юбки и блузки не поведетъ къ прежней ошибкѣ — къ корсету, узкому поясу и къ перехвату въ серединѣ жен-

ской фигуры, — то можно не задумываясь ихъ пока допустить.

Важный отдѣлъ педагогики—это упомянутая выше связь между соціальными моментами и одеждой, здѣсь можно многимъ воспользоваться, чтобы при воспитаніи характера пробудить общественную мысль и общественное чувство. Это важно въ гораздо большей степени для подрастающаго поколѣнія дѣвочекъ, нежели мальчиковъ, которые придаютъ далеко не такъ много значенія костюму и внѣшности. Рѣдко можно напр. встрѣтить, чтобы въ мужскихъ заведеніяхъ костюмъ игралъ такую существенную роль и чтобы у мальчиковъ выборъ товарищей зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, достаточно ли хорошо и изящно они одѣваются. Иначе это дѣло обстоитъ у дѣвочекъ. Часто бываетъ, что въ ихъ юной душѣ рано зарождается страсть къ нарядамъ, чванство, насмѣшливость и жестокосердіе; многочисленны скрытыя трагедіи чуткой дѣтской души тѣхъ, которыя видятъ къ себѣ пренебреженіе, чувствуютъ себя оскорбленными или несчастными потому, что ихъ скромная, неизящная одежда выдѣляется между нарядами болѣе обезпеченныхъ товарокъ. Какъ много неестественнаго и нездороваго выращивается въ дѣтскихъ сердцахъ распространеннымъ къ сожалѣнію стремленіемъ втянуть подрастающихъ дѣвочекъ задолго передъ тѣмъ, какъ онѣ перестаютъ быть дѣтьми, въ зловредное подражаніе пустой наружной суетѣ такъ наз. общества. Въ широкихъ кругахъ дѣвочки насквозь пропитаны тщеславіемъ, завалены нарядами, вся ихъ культурность сводится къ внѣшности. Дѣтская душа, легко поддающаяся вліянію, одинаково успѣшно воспринимаетъ отъ окружающей среды суетность мишурнаго блеска и то, что

Рис. 14.

Рис. 15.

дѣйствительно цѣнно. Такимъ образомъ погибаютъ богато одаренныя существа; изъ 10, 12 и 14-лѣтнихъ дѣтей создаютъ скороспѣлыхъ юныхъ дамъ, которыя совсѣмъ не по-дѣтски постоянно заняты своею внѣшностью, не по лѣтамъ разсуждаютъ о модахъ и платьяхъ; онѣ уже научились по печальному примѣру взрослыхъ судить о людяхъ по тому, хорошо ли они одѣты. При этомъ большею частью утрачивается настоящее чувство красоты. Красивымъ считается только то, что модно и дорого, и не удивительно, что эта женская молодежь постоянно слышитъ нескончаемые разговоры взрослыхъ о портнихахъ, модахъ, цѣнахъ и т. д., вскорѣ начинаетъ щебетать на тотъ же мотивъ, какъ и старшіе. Разумная мать напротивъ научитъ своихъ дѣтей цѣнить людей по существу, а не по платью, научитъ ихъ понимать, какія достоинства у человѣка могутъ быть скрыты подъ самой убогой внѣшностью. Она ихъ пріучитъ по-рыцарски, смѣло заступаться за приниженныхъ передъ товарищами, воспитанными по-иному. Все это ни въ коемъ случаѣ не должно быть направлено къ тому, чтобы недостаточно цѣнить красоту въ нашей жизни, значительная часть которой вѣдь заключается въ наружности человѣка. Но именно художественно чувствующіе люди никогда не смѣшаютъ понятія: «красота» и «мода»! Художественно понимающая, независимо и свободно мыслящая мать или воспитательница, напротивъ, обратитъ вниманіе молодежи на красоту въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. При созерцаніи произведеній искусства она укажетъ въ изображеніи одежды на красоту ниспадающихъ складокъ, цвѣта, свѣтового эффекта; она откроетъ ей глаза на то, какъ художественно сочетаніе красивыхъ тканей, кружевъ, вышивокъ; во время путешествій, на выставкахъ или въ театрѣ обратитъ вниманіе на красоту національныхъ костюмовъ, на изобиліе историческихъ мотивовъ и, когда будетъ шить платья самихъ дѣтей, охотно привлечетъ ихъ къ участію, чтобы способствовать развитію ихъ вкуса, ихъ художественной оцѣнки.

Большое удовольствіе доставляетъ молодымъ дѣвушкамъ узнавать мало-по-малу, какой матеріалъ придаетъ художественный видъ, какимъ образомъ можно выгодно воспользоваться при отдѣлкѣ платья старымъ, настоящимъ хорошимъ кружевомъ и вышивками, — понимать живописное со-

четаніе красокъ и самимъ содѣйствовать этому какой-нибудь стильной вышивкой, отдѣлкой, художественной идеей для собственнаго костюма или для одежды братьевъ и сестеръ. При болѣе скромныхъ средствахъ мать-воспитательница пробудитъ въ дочеряхъ охоту къ примѣненію и использованію частью совсѣмъ неказистыхъ остатковъ и мелочей, покажетъ имъ, какъ благодаря домовитости и прилежанію изъ стараго создается новое, какъ можно съ небольшими средствами все-таки сдѣлать что-нибудь хорошенькое. Большею частью дѣвочки любятъ уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ мастерить наряды для своихъ куколъ, собирать цвѣтные лоскутки и что-нибудь изъ нихъ выкраивать — пользуясь этой природной наклонностью, не трудно будетъ вызвать практическіе интересы, пріучить ихъ постепенно къ тому, чтобы онѣ сами слѣдили за порядкомъ въ своемъ платьѣ.

И мальчиковъ и дѣвочекъ надо пріучать къ тому, чтобы они очень и очень слѣдили за чистотой и аккуратностью своего бѣлья и платья; они не должны допускать никакого безпорядка, никакой запущенности на себѣ, должны и тутъ понимать, что невидимые недостатки все-таки остаются недостатками. Дѣти, научившіяся требовать отъ одежды цѣлесообразность и красоту, не быть рабами моды, и въ остальномъ сдѣлаются съ годами людьми, которые сумѣютъ поддержать и защитить свою индивидуальность противъ безсмысленныхъ воззрѣній тѣхъ, которые исключительно слѣдуютъ шаблону. Но какъ не слѣдуетъ воспитывать въ дѣтяхъ чувство слѣпого подражанія модѣ, не имѣющей никакого разумнаго основанія, точно такъ же нельзя допускать, чтобы они выставляли на показъ намѣренную оригинальность. Совсѣмъ не лишнее подчеркнуть это, такъ какъ именно приверженцы такъ наз. индивидуальной манеры держаться впослѣдствіи особенно легко впадаютъ въ крайность. Приходится предоставить тонкому чутью и хорошему вкусу воспитывающаго провести въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ грань того, что желательно и что допустимо.

Острыя инфекціонныя болѣзни въ дѣтскомъ возрастѣ.

Профессора Рудольфа Фишля.

На ряду съ кишечно-желудочными болѣзнями перваго года жизни ребенка, которыя, въ особенности при искусственномъ вскармливаніи, несмотря на всѣ успѣхи въ области техники питанія, все еще уносятъ много жертвъ между дѣтьми, на ряду съ туберкулезомъ, отъ истребительной работы котораго не застрахованы люди и въ самомъ юномъ возрастѣ,—такъ называемыя острыя инфекціонныя болѣзни являются самыми опасными врагами подрастающаго поколѣнія. Опасность ихъ заключается не только въ томъ, что онѣ принимаютъ характеръ смертельныхъ эпидемическихъ болѣзней, но и въ томъ, что онѣ расшатываютъ здоровье и силы пораженнаго ими организма; эти болѣзни пробуждаютъ дремлющіе зародыши хроническаго недомоганія, способствующаго ихъ же распространенію, и сопровождаются тяжелыми послѣдствіями, которыя даютъ себя знать потомъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій.

Съ тѣхъ поръ какъ людямъ стало ясно, что такое зараза, — а изъ исторіи медицины извѣстно, что люди узнали объ этомъ очень давно, — стали употреблять всѣ силы на борьбу съ этимъ врагомъ. Если раньше это дѣло стояло на шаткомъ основаніи, то теперь бактеріологическія изслѣдованія дали намъ возможность видѣть эти живые зародыши безчисленныхъ инфекціонныхъ заболѣваній, изучать ихъ свойства, на опытахъ съ животными наблюдать за отдѣльными этапами ихъ разрушительнаго дѣйствія, постигнуть отдѣльные моменты естественнаго процесса излѣченія и опытнымъ путемъ воспроизводить его. Такимъ образомъ въ нашихъ рукахъ оказалось цѣлесообразное и дѣйствительное оружіе для борьбы съ этимъ врагомъ. Гигіена, которая учитъ насъ уходу за здоровьемъ, указываетъ намъ также и пути, какими можно избѣжать распространенія многихъ инфекціонныхъ процессовъ и не дать имъ принимать характеръ эпидемій; и благодаря неустанной работѣ изслѣдователей послѣднихъ десятилѣтій въ области профилактики этихъ болѣзней, мы уже довольно близки къ побѣдѣ надъ нашимъ врагомъ. Въ томъ, что эта цѣль еще не совсѣмъ достигнута, виновато, во-первыхъ, пока несовершенное знаніе возбудителей нѣкоторыхъ входящихъ въ эту группу болѣзней заболѣваній, а, во-вторыхъ, — и это конечно самый существенный тормозъ,—та инертность извѣстныхъ классовъ населенія, которая, благодаря игнорированію врачебныхъ предписаній и даже прямому сопротивленію имъ, затрудняетъ борьбу съ этими бичами человѣчества. Несмотря на то, что средніе вѣка давно уже миновали, человѣчество все еще не раздѣлалось съ суевѣріемъ и предразсудками, которые поддерживаются шарлатанами, морочащими народъ, приносятъ не мало бѣдъ и служатъ орудіемъ въ рукахъ людей, пытающихся задержать могучее движеніе прогресса. Но это имъ, конечно, не удается; наши завоеванія въ области изученія, профилактики и лѣченія инфекціонныхъ болѣзней становятся достояніемъ все болѣе и болѣе широкихъ круговъ. Ниже мы покажемъ, какимъ путемъ дѣятельность людей, не обладающихъ спеціальными медицинскими знаніями, можетъ и должна проявляться, чтобы они могли быть пособниками и помощниками намъ въ нашей работѣ. Поэтому въ своемъ изложеніи я буду намѣ-

ренно избѣгать описанія симптомовъ и теченія острыхъ инфекціонныхъ болѣзней, потому что правильное пониманіе и уразумѣніе ихъ предполагаютъ такія знанія, которыхъ нѣтъ у людей, не обладающихъ спеціальными знаніями. Я ограничусь лишь указаніемъ того, въ чемъ дѣятельность такихъ людей можетъ итти объ руку съ работой врачей.

Прежде всего необходимо при каждомъ, даже небольшомъ лихорадочномъ состояніи ребенка обратиться къ врачу, чтобы онъ опредѣлилъ родъ заболѣванія и принялъ надлежащія мѣры къ предупрежденію распространенія болѣзни. Въ послѣдніе годы намъ сталъ извѣстенъ цѣлый рядъ начальныхъ симптомовъ инфекціонныхъ болѣзней, при которыхъ, при своевременномъ распознаніи ихъ, путемъ изолированія больного удается избѣгать распространенія заразы на другихъ членовъ семьи, тогда какъ до этого времени нѣкоторыя заболѣванія оказывались роковыми, и болѣзнь, закравшись въ домъ, поражала всю семью.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о роковомъ заблужденіи, что инфекціонныя болѣзни, протекающія въ легкой формѣ, передаваясь другимъ, протекаютъ всегда тоже въ легкой формѣ, такъ что, напр., при легкой формѣ скарлатины другія дѣти умышленно не изолируются, чтобы имѣть возможность, заразившись, переболѣть этой болѣзнью въ легкой формѣ. Такое легкомысліе можетъ жестоко отомстить за себя, потому что при инфекціи играютъ роль не только зародыши заразы, но и организмъ, въ который они вселяются, и даже очень опытный врачъ не можетъ впередъ сказать, какъ этотъ организмъ будетъ реагировать въ данномъ случаѣ, тяжело или легко.

Особенно плодотворными оказываются названныя предупредительныя мѣры въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣтямъ приходится собираться вмѣстѣ въ большихъ количествахъ, напр.: въ народныхъ и среднихъ школахъ, въ амбулаторіяхъ и т. п. Тутъ строгій контроль надъ дѣтьми, немедленная изоляція больныхъ отъ здоровыхъ, а также своевременное и въ надлежащей мѣрѣ длительное закрытіе заведеній, куда проникла зараза, могутъ остановить распространеніе болѣзни.

Другимъ проводникомъ заразы могутъ явиться пищевые продукты изъ тѣхъ помѣщеній, гдѣ имѣются больныя инфек-

ціонными болѣзнями дѣти, если окружающія этихъ больныхъ, съ одной стороны, ухаживаютъ за ними, а съ другой — производятъ отпускъ названныхъ продуктовъ покупателямъ. Долгъ совѣсти заставляетъ насъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы такой источникъ заразы былъ немедленно обезвреженъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ можетъ явиться опаснымъ распространителемъ тяжелыхъ болѣзней (преимущественно скарлатины и дифтерита), что подтверждается многочисленными примѣрами.

Вообще нужно стараться въ своемъ повседневномъ обиходѣ быть возможно осторожнѣй въ смыслѣ предохраненія дѣтей отъ заразныхъ болѣзней. Слѣдуетъ избѣгать вступать въ тѣсныя сношенія съ незнакомыми лицами, запрещать дѣтямъ цѣловаться, не позволять взрослымъ цѣловать дѣтей, не допускать дѣтей заходить въ незнакомыя дома; при изготовленіи пищи и питья соблюдать строжайшую чистоту, въ общественныхъ мѣстахъ пить воду только кипяченую, быть возможно осторожнѣй въ баняхъ и купальняхъ и т. д. На томъ же основаніи слѣдуетъ совершенно изгнать изъ употребленія пользованіе общей для нѣсколькихъ лицъ посуды для ѣды, спанье дѣтей и взрослыхъ въ одной постели, умыванье изъ общаго таза и т. д. Однимъ словомъ нужно стараться, чтобы семья въ извѣстномъ смыслѣ возможно меньше соприкасалась съ внѣшнимъ міромъ. Тѣ же профилактическія мѣры должны быть распространены и на прислугу, которая не рѣдко своимъ присутствіемъ на лѣстницахъ и въ сѣняхъ заноситъ инфекціонныя болѣзни изъ чужихъ квартиръ. Наконецъ слѣдуетъ обратить вниманіе на отхожія мѣста, которыя часто находятся въ общемъ пользованіи всѣхъ лицъ, живущихъ въ квартирахъ одного этажа. Эти мѣста должны быть тщательно промываемы, а если въ какой-нибудь квартирѣ есть заразный больной, и дизенфекцируемы послѣ каждаго пользованія ими; съ этой цѣлью лучше всего употреблять известковое молоко (разведенную водой гашеную известь), такъ какъ этотъ препаратъ очень дешевъ, не имѣетъ запаха и вполнѣ достигаетъ цѣли.

Благодаря изслѣдованіямъ ученыхъ, установившимъ между извѣстными на первый взглядъ случайными явленіями причинную зависимость и которыя обращены были затѣмъ

на благо человѣчеству, съ одной стороны, а съ другой—благодаря планомѣрнымъ опытамъ надъ больными, трупами и животными, путемъ которыхъ было установлено, что послѣ зараженія извѣстнымъ органическимъ ядомъ объектъ зараженія на короткое или продолжительное время становится невоспріимчивымъ къ вторичному зараженію этимъ ядомъ,— мы стали обладателями цѣлаго ряда мѣръ, предохраняющихъ отъ зараженія инфекціонными болѣзнями. Пользу и значеніе этихъ мѣръ подлежитъ знать каждому и противиться примѣненію ихъ не слѣдуетъ ни въ коемъ случаѣ.

Такъ прививка телячьей оспы, которая производится на первомъ году жизни ребенка и дольше; затѣмъ, черезъ десять лѣтъ, производится вторично, является надежной мѣрой, предохраняющей насъ отъ ужасной болѣзни, оспы, которая въ прежнія времена свирѣпствовала со страшной опустошительностью. Исключительное примѣненіе детрита, добытаго путемъ прививокъ животнымъ, вмѣсто практиковавшихся раньше прививокъ отъ руки, обстоятельное изслѣдованіе животныхъ, которыхъ берутъ для вакцинированія, и убиваніе ихъ послѣ полученія вакцины, соблюденіе условій асептики какъ при добываніи, такъ и храненіи прививочнаго матеріала, а равно и при вакцинированіи ребенка, наконецъ, наложеніе на подрѣзы, а затѣмъ и на оспенные нарывы соотвѣтствующихъ повязокъ, предохраняющихъ отъ возможности инфекціи черезъ это мѣсто, — все это дѣлаетъ прививку оспы совершенно безопасной мѣрой, которая безпокоитъ ребенка всего лишь нѣсколько часовъ и противиться которой было бы по меньшей мѣрѣ безсмысленно. Къ сожалѣнію однако это случается иногда: не всѣ еще культурныя государства сознали необходимость обязательнаго введенія принудительнаго оспопрививанія, и находятся еще проповѣдники, которые извѣстную долю своей агитаторской дѣятельности направляетъ именно въ эту сторону, что заслуживаетъ сильнѣйшаго порицанія.

Сущность предохранительныхъ прививокъ оспы заключается въ томъ, что въ юномъ возрастѣ искусственно вызываютъ легкое локализованное заболѣваніе оспой, послѣ котораго организмъ на долгое время дѣлается невоспріимчивымъ къ заразѣ, при чемъ повторная прививка дѣлаетъ иммунитетъ болѣе надежнымъ. При дифтеритѣ мы не мо-

жемъ такимъ же способомъ вызвать длительнаго иммунитета, но въ случаѣ нужды можно вызвать временный иммунитетъ. Сущность излѣченія отъ дифтерита представляетъ изъ себя совершенно иной процессъ, послѣ котораго, въ противоположность оспѣ, не остается надежнаго и очень длительнаго иммунитета, но перенесеніе самаго процесса болѣзни было бы гораздо опаснѣе и рискованнѣе, чѣмъ попытка предохранить себя отъ нея; и вотъ Эмиль фонъ-Берингъ, геніальный изобрѣтатель дифтеритной сыворотки, которая дѣлаетъ возможной борьбу съ уже вспыхнувшей болѣзнью и въ теченіе недѣль дѣлаетъ, вспрыснувшаго себѣ ее индивидуума, невоспріимчивымъ къ дифтеритнымъ бацилламъ, пришелъ къ мысли примѣненія широко теперь распространенныхъ предохранительныхъ прививокъ изобрѣтенной имъ сыворотки. Посредствомъ маленькой ни въ коемъ случаѣ неопасной дозы дифтеритной сыворотки мы можемъ на три, четыре недѣли защитить себя отъ дифтерита. Эти методы стали примѣняться не только въ дѣтскихъ госпиталяхъ, гдѣ всегда имѣется опасность зараженія, но и въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ не представляется возможнымъ удовлетворительное изолированіе больного ребенка отъ здоровыхъ. Мѣра эта даетъ блестящіе результаты, и требовать отъ нея больше, чѣмъ она можетъ дать, это — значило бы дискредитировать ее.

О лѣченіи сывороткой дифтеритныхъ больныхъ мы будемъ говорить ниже, а теперь мнѣ бы хотѣлось особенно указать на то, что приписываемые средству Беринга вредъ и опасность совершенно не выдерживаютъ здравой и дѣловой критики, такъ что какъ со стороны врача (а среди насъ еще находятся противники сыворотки), такъ и со стороны окружающихъ больного было бы непростительнымъ грѣхомъ ставить препятствія на пути этого блестящаго терапевтическаго завоеванія истекшаго столѣтія.

Можно только пожалѣть, что мы не располагаемъ такими же дѣйствительными и безвредными способами предупрежденія и другихъ инфекціонныхъ болѣзней; но изъ того, что я говорилъ выше, видно, что мы не вовсе уже безсильны въ этомъ смыслѣ и въ разныхъ случаяхъ заразныхъ болѣзней, при разумномъ содѣйствіи семьи больного, можемъ многаго достигнуть помощью тѣхъ общихъ и спеціальныхъ

профилактическихъ мѣръ, о которыхъ я говорилъ. Но этимъ наша общая работа не исчерпывается, потому что наша задача сводится къ тому, чтобы на довольно продолжительный срокъ обезвредить больного для другихъ, предоставить ему соотвѣтствующій врачебный и иной уходъ и уничтожить оставшихся въ комнатѣ больного инфекціонныхъ зародышей, которые могутъ сейчасъ же распространить заразу дальше. Съ этой цѣлью для каждой отдѣльной болѣзни, которыя мы будемъ здѣсь разсматривать, существуютъ особые пріемы; поэтому мнѣ кажется болѣе практичнымъ описывать ихъ всякій разъ при соотвѣтствующей болѣзни.

Я начну съ самой распространенной и почти неизбѣжной болѣзни, — кори. Не такъ далеко отъ насъ то время, когда почти каждый ребенокъ непремѣнно болѣлъ этой болѣзнью, и, разъ она забиралась въ домъ, никто не старался даже бороться съ ней, такъ какъ всѣ предохранительныя мѣры оказывались вѣдь не дѣйствительными. То, что многія эпидеміи кори оказываются сравнительно легкими, служитъ повидимому оправданіемъ такого отношенія къ кори, на самомъ же дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Во-первыхъ, не всѣ эпидеміи кори бываютъ легкими, напротивъ, приходится наблюдать, и не рѣдко, эпидеміи необычайно тяжелой формы, когда вслѣдствіе различнаго рода осложненій весьма значительный процентъ умираетъ. Затѣмъ путемъ многочисленныхъ печальныхъ примѣровъ дознано, что заболѣванія корью пробуждаютъ извѣстную дремавшую до сихъ поръ предрасположенность къ другимъ заболѣваніямъ, особенно къ туберкулезу, который часто возникаетъ послѣ видимо легкой инфекціи кори; ребенокъ начинаетъ чахнуть и черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ умираетъ. Наконецъ опытъ изъ жизни такихъ слоевъ общества, которые имѣютъ возможность въ достаточной мѣрѣ изолировать своихъ дѣтей, именно изъ жизни коронованныхъ семей, показываетъ, что заболѣваніе корью вовсе не обязательно для дѣтей, ибо члены этихъ соціальныхъ слоевъ въ дѣтскомъ возрастѣ не хворали корью и заболѣвали ею только тогда, когда, осуществляя свое выборное право, должны были входить въ тѣсное соприкосновеніе съ населеніемъ, т.-е. въ зрѣломъ возрастѣ. Правда, такая изоляція отъ сношеній съ людьми

въ каждомъ подозрительномъ случаѣ является привилегіей избранной касты общества, а для большинства она доступна лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ; но одинъ даровитый американскій врачъ, имени котораго всегда будетъ отводиться почетное мѣсто въ аналахъ профилактики кори, Анри Копликъ, открылъ намъ симптомъ, который обнаруживается относительно рано, а именно въ то еще время, когда изолированіе больного оказывается еще дѣйствительнымъ. Такимъ образомъ домашній, школьный или больничный врачъ, при всякомъ недомоганіи ребенка, долженъ обстоятельно осмотрѣть полость его рта, а во время эпидеміи онъ долженъ дѣлать это ежедневно; въ случаѣ нахожденія въ полости рта ребенка пятенъ, названныхъ по имени открывшаго ихъ пятнами Коплика, онъ долженъ немедленно предпринять строжайшую изоляцію больного. Семья же обязана при малѣйшемъ нарушеніи здоровья ребенка обратиться къ врачу, а не дожидаться, когда продромальныя явленія перейдутъ за эту раннюю ея стадію и всѣ старанія предупредить болѣзнь окажутся напрасными.

Я охотно соглашаюсь, что если этотъ моментъ будетъ упущенъ и коревой катаръ, проявляясь слезливостью, насморкомъ и кашлемъ, уже начался, то отъ изоляціи больного отъ его сестеръ и братьевъ многаго ожидать нельзя; но все-таки совѣтовалъ бы отдѣлять больного даже и при этихъ условіяхъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ все же удается спасти другихъ отъ зараженія.

Затѣмъ въ интересахъ предупрежденія распространенія эпидеміи я считаю существенно важнымъ не пускать сестеръ и братьевъ больного въ школу, а если заболѣетъ корью кто-нибудь изъ школьниковъ, то сію же минуту распустить весь классъ и не собирать его до тѣхъ поръ, пока не минуетъ критическій періодъ, въ теченіе котораго возможны еще новыя заболѣванія. Между тѣмъ въ этомъ направленіи какъ разъ часто и не принимается надлежащихъ мѣръ, и не разъ приходилось констатировать тотъ фактъ, что инкубаціонный періодъ кори, протекающій между инфекціей и заболѣваніемъ и длящійся отъ 2 до $2^1/_2$ недѣль, вовсе не принимается во вниманіе. Нѣтъ никакого смысла, если классной комнатой, гдѣ были обнаружены больные корью, послѣ недѣльнаго освѣженія дезинфекціи и пр., на-

чинаютъ пользоваться вновь, потому что изъ числа учениковъ извѣстная часть конечно уже заразилась и черезъ небольшой промежутокъ времени появляются новые случаи заболѣванія, и такъ пойдетъ дальше, пока наконецъ не заразятся всѣ воспріимчивые организмы, и инфекція не прекратится сама собой, тогда какъ, при закрытіи класса на все время инкубаціоннаго періода, инфекція можетъ ограничиться лишь немногими учениками.

Зараженіе при кори передается обыкновенно лишь путемъ непосредственнаго соприкосновенія больного съ другими дѣтьми, и переноса заразы третьимъ лицомъ бояться нечего. Поэтому сравнительно легко уберечься отъ занесенія болѣзни взрослыми, которые ухаживаютъ за больнымъ ребенкомъ; вымыть руки и лицо, выходя изъ комнаты больного, и перемѣнить верхнее платье—оказывается вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы избѣжать распространенія инфекціи путемъ общенія съ больнымъ. Черезъ различные предметы: игрушки, мебель и т. д. зараза тоже не передается, и съ прекращеніеммъ сыпи и лихорадочнаго состоянія зараза обыкновенно уже не передается; во всякомъ же случаѣ, чтобы быть окончательно увѣреннымъ, надо выждать, когда прекратится кашель. Поэтому достаточно такого больного одинъ или два раза хорошенько вымыть съ мыломъ, основательно вычистить и провѣтрить комнату и постелить чистое бѣлье на постель, чтобы безъ опасеній пускать въ комнату больного какъ его братьевъ и сестеръ, такъ и чужихъ дѣтей.

Гораздо труднѣе и хлопотливѣе предупредить распространеніе скарлатины; однако заразительность этой болѣзни далеко не такъ велика, какъ при кори, но зато ядъ ея отличается гораздо большею живучестью. Какъ я могу утверждать на основаніи своего долголѣтняго и обширнаго опыта, скарлатина въ своей начальной стадіи не особенно заразительна, такъ что строгая изоляція больного при началѣ заболѣванія обыкновенно предохраняетъ отъ инфекціи его сестеръ и братьевъ, на что особенно надо обратить вниманіе въ виду капризности этой болѣзни, специфическая тиранія которой находится еще въ зачаточномъ состояніи. Изоляція больного должна, чтобы оказаться дѣйствительной, быть проведена со всей строгостью: больного

надо помѣстить въ отдаленную комнату и прекратить всякое сообщеніе ея съ другими комнатами квартиры; изолировать слѣдуетъ также и всѣхъ, кто ухаживаетъ за больнымъ, т.-е. они должны избѣгать всякаго общенія съ остальными членами семьи. Шелушеніе кожи, которое бываетъ при скарлатинной сыпи особенно сильнымъ и продолжительнымъ, и выдѣленіе заразительнаго матеріала путемъ глоточнаго секрета заставляютъ уже при началѣ заболѣванія обставить комнату больного такъ, чтобы дезинфекцію ея потомъ можно было произвести самымъ основательнымъ образомъ. Необходимо убрать изъ комнаты всѣ ковры, занавѣси и мягкую мебель, а также всѣ излишнія украшенія и цѣнныя игрушки; ѣду надо готовить больному въ особомъ сосѣднемъ съ его комнатой помѣщеніи, что сдѣлать въ общемъ нетрудно, потому что долгое время приходится пользоваться молочной діэтой; посуду для ѣды надо брать только самую необходимую и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы сидѣлка получала кушанья непосредственно въ свои руки, не входя въ соприкосновеніе съ остальными членами семьи; вся посуда должна мыться прежде всего самой же сидѣлкой, и только послѣ того, какъ она основательно будетъ вымыта, ее уже можно пускать въ обращеніе.

Изъ такого карантина скарлатинный больной не долженъ выходить до тѣхъ поръ, пока послѣ купаній съ обильнымъ примѣненіемъ мыла окончательно не исчезнетъ вся шелуха съ кожи. Но это еще не все: пускать дѣтей въ комнату, гдѣ находился больной, можно только послѣ основательной дезинфекціи послѣдней. Лучше и надежнѣе всего произвести дезинфекцію формалиновыми аппаратами (Formaldehydapparate), заставляя ихъ работать полдня или цѣлый день; такихъ аппаратовъ существуетъ множество, различныхъ конструкцій; полъ въ комнатѣ надлежитъ вымыть горячимъ растворомъ сулемы крѣпостью 1 на 5000; постельное бѣлье слѣдуетъ простерилизовать паровымъ пульвелизаторомъ, то же надо сдѣлать и съ носильнымъ платьемъ и бѣльемъ какъ больного, такъ и сидѣлки, а игрушки сжечь. Во время болѣзни рекомендуется для поддержанія чистоты тѣла и для удаленія различныхъ выдѣленій (спеціально выдѣленій изъ носа и слизи изъ глотки) употреблять такой матеріалъ, который сейчасъ же послѣ употребленія можно

сжигать, т.-е. вату и марлю. Кромѣ того очень важно почаще смазывать кожу саломъ, чтобы такимъ путемъ по возможности не давать распыляться образующейся на кожѣ шелухѣ.

Сестры и братья больного ребенка не должны посѣщать школы во все время инкубаціоннаго періода, который для скарлатины длится 8—10 дней; послѣ этого они могутъ посѣщать школу, но лишь въ томъ случаѣ, если изоляція больного произведена дѣйствительно надежно и онъ изолированъ отъ всякаго соприкосновенія съ здоровыми членами семьи. Тѣ, кто ухаживаютъ за больнымъ во все время болѣзни, не должны сходиться съ другими членами семьи, а по окончаніи болѣзни могутъ сдѣлать это только послѣ того, какъ вымоются и надѣнутъ на себя платье и бѣлье, которыя сохранялись внѣ комнаты больного, т.-е. послѣ того, какъ будетъ устранена всякая возможность переноса ими инфекціоннаго матеріала.

Въ послѣднее время стали дѣлаться многочисленныя попытки лѣченія скарлатины сывороткой, которыя, хотя и не дали еще блестящихъ результатовъ, но все же могутъ считаться благопріятными, и со стороны окружающихъ больного было бы несправедливо противиться примѣненію ихъ, прежде всего уже потому, что серьезнаго вреда причинить онѣ не могутъ. Въ тяжелыхъ случаяхъ шансовъ на выздоровленіе такъ мало, что при прививкѣ можно только выиграть, и уже конечно ничего не потеряешь, и люди, спеціально не знакомые съ медициной, этимъ только и должны руководиться въ данномъ случаѣ.

Строгое слѣдованіе предписаніямъ врача особенно относительно питанія, которое въ теченіе недѣль въ интересахъ больного и не рѣдко при сильномъ съ его стороны сопротивленіи сводится главнымъ образомъ къ молочной діэтѣ, относительно продолжительности лежанія въ постели, которое на внѣшній взглядъ можетъ только вредить общему состоянію больного, относительно времени, когда можно въ первый разъ выйти на воздухъ и т. п.—слѣдованіе всѣмъ такимъ предписаніямъ врача приходится всегда не совсѣмъ по вкусу окружающимъ больного; но не надо забывать, что существенную роль въ терапіи скарлатины играетъ предо-

храненіе больного отъ всевозможныхъ осложненій, которыми сопровождается эта болѣзнь.

Чтобы избѣгнуть упрека въ недостаточной полнотѣ, упомяну еще вкратцѣ объ одной болѣзни, которая по виду своему близко подходитъ къ кори и скарлатинѣ, это — краснуха. Краснуха—болѣзнь безобидная; контагій ея очень летучъ, теченіе простое. При ней вполнѣ достаточно тѣхъ предупредительныхъ мѣръ, которыя мы рекомендовали при кори; эпидеміи ея обыкновенно быстро прекращаются. Болѣзнь эта еще не достаточно изслѣдована, случается довольно рѣдко; діагнозъ ея представляетъ трудности даже для опытнаго врача, и поэтому въ отдѣльныхъ случаяхъ слѣдуетъ всегда обращаться за медицинской помощью и примѣнять рекомендуемое врачомъ лѣченіе.

Вѣтреная оспа въ общемъ довольно безобидная болѣзнь. Я нахожу нужнымъ особенно подчеркнуть, что она не имѣетъ ничего общаго съ натуральной оспой, какъ, во-первыхъ, потому, что отъ нея не предохраняютъ оспенныя прививки, такъ, во-вторыхъ, и потому, что перенесеніе ея не даетъ иммунитета противъ натуральной оспы, а отдѣльныя оспины, вопреки частымъ утвержденіямъ, по характеру своему не похожи на оспины натуральной оспы. Но изъ этого конечно не слѣдуетъ, что на нее не нужно обращать вниманія: каждому опытному врачу извѣстны случаи, когда теченіе ея осложнялось серьезными инфекціями, возникающими вслѣдствіе расчесыванія воспалившихся оспинъ, болѣзнями почекъ, воспаленіемъ легкихъ и проч. и наступалъ даже смертельный исходъ; поэтому при каждомъ заболѣваніи вѣтреной оспой слѣдуетъ немедленно обращаться къ врачу. Легкомысленное отношеніе къ этой болѣзни, особенно въ низшихъ слояхъ населенія, является причиной слишкомъ сильнаго распространенія ея, и именно въ школахъ. Обыкновенно совершенно не обращаютъ вниманія на то, что инкубаціонный періодъ этой болѣзни тянется особенно долго, до трехъ недѣль, и что ея свойство передаваться другимъ не прекращается до тѣхъ поръ, пока не спадутъ всѣ струпики, что длится иногда очень долго. Это обстоятельство не исключаетъ возможности перенесенія этой болѣзни черезъ третьихъ лицъ, вслѣдствіе этого здѣсь показуется длительная изоляція больного, прекращеніе его

сношеній съ другими членами семьи, запрещеніе сестрамъ и братьямъ больного посѣщать школу по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ недѣль; общеніе же хворавшаго вѣтреной оспой со здоровыми разрѣшается только тогда, когда онъ послѣ нѣсколькихъ ваннъ, хорошо вымывшись мыломъ, освободится окончательно отъ струпиковъ, и комната его подвергнется основательной дезинфекціи, которая вышеупомянутымъ способомъ должна быть примѣнена ко всей обстановкѣ, постельному бѣлью, платью, игрушкамъ и т. д.

Къ инфекціоннымъ болѣзнямъ, возбудителей которыхъ, какъ уже и въ описанныхъ болѣзняхъ, мы еще не знаемъ, относится еще свинка, заушница, то хорошо извѣстное, острое, заразительное воспаленіе околоушныхъ желёзъ, опуханіе которыхъ придаетъ дѣтямъ столь своеобразный видъ. Эта болѣзнь обыкновенно тоже доброкачественна и проходитъ быстро и безъ послѣдствій. Нельзя однако забывать, что при свинкѣ могутъ быть и осложненія въ родѣ раздражительныхъ явленій со стороны мозговыхъ оболочекъ, заболѣванія почекъ и пр., почему и при этой болѣзни нужно позаботиться объ отдѣленіи больного отъ здоровыхъ и своевременномъ и въ достаточной мѣрѣ продолжительномъ воздержаніи отъ посѣщенія школы. Заразительный періодъ длится однако не долго, а заразительный матеріалъ не особенно стоекъ, такъ что нѣтъ надобности въ исчерпывающей дезинфекціи и можно ограничиться провѣтриваніемъ комнаты и носильнаго и постельнаго бѣлья.

Возбудитель коклюша хотя цѣлымъ рядомъ изслѣдованій послѣднихъ лѣтъ и установленъ съ достаточной вѣроятностью, но микроскопическому изученію и культурѣ онъ поддается съ большимъ трудомъ и не можетъ быть еще использованъ въ цѣляхъ профилактики болѣзни; опыты съ примѣненіемъ специфической терапіи тоже пока не дали еще точно опредѣленныхъ результатовъ. И это вдвойнѣ жаль, потому что коклюшъ, это такая болѣзнь, діагнозъ которой въ начальной ея стадіи представляется необычайно труднымъ, что часто дѣлаетъ невозможнымъ своевременную изоляцію больного. Поэтому различными пріемами, какъ напримѣръ: подсчетомъ кровяныхъ тѣлецъ, изслѣдованіемъ мочи, зависимостью состоянія легкихъ отъ мучающаго ребенка кашля и т. д., старались опредѣлить стадію

болѣзни, когда изолированіе больного можетъ предохранить еще здоровыхъ дѣтей отъ инфекціи. Отсюда читатель можетъ заключить, что разобраться здѣсь можетъ только врачъ, къ которому онъ и долженъ обратиться сейчасъ же, потому что болѣзнь эта такого сорта, которая даже при легкомъ теченіи ея причиняетъ мученія какъ ребенку, такъ и окружающимъ его, а, при часто случающихся тяжелыхъ осложненіяхъ со стороны легкихъ и нервной системы, можетъ явиться и очень опасной.

Съ другой стороны дознано, что теченіе болѣзни становится легче и число припадковъ значительно сокращается, если больного въ хорошую погоду держать на открытомъ воздухѣ. Но этотъ благодѣтельный для больного пріемъ обусловливаетъ возможность распространенія болѣзни потому, что въ высшей степени заразительный секретъ, который отдѣляется при каждомъ приступѣ кашля, всюду разбрасывается и можетъ вести къ зараженію другихъ дѣтей. Такимъ образомъ мы попадаемъ въ очень затруднительное положеніе: съ одной стороны, въ интересахъ больного намъ нелегко отказаться отъ леченія на свѣжемъ воздухѣ, а съ другой стороны мы должны такимъ образомъ обставить это, чтобы избѣжать опасности прогулокъ больного для здоровыхъ дѣтей. Въ этомъ смыслѣ, какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны властей, сдѣланъ цѣлый рядъ предложеній, строгое соблюденіе которыхъ хотя и довольно затруднительно, но для достиженія упомянутой двойной цѣли является необходимымъ. Для больныхъ коклюшемъ дѣтей въ каждомъ городѣ должно быть отведено особое мѣсто, обильно снабженное плевательницами съ дезинфецирующей жидкостью, куда больные выплевывали бы отдѣленія, что при сравнительной продолжительности приступовъ, лишь только въ концѣ которыхъ слѣдуетъ отдѣленіе инфекціонныхъ слизистыхъ массъ, можно примѣнить безъ особаго труда. Если это маленькія дѣти, которыя сами не умѣютъ еще сплевывать, то нянька должна принять секретъ въ кусокъ ваты или марли и сейчасъ же выбросить ее въ плевательный сосудъ. Содержимое такой плевательницы нужно одинъ или два раза въ день выбрасывать въ опредѣленное мѣсто и обезвреживать, а плевательницу вновь наполнять дезинфекціоннымъ матеріаломъ. Дѣ-

ло теперь въ томъ, какъ доставлять такихъ дѣтей въ отведенныя для нихъ мѣста на свѣжемъ воздухѣ. Лучше всего дѣлать это въ спеціально для этой цѣли устроенныхъ и легко дезинфицируемыхъ экипажахъ (напр. въ особомъ вагонѣ трамвая съ надписью, что вагонъ служитъ исключительно для такой-то цѣли). Въ домѣ необходимо озаботиться о строжайшей изоляціи больного, для котораго, гдѣ обстоятельства позволяютъ это, слѣдуетъ отвести двѣ комнаты, чтобы можно было всегда какъ слѣдуетъ освѣжать ихъ; надо стараться, чтобы выдѣляемый больнымъ при кашлѣ секретъ не попадалъ на полъ или на стѣны этихъ комнатъ, чего можно достичь употребленіемъ плевательницъ и сжиганіемъ матеріала, который употребляется для принятія и вытиранія секрета.

Въ теплое время года желаніе окружающихъ больного коклюшемъ ребенка доставить ему облегченіе пребываніемъ на открытомъ воздухѣ въ деревнѣ будетъ конечно поддержано и одобрено врачомъ. Но это вполнѣ похвальное намѣреніе нужно выполнить такъ, чтобы оно не оказалось опаснымъ для здоровыхъ дѣтей и чтобы не разнести болѣзни дальше. Такъ какъ больной долженъ выжидать окончанія своей болѣзни въ полной изоляціи отъ здоровыхъ дѣтей, то въ данномъ случаѣ остается только одно: въ дачныхъ мѣстностяхъ и въ мѣстахъ купаній отвести участки, предназначенные исключительно для больныхъ коклюшемъ, и направлять туда этихъ больныхъ при соблюденіи соотвѣтствующихъ мѣръ предосторожности, въ особыхъ дезинфецируемыхъ купэ вагоновъ. Требованія эти, которыя я нѣсколько лѣтъ тому назадъ выставилъ въ «справочникѣ профилактики дѣтскихъ болѣзней», показались тогда нѣкоторымъ преувеличенными и неосуществимыми; но ошибочность этого взгляда подтверждается тѣмъ фактомъ, что, по предложенію общества врачей, они успѣно были проведены во Франціи и Венгріи. Прежде чѣмъ покончить съ этой болѣзнью, скажу еще слѣдующее. Со стороны родителей, дѣти которыхъ больны коклюшемъ, было бы преступно и недобросовѣстно нанимать дачныя помѣщенія, не предупредивъ о болѣзни своихъ дѣтей владѣльцевъ этихъ помѣщеній; съ другой стороны, владѣльцамъ дачныхъ помѣщеній должно быть закономъ воспрещено сдавать свои помѣщенія въ томъ

случаѣ, если черезъ это можетъ возникнуть опасность заражения другихъ дѣтей. Борьба съ инфекціонными болѣзнями требуетъ отъ насъ извѣстнаго чувства порядочности и вниманія къ чужимъ дѣтямъ въ той мѣрѣ, въ какой мы претендуемъ на него для своихъ дѣтей.

По вопросу о томъ, когда ребенку, перенесшему коклюшъ, можетъ быть разрѣшено общеніе съ своими здоровыми товарищами, существуютъ различныя мнѣнія. Одни полагаютъ, что заразительность болѣзни не прекращается до тѣхъ поръ, пока наблюдаются характерные припадки кашля; другіе же думаютъ, что не лишенъ инфекціи и тотъ типичный металлическій кашель, который образуется въ концѣ болѣзни. На основаніи своихъ наблюденій я присоединяюсь къ послѣднему мнѣнію и оставляю поэтому ребенка изолированнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ вообще кашляетъ; хотя это и является карантиномъ, длящимся часто больше мѣсяца, но съ точки зрѣнія порядочности его никакъ не избѣгнешь.

Теперь перейдемъ къ той группѣ острыхъ инфекціонныхъ болѣзней, возбудители которыхъ точно намъ извѣстны, такъ что задачей врача является обнаружить ихъ и обезвредить. Начнемъ съ дифтерита.

Геніальное открытіе Беринга дало намъ счастливую возможность бороться съ этой опасной болѣзнью, и терапія сывороткой является блестящимъ пріобрѣтеніемъ въ области лѣченія ея. Теперь, когда мы уже больше десяти лѣтъ примѣняемъ эту терапію, и у насъ передъ глазами прошло больше сотни тысячъ случаевъ излѣченія путемъ примѣненія сыворотки, въ дѣйствительности противодифтеритнаго средства не существуетъ больше сомнѣній. Я охотно соглашаюсь, что характеръ этой болѣзни въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій сталъ болѣе мягкимъ; такія колебанія встрѣчаются при всѣхъ эпидемическихъ заболѣваніяхъ, но то вліяніе, которое оказываетъ на теченіе болѣзни своевременно и въ достаточномъ количествѣ введенная доза сыворотки; та поистинѣ волшебная перемѣна, которая происходитъ съ больнымъ; быстрое спаденіе температуры, увяданіе налетовъ, которые спадаютъ какъ увядшіе листья; отсутствіе столь страшныхъ въ прежнее время послѣдствій болѣзни, какъ параличи, воспаленіе

почекъ и т. п.,— все это съ неопровержимой силой убѣжденія показываетъ намъ, что въ лѣченіе этой болѣзни внесенъ специфическій факторъ, который лишаетъ инфекціонный процессъ его главной почвы. Но, чтобы навѣрно достигнуть такого дѣйствія, сыворотку необходимо впрыснуть въ надлежащее время и въ достаточномъ количествѣ, при чемъ на первый планъ выступаетъ здѣсь опять-таки дѣятельность окружающихъ ребенка, потому что они одни могутъ замѣтить малѣйшее разстройство въ здоровьѣ ребенка и во-время позвать доктора. Врядъ ли можно серьезно оспаривать тотъ фактъ, что всѣ тѣ случаи, когда специфическая терапія примѣнялась въ теченіе первыхъ 48 часовъ болѣзни при вполнѣ достаточной дозѣ сыворотки, кончались всегда излѣченіемъ болѣзни, и если статистика на основаніи данныхъ дѣтскихъ госпиталей все еще приводитъ цыфры смертности, колеблющейся между 5 и 15%, если все еще часть больныхъ, вслѣдствіе пораженія горла и верхнихъ дыхательныхъ путей, должна подвергаться опасному оперативному вмѣшательству, то виной этого является исключительно только то обстоятельство, что къ этимъ больнымъ слишкомъ поздно было примѣнено лѣченіе, и вызванныя ядомъ измѣненія оказались уже непоправимыми; между тѣмъ сущность терапіи сывороткой прежде всего покоится на томъ, чтобы подавить развитіе процесса въ тотъ моментъ, когда онъ не получилъ еще возможности распространиться и произвести въ организмѣ серьезныя поврежденія.

Такимъ образомъ дѣятельность людей, не свѣдущихъ въ медицинѣ, должна быть направлена къ тому, чтобы содѣйствовать врачу въ его работѣ; кто пріучилъ своихъ дѣтей каждый день давать осматривать свое горло и кто при всякой краснотѣ слизистой оболочки и появленіи налетовъ считаетъ нужнымъ посовѣтоваться съ спеціалистомъ, тотъ оказываетъ неоцѣнимую услугу въ борьбѣ съ дифтеритомъ.

Дальнѣйшимъ пріемомъ, способствующимъ правильному лѣченію болѣзни и прекращающимъ распространеніе ея, является бактеріологическое изслѣдованіе подозрительныхъ продуктовъ и контроль какъ надъ выздоравливающимъ, такъ и надъ окружающими больного относительно наличности дифтеритныхъ бациллъ. Особенность лѣченія сывороткой заключается въ томъ, что она быстро обезпечиваетъ боль-

ного отъ нападенія на него дифтеритныхъ возбудителей, самихъ же возбудителей не обезвреживаетъ. Затѣмъ многочисленными опытами установленъ фактъ, что съ виду здоровыя лица, которыя ухаживаютъ за дифтеритными больными, долгое время могутъ носить у себя въ глоткѣ вполнѣ дѣятельныхъ бациллъ и такимъ образомъ являются проводниками инфекціи. Нѣкоторыя на первый взглядъ загадочныя массовыя заболѣванія объясняются именно такимъ образомъ. Съ другой стороны, путемъ широкаго примѣненія бактеріологическаго метода изслѣдованія возможно ограничить специфическое лѣченіе лишь тѣми случаями, которые дѣйствительно нуждаются въ немъ, и не примѣнять его въ другихъ, сопровождающихся налетомъ не дифтеритнымъ, заболѣваніяхъ, что съ одной стороны представляетъ экономическія выгоды, а съ другой — указываетъ на необходимость принятія тѣхъ или другихъ предохранительныхъ мѣръ. Во всякомъ случаѣ въ цѣляхъ облегченія такого пріема необходимо оборудовать особыя мѣста, гдѣ производились бы подобныя изслѣдованія; это облегчило бы врачамъ самое пользованіе названнымъ методомъ, дало бы имъ возможность производить изслѣдованія въ наиудобнѣйшей формѣ и ускоряло бы изслѣдованіе, вслѣдствіе чего они могли бы своевременно приступать къ лѣченію.

Выносливость дифтеритныхъ бациллъ, которыя, какъ установлено спеціальными изслѣдованіями, могутъ держаться цѣлыми мѣсяцами на игрушкахъ, на платьѣ и т. д., не теряя способности къ инфекціи, а также и продолжительное нахожденіе ихъ въ глоткахъ выздоровѣвшаго дифтеритнаго больного и окружающихъ его — заставляютъ быть особенно внимательнымъ при изолированіи больного и дезинфекціи. По этому поводу я и хочу теперь сдѣлать нѣсколько существенныхъ замѣчаній. Прежде всего необходима строжайшая изоляція больного и всѣхъ ухаживающихъ за нимъ лицъ, которая производится такимъ же способомъ, какъ я уже указывалъ при описаніи скарлатины. Если по какимъ-либо причинамъ такая изоляція невозможна, то нужно предохранить здоровыхъ дѣтей отъ зараженія путемъ впрыскиванія сыворотки, которое черезъ три недѣли слѣдуетъ повторить. По окончаніи болѣзни нужно произвести анализъ слизи глотки какъ у выздоравливающаго больного,

такъ и у лицъ, ухаживавшихъ за нимъ, и, если анализъ обнаружитъ присутствіе дифтеритныхъ бациллъ, слѣдуетъ назначить смачиваніе горла антисептическими средствами, а болѣе взрослымъ полосканіе (взявъ для этого лучше всего растворъ сулемы). Послѣ этого слѣдуетъ повторять анализъ до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ отрицательныхъ результатовъ. И только уже тогда можно приступить къ дезинфекціи комнаты, принципы которой тѣ же, что и при скарлатинѣ. Послѣ основательно произведенной дезинфекціи больной можетъ вступить въ общеніе съ остальными членами семьи и другими лицами.

Я хочу сказать еще нѣсколько словъ о самомъ противодифтеритномъ средствѣ, чтобы защитить его отъ нѣкоторыхъ нареканій на него. Установить дѣйствующее начало еще не удалось, и намъ приходится пока прибѣгать къ помощи лошадиной сыворотки. Тѣ болѣзненныя явленія, которыя можетъ повлечь за собой впрыскиваніе большого количества раствора бѣлка и которыя наблюдались въ началѣ терапіи сывороткой, когда мы должны были еще работать съ большими дозами, всегда оказывались лишь непріятными, но никогда не бывали опасными (сыпи, опухоли суставовъ, лихорадочная температура); въ послѣдніе же годы, когда благодаря изготовленію сильно дѣйствующей сыворотки,—вполнѣ достаточно 1—2 куб. см.,—эти болѣзненныя явленія совершенно устранены. Самое впрыскиваніе значительно упростилось предварительнымъ впрыскиваніемъ одного шприца морфія, при чемъ при достаточной чистотѣ нечего уже опасаться какихъ-нибудь инфекціонныхъ осложненій. Напротивъ, опытами послѣднихъ лѣтъ дознано, что быстро слѣдующія одно за другимъ два впрыскиванія даже незначительныхъ дозъ сыворотки вызываетъ рядъ непріятныхъ послѣдствій, проявляющихся въ сильной реакціи со стороны кожныхъ покрововъ, въ раздраженіи почекъ, опухоли суставовъ и пр., вслѣдствіе чего безобидное по существу своему впрыскиваніе дѣлается если и не опаснымъ, то все же непріятнымъ. Но когда нужна такая повторная инъекція? Обычно тогда, когда болѣзнь начинаютъ лѣчить уже въ сравнительно поздней стадіи, такъ что одного впрыскиванія оказывается недостаточно. Отсюда можно вывести только то заключеніе, что дѣтей слѣду-

етъ подвергать внимательному осмотру и какъ можно раньше показывать врачу,—тогда не страшна будетъ больше и такъ называемая «сывороточная болѣзнь».

Инфлюэнца, которая послѣ долгаго затишья въ послѣднее десятилѣтіе нѣсколько разъ проносилась по Европѣ грозной эпидеміей,—инфекціонная болѣзнь и притомъ столь заразительная, что нѣтъ почти никакой возможности, путемъ изолированія больныхъ и другихъ предохранительныхъ мѣръ, остановить ея движеніе. А между тѣмъ это было бы чрезвычайно желательно, въ особенности для грудныхъ младенцевъ, которымъ инфлюэнца причиняетъ особенно сильный вредъ, вызывая воспалительные процессы верхнихъ дыхательныхъ путей (носа, глотки и горла), сопровождающіеся тяжелыми явленіями. Поэтому, хотя бы во время эпидеміи, лица, страдающія подозрительнымъ чиханьемъ, должны держаться возможно дальше отъ маленькихъ дѣтей; и это все, что мы можемъ предпринять для предупрежденія этой инфекціи, потому что, при необычайно быстромъ распространеніи инфлюэнцы, всѣ другія предупредительныя мѣры оказываются иллюзорными.

Такъ какъ настоящій очеркъ посвященъ обозрѣнію лишь инфекціонныхъ болѣзней, которыя вслѣдствіе своей распространенности заставляютъ членовъ семьи быть всегда настороже и постоянно, принимая характеръ эпидемій, уносятъ немало дѣтей, то мы и не будемъ касаться болѣе рѣдкихъ, появляющихся лишь съ значительными промежутками заразительныхъ острыхъ болѣзней, въ родѣ пятнистаго тифа, менингита и пр., а также инфекціонныхъ болѣзней, связанныхъ съ извѣстной мѣстностью, какъ напримѣръ, маляріи; заключимъ же нашъ обзоръ разсмотрѣніемъ брюшного тифа. Мы хорошо знаемъ какъ свойства, такъ и родъ дѣйствія возбудителя этой болѣзни и потому можемъ войти въ оцѣнку соотвѣтствующихъ предохранительныхъ мѣръ. Неоднократными наблюденіями установленъ фактъ, что оздоровительная работа большихъ городовъ, когда принимались мѣры къ снабженію населенія здоровой питьевой водой, проводилась канализація, устанавливался контроль надъ молокомъ, регулировался ввозъ мяса и пр., всегда оказывала вліяніе и на тифъ въ томъ смыслѣ, что количество заболѣваній имъ сильно уменьшалось. Такимъ путемъ уда-

валось бывшія гнѣзда тифа превратить въ здоровые города, гдѣ теперь эта болѣзнь является величайшей рѣдкостью; и наоборотъ, пренебреженіе перечисленными мѣрами превращаетъ тифъ въ народное бѣдствіе. Почва, вода и съѣстные продукты играютъ огромную роль въ области распространенія тифа; и гдѣ общество само не понимаетъ своего долга въ этомъ смыслѣ, тамъ каждый долженъ стараться самъ, соотвѣтствующими мѣрами, предохранять себя отъ инфекціи тифомъ. Этого можно достигнуть слѣдующимъ путемъ: для умыванія, купанья и мытья посуды слѣдуетъ употреблять только прокипяченую воду; такую же воду употреблять и при изготовленіи кушаній, а также для промыванія овощей; пить тоже надо только кипяченую воду и т. д. Молоко должно употреблять только кипяченое. Словомъ, необходимо соблюдать цѣлый рядъ въ высшей степени обременительныхъ, хлопотливыхъ и нелегко поддающихся контролю мѣръ, которыя непріятно осложняютъ веденіе хозяйства. Не слѣдуетъ также купаться въ тѣхъ рѣкахъ, которыя протекаютъ по мѣстностямъ, поражаемымъ тифозной эпидеміей.

Если въ семьѣ случится заболѣваніе тифомъ, то необходимо принять извѣстныя мѣры, чтобы сдѣлать больного безвреднымъ для окружающихъ. Благодаря цѣлому ряду діагностическихъ методовъ, мы можемъ опредѣлить такое заболѣваніе въ самой ранней стадіи его, что весьма важно для изоляціи случая; и человѣкъ, не свѣдущій въ медицинѣ, и здѣсь обязанъ немедленно обратиться къ врачу. Опытъ показываетъ, что, съ одной стороны, окружающіе больного, съ другой — кажущіеся уже выздоровѣвшими больные могутъ сдѣлаться посредниками инфекціи: первые разносятъ бациллъ на обуви, на платьѣ и пр.; у вторыхъ бациллы, еще не утратившія свойствъ инфекціи, находятся въ ихъ кажущихся уже совсѣмъ нормальными испражненіяхъ. Не надо забывать, что заразительный матеріалъ находится не только здѣсь, онъ можетъ выдѣляться съ мочей, каломъ и даже съ выдыхаемымъ воздухомъ и довольно долго держится, что указываетъ уже на новый и очень строгій путь борьбы съ распространеніемъ тифа. Чтобы ограничить заболѣванія отдѣльнымъ случаемъ, необходимо подвергнуть больного строжайшей изоляціи, заставить его выплевывать

мокроту въ особую, наполненную дезинфекціонной жидкостью плевательницу, обезвреживать его мочу и стулъ известью, ухаживающихъ за нимъ лицъ совершенно отдѣлить отъ другихъ членовъ семьи; по окончаніи болѣзни комнату больного слѣдуетъ основательно продезинфецировать, продензифецировать необходимо также платье, бѣлье постельное и носильное, а также и всѣ предметы, которые находились въ употребленіи больного; общеніе больному съ здоровыми можно разрѣшить только тогда, когда бактеріологическимъ изслѣдованіемъ будетъ установлено, что въ испражненіяхъ его нѣтъ тифозныхъ бациллъ.

Въ дѣтскомъ возрастѣ эта болѣзнь, которая встрѣчается между прочимъ даже и у младенцевъ, которыхъ еще кормятъ грудью, часто протекаетъ при менѣе ясныхъ симптомахъ, вслѣдствіе чего для распознаванія ея намъ приходится прибѣгать къ помощи всѣхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи діагностическихъ пріемовъ; хотя эти пріемы въ результатѣ могутъ оказаться нѣсколько обременительными для больного, тѣмъ не менѣе окружающіе его не должны противиться имъ, такъ какъ отъ правильности діагноза зависитъ нашъ дальнѣйшій образъ дѣйствій.

Во всѣхъ случаяхъ заболѣваній врачу нужна разумная поддержка окружающихъ больного, которая является вѣскимъ факторомъ въ успѣхахъ его работы. Врачъ только распоряжается и въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствуетъ. Техника терапіи окружаетъ маленькихъ страдальцевъ потребнымъ комфортомъ и оградить другихъ отъ угрожающей опасности заразиться—должно быть послѣдней задачей людей, не свѣдущихъ въ медицинѣ. А въ какомъ направленіи при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, соотвѣтственно современному положенію нашихъ знаній, можетъ итти успѣшное выполненіе ея, это въ краткихъ чертахъ я старался изобразить въ настоящемъ очеркѣ.

Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при заболѣваніяхъ дѣтей.

Приватъ-доцента д-ра Рудольфа Гекера.

Въ наше время, когда во всѣхъ большихъ городахъ устроены мѣста подачи скорой медицинской помощи и врача почти всегда можно вызвать по телефону, можетъ казаться, что въ знаніи «первой помощи» нѣтъ уже той необходимости, какая была прежде. Правда, въ большинствѣ несчастныхъ случаевъ врачъ можетъ явиться сію же минуту или же первая помощь можетъ быть подана врачебнымъ персоналомъ вызванной кареты скорой помощи, но все-таки есть еще много случаевъ, когда помощь бываетъ нужна немедленно, а между тѣмъ врача или фельдшера приходится ждать нѣсколько часовъ. Этой участи обречены прежде всего всѣ тѣ, которые живутъ въ деревнѣ, а затѣмъ и большинство горожанъ. Въ лѣтній праздничный день врача не застать дома, а звонить ему по телефону это значитъ понапрасну тратить драгоцѣнное время. Всякій поэтому долженъ постараться ознакомиться съ основными правилами подачи первой помощи либо путемъ прослушанія соотвѣтствующихъ лекцій, либо прохожденіемъ практическаго курса. Въ виду того, что огромное количество несчастныхъ случаевъ случается съ дѣтьми, «подача первой помощи» является необходимою частью ученія въ дѣлѣ ухода за дѣтьми.

I. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ.

Механическія поврежденія у маленькихъ дѣтей требуютъ немедленнаго вмѣшательства. Каждый ребенокъ въ первые годы жизни долженъ знакомиться съ окружающей его средой и опасностями, которыя она заключаетъ въ себѣ для нихъ. Онъ долженъ узнать, что огонь жжетъ, иголка колетъ, печь горяча, ножъ остеръ, а когда падаешь на землю, то сильно ушибаешься. Этотъ отвѣтъ онъ прі-

обрѣтаетъ главнымъ образомъ собственнымъ тѣломъ путемъ чувственныхъ воспріятій и болевыхъ впечатлѣній, и было бы неразумно оберегать дѣтей отъ всѣхъ этихъ опасностей или напередъ запугивать ихъ строгими приказаніями, потому что ребенокъ боится огня только тогда, когда обожжется.

Паденіе также принадлежитъ къ числу неизбѣжныхъ и обычныхъ явленій въ жизни ребенка и вслѣдствіе эластичности костей и хорошей жировой простилки, обыкновенно нисколько не опасно, если только ребенокъ падаетъ на ровномъ полу и не съ высоты. Даже паденіе со стола, со шкафа и даже съ одного или нѣсколькихъ этажей не такъ уже рѣдко обходится безъ послѣдствій. Такъ, выпаденіе младенцевъ старшаго возраста изъ люлекъ обыкновенно кончается только плачемъ послѣ первой боли. Гораздо опаснѣе, когда нянька роняетъ изъ рукъ совсѣмъ маленькаго младенца; слѣдствіемъ такого паденія иногда могутъ явиться внутреннія поврежденія, переломы костей, даже мозговыя болѣзни.

Опредѣлить, дѣйствительно ли произошло поврежденіе и какое, тяжелое или легкое, можетъ только врачъ послѣ детальнаго осмотра ребенка. Спокойное, довольное состояніе, спокойный сонъ и интересъ къ игрѣ у ребенка вскорѣ послѣ паденія говорятъ рѣшительно противъ, упорный же болѣзненный плачъ или крикъ и безсознательное состояніе говорятъ за серьезный характеръ поврежденія.

При сильномъ паденіи съ высоты часто происходитъ общее сотрясеніе всего тѣла и шокъ, онѣмѣніе нервной системы, или обморокъ; лицо дѣлается мертвенно-блѣднымъ, губы синѣютъ, выступаетъ холодный потъ, появляется икота или рвота. При паденіи на голову бываетъ иногда сотрясеніе мозга: безсознательное состояніе, рвота, синева въ лицѣ, ускоренное дыханіе, учащеніе или замедленіе пульса, — явленія, которыя скоро, часто черезъ нѣсколько минутъ, проходятъ.

При простыхъ опухоляхъ отъ ударовъ, или шишкахъ, надо прикладывать холодные компрессы изъ воды или уксуснокислаго глинозема (1 столовая ложка на 4—8 стол. ложекъ воды). При обморокѣ и сотрясеніи мозга ребенка надо положить горизонтально, при чемъ ноги

его должны быть выше головы, чтобы къ мозгу приливала кровь. Сильнымъ раздраженіемъ кожи надо стараться поднять дѣятельность сердца: для этого же надо положить горчичники или смоченную горчичнымъ спиртомъ пропускную бумагу подъ ложечку, на икры и подошвы; растирать щеткой руки и ноги; щекотать перышкомъ въ носу; примѣнять искусственное дыханіе (см. ниже) и, когда больной будетъ въ состояніи глотать, вливать въ ротъ горячія напитки: чай, горячее вино, разбавленный мясной экстрактъ.

При повреждеціи наружныхъ кожныхъ покрововъ, или собственно ранахъ, надо руководствоваться тѣми же правилами, какъ и при ранахъ отъ выстрѣла, порѣза и пр. Прежде всего надо остановить кровотеченіе и затѣмъ перевязать рану.

Останавливаніе кровотеченія. Кровь можетъ течь изъ мелкихъ сосудовъ, при чемъ она течетъ равномѣрно, или же изъ большихъ, тогда она бьетъ струей. Легкое кровотеченіе останавливается поднятіемъ вверхъ пораненнаго члена тѣла, обливаніемъ раны холодной водой (если нѣтъ чистой холодной воды, свободной отъ бактерій, надо взять только что прокипяченую и остуженую до 60° горячую воду), наложеніемъ антисептической повязки или перевязать кускомъ льняной матеріи, прокипяченымъ въ водѣ. Лучшее средство остановить кровь это — туго перетянуть пораненный членъ тѣла эластичной каучуковой кишкой выше того мѣста, откуда течетъ кровь, т.-е. ближе къ сердцу; вмѣсто каучуковой кишки можно взять эластичные помочи или поясъ. Кишку обертываютъ нѣсколько разъ вокругъ пораненнаго члена и конецъ ея подтыкаютъ подъ одинъ изъ ея оборотовъ. Если нѣтъ подъ рукой никакой эластической перевязки, можно взять любой лоскутъ матеріи въ видѣ ленты, обвить его вокругъ пораненнаго члена, проткнуть оба конца лоскута какой-нибудь палочкой или щепкой, сложить ихъ вмѣстѣ и крутить до тѣхъ поръ, пока не остановится кровь. Въ крайнемъ случаѣ сосудъ, изъ котораго бьетъ струей кровь, надо прижать пальцемъ и не отпускать, пока нельзя будетъ помочь другимъ образомъ. Кровотеченія въ полости рта останавливаются полосканіемъ холодной водой или уксуснокислымъ глиноземомъ 1:10.

При кровотеченіи изъ носа, причина котораго заключается обыкновенно въ поврежденіи нижней носовой раковины, не слѣдуетъ нагибать голову надъ умывальнымъ тазомъ или втягивать въ носъ воду, уксусъ и т. д., а надо поднять голову кверху и на нѣсколько минутъ зажать носъ большимъ и указательнымъ пальцами. Въ большинствѣ случаевъ кровь останавливается вслѣдствіе образующихся при этомъ сгустковъ, закупоривающихъ раненый сосудъ. Если же это не помогаетъ, надо закупорить носъ, вводя въ него по направленію спереди назадъ (но не вверхъ) тампонъ изъ марли или ваты, который можно смочить слабымъ растворомъ хлористаго желѣза.

Промыванію раны, по мнѣнію Бергмана, слѣдуетъ удѣлять не слишкомъ много времени, такъ какъ этимъ можно скорѣе повредить, чѣмъ помочь. Вслѣдствіе того, что въ водѣ содержатся всегда бактеріи, ее можно употреблять въ данномъ случаѣ только свѣже прокипяченой, а всѣ антисептическіе растворы въ извѣстной степени раздражаютъ рану. Скорѣе всего, кромѣ кипяченой воды, можно взять ужъ четырехпроцентный растворъ борной кислоты, растворъ сулемы (одна лепешка сулемы на литръ воды), уксуснокислый глиноземъ (одна столовая ложка на $^1/_2$ литра воды) и съ ватки капать имъ въ рану. По даннымъ опыта военной хирургіи раны, которыя не дезинфицировались, заживаютъ не хуже, чѣмъ тѣ, которыя предварительно на полѣ сраженія подвергались дезинфекціи; поэтому теперь предпочитаютъ или вытереть рану только сухой стерилизованной ватой или же сейчасъ же послѣ остановки кровотеченія положить первую повязку.

Прежде чѣмъ накладывать первую повязку, необходимо, чтобы накладывающій ее тщательно вымылъ мыломъ руки, вычистилъ ихъ щеткой и затѣмъ продезинфицировалъ ихъ антисептическимъ растворомъ. Въ качествѣ послѣдняго можетъ служить водочный спиртъ, въ крайнемъ случаѣ древесный, растворъ сулемы 1: 1000, лизолъ или лизоформъ. Для самой же повязки можно взять нѣсколько разъ смоченный кусокъ марли или прокипяченый лоскутъ льняной матеріи. Перевязочный матеріалъ можно обеззаразить такимъ образомъ: смочить его въ спиртѣ или въ рас-

творѣ сулемы, а затѣмъ выжать. Потомъ сверхъ повязки накладываютъ вату и забинтовываютъ.

Бывшій въ употребленіи и вновь непрокипяченый или вообще не совсѣмъ свѣжій перевязочный матеріалъ нельзя употреблять ни въ коемъ случаѣ. Лучше никакой повязки, чѣмъ грязная. Небольшія раны отъ порѣзовъ можно по остановкѣ кровотеченія просто залѣпить англійскимъ пластыремъ, смочивъ его, конечно, не слюной или водой, а дезинфицирующимъ растворомъ (карболовымъ, борнымъ и пр.). Для прочности поверхъ пластыря можно слегка намазать коллодіемъ.

Переломы костей въ дѣтскомъ возрастѣ сравнительно часты. Если подозрѣвается переломъ кости, то надо лежащаго на полу больного, не поднимая его, осторожно раздѣть, разорвавъ платье по швамъ и разрѣзавъ чулки, а въ

Рис. 1. Перевязка съ зонтами, платками и мхомъ при переломѣ бедра.

случаѣ надобности и обувь. Если есть кровотеченіе, его надо прежде всего остановить. Переломъ кости можно узнать по субъективнымъ симптомамъ: боль на мѣстѣ перелома и нарушеніе дѣятельности поврежденнаго члена,— который отчасти или совсѣмъ не поднимается, не двигается и т. д. — или по объективнымъ симптомамъ — по измѣненію формы, происшедшей вслѣдствіе смѣщенія сломанныхъ концовъ кости, по хрустѣнію кости при ощупываніи; послѣднее несвѣдущій человѣкъ не всегда замѣчаетъ. Различаютъ переломы подкожные, или простые, и открытые, или осложненные. При первыхъ кожа сверху цѣла, вторые же сопровождаются пораненіемъ переломившейся костью мягкихъ частей, при чемъ рана идетъ отъ поверхности кожи вглубь до мѣста перелома кости. Въ послѣднемъ случаѣ очень велика опасность инфекціи раны, и первая помощь должна сводиться къ тому, чтобы предо-

хранить ее отъ такой инфекціи, т.-е. наложить антисептическую повязку. Прежде чѣмъ поднимать больного, нужно сломанный членъ привести въ спокойное состояніе. Не слѣдуетъ дѣлать попытокъ вправленія или выпрямленія; по сторонамъ переломанной руки или ноги нужно въ качествѣ шинъ положить какой-нибудь предметъ, зонтъ, палку, скрученные въ трубу коврикъ, сюртукъ, пальто и пр.; предварительно же слѣдуетъ хорошенько укрыть переломанный членъ ватой; шины же накладываются сверхъ ваты и прикрѣпляются посредствомъ бинтовъ изъ скатерти, ремней, носовыхъ платковъ и пр.; эти бинты накладываются при переломѣ голени, ниже паха, на колѣнѣ и надъ голеностопнымъ суставомъ, а при переломѣ руки—подъ мышкой, на локтѣ и на сгибѣ кисти. Тѣ два сустава, которые близко лежатъ къ мѣсту перелома, нужно всегда захватывать фиксирующимъ бинтомъ. Послѣ этого ребенка можно уже или перенести въ постель или отвезти въ больницу.

Рис. 2. Перевязка съ шинами изъ картона при переломѣ предплечія.

У новорожденныхъ иногда случается переломъ бедра вслѣдствіе тяжелыхъ родовъ, поворота и т. д. Въ такихъ случаяхъ цѣлесообразно ногу ребенка прибинтовать къ его животу, при чемъ туловище ребенка будетъ служить шиной.

Часто встрѣчающійся у дѣтей переломъ ключицы можно узнать по опухоли въ серединѣ ключицы и по тому положенію, которое принимаетъ рука поврежденной стороны: рука эта ближе держится къ грудной клѣткѣ и сдвинута впередъ и внутрь. Для того, чтобы положить первую повязку, здѣсь требуется только выстлать ватой подмышечную впадину, а также все пространство между грудной клѣткой и предплечіемъ; вата прикрѣпляется или при помощи бинта или же при помощи липкаго пластыря; рука должна быть установлена въ согнутомъ положеніи, при чемъ лучевая и плечевая кости образуютъ прямой уголъ.

Если ребенокъ вслѣдствіе сильнаго толчка вывихнулъ

себѣ какой-нибудь членъ, то слѣдуетъ ограничиться также только наложеніемъ повязки съ ватой и не прибѣгать къ попыткамъ выравненія кости; послѣднее очень легко выполняется опытной рукой врача, между тѣмъ какъ всякій неправильный поворотъ неопытной рукой можетъ только значительно ухудшить дѣло. Вывихъ плечевого сустава очень часто случается тогда, когда ребенокъ, котораго ведутъ за руку, вдругъ падаетъ, а тотъ, кто его ведетъ, не выпустилъ при этомъ руки ребенка или дернулъ ее вверхъ.

Замерзаніе. Мы должны стараться всегда привести замерзшаго человѣка въ чувство, даже и въ томъ случаѣ, если онъ уже совершенно закоченѣлъ и похолодѣлъ, и прежде всего его слѣдуетъ перенести въ прохладное помѣщеніе, затѣмъ раздѣть, растереть снѣгомъ или холодной водой и въ то же время произвести искусственное дыханіе. Постепенно надо перейти къ растиранію рукъ и ногъ теплыми суконками и щетками; въ ротъ надо влить теплое питье и сдѣлать ванну отъ 15 до 30° С. Кисти рукъ и ступни замерзшаго слѣдуетъ поднять вверхъ, вертикально, чтобы предупредить грозящую въ данномъ случаѣ гангрену, затѣмъ надо обернуть ихъ раздражающими кожу компрессами изъ алкоголя, керосина, оподельдока и пр. и окутать ватой.

Рис. 3. Искусственное дыханіе при утопленіи.

Спасеніе утопающихъ. Чтобы спасти утопающаго ребенка, нужно, снявъ верхнее платье, броситься въ воду и, схвативъ ребенка за волосы, поплыть на спинѣ, держа при этомъ голову утопающаго ребенка за волосы на своемъ тѣлѣ. Первая помощь здѣсь заключается прежде всего въ примѣненіи искусственнаго дыханія и согрѣваніи тѣла утопленника; такъ какъ опасность заключается не толь-

ко въ удушеніи, но и въ охлажденіи тѣла. Утопленника надо раздѣть и пальцами извлечь изъ его рта попавшія туда инородныя тѣла; затѣмъ положить его животомъ на свое колѣно и перегнуть его корпусъ головой внизъ; послѣ этого ладонями, по направленію отъ спины, надо сдавить грудную клѣтку утопленника (см. рис. 3) и потомъ отпустить ее; этимъ пріемомъ достигается двоякая цѣль: удаленіе воды изъ легкихъ и искусственное дыханіе. Когда вода изъ легкихъ перестанетъ выливаться, надо перевернуть ребенка на спину и продѣлать искусственное дыханіе по Сильвестру (см. ниже), производя его въ теченіе часа и больше, смотря по надобности; въ то же время слѣдуетъ согрѣвать тѣло, прикрывая его чѣмъ-нибудь теплымъ или растирая, а когда ребенокъ начнетъ глотать, ему слѣдуетъ давать для этой же цѣли теплое питье.

Солнечный и тепловой удары. Солнечные лучи производятъ или поверхностные ожоги, покраснѣніе кожи и волдыри—въ особенности весною, или же перенагрѣваніе тѣла, если оно слишкомъ напряженно работаетъ, не получая достаточнаго количества воды. Признаками теплового удара служатъ: сонливость, вялость, тяжелое дыханіе, краснота лица, ослабленіе дѣятельности сердца. Лѣченіе солнечныхъ ожоговъ производится такъ же, какъ и лѣченіе другихъ ожоговъ; для лѣченія теплового удара надо перенести пострадавшаго въ прохладное мѣсто, растегнуть платье и ввести воду черезъ ротъ или кишки.

Ожоги. Больше половины случаевъ всѣхъ ожоговъ приходится на дѣтей. Когда на ребенкѣ загорается платье, надо сейчасъ же броситься тушить пламя, накинувъ на него одежду, одѣяло или заливая водой. Послѣднее впрочемъ не всегда достигаетъ цѣли, если горитъ керосинъ. Но большинство ожоговъ происходитъ не отъ огня, а отъ горячихъ жидкостей, кипятку, кипящаго молока и т. д. Различаютъ ожоги первой, второй и третьей степени, въ зависимости отъ того дѣйствія, которое они производятъ на кожу: послѣдняя либо только краснѣетъ, либо покрывается пузырями, либо разрушается, съ образованіемъ струпьевъ. Если ожогами поражена большая часть тѣла, то они являются опасными даже въ томъ случаѣ, если эти ожоги первой степени. Ожогъ кончается большей частью смертью,

если имъ поражена половина всей поверхности тѣла. Для лѣченія ожоговъ рекомендуется, вмѣсто обычныхъ мазей и обертываній, которыя легко размягчаютъ и отдѣляютъ защитительный верхній кожный покровъ, употреблять лучше всего осушающія средства: рекомендуется спеціальная мазь отъ ожоговъ, состоящая изъ льняного масла и известковой воды въ равныхъ частяхъ; присыпки въ родѣ крахмальной муки, цинковой пудры и талька, а затѣмъ дезинфицированную вату Брунса. Лучше всего Барделебеновскій бинтъ, который можно купить во всякой аптекѣ. Вздувшіеся пузыри надо проколоть съ краю прокипяченными ножницами или ножомъ и затѣмъ наложить на нихъ упомянутый бинтъ. То же лѣченіе и при ожогахъ второй степени. Перевязку нужно смѣнять черезъ двѣ—пять недѣль, при чемъ присохшія мѣста перевязки надо размягчать деревяннымъ масломъ или мазью.

Инородныя тѣла. Если вонзившіяся въ кожу инородныя тѣла: занозы, осколки стекла, иголку и т. д. нельзя ухватить руками, то мѣсто, гдѣ они вонзились, надо вымыть мыломъ, водой и спиртомъ, затѣмъ продѣланный инороднымъ тѣломъ ходъ расширить прокаленной иглой или прокипяченымъ ножомъ и тогда уже вытащить тѣло, ухвативъ его пальцами или пинцетомъ. Различныя полости тѣла служатъ у дѣтей излюбленнымъ мѣстомъ инородныхъ тѣлъ, среди которыхъ чаще всего можно встрѣтить камешки, пуговицы, вишневыя косточки, горохъ, бобы, бусинки и т. д.

Изъ носа эти предметы удалять лучше всего слѣдующимъ способомъ. Носъ ребенка щекочатъ перышкомъ, чтобы заставить его чихнуть и выбросить такимъ образомъ инородное тѣло изъ носа; или же берутъ головную шпильку, вводятъ ее тупымъ концомъ въ носъ такъ, чтобы захватить ею инородное тѣло сверху и сзади и затѣмъ тянуть это тѣло впередъ. При этомъ ни въ коемъ случаѣ нельзя употреблять щипцовъ или пинцета, потому что ими попавшее въ носъ тѣло, по большей части, проталкивается только дальше вверхъ.

Если инородныя тѣла попадаютъ въ гортань или дыхательное горло, они вызываютъ обыкновенно судорожный кашель и вслѣдствіе этого выскакиваютъ обратно. Если

же приступъ кашля прекратился, а инородное тѣло не вышло, тогда приходится обычно прибѣгать къ медицинской помощи и извлекать тѣло или черезъ ротъ или же путемъ разрѣза дыхательнаго горла. Но такіе случаи рѣдки, потому что при попаденіи въ горло посторонняго тѣла надгортанникъ рефлекторно закрываетъ входъ въ гортань.

Поэтому же обычно не представляетъ опасности и то, что годовалыя и двухлѣтнія дѣти часто давятся хлѣбомъ или овощами, проглатывая съ ними постороннія тѣла: вызываемый этимъ кашель и то, что ребенокъ начинаетъ давиться, препятствуетъ попаденію такого тѣла въ гортань. Если же какой-нибудь острый предметъ, рыбья или сливная косточка, застрянетъ въ глоткѣ, тогда безъ церемоніи надо пустить въ дѣло указательный палецъ и вытащить этотъ предметъ. Если рыбья косточка попадетъ глубже въ пищеводъ, то извлеченіе слѣдуетъ непремѣнно поручить врачу, который сдѣлаетъ это посредствомъ спеціальнаго инструмента.

Дѣйствительно проглоченныя и проникшія въ желудокъ и кишки инородныя тѣла причиняютъ обыкновенно больше испуга, чѣмъ вреда. Часто проглатываемыя монеты, бусинки, костяныя части гуттаперчевыхъ сосковъ и пр. почти безъ исключеній совершенно не вліяютъ на кишечникъ при прохожденіи черезъ него и черезъ 24 или 48 часовъ выходятъ съ каломъ. Если же проглоченъ какой-нибудь острый предметъ или съ острыми краями, какъ, напр., оловянный солдатикъ, гвоздь, иголка, то надо давать ребенку молоко, картофельную или рисовую кашицу, чтобы создать этимъ вокругъ проглоченнаго предмета обвалакивающую среду; слабительныхъ средствъ давать не слѣдуетъ. Нетерпѣливымъ людямъ можно рекомендовать попросить врача произвести изслѣдованіе рентгеновскими лучами, чтобы оріентироваться относительно мѣста нахожденія проглоченнаго металлическаго или костяного предмета.

Если въ ухо попадаютъ насѣкомыя, комары, мухи, клопы и пр., то ихъ надо немедленно удалить, потому что они причиняютъ непріятное чувство и боль. Въ ухо надо влить воды температуры тѣла, послѣ чего насѣкомое сейчасъ же выползетъ. Если же въ ухо попадаютъ какія-нибудь другія инородныя тѣла, то лучше всего позвать врача, потому что

въ данномъ случаѣ лучшимъ и самымъ надежнымъ средствомъ является умѣлое промываніе уха. И только въ крайнемъ случаѣ можно рѣшиться самому попытаться промываніемъ вывести инородное тѣло изъ уха, для этого надо взять простой стеклянный шприцъ и направлять струю на заднюю и верхнюю стѣнки слухового прохода; но ни въ коемъ случаѣ нельзя прибѣгать здѣсь къ помощи крючка, головной шпильки, пинцета и пр., такъ какъ ими можно только глубже протиснуть въ ухо попавшій въ него предметъ.

Попавшія въ глазъ инородныя тѣла (это—почти всегда частицы угля отъ локомотива) легко усмотрѣть и извлечь, если они лежатъ на нижнемъ вѣкѣ. Если же инородное тѣло засѣло въ верхнемъ вѣкѣ, тогда надо это вѣко взять за край или за рѣсницы и натянуть его на нижнее вѣко, отчего частица угля соскользнетъ на наружный край послѣдняго.

Отравленіе.

Общія замѣчанія. Такъ какъ большая часть отравленій приходится на дѣтскій возрастъ и такъ какъ именно здѣсь особенно чувствуется нужда въ знаніи того, какъ подать въ данномъ случаѣ помощь, то знакомство съ чаще всего случающимися отравленіями и съ лѣченіемъ ихъ является дѣломъ первой важности для всякаго, кто не обладаетъ спеціальными знаніями въ этомъ смыслѣ.

Прежде всего надо удалить ядъ изъ тѣла. Если природа сама не позаботится объ этомъ, удаленіе яда производится вызываніемъ рвоты или слабительными. Первое достигаютъ тѣмъ, что даютъ пить тепловатую воду, щекочутъ небо, придавливаютъ языкъ ложечкой; изъ рвотныхъ средствъ можно взять порошокъ рвотнаго корня, Radix Ipecacuanhae, черезъ 10 минутъ по порошку въ 0,2 g до дѣйствія. При этомъ надо быть осторожнымъ: если это средство не подѣйствуетъ, то дѣйствіе яда можетъ иногда усилиться. Лучшее средство очистить желудокъ, доступное однако только врачу, это—промываніе желудка и впрыскиваніе апоморфина. Въ качествѣ слабительнаго можно взять касторовое масло (кромѣ случаевъ отравленія фосфо-

ромъ и папоротникомъ), водный или винный растворъ ревеня, вѣнское питье по 1—3 столовой ложкѣ, грудной порошокъ 1—2 чайныхъ ложки. Хорошо очищаютъ кишки также клистиры изъ мыльной воды $^1/_2$—1 литра.

Затѣмъ надо вошедшій уже въ тѣло ядъ обезвредить и уничтожить вызванныя имъ послѣдствія. Сюда относятся къ сожалѣнію не очень многочисленныя специфическія противоядія, способы разжиженія яда и цѣлый рядъ средствъ, возбуждающихъ дѣятельность сердца и раздражающихъ кожу. Горячій чай и кофе оказываются полезными при всѣхъ почти отравленіяхъ вслѣдствіе того, что они согрѣваютъ тѣло и вводятъ въ желудокъ воду, а

Рис. 4. Искусственное дыханіе; сжатіе грудной клѣтки.

также вслѣдствіе возбудительнаго дѣйствія кофеина и свойства дубильной кислоты, которой особенно много находится въ чаю, связывать ядъ. Хорошо употреблять также и алкоголь,—лучше всего въ видѣ не слишкомъ крѣпкаго глювейна, разбавленнаго коньяка, шампанскаго. Очень благотворно дѣйствуютъ въ смыслѣ приведенія больного въ чувство средства, раздражающія кожу, какъ, напримѣръ, горчичное тѣсто, горчичникъ на грудь, горячія ручныя и ножныя ванны, растираніе щеткой рукъ и ногъ, обтираніе камфарнымъ спиртомъ, оподельдокомъ и др. Хорошо примѣнять также ванны въ 36° С. съ прохладнымъ обливаніемъ. Но лучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ для приведенія

въ чувство почти во всѣхъ тяжелыхъ случаяхъ служитъ искусственное дыханіе.

Принципъ искусственнаго дыханія состоитъ въ

Рис. 5. Искусственное дыханіе; сжатая грудная клѣтка расширяется сама собой.

попеременномъ расширеніи и суженіи грудной клѣтки, что можетъ быть достигнуто различнымъ образомъ. Самый про-

Рис. 6. Искусственное дыханіе по Сильвестру. I.

стой и хорошо примѣнимый къ дѣтямъ методъ заключается въ слѣдующемъ. Ребенка кладутъ на спину, захватываютъ обѣими руками по бокамъ подъ реберной дугой, приподни-

маютъ ее и затѣмъ вновь надавливаютъ внизъ, что слѣдуетъ дѣлать однако не слишкомъ энергично, или же ладонями надавливаютъ съ боковъ грудную клѣтку сейчасъ же поверхъ реберной дуги и затѣмъ вновь отпускаютъ руки,

Рис. 7. Искусственное дыханіе по Сильвестру. II. Вдыханіе.

вслѣдствіе чего грудная клѣтка расширяется благодаря собственной эластичности. (Рис. 4 и 5.) Въ первомъ случаѣ производится активное вдыханіе, во второмъ — активное выдыханіе. Самый же надежный методъ, это — методъ Сильвестра: становятся со стороны головы ребенка, берутъ больного за кистевые суставы, поднимаютъ ихъ вверхъ, затѣмъ ведутъ дальше черезъ голову и, наконецъ, опускаютъ внизъ, держа ихъ все время выпрямленными; этимъ

Рис. 8. Искусственное дыханіе по Сильвестру. III. Выдыханіе.

производится выдыханіе; затѣмъ сгибаютъ руки ребенка въ локтяхъ и крѣпко прижимаютъ ихъ съ боковъ къ грудной клѣткѣ; этимъ воздухъ вновь выдавливается. (Рисунки 6, 7, 8.)

При всякомъ методѣ надо производить отъ 20 до 30 движеній въ минуту. Такое искусственное дыханіе надо продолжать иногда полчаса, часъ и даже нѣсколько часовъ, что очень утомляетъ; поэтому необходимо дѣлать остановки. Если дыханіе начинаетъ усиливаться, можно прекратить движенія, но какъ только оно начнетъ ослабѣвать, нужно сейчасъ же начать движенія снова. Очень полезно одновременно съ этимъ растирать члены въ направленіи къ сердцу и всячески внутри и снаружи согрѣвать тѣло.

а) Яды вмѣсто лакомства (по ошибкѣ).

Щелочи. Щелочи калія и натра, а также растворъ соды разрушаютъ слизистую оболочку рта и пищеварительнаго канала, превращая ее въ сѣрую или коричневато-желтую кашицеобразную массу и вызывая страшныя боли. Первая помощь: если ребенокъ только что глотнулъ оказавшійся для него роковымъ напитокъ, ему слѣдуетъ дать уксусу, лимоннаго сока, и то и другое въ большомъ количествѣ, но очень разжиженное. Если же послѣ отравленія прошелъ часъ и больше, то названныя средства оказываются уже вредными, и лучше всего давать въ этомъ случаѣ теплые слизистые отвары (крахмальную муку, зинзивей или разбавленный растворъ каучука). Надежнѣе всего дѣйствуетъ промываніе желудка.

Кислоты. Сѣрная и соляная кислоты производятъ сопровождающіеся сильной болью разъѣдающіе ожоги полости рта и глотки съ образованіемъ черныхъ струпьевъ; слѣды такихъ же ожоговъ замѣчаются въ углахъ рта и на шеѣ. Первая помощь: насколько только возможно разжижить кислоту обильнымъ введеніемъ воды, къ которой потомъ можно прибавить немного яичнаго бѣлка, мыла, соды, въ крайнемъ случаѣ мѣла. При состояніи слабости — раздраженіе кожи и горячіе компрессы.

Сулема. Лепешки сулемы вслѣдствіе ихъ соблазни-

тельнаго вида для дѣтей нужно хранить съ особенной осторожностью. Симптомы отравленія: горькій, металлическій вкусъ, затрудненное глотаніе, боли въ животѣ, рвота и поносъ, и то и другое часто съ кровью. Лѣченіе: въ обильномъ количествѣ молоко и яичный бѣлокъ, рвотное (см. выше), промываніе желудка.

в) Отравленіе вслѣдствіе невѣжества или легкомыслія окружающихъ ребенка.

Алкоголь. Хроническое отравленіе алкоголемъ со всѣми его послѣдствіями встрѣчается у дѣтей къ сожалѣнію настолько же часто, насколько рѣдко встрѣчается острое отравленіе; и то и другое требуетъ немедленной помощи.

Ярь-мѣдянка, уксусно-кислая мѣдь, можетъ образоваться въ уксусно-кислыхъ кушаніяхъ, когда ихъ оставляютъ стоять въ мѣдной посудѣ. Симптомы: металлическій вкусъ, зеленовато-голубая рвота, колики, слабость. Лѣченіе: рвотное, молоко, яичный бѣлокъ въ водѣ или жженая магнезія, — чайная ложка на стаканъ воды.

Мышьякъ. Мышьяковая кислота часто находится въ ядѣ для крысъ, а иногда въ краскѣ стѣнъ и въ обояхъ, и оттуда можетъ попасть непосредственно въ желудокъ ребенка. Симптомы остраго отравленія: боли въ желудкѣ, рвота, водянистыя испражненія, слабость. Лѣченіе: усиленіе рвоты, холодная вода, лучше же всего — противоядіе противъ мышьяка, которое можно достать въ каждой аптекѣ (Antidotum arsenici), черезъ 10 минутъ по столовой ложкѣ, или же такими же дозами — слабо жженая магнезія, разведенная въ водѣ: одна часть магнезіи на 20 частей воды.

Угаръ, — отравленіе угольной кислотой, образующейся иногда изъ сгораніи дерева, торфа или угля въ печахъ съ плохой тягой, а также находящейся нерѣдко въ свѣтильномъ и въ рудниковомъ газѣ. Симптомы: головокруженіе, головная боль, давленіе въ желудкѣ, чувство страха, потеря сознанія, посинѣніе и блѣдность кожи, ослабленіе дѣятельности сердца, судороги. Лѣченіе: въ легкихъ случаяхъ достаточно открыть окна, перенести больного въ другую

комнату и согрѣть его въ постели. Въ тяжелыхъ случаяхъ слѣдуетъ немедленно произвести искусственное дыханіе и сильное растираніе кожи; какъ только больной начнетъ глотать, давать горячій черный кофе.

Отравленіе кушаньями. Цѣлый рядъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ проявить ядовитыя свойства. Чаще всего отравленія происходятъ отъ мяса больныхъ животныхъ, недостаточно прокопченыхъ колбасныхъ товаровъ, испорченной рыбы и устрицъ, а также отъ консервовъ, какъ мясныхъ, такъ и овощныхъ, если при изготовленіи ихъ они не были достаточно простерилизованы или просто были изготовлены изъ испорченныхъ продуктовъ. Симптомы весьма различны, но всѣ по большей части отличаются признаками остраго желудочно-кишечнаго катара, сопровождаемаго рвотой, поносомъ, часто впрочемъ и запоромъ, и слабостью. При лѣченіи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отравленіе сопровождается рвотой и поносомъ, надо стараться основательно прочистить желудокъ и кишки, т.-е. вызвать рвоту (теплая вода, щекотаніе неба, рвотный корень), промыть желудокъ, давать слабительныя (1—2 столовыхъ ложки касторовaго масла или каломель, 2 порошка по 0,03—0,05 гр.).

c) Растительные и животные яды.

Грибы. Самые обычные ядовитые грибы, это — такъ называемыя поганки, напр., мухоморъ и др. Симптомы отравленія различны; обыкновенно же сильный желудочный и кишечный катаръ или поносъ и рвота, сопровождаемые слабостью, возбужденностью съ подергиваніями мышцъ. Лѣченіе: прежде всего удаленіе съѣденныхъ грибовъ изъ желудка посредствомъ искусственной рвоты или промыванія желудка; если рвота продолжается слишкомъ долго, рекомендуется глотать кусочки льда; при боляхъ въ желудкѣ, а также при возбужденности болѣе взрослымъ дѣтямъ можно дать тинктуру опія (3—6 капель); при почти всегда наступающей слабости даютъ горячій кофе, красное вино, коньякъ.

Отравленіе белладоной, дурманомъ, бѣленой ха-

рактеризуется слѣдующими симптомами: сухостью во рту, затрудненнымъ глотаніемъ, тошнотой, сердцебіеніемъ и прежде всего расширенными зрачками и сильной возбужденностью. Первая помощь: удаленіе частей растенія изъ желудка и кишекъ посредствомъ рвотнаго и слабительнаго или же посредствомъ промыванія. Затѣмъ здѣсь особенно хорошо дѣйствуетъ и переносится въ очень большихъ дозахъ алкоголь въ видѣ вина.

Такими же симптомами сопровождается и отравленіе зелеными сѣменами картофеля (Solanum tuberosum), черными ягодами паслена (Solanum nigrum) и красными ягодами сладко-горькаго паслена (Solanum duecamara). Лѣченіе то же, что и при отравленіи белладоной.

Болиголовъ. Болиголовъ пятнистый (Conium maculatum) и болиголовъ водяной (Cicuta virosa) *). Корни этихъ растеній дѣти часто смѣшиваютъ съ съѣдобными кореньями, а изъ стеблей ихъ дѣлаютъ дудки и такимъ образомъ глотаютъ ихъ сокъ. Симптомы отравленія: при пятнистомъ болиголовѣ онѣмѣніе и холодѣніе, которыя начинаются съ ногъ, и наконецъ потеря сознанія; при водяномъ болиголовѣ — рвота, боли въ животѣ, головокруженіе, общія судороги съ скрежетаніемъ зубовъ и пѣной у рта. Первая помощь: немедленное удаленіе съѣденныхъ растеній изъ желудка посредствомъ рвотнаго и слабительнаго, также промываніе желудка и кишекъ; вино (дѣйствуетъ какъ противоядіе!), черный кофе, искусственное дыханіе.

Безвременница. Ея плоды дѣти часто ѣдятъ вмѣсто орѣховъ. Симптомы: рвота, боли въ животѣ, обморокъ, неподвижный взглядъ, судороги, поносъ. Отравленіе наступаетъ медленно, черезъ нѣсколько часовъ. Первая помощь: непремѣнно очистить кишечникъ рвотнымъ, касторовымъ масломъ или каломелемъ; въ качествѣ противоядія — дубильная кислота (танинъ, черезъ четверть часа по порошку въ 0,2 или крѣпкій чай).

Подобными же симптомами сопровождается отравленіе ракитникомъ, золотымъ дождемъ, когда дѣти съѣдаютъ стручки, сѣмена или корни его. Такъ какъ отравленіе имъ вызываетъ сильную рвоту и поносъ, то рекомен-

*) Въ общежитіи—вехъ, дягиль. *Перев.*

дуется ограничиться лишь виномъ, кофе и въ случаѣ нужды искусственнымъ дыханіемъ.

Дѣти отравляются также листьями, зернами красныхъ ягодъ тисоваго дерева, а затѣмъ листьями, плодами и стеблями волчьихъ ягодъ, слѣдствіемъ чего является безсознательное состояніе, блѣдность, судороги, рвота и поносъ. Первая помощь: удаленіе яда изъ желудка (см. выше), кофе, вино.

Змѣи. Въ Европѣ водятся слѣдующія ядовитыя змѣи: гадюка вѣнечная (мѣдянка) (Kreuzotter) *), песчаная гадюка и Vipera Berus, преимущественно первая. Отличительнымъ признакомъ гадюки-мѣдянки служитъ идущая по спинѣ зигзагообразная линія, параллельно которой по бокамъ идутъ по одному ряду темныя пятна. Отъ гадюки слѣдуетъ отличать неядовитаго ужа, у котораго на задней части головы съ обѣихъ сторонъ расположено по одному желтому пятну въ формѣ полумѣсяца. Симптомы отравленія: опухоль и посинѣніе на мѣстѣ укуса, головокруженіе, головная боль, чрезвычайная усталость, рвота, поносъ, безсознательное состояніе, судороги. Задача лѣченія: 1) Предупредить распространеніе яда отъ мѣста укуса по всему тѣлу; 2) уничтожить ядъ въ мѣстѣ укуса и 3) проникшій уже въ тѣло ядъ удалить или обезвредить. Поэтому прежде всего и важнѣе всего перетянуть укушенный змѣей членъ тѣла неподалеку отъ мѣста укуса, но выше (по направленію къ сердцу) послѣдняго, чѣмъ-нибудь, что имѣется подъ руками: помочами, поясомъ, носовымъ платкомъ, ремнемъ, бинтомъ, сдѣланнымъ изъ рубашки, и т. п. Затѣмъ выдавить, высосать и вымыть рану, которую послѣ этого слѣдуетъ прижечь раскаленнымъ желѣзомъ (выжигательнымъ приборомъ, раскаленными ножницами и пр.) или же вытравить щелочью (натръ или кали), концентрированной карболовой кислотой, уксусной эссенціей, амміакомъ. Прекрасно дѣйствуетъ впрыскиваніе однопроцентнаго раствора марганцоваго калія или двухпроцент-

*) По Брему Kreuzotter—не особый видъ гадюки, а лишь нѣмецкое названіе, данное Vipera Berus, — обыкновенной гадюкѣ,—вслѣствіе того что она имѣетъ соотвѣтствующій рисунокъ на головѣ, такъ что надо имѣть въ виду лишь двухъ ядовитыхъ змѣй Европы: песчаную гадюку и обыкновенную гадюку (Vipera Berus). *Прим. перевод.*

наго свѣже-отфильтрованнаго раствора хлорнаго кальція, но такое впрыскиваніе можетъ произвести только врачъ. Послѣ этого перевязку снимаютъ и ребенка кладутъ въ теплую постель и даютъ ему глювейна.

Насѣкомыя. Когда ужалитъ пчела, надо осторожно тонкой иглой или пинцетомъ вынуть оставшееся въ ранѣ жало. Между прочимъ при ужаленіи пчелы и другихъ насѣкомыхъ помогаетъ немедленное смачиваніе мѣста укуса разведеннымъ амміакомъ (нашатырнымъ спиртомъ). При сильномъ воспаленіи и опухоли рекомендуются компрессы изъ уксуснокислаго глинозема.

d) Лѣкарственные яды.

Содержащійся въ лепешкахъ отъ глистъ сантонинъ въ большихъ дозахъ вызываетъ желтизну лица, лимонножелтую окраску мочи, дрожь, судороги и безсознательное состояніе. Первая помощь: рвотное, слабительное.

Опій и морфій. Отравиться ими ребенокъ можетъ, наѣвшись маковаго сѣмени или ошибочно выпивъ какое-нибудь снотворное или капли морфія. Отравившійся ребенокъ лежитъ безъ движенія съ блѣднымъ лицомъ и страшно суженными зрачками; члены его, будучи приподняты, вяло падаютъ, дыханіе медленное и тяжелое, пульсъ медленный. Первая помощь: рвота, которую надо вызывать щекотаніемъ нёба (отнюдь не рвотными!), промываніе желудка, крѣпкій чай, красное вино, искусственное дыханіе, согрѣваніе одѣялами, растираніе тѣла.

Бромоформъ, это сладкое вкусное средство отъ коклюша, можетъ вызвать глубокій наркозъ. Лѣченіе: свѣжій воздухъ, промываніе желудка, искусственное дыханіе, растираніе кожи.

Хлорнокислое кали, очень часто примѣняемое для полосканія горла, является въ высшей степени сильнымъ ядомъ, который не одинъ разъ уже приводилъ къ смерти. Лѣченіе: рвотное и слабительное, холодная вода, кофе. Въ серьезныхъ случаяхъ врачъ можетъ примѣнить также мочегонныя и вливаніе въ кровь физіологическаго раствора поваренной соли.

II. Первая помощь при заболѣваніяхъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, кто требуетъ, чтобы при каждомъ пустяшномъ случаѣ днемъ и ночью сейчасъ же посылали за врачомъ; тѣмъ не менѣе я считаю нужнымъ предостеречь людей, которые вслѣдствіе слишкой большой самоувѣренности или изъ боязни неблагопріятнаго діагноза пропускаютъ время для принятія со стороны врача мѣръ. Въ нижеслѣдующемъ краткомъ обзорѣ будетъ дано не руководство къ лѣченію дѣтскихъ болѣзней, а лишь изложено то, что можно и должно дѣлать при заболѣваніи ребенка, пока не пришелъ врачъ.

Жаръ самъ по себѣ не болѣзнь, это лишь симптомъ, сопутствующій самымъ разнообразнымъ болѣзнямъ. Тѣмъ не менѣе лѣченіе его въ общемъ всегда одинаково. Химическія жаропонижающія средства, будетъ ли то антипиринъ, салипиринъ, аспиринъ или цитрофенъ, люди, не свѣдующіе въ медицинѣ, не должны давать дѣтямъ, такъ какъ эти средства часто ослабляютъ дѣятельность сердца и такъ какъ къ нашимъ услугамъ всегда есть лучшее и болѣе безобидное средство — вода.

При высокой температурѣ, въ началѣ, конечности бываютъ по большей части холодными, кожа сухой, чувствуется ознобъ; кровь распредѣляется въ тѣлѣ неравномѣрно, концентрируясь внутри тѣла; поэтому, какъ только съ ребенкомъ сдѣлается жаръ, его слѣдуетъ сейчасъ же положить въ постель. Съ этой же цѣлью можно сдѣлать ему теплую ванну въ 35° С. (28° R.) и продержать его въ ней 7 — 10 минутъ. Если этого нельзя, тогда его нужно всего обернуть въ обмокнутую въ теплую воду и затѣмъ хорошо выжатую простыню, а сверхъ простыни окутать его толстымъ шерстянымъ одѣяломъ; къ ногамъ приложить бутылки съ горячей водой; въ такомъ положеніи слѣдуетъ оставить ребенка около часа. Если, несмотря на это, жаръ все еще такъ силенъ, что ребенокъ безпокойно вертится и обнаруживаетъ слишкомъ сильную сонливость и вялость, тогда нужно сдѣлать ему вокругъ туловища одинъ или два прохладныхъ компресса (около 25° С.) безъ клеенки, каждый компрессъ долженъ держаться около получаса; затѣмъ слѣ-

дуетъ сдѣлать прохладное обтираніе при сильномъ растираніи тѣла.

Исключеніе представляютъ болѣзни, при которыхъ требуется какъ можно больше покоя: воспаленіе слѣпой кишки (по большей части сильная боль въ правой нижней части живота) или сердечныя страданія (появляющіяся послѣ инфекціонныхъ болѣзней или во время суставнаго ревматизма). Здѣсь во всякомъ случаѣ нужно дождаться врача.

Такая подготовительная стадія лѣченія приноситъ свою пользу независимо отъ того, обусловливается ли жаръ какой-нибудь острой заразной болѣзнью (оспой, скарлатиной, инфлюэнцей, дифтеритомъ), разстройствомъ пищеваренія или другой какой-нибудь болѣзнью.

Если подозрѣвается дифтеритъ (бѣловатый налетъ на миндалинахъ или вокругъ нихъ, опухоль шейныхъ железъ, запахъ изо рта) и вообще при всякомъ воспаленіи горла, сопровождаемомъ бѣловатымъ налетомъ въ глоткѣ *), нужно сейчасъ же послать за врачомъ, такъ какъ только врачъ можетъ установить различіе между простымъ воспаленіемъ горла и дифтеритомъ и такъ какъ если это дѣйствительно дифтеритъ, своевременное впрыскиваніе сыворотки гарантируетъ его излѣченіе. До прихода же врача надо сдѣлать больному теплую ванну, положить ему на шею согрѣвающій компрессъ (влажный платокъ, клеенка или промасленая бумага, шерстяной платокъ) и заставить его полоскать горло тепловатымъ растворомъ соли или борной кислоты.

Если въ то же время больной тяжело дышитъ, говоритъ сиплымъ или беззвучнымъ голосомъ и кашляетъ жесткимъ, лающимъ кашлемъ, тогда всѣ основанія подозрѣвать у больного крупъ. Въ такомъ случаѣ вполнѣ умѣстны горячіе компрессы на шею и на грудь и вдыханіе водяныхъ паровъ. Пары получаютъ при помощи ингаляціоннаго прибора или просто металлическаго чайника и пропускаютъ ихъ затѣмъ въ постель подъ устроенный надъ ней изъ платка и палочекъ пологъ. Быстраго насыщенія пространства подъ пологомъ парами можно достичь поливаніемъ водой раскаленнаго кирпича и опусканіемъ въ ведро съ теплой водой раскаленнаго желѣзнаго прута.

*) Дѣтей надо выучить давать осматривать свое горло; осмотръ этотъ производится путемъ придавливанія языка кончикомъ ложки.

Противъ ложнаго крупа, который случается по большей части ночью совершенно неожиданно, который представляетъ изъ себя безобидный катаръ горла и сопровождается затруднительнымъ дыханіемъ, жесткимъ кашлемъ и чувствомъ страха, дѣйствительны тѣ же средства.

Въ томъ случаѣ, когда есть увѣренность или даже подозрѣніе въ какой-нибудь заразительной болѣзни, больного ребенка слѣдуетъ немедленно отдѣлить отъ здоровыхъ дѣтей.

Мучительный кашель, если только онъ не вызванъ болѣе глубокими причинами, можно смягчить паровыми ингаляціями, компрессами на грудь и горячими, неалкогольными напитками.

Немедленнаго вмѣшательства требуютъ иногда судороги, которыя являются серьезнымъ испытаніемъ твердости духа матери, особенно та форма судорогъ, которая сопровождается остановкой дыханія, такъ называемымъ замираніемъ или спазмами голосовой щели. Вообще болѣе или менѣе продолжительная остановка дыханія у сильно кричащихъ дѣтей явленіе обычное и неопасное, но у дѣтей, предрасположенныхъ къ этому, дыханіе можетъ останавливаться на такой долгій срокъ, что ребенокъ синѣетъ, закидываетъ голову назадъ и иногда умираетъ отъ удушенія. При спазмахъ голосовой щели, которыми страдаютъ большей частью дѣти съ англійской болѣзнью, послѣ вдыханія, сопровождаемаго вскрикомъ и свистомъ, дыханіе вдругъ прекращается, и ребенокъ синѣетъ. Въ обоихъ случаяхъ надо немедленно же принять всѣ мѣры къ тому, чтобы возобновить дыханіе: ввести палецъ въ ротъ, вытянуть языкъ, бить по груди и области сердца холоднымъ влажнымъ платкомъ; если же и послѣ этого дыханіе не возобновится, надо сейчасъ же примѣнить искусственное дыханіе.

При судорогахъ, сопровождаемыхъ безсознательнымъ состояніемъ и подергиваніями (эклямпсія, фрапсъ), очень успокоительно дѣйствуетъ теплая ванна (35° С.) или теплыя влажныя обертыванія туловища и ногъ съ одновременнымъ согрѣваніемъ кистей рукъ и ступней теплыми платками и горячими бутылками. Эпилептиковъ во время припадка надо перенести на мягкую постель, если они закусили какой-нибудь предметъ, его надо вынуть изо-рта, и затѣмъ

оградить больного отъ возможности причинить себѣ поврежденія.

Острыя разстройства пищеваренія, преимущественно у грудныхъ младенцевъ, проявляются потерей аппетита, срыгиваніемъ, рвотой, безпокойствомъ, запорами или поносами, болѣзненнымъ поджиманіемъ ногъ, жаромъ и требуютъ со стороны матери по существу бездѣятельнаго, но тѣмъ не менѣе очень важнаго вмѣшательства: не дѣлать никакихъ опытовъ съ всевозможными питательными смѣсями, якобы крѣпительными кашицами, токайскимъ и пр., а прекратить давать пищу на 6—24 часа, взамѣнъ чего давать понемногу ромашковаго или мятнаго чаю, при сильной рвотѣ — холоднаго, по чайной ложкѣ; лишь постепенно можно опять перейти къ настоящему питанію, которое опредѣляется даннымъ болѣзненнымъ состояніемъ и лучше всего по совѣту врача. Цѣлесообразно въ самомъ началѣ заболѣванія дать одинъ или два раза по чайной ложкѣ касторовaго масла и положить на животъ влажные согрѣвающіе компрессы. При коликахъ, которыя часто вызываются скопленіемъ газовъ въ кишкахъ, положить на животъ теплые платки или мѣшочки съ горячей солью или ромашкой, можно также дать на кончикѣ ножа жженой магнезіи, распустивъ ее въ небольшомъ количествѣ сахарной воды. Закрѣпляющихъ средствъ безъ совѣта врача грудному ребенку давать нельзя.

Взрослымъ дѣтямъ, у которыхъ разстройство пищеваренія либо обусловливается тѣмъ, что они объѣлись или поѣли зеленыхъ фруктовъ и испорченныхъ продуктовъ (см. отравленіе кушаньями), либо является предвѣстникомъ серьезнаго заболѣванія, слѣдуетъ очистить кишечникъ столовой ложкой касторовaго масла, настойкой ревеня и пр., положить на животъ горячій компрессъ или мѣшокъ съ горячей солью и вмѣсто обычной пищи дать немного ромашковаго или крѣпкаго обыкновеннаго чаю и фруктоваго сиропа, а позднѣе — слизистаго супа.

При каждомъ разстройствѣ пищеваренія у ребенка нужно стремиться по возможности установить вызвавшія его причины.

При начинающемся воспаленіи слѣпой кишки (сильная боль въ правой нижней части живота, жаръ, рво-

та, запоръ) необходимо положить больного въ постель, отнюдь не давать никакихъ слабительныхъ, затѣмъ согрѣвающій компрессъ на животъ и воздержаніе отъ пищи.

«Бѣды» начинаются часто въ первое же время послѣ рожденія ребенка, если кормленіе грудью почему-либо еще не наладилось. Въ этомъ случаѣ вовсе не слѣдуетъ сейчасъ же бросать кормленіе и браться за «сакслетъ»; а надо не забывать, что потребность въ пищѣ у грудного ребенка въ первые дни очень невелика, что молоко первое время течетъ изъ груди достаточно скудно и что почти безъ исключенія каждая женщина, выносившая и родившая ребенка, обладаетъ способностью и вскормить его. Молоко матери есть и всегда будетъ незамѣнимымъ благомъ для ребенка.

При выпаденіи прямой кишки, что замѣчается безо всякаго труда, надо вправить кишку, надавливая на нее смоченной въ растительномъ маслѣ тряпочкой.

Состоянія слабости, обмороки бываютъ у дѣтей малокровныхъ и плохо питающихся, когда такія дѣти находятся въ переполненныхъ, худо вентилируемыхъ помѣщеніяхъ, но нерѣдко они бываютъ и послѣдствіемъ острыхъ болѣзней и тогда свидѣтельствуютъ о поврежденіи мускулатуры сердца. Поэтому послѣ скарлатины, дифтерита и инфлюэнцы дѣти не должны слишкомъ рано оставлять постель. Во время приступовъ слабости нужно разстегнуть одежду, положить ребенка горизонтально, приложить горячіе платки или губки на сердце, обертывать горячими платками кисти рукъ и ступни, растирая ихъ въ то же время щетками, и влить въ ротъ горячаго кофе, вина или немного шампанскаго.

Груднымъ младенцамъ, которые во время тяжелаго кишечнаго катара бываютъ близки къ тому, чтобы умереть отъ слабости, горячими компрессами на голову, горячими (изъ кипящей воды) обертываніями или горячей ванной въ 40° С., въ которую бросаютъ въ полотняномъ мѣшочкѣ заваренное тѣсто горчицы, можно вернуть силы, а врачъ вливаніемъ раствора поваренной соли и впрыскиваніемъ камфары додѣлаетъ уже остальное.

При зубной боли слѣдуетъ сначала вычистить зубъ,

затѣмъ полоскать теплой настойкой ромашки или впускать зубныя капли (см. заключеніе). Но послѣ этого лучше всего обратиться къ зубному врачу. Молочные зубы тоже можно прекрасно запломбировать.

Сильный зудъ при крапивной лихорадкѣ и оспѣ можно облегчить обмываніемъ холодной водой съ уксусомъ (1 стол. ложки на $^1/_4$ литра воды), слабымъ растворомъ карболки, водкой, послѣ чего слѣдуетъ напудрить мукой; можно также слегка растирать мятнымъ бальзамомъ.

Пораненія кожи у грудныхъ младенцевъ происходятъ отъ невнимательнаго ухода, но во время кишечныхъ и другихъ болѣзней могутъ произойти даже и при тщательномъ уходѣ. Цинковая мазь, накладываемая густымъ слоемъ, или компрессы изъ уксуснокислаго глинозема (1 стол. лож. на 6 стол. ложекъ воды) почти всегда приносятъ исцѣленіе.

При всѣхъ формахъ воспаленія глазъ до прихода врача умѣстно сдѣлать компрессы или промыванія теплой борной водой. Употреблять въ этомъ случаѣ свинцовую примочку или уксуснокислый глиноземъ нецѣлесообразно.

Боль въ ухѣ, которая часто вызывается воспаленіемъ средняго уха при катарѣ, инфлюэнцѣ, оспѣ и скарлатинѣ, утихаетъ, если впустить въ ухо нѣсколько капель тепловатаго растительнаго масла и глицерина, а еще лучше тимол-глицерина (0,1 : 50,0). Успокоительно дѣйствуетъ иногда приложенный къ уху и прикрѣпленный бинтомъ согрѣвающій компрессъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Что нужно всегда имѣть наготовѣ для подачи первой помощи.

1) Въ каждомъ домѣ должно имѣться: спиртъ, растительное масло, соль, уксусъ, щелочь (растворъ натра или кали); послѣдняя — при укусѣ змѣи; кромѣ того желательно вино, шампанское.

2) Перевязочный матеріалъ: дезинфицированная вата Брунса, непочатый запасный пакетъ въ 100 g.; простая больничная вата для перевязокъ, $^1/_4$ фунта. Нѣсколько бин-

товъ шириной въ 5 и 10 ст.; марля, нераспечатанный пакетикъ. Англійскій пластырь. Липкій пластырь, роликъ въ 5 ст. ширины, для прикрѣпленія маленькихъ и большихъ перевязокъ. Барделебеновскій бинтъ, одна штука. Ножницы, пинцетъ, обыкновенный стеклянный шприцъ.

3) Аптекарскія и врачебныя средства: борная вода или борная кислота (въ кристаллахъ) для полученія борной воды (чайная ложка на стаканъ горячей воды), концентрированный уксуснокислый глиноземъ, употребляемый однако лишь въ растворѣ 1 : 6 и 1 : 20; $2^1/_2$-процентный растворъ карболки, лизоформъ.

Рисовая пудра, талькъ или окись цинка (бѣлый порошокъ) въ закупоренныхъ жестянкахъ съ крышками, снабженными дырочками. Черная горчичная мука, горчичный спиртъ, нашатырный спиртъ, ромашка, водка, мятный бальзамъ.

Растворъ хлористаго желѣза (liquor ferri sesquichlorati) для остановки кровотеченія — нѣсколько капель на стаканъ воды; тинктура опія 5 g., употреблять которую надо съ большой осторожностью, по предписанію врача, и давать только взрослымъ дѣтямъ! Касторовое масло или настойка ревеня. Рвотные порошки 6 штукъ по 0,2 g.; слабо жженая магнезія 20 g., — при отравленіяхъ ярью-мѣдянкой, мышьякомъ и кислотами; тимолглицеринъ (глицер. 50,0 тимола 0,1) для уха; зубныя капли: тимолъ 0,1, тинктура чернильныхъ орѣшковъ 10,0; или хлоралъ-гидратъ и camphor. trit. 5 g. въ равныхъ частяхъ съ кокаиномъ или новокаиномъ 0,2 g.

Половой вопросъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Доктора медицины Ф. Зиберта.

Благодаря странному и достойному сожалѣнія развитію нашей культуры, у насъ принято смотрѣть на происхожденіе того, что въ концѣ концовъ даетъ единственную содержательность нашей жизни, безъ чего она кончалась бы вмѣстѣ съ нами, а именно на происхожденіе ребенка, какъ на какое-то темное пятно. Ко всему, что касается половой жизни, относятся какъ къ непріятному семейному воспоминанію, которое тщательно скрывается въ отдаленнѣйшихъ тайникахъ, куда дверь пріоткрывается только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. О томъ, какой вредъ приносится подобнымъ поведеніемъ, будетъ подробно сказано въ этой статьѣ.

Даже грудные младенцы и дѣти самаго ранняго возраста часто страдаютъ вслѣдствіе такого ложнаго отношенія къ половой жизни. Для многихъ матерей и воспитательницъ, во всемъ соблюдающихъ большую чистоту, половые органы малютокъ являются предметомъ, который можно совершенно игнорировать и который вслѣдствіе этого лишается необходимой для него чистоплотности.

Между тѣмъ въ первые годы жизни ребенка чистота и обереганіе половыхъ органовъ отъ раздраженія по многимъ причинамъ составляютъ существенную задачу ухода за дѣтьми.

При ежедневномъ купаньѣ ребенка надо у мальчиковъ натягивать переднюю кожицу на головку члена и промывать пространство между ними. Часто это невозможно вслѣдствіе того, что отверстіе передней кожицы (залупы) слишкомъ мало. Если суженіе не слишкомъ велико, то можно постепенно достигнуть расширенія, ежедневно во время купанья натягивая залупу немного сильнѣе поверхъ головки; въ противномъ случаѣ слѣдуетъ прибѣгнуть къ помощи врача, который расширитъ отверстіе съ помощью щипчиковъ, медленно раздвигая ихъ кончики или произведя небольшую операцію. Въ томъ случаѣ, если отверстіе на-

столько мало, что затрудняетъ выходъ мочи, операція неизбѣжна. На обрѣзаніе у іудеевъ можно поэтому съ нѣкоторымъ основаніемъ смотрѣть, какъ на заповѣдь, проистекшую вслѣдствіе требованій чистоплотности.

Операція, необходимая для предотвращенія фимозы-суженія передней кожицы (залупы), можетъ быть произведена тѣмъ же способомъ, какъ и обрѣзаніе у іудеевъ, при чемъ залупа натягивается впередъ и частица, находящаяся надъ головкой, быстро надрѣзается. Но большей частью практикуется разрѣзъ залупы въ длину.

Ритуальное обрѣзаніе является не вполнѣ безопасной операціей. Въ связи съ ней наблюдалось зараженіе крови, и были случаи сифилитическаго зараженія. При неловкомъ надрѣзѣ можетъ случиться, что вмѣстѣ съ кожей отдѣлится и частица головки. Всѣхъ этихъ непріятностей легко избѣжать умѣлой операціей по всѣмъ правиламъ врачебнаго искусства. Въ томъ случаѣ, когда не прибѣгаютъ къ операціи при слишкомъ узкой залупѣ и не соблюдаютъ необходимой чистоплотности, часто происходятъ катаральныя воспаленія головки мужского члена, накопленіе продуктовъ выдѣленій слизистой оболочки и образованіе камней подъ залупой. Затрудненіе въ испусканіи мочи черезъ слишкомъ узкое отверстіе залупы можетъ вызвать воспаленіе кожицы, отдѣляющей дѣтородныя яйца, такъ называемую водяную грыжу. У дѣвочекъ легче соблюдать чистоту. Но и у нихъ нерѣдко случается, что между большими и малыми срамными губами, скопляются выдѣленія, которыя, разлагаясь, вызываютъ воспаленіе.

Акушерка обязана тотчасъ же послѣ появленія на свѣтъ ребенка изслѣдовать, нѣтъ ли у него физическихъ недостатковъ. Особенно важно обратить вниманіе на закупорку задняго прохода, такъ какъ только немедленная операція можетъ въ такомъ случаѣ спасти жизнь ребенка. У мальчиковъ часто наблюдается перемѣщеніе отверстія мочевого канала къ верхней (Epispadia) или къ нижней (Hypospadia) части полового члена. Если этотъ физическій недостатокъ является въ легкой степени, то онъ не имѣетъ значенія и не вредитъ позднѣйшей способности производить дѣтей. Но если перемѣщеніе является очень значительнымъ, или отверстіе мочевого канала оказывается у основанія полового члена, то

совокупленіе хотя и возможно, но оплодотворенія быть не можетъ, такъ какъ сѣмя не можетъ излиться въ матку женщины. Оперативнымъ путемъ во многихъ случаяхъ достигается искусственное образованіе мочевого канала.

Опаснымъ физическимъ недостаткомъ является перемѣщеніе пузыря внѣ живота. Пузырь не образуетъ тогда закрытаго мѣшка и своей внутренней плоскостью лежитъ снаружи, какъ бы составляя часть брюшной стѣнки. Мочу, постоянно стекающую изъ почекъ въ пузырь, при такихъ обстоятельствахъ невозможно удержать. Она постоянно смачиваетъ окружающую кожу, разлагается и даже при самой щепетильной чистоплотности производитъ воспаленія. Дѣти гибнутъ вслѣдствіе этихъ воспаленій. Мѣсто не позволяетъ намъ подробнѣе поговорить объ явленіи гермафродизма. Настоящій гермафродитъ, у котораго имѣются и дѣтородныя яйца и яичники, и который, слѣдовательно, можетъ давать и мужскіе и женскіе половые продукты, представляетъ явленіе очень рѣдкое, гораздо чаще встрѣчаются такъ называемые ложные гермафродиты, у которыхъ только проводники половыхъ продуктовъ представляютъ и мужской и женскій типъ.

Матери часто безпокоятся, когда у маленькихъ мальчиковъ, при развязываніи ихъ, замѣчается одеревенѣніе полового члена Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ обратить вниманіе, не происходитъ ли это отъ слишкомъ узкой залупы или отъ какого-нибудь воспалительнаго явленія. Если эти причины отсутствуютъ, то большей частью это происходитъ отъ переполненія мочевого пузыря.

Часто у мальчиковъ и дѣвочекъ случается довольно продолжительная задержка мочи. Дѣти безъ всякой причины начинаютъ безпокоиться, кричатъ и неохотно принимаютъ пищу. Если на область мочевого пузыря положить припарку изъ горячей каши, а дѣтей нѣсколько старшаго возраста посадить на горшочекъ съ горячей водой, то судорога мочевого пузыря прекращается и зло устраняется.

Слѣдуетъ избѣгать закладывать уголъ пеленки между ногъ ребенка. Дѣти начинаютъ тереться ножками о полотно, вслѣдствіе чего происходятъ легкія воспаленія кожи и раздраженіе половыхъ органовъ.

Когда умъ ребенка начинаетъ медленно пробуждаться и

сознаніе его постепенно наполняется воспоминаніями и представленіями, чистоплотность, конечно, слѣдуетъ соблюдать все такъ же тщательно и относительно половыхъ органовъ. При перемѣнѣ пищи и при ползаніи дѣтей по полу, при чемъ къ нимъ могутъ проникнуть эмбріоны глистовъ, является уже опасность зараженія кишечными глистами. Это тѣ маленькіе бѣлые круглые глисты, которые имѣютъ такое важное значеніе для настоящей статьи, потому что они изъ задняго прохода переходятъ во влагалище дѣвочекъ и вызываютъ въ немъ воспаленіе и раздраженіе.

Почти въ это же время начинается уже духовная гигіена половой жизни ребенка. У малютки рано просыпается чувство того, чего не должно дѣлать, и неумно обращать вниманіе дѣтей слишкомъ раннимъ вмѣшательствомъ на своеобразное положеніе половыхъ органовъ. Естественными отправленіями легко объяснить необходимость ихъ прикрытія.

Маленькія дѣти съ большимъ удивленіемъ относятся къ своему пупочку, и часто при ежедневномъ обмываніи они прежде всего хватаются за него. Даже позднѣе пупокъ еще часто возбуждаетъ ихъ вниманіе. Было бы неумно смущать дѣтей, запрещая имъ это безсознательное движеніе и такимъ образомъ обращая ихъ вниманіе на то, что кромѣ органовъ, которые окутываютъ туманомъ ради ихъ естественныхъ отправленій, есть еще и другіе, о которыхъ не говорятъ.

То же самое можно сказать объ общемъ купаньѣ маленькихъ братьевъ и сестеръ. И въ этомъ случаѣ является опасность, что благодаря слишкомъ строгому запрещенію дѣти обратятъ особое вниманіе на глубокое значеніе различія половъ. Невинныя выходки дѣтей, отличающіяся часто восхитительнымъ комизмомъ, все же требуютъ отъ окружающихъ ребенка чистаго образа мыслей и выдержки. Остротами и глупымъ смѣхомъ, который часто позволяетъ себѣ прислуга, можно только вызвать въ ребенкѣ подозрѣніе, что дѣло касается чего-то особеннаго.

Мы быстро подходимъ къ тому періоду дѣтской жизни, въ которомъ духовное содержаніе дѣтской души расширяется шагъ за шагомъ.

Намъ слишкомъ мало извѣстна наука о дѣтской душѣ, чтобы сказать, съ какого времени данный ребенокъ надолго можетъ сохранить извѣстныя впечатлѣнія, и съ какого

времени онъ постепенно нанизываетъ различныя представленія на красную нить своего сознательнаго я. Поэтому я выше рекомендовалъ держаться въ то время, когда душа еще не созрѣла для памяти, такого поведенія, которое слѣдуетъ практиковать до полной сознательности. На всѣ воспитательныя мѣры и вліянія, проистекающія изъ правилъ стыдливости, слѣдуетъ смотрѣть только какъ на правила приличія, принятыя, напримѣръ, при ѣдѣ или при взаимномъ привѣтствіи. Ребенокъ пойметъ необходимость прикрытія извѣстныхъ органовъ ради ихъ естественныхъ отправленій. Можно подумать, что безразлично, какого образа дѣйствій придерживаться съ ребенкомъ, потому что въ раннемъ дѣтствѣ еще не пробуждаются половыя ощущенія; но мысли и представленія, которыя въ первые годы дѣтства оставались непонятыми, позднѣе снова всплываютъ въ памяти и способствуютъ тому, что все, касающееся пола, облекается тайнымъ и заманчивымъ очарованіемъ. Уже теперь слѣдуетъ начать заранѣе работать для будущаго, чтобы возможно дольше сохранить душу дѣтей простосердечной и невинной.

Понятно, что чистый образъ мыслей родителей и окружающихъ ребенка больше всего способствуетъ сохраненію въ немъ чистоты; въ дѣлѣ просвѣщенія и воспитанія дѣтей въ области половыхъ вопросовъ приходится особенно настаивать на томъ, что достигнуть такого воспитанія, которое дастъ нашимъ дѣтямъ возможность свободнѣе, чище и невиннѣе относиться къ половой жизни, можно лишь въ томъ случаѣ, если мы, взрослые, прежде всего воспитаемъ самихъ себя. Важно не то, что мы говоримъ дѣтямъ, на души ихъ глубже всего дѣйствуютъ наши поступки.

Если у матери чистое сердце, то она сумѣетъ найти вѣрный отвѣтъ на разнообразные вопросы дѣтей. Пока дѣти находятся въ сказочномъ возрастѣ и вѣрятъ въ Волка и Красную Шапочку, имъ спокойно можно разсказывать и про аиста. Представленіе о томъ, что того, что сейчасъ есть, когда-то не существовало, такъ трудно воспринимается дѣтской душой, что всякій разсказъ, который долженъ объяснить имъ вступленіе въ жизнь и бытіе, принимается ими на вѣру. Въ первые годы жизни и не слѣдуетъ трагично относиться къ этимъ вопросамъ. Ребенокъ не логичный мыс-

литель, его мышленіе представляетъ рядъ смѣняющихся фантастичныхъ образовъ и, если мы какой-нибудь вопросъ ребенка пропустимъ мимо ушей или дадимъ на него какой-нибудь шутливый или веселый отвѣтъ, который отвлечетъ его вниманіе на другой предметъ, дѣтская душа не оскорбится этимъ, если только не замѣтитъ преднамѣренности въ нашемъ образѣ дѣйствій.

Затрудненія начинаются въ первые годы посѣщенія школы. Чистое фантастическое мышленіе ребенка, которое не способно отдѣлить возможнаго отъ невозможнаго и соединяетъ въ одно цѣлое дѣйствительность съ воображаемымъ, пережитое и услышанное со стороны съ вымысломъ, постепенно увеличиваетъ разстояніе между дѣйствительнымъ и кажущимся; сказки еще продолжаютъ жить, но уже только какъ сказки. Это сказочное время дѣтства слѣдуетъ продлить насколько возможно дольше уже потому одному, что это лучшій періодъ въ жизни дѣтей. Но все имѣетъ свои границы. Когда восьми или десятилѣтній мальчикъ все еще хочетъ найти въ лѣсу пряничный домикъ, мы считаемъ его нѣсколько отсталымъ ребенкомъ, сохранившимъ неестественное ребячество; въ сущности же продолжительная вѣра въ аиста составляетъ то же самое. Но когда наступаетъ время, когда сказка дѣлается сказкой, опредѣлить трудно; это зависитъ отъ особенныхъ свойствъ ребенка и его окружающихъ.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на зло, которое неизбѣжно благодаря двойственности нашей жизни. Большая опасность заключается въ томъ, что дѣти, выросшія на свободѣ и чистомъ воздухѣ, въ школѣ сходятся съ дѣтьми, воспитавшимися въ душной атмосферѣ чопорности и условностей.

Конечно, дѣтямъ не можетъ повредить, если они, когда сказка объ аистѣ сдѣлается для нихъ только сказкой, услышатъ, что ребенокъ происходитъ отъ матери, какъ яблоко отъ яблони. Можетъ быть, услыхавъ это въ первый разъ, дѣти нѣкоторое время будутъ развивать эту мысль, будутъ спрашивать о томъ и о другомъ и, можетъ быть, спросятъ когда-нибудь незамужнюю старую даму, можетъ ли она тоже имѣть дѣтей. Это можно только причислить къ смѣшнымъ эпизодамъ дѣтской жизни. Но дѣти встрѣчаются съ

другими сверстниками и съ людьми, которые думаютъ иначе. Одни дѣти еще вѣрятъ въ аиста, другія еще должны бы вѣрить въ него, но уже тайно смѣются надъ этой сказкой. Дѣтскія уста иногда совершенно невинно произносятъ какое-нибудь слово. Но неразумные взрослые не понимаютъ невинности ребенка, бранятъ его и вызываютъ разладъ въ его душѣ. А иногда глупые люди и дѣти, утратившіе чистоту мыслей, смѣхомъ и насмѣшками смущаютъ невинныхъ дѣтей. Такимъ образомъ можетъ быть уничтожено то, чего раньше добивались достигнуть предусмотрительные родители. Между тѣмъ, какъ родители старались лишить понятіе о половой жизни той прелести, которую имѣетъ для насъ все запретное и тайное, и замѣнить ее охлаждающимъ вліяніемъ правды и дѣйствительности, ребенку вдругъ съ большей или меньшей ясностью даютъ понять, что тутъ есть что-то, на что люди смотрятъ совершенно инымъ образомъ. Это опасность, которая во многихъ дѣтяхъ возбудитъ угрызенія совѣсти.

Но такъ какъ все же есть родители и воспитатели, которые могутъ служить дѣтямъ опорой и примѣромъ, съ твердымъ спокойствіемъ относясь къ этому вопросу, мы можемъ считать подобную опасность менѣе важной, чѣмъ въ томъ случаѣ, если ребенка просвѣщаютъ неправильнымъ путемъ. Та же опасность заключается въ отношеніи къ нагимъ изображеніямъ на картинахъ или въ пластикѣ. Въ наши дни нельзя помѣшать дѣтямъ смотрѣть на обнаженное тѣло. Быть можетъ, это удастся въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, но такъ какъ приходится пускать ихъ въ школу однихъ, они непремѣнно наткнутся на подобныя изображенія. Понятно, что дѣти, уже дома видавшія обнаженныя произведенія искусства, привыкаютъ смотрѣть на обнаженныя изображенія какъ на нѣчто обыденное и такимъ образомъ закаляются противъ возбужденія, которое производится наготой. Тогда имъ нисколько не повредитъ, если они замѣтятъ, что другія дѣти или взрослые возмущаются наготой или любуются ею съ примѣсью дурного чувства; они не поймутъ подобнаго поведенія.

Нагота не будетъ производить никакого впечатлѣнія на неиспорченнаго ребенка, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ воспитался въ очень чопорномъ и жеманномъ духѣ и при-

выкъ смотрѣть на наготу какъ на нѣчто болѣе, чѣмъ неприличное. Мы не должны забывать, что однѣ и тѣ же вещи совершенно различно дѣйствуютъ на дѣтское воображеніе и на воображеніе взрослыхъ. То, что въ насъ возбуждаетъ половыя вожделѣнія, оставляетъ ребенка совершенно равнодушнымъ. Но по нѣкоторымъ признакамъ мы могли убѣдиться, что раннее пробужденіе извѣстныхъ чувствъ достигается шушуканьемъ, таинственностью, старательнымъ утаиваньемъ и мелочной боязнью, которыя сильнѣе всего наталкиваютъ ребенка на особенности половой жизни.

Какимъ образомъ слѣдуетъ перейти отъ сказки къ нѣкоторому просвѣщенію ребенка, зависитъ отъ свойствъ самого ребенка и отъ обстоятельствъ. Чаще всего практикуется сравненіе съ древеснымъ плодомъ или птичьимъ яйцомъ. По-моему самое существенное состоитъ въ томъ, чтобы то, что говорится дѣтямъ, было сказано такъ, какъ будто дѣло идетъ о самомъ естественномъ фактѣ, на который даже не приходится тратить много словъ. Насколько желательно въ такомъ случаѣ вовлечь въ это дѣло роль отца, также слѣдуетъ предоставить положенію дѣлъ. Кто могъ бы въ такомъ случаѣ подать совѣтъ, который удовлетворилъ бы всѣхъ и каждаго? Яснѣе всего для дѣтей будетъ, если отцу дадутъ роль кормильца семьи, который долженъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ.

Многіе предостерегаютъ, что не слѣдуетъ пробуждать въ дѣтяхъ половыя чувства слишкомъ страстными ласками. Мнѣ кажется, что тотъ, кто заходитъ такъ далеко и хочетъ удержать эти чувства, половую окраску которыхъ мы, дѣйствительно, позднѣе сознаемъ, тотъ вообще не долженъ браться за воспитаніе чувствъ и духовной жизни дѣтей. Въ жизни чувствъ человѣка границы отдѣльныхъ различаемыхъ нами чувствъ проведены не рѣзко. Отдѣльныя чувства проникаютъ другъ въ друга, смѣшиваются другъ съ другомъ, и субъективному разсужденію и самонаблюденію предоставляется отдѣлять составныя начала даннаго чувства одно отъ другого. Дѣйствительно, можно согласиться, что къ каждому чувству, а именно къ чувству взаимной склонности съ одной стороны и чувству творчества, дѣятельности и стремленія съ другой, примѣшивается извѣстный по-

ловой оттѣнокъ, который мы, впрочемъ, замѣчаемъ лишь съ помощью разумнаго анализа нашего сознанія. Происходитъ ли это также и съ ребенкомъ — этого мы совсѣмъ не знаемъ. Что это бываетъ у юношей и дѣвочекъ - подростковъ, мы можемъ опредѣлить съ помощью собственныхъ воспоминаній. Но мы не можемъ утверждать, что въ болѣе ранніе годы не произошло обмана памяти или перемѣщенія воспоминанія, когда увѣряютъ, что уже въ раннемъ дѣтствѣ, когда отецъ сажаетъ своихъ дѣтей къ себѣ на колѣни, чтобы разсказать имъ что-нибудь и при этомъ иногда крѣпко цѣлуетъ ихъ, а дѣти неудержимо смѣются — къ ихъ веселости примѣшивается половой оттѣнокъ. Но если это такъ, мы должны согласиться, что онъ примѣшивается ко всякому чувству, къ чувству религіозности, вѣрности и любви къ родителямъ. И мы должны сказать, что не слѣдуетъ усиливать возбудимость дѣтей, скрывая отъ нихъ всю правду, но напротивъ, намѣренно и обдуманно заставлять ихъ упражняться въ гимнастикѣ чувствъ. Потому что въ области половой возбудимости больше всего оправдываются слова, что привычка притупляетъ.

Половые пороки встрѣчаются у дѣтей уже въ самое первое время ихъ жизни. Даже у грудныхъ дѣтей наблюдаютъ онанистическія движенія. Лѣченіе въ такомъ случаѣ очень затруднительно. Прежде всего надо обратить вниманіе, не является ли причиной этому воспаленіе залупы или наружнаго полового органа у дѣвочекъ, если же этого нѣтъ, слѣдуетъ попытаться помочь дѣлу прохлаждающими омываньями, и ни въ какомъ случаѣ не пренебрегать правилами чистоплотности. Чаще мы встрѣчаемъ эту дурную привычку у дѣтей уже съ трехлѣтняго возраста.

Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ прежде всего доискиваться физической причины болѣзни, которая можетъ заключаться или въ воспалительныхъ явленіяхъ, или въ глистахъ, переползающихъ изъ задняго прохода зъ влагалище, или въ другихъ случайностяхъ. Къ сожалѣнію, здѣсь уже часто приходится имѣть дѣло съ соблазномъ. Случается это черезъ дѣтей старшаго возраста; напримѣръ, дѣвочки, которымъ порученъ надзоръ надъ мальчиками, часто удовлетворяютъ надъ ними свое любопытство въ половыхъ вопросахъ.

Но еще большее число жертвъ соблазна является въ школьные годы. Здѣсь чаще всего соблазнъ является черезъ товарищей. Но часто дѣти сами доходятъ до этого порока. Большимъ зломъ является то, что отправленіе естественныхъ потребностей въ школѣ соединено съ большимъ затрудненіями. Учитель неохотно выпускаетъ дѣтей изъ класса. Дѣти, особенно дѣвочки, стѣсняются просить объ этомъ, вслѣдствіе чего моча задерживается, переполнившійся пузырь раздражаетъ, къ этому еще присоединяются движенія бедрами, чтобы подавить желаніе мочиться, и ребенокъ, благодаря всему этому, замѣчаетъ, что можетъ такимъ образомъ вызвать пріятныя ощущенія.

Такимъ же образомъ, повидимому, дѣйствуетъ и лазанье на шесты. Но, вѣроятно, такой вредъ заключается въ неправильномъ способѣ преподаванія; напримѣръ, если мальчиковъ заставляютъ влѣзать наверхъ, а потомъ долго оставляютъ висѣть, чтобъ испытать, кто дольше выдержитъ; удовольствіе дѣтей кататься по периламъ лѣстницы тоже приписываютъ этому мутному источнику.

Прослѣдить дурныя привычки дѣтей очень трудно. Если не удается поймать дѣтей на мѣстѣ преступленія, приходится довольствоваться болѣе или менѣе обоснованнымъ подозрѣніемъ. Физическіе признаки, образовавшіеся вслѣдствіе злоупотребленія дурной привычкой, появляются только въ томъ случаѣ, если для онанистическихъ цѣлей употребляется какой-нибудь посторонній предметъ. Мальчики вводятъ въ мочевой каналъ карандаши, которые иногда выскальзываютъ изъ рукъ и попадаютъ въ мочевой пузырь, нерѣдко они затягиваютъ свой половой членъ нитками или веревочками, вслѣдствіе чего вызываются опухоли, перетираніе, а иногда и омертвѣніе частей полового члена. Дѣвочки часто употребляютъ съ этой цѣлью шпильки или вводятъ во влагалище различные предметы, которые достигаютъ задней его части и вызываютъ тамъ нагноенія.

Краснота половыхъ частей, трещины на нихъ встрѣчаются только при очень далеко зашедшемъ злоупотребленіи и не служатъ вполнѣ вѣрнымъ доказательствомъ. Но эти случаи рѣдки, и физическое изслѣдованіе часто не даетъ никакихъ указаній, потому что онанизмъ главнымъ образомъ вліяетъ на нервную систему, развиваетъ неврастенію.

Дѣти дѣлаются раздражительными, невнимательными, лѣнивыми, ничѣмъ не интересуются, и у нихъ часто наблюдаются ослабленіе памяти и разстройство сердечной дѣятельности. Но всѣ эти явленія могутъ произойти и въ началѣ развитія половой зрѣлости у мальчиковъ, и только въ единичныхъ случаяхъ они болѣе или менѣе оправдываютъ подозрѣніе въ существованіи порока; часто же наблюдаются совершенно помимо него.

Но къ какимъ воспитательнымъ пріемамъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ?

Если фактъ налицо, спокойное объясненіе истины всегда умѣстно. Только правдой и откровеннымъ объясненіемъ можно чего-нибудь достигнуть. Всякая таинственность въ такомъ случаѣ можетъ только испортить дѣло. Если же является только подозрѣніе, всегда рискуешь навести ребенка на то, чего онъ еще не знаетъ. Несправедливое обвиненіе въ этомъ отношеніи удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на душу ребенка, надо очень этого остерегаться и удовольствоваться въ такомъ случаѣ однимъ общимъ разъясненіемъ и предостереженіемъ.

Преждевременное болѣзненное увеличеніе полового влеченія выражается въ усиленномъ развитіи порока, при чемъ ребенокъ даже мало обращаетъ вниманія на окружающихъ. Въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ нервнобольными дѣтьми, независимо отъ того, происходитъ ли неврастенія здѣсь вслѣдствіе переходнаго состоянія роста ребенка или вслѣдствіе моральнаго заблужденія. Такихъ дѣтей слѣдуетъ взять изъ школы, помѣстить подъ надзоръ взрослой надежной особы и лучше всего воспитывать ихъ въ деревнѣ.

Физическая діэтетика въ тѣ юношескіе годы, которые мы теперь имѣемъ въ виду, требуетъ свѣжаго воздуха и движенія. Одежда должна быть не слишкомъ теплая и очень свободная. Натянутые штаны очень милы, но ихъ слѣдуетъ совсѣмъ уничтожить. Пища должна быть обильна, но не слишкомъ. Мясо не должно преобладать; лучше всего давать свѣжую смѣшанную пищу. Пряностей и всякихъ острыхъ кушаній слѣдуетъ избѣгать. Ко многимъ причинамъ, запрещающимъ давать дѣтямъ алкоголь, относится и физическая гигіена половой жизни. Особаго вниманія требуетъ забота о правильномъ отправленіи желудка.

Къ сожалѣнію, дѣтскій возрастъ не застрахованъ отъ заразныхъ половыхъ болѣзней. Заражаются чаще дѣвочки, чѣмъ мальчики. Въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ о зараженіи ядомъ триппера, рѣже заражаются сифилисомъ. Источникъ зараженія бываетъ различный. Такимъ источникомъ можетъ быть воспитательница, заболѣвшая сама, не соблюдающая чистоплотности, и посредствомъ губки, полотенца и т. п. предметовъ переносящая заразу на ребенка. Сифилисъ передается дѣтямъ черезъ поцѣлуи взрослыхъ или сверстниковъ, зараженныхъ этой болѣзнью. Безнравственныя игры дѣтей, если между ними есть больной, тоже часто ведутъ къ заболѣванію трипперомъ. Но эти случаи рѣдки, относительно чаще маленькія дѣвочки заболѣваютъ вслѣдствіе изнасилованія ихъ пожилыми или молодыми мужчинами; мальчики же, которыхъ также нерѣдко соблазняютъ старѣющія женщины, благодаря внѣшнимъ причинамъ заражаются рѣдко.

Мы не будемъ говорить о томъ, насколько вѣрно утвержденіе, что заблужденіе полового влеченія, которое мы называемъ гомосексуализмомъ, составляетъ врожденную особенность, выражающуюся уже въ очень юныхъ годахъ. Извѣстно только, что многіе люди, подверженные гомосексуальной любви, утверждаютъ, что благодаря тому, что они испытали въ ранніе годы юности, въ нихъ зародилось глубокое отвращеніе къ другому полу. Большей частью виной этому бываютъ безобразныя сцены, которыя, сильно запечатлѣвшись въ дѣтской душѣ, позднѣе всплываютъ въ памяти при каждой мысли о другомъ полѣ.

Тѣлесное наказаніе въ томъ возрастѣ, когда появляются первыя ощущенія половой жизни, заслуживаетъ подробнаго обсужденія. Изъ Исповѣди Руссо всѣмъ извѣстно, что тѣлесное наказаніе вызываетъ половыя ощущенія. Совершенно понятно, что по отношенію къ учительницѣ, сумѣвшей своимъ авторитетомъ сломить отвращеніе въ мальчикахъ ко всему женскому и завоевать ихъ сердца, къ чувству этихъ мальчиковъ примѣшивается половое влеченіе.

Способъ наказанія также имѣетъ большое значеніе, и можно вызвать раздраженіе половыхъ органовъ преднамѣренно, или помимо воли наказывающаго, положивъ малень-

каго преступника на колѣно такимъ образомъ, что надавливаются половые органы.

Не прибѣгаютъ ли многіе изъ наказывающихъ къ полкѣ для удовлетворенія своихъ собственныхъ половыхъ влеченій — это другой вопросъ. Въ каждомъ званіи, не исключая и уважаемаго званія учителя, могутъ встрѣтиться неустановившіеся характеры и именно въ этомъ званіи, благодаря соціальнымъ причинамъ, находятся многіе мужчины и женщины, осужденные на полную неудовлетворенность. Въ такихъ случаяхъ можетъ не разъ проявиться такой или иной грѣхъ противъ воздержанія.

Теперь мы переходимъ къ дальнѣйшему періоду, къ періоду возмужалости мальчика, становящагося юношей, и дѣвочки, развивающейся въ дѣвушку, къ періоду пробужденія и развитія полового влеченія. У мальчиковъ это совпадаетъ съ началомъ переходнаго возраста. Можетъ быть взаимное отвращеніе двухъ половъ въ этотъ періодъ является мѣрой предосторожности самой природы, и я нахожу совершенно неправильнымъ противодѣйствіе такой здоровой мѣрѣ, и желаніе сократить у мальчиковъ періодъ переходнаго возраста и сдѣлать изъ нихъ салонныхъ кавалеровъ; изъ такихъ франтовъ большей частью выходятъ онанисты и пресыщенные пессимисты.

Если до этого періода можно было съ нѣкоторымъ успѣхомъ надѣяться отдалить отъ ребенка все половое и потому не прибѣгать къ разъясненіямъ, то съ наступленіемъ его передъ родителями и воспитателями является задача: или разумное разъясненіе со стороны призванныхъ къ этому людей, родителей и воспитателей, или разъясненіе неправильнымъ путемъ, черезъ школьныхъ товарищей, или какихъ-нибудь другихъ обольстителей.

Періодъ переходнаго возраста незамѣтно переходитъ въ періодъ мечтаній объ идеалахъ. Половое влеченіе направляется не на ближайшую свою цѣль, а обнаруживается въ перемѣнѣ душевнаго настроенія и стремленій. У мальчиковъ является страсть къ путешествіямъ или приключеніямъ; въ это время каждому мальчику хочется сдѣлаться корабельнымъ юнгой, потомъ наступаетъ религіозная мечтательность, стремленіе къ небеснымъ идеаламъ и, наконецъ, періодъ школьнической любви къ дѣвочкѣ.

У дѣвочекъ развитіе происходитъ гораздо скорѣе, и у нихъ, повидимому, не бываетъ такого переходнаго періода, какъ у мальчиковъ. Но и у нихъ развивающееся половое влеченіе выражается въ мечтательности, религіозной мечтательности, въ мечтательномъ обожаніи подругъ, учителей и учительницъ, а позднѣе какого-нибудь лейтенанта, тенора и т. д.

Въ этотъ періодъ окраска душевныхъ движеній и переживаній ярче, чѣмъ въ позднѣйшія времена, но и безразсудство воли также выражается въ болѣе сильной степени. Мягкость въ это время почти непосредственно граничитъ съ жестокостью. Къ гибкости и впечатлительности души присоединяется стремленіе проявлять себя, страстное желаніе открыть тайныя сокровища знанія, невзирая ни на какія препятствія.

Не думаю, что меня обманываетъ память—и многіе мужчины подтвердили мое мнѣніе — если я буду утверждать, что въ переходномъ возрастѣ чаще всего только чистый, лишенный всякаго полового влеченія интересъ побуждаетъ мальчиковъ дѣлать изслѣдованія въ области половой жизни, которыя наружно могутъ казаться признаками большой нравственной испорченности. Въ этомъ періодѣ пробуждается интересъ разгадать тайну другого пола, еще вполнѣ свободный отъ полового сладострастія и проистекающій изъ мальчишеской страсти къ приключеніямъ. Изъ этого же источника нерѣдко происходитъ онанизмъ, который мальчики взаимно практикуютъ.

Мнѣ кажется, что это указываетъ на то, что мальчиковъ нельзя предоставлять самимъ себѣ, но слѣдуетъ спокойно и положительно разъяснить имъ значеніе половыхъ органовъ и ихъ функціи. Я не думаю, что подобное разъясненіе вызоветъ у большинства половое возбужденіе, напротивъ, я убѣжденъ, что не ошибусь, если скажу, что спокойное, честное объясненіе подѣйствуетъ охлаждающимъ образомъ на мальчиковъ въ половомъ отношеніи, если только они не живутъ въ такой атмосферѣ, въ которой не привыкли смотрѣть на наготу какъ на нѣчто обыкновенное.

Вѣдь я не стану утверждать, что и для насъ, взрослыхъ, все запретное не имѣетъ особой прелести; тѣмъ болѣе понятно, что, скрывая и запрещая многое мальчикамъ въ пе-

реходномъ возрастѣ, мы этимъ заставляемъ ихъ съ тѣмъ большей силой стремиться къ запретному плоду.

Я знаю, что и у дѣвочекъ наблюдается стремленіе къ запретному и тайному, хотя и слабѣе, чѣмъ у мальчиковъ. И съ той минуты, какъ онѣ начинаютъ что-то предчувствовать, въ ихъ сознаніе вкрадывается чувство какого-то страха. Дѣлаясь недотрогами и щепетильными въ половомъ отношеніи, дѣвочки большей частью какъ бы хотятъ отстранить отъ себя нѣчто непріятное и страшное.

Развитіе половыхъ органовъ въ связи съ недостатками нашей повседневной жизни, — сидячимъ образомъ жизни, неправильными отправленіями желудка, раздражающей пищей, нерѣдко вызываютъ раздраженіе половой сферы, которое заставляетъ молодыхъ людей, и безъ всякаго соблазна со стороны, прибѣгать къ онанизму. Просматривая исторію болѣзней, я прихожу къ убѣжденію, что многіе паціенты и большинство паціентокъ, безъ всякаго соблазна со стороны, сами пріобрѣли эту болѣзнь.

Тѣмъ необходимѣе предупредить такую опасность своевременнымъ просвѣщеніемъ относительно половой жизни.

Но какимъ образомъ взяться за такое просвѣщеніе, и кто за него возьмется?

Относительно того, какъ это сдѣлать, сходится во мнѣніяхъ большинство людей, занимавшихся этимъ вопросомъ, а именно, рекомендуется обратиться къ самому лучшему и чистому способу разъясненія, въ связи съ простыми и въ то же время такими удивительными загадками природы. Мѣсто не позволяетъ намъ подробнѣе поговорить здѣсь о такомъ постепенномъ просвѣщеніи ребенка; о немъ было сказано въ цѣломъ рядѣ другихъ статей. Я описалъ въ третьей части своей книги для родителей: «Какъ я скажу это своему ребенку?» тотъ путь, которымъ можно воспользоваться для этой цѣли.

Я исхожу изъ того, что объясняю дѣтямъ, что дерево, а также человѣкъ растутъ вслѣдствіе того, что составляющія ихъ клѣточки размножаются.

Это влечетъ за собой объясненіе дѣленія клѣточекъ и разницы между многоклѣтчатыми и одноклѣтчатыми существами. Многоклѣтчатыя тоже могутъ размножаться по-

средствомъ дѣленія, но чаще всего это случается вслѣдствіе отдѣленія одной клѣточки изъ общей связи. Пока я ограничиваюсь только объясненіемъ безполаго образованія споръ.

Затѣмъ мы доходимъ до соединенія одноклѣтчатыхъ организмовъ и при этомъ я пользуюсь случаемъ, чтобы поговорить о необходимости сдерживать свои эгоистическія влеченія. Говоря о необходимости сліянія сѣмени съ яйцомъ, беру несложныя живыя существа. Затѣмъ слѣдуетъ разсказать о мѣрахъ, которыя принимаются такими существами для сближенія яйца съ сѣменной клѣточкой. Опыленіе растеній безъ всякаго вреда для дѣтей даетъ имъ представленіе о сущности этого акта; затѣмъ имъ даютъ понять, что попеченіе о половыхъ веществахъ приноситъ наибольшую пользу, когда животныя,— самецъ и самка,— сами ихъ соединяютъ, сначала простымъ, мѣстнымъ сближеніемъ, какъ, напримѣръ, у рыбъ, а потомъ тѣмъ, что самецъ изливаетъ свое сѣмя въ тѣло самки.

Дойдя такимъ образомъ до самаго щепетильнаго пункта, прерываютъ нить разъясненія. Затѣмъ обсуждаютъ распредѣленіе работы клѣточекъ въ тѣлѣ, грубое и болѣе тонкое строеніе половыхъ органовъ—конечно, упоминая лишь о самомъ важномъ,— а затѣмъ, чтобы великая всеобщая идея природы возвышающимъ образомъ подѣйствовала на ребенка, ему говорятъ, какъ черезъ любовь опредѣлять права отдѣльнаго существа и того высшаго цѣлаго, часть котораго оно составляетъ.

Дальнѣйшее разъясненіе уже не представляетъ особаго затрудненія. Ребенокъ уже познакомился съ дивнымъ устройствомъ природы, и ему еще разъ напоминаютъ, какъ въ природѣ все разсчитано на сохраненіе жизни, указавъ ему на заботу о зарождающейся жизни и о потомствѣ. Надо постараться повліять на чувство долга дѣтей и разъяснить имъ, какое громадное значеніе имѣетъ для родителей ихъ собственная жизнь, благодаря тому, что они взяли на себя заботу о потомствѣ. Такимъ образомъ дѣтямъ будетъ ясно все значеніе, вся громадная важность половой жизни для семьи и государства; тогда они безъ всякаго принужденія поймутъ долгъ любви къ собственной національ-

ности, какъ логическій выводъ, проистекающій изъ наблюденій природы.

Чтобы растянуть разъясненіе возможно дольше, книжечка, «Какъ я скажу это своему ребенку», раздѣлена на три тетрадочки, потому что, совершенно справедливо возникаетъ вопросъ, должны ли мы сказать дѣтямъ всю правду уже теперь, — дѣло идетъ о дѣтяхъ 12—14-лѣтняго возраста,— должны ли мы сообщить имъ также и роль отца и такимъ образомъ открыть всю тайну полового акта? Противъ этого приводилось много вѣскихъ аргументовъ. Но я думаю, что всѣмъ имъ приходится противопоставить грубую дѣйствительность. Это большой самообманъ, если мы думаемъ, что можемъ скрыть отъ большинства нашихъ дѣвочекъ и мальчиковъ послѣднее, и если воображаемъ, что они не постараются сами получить о немъ свѣдѣнія какимъ бы то ни было путемъ. Сомнѣніе передъ смѣлостью такого объясненія является потому, что боятся зажечь въ дѣтяхъ пламя страсти и желанія. Я отношусь къ этому сомнѣнію отрицательно и даже совѣтую не опоздать съ раскрытіемъ истины. Это покажется противорѣчивымъ. Но психологическіе факты доказываютъ, что старыя истины, старыя явленія менѣе дѣйствуютъ на наше воображеніе. Когда половое влеченіе еще спитъ и ничѣмъ еще не проявляется, мальчики и дѣвочки относятся къ этимъ вещамъ какъ къ нему-то непонятному; умъ, еще не возбужденный половыми ощущеніями, относится къ нимъ безразлично; когда же они начинаютъ пробуждаться для того, что они все-таки должны узнать, то уже сдѣлана предварительная работа. При этомъ крайне желательно создать для ребенка такую нравственную атмосферу, свойства которой соотвѣтствовали бы сказанному выше и которая могла бы успокоительно дѣйствовать на него.

Кто же долженъ взять на себя это разъясненіе? Прежде всего, конечно, родители, и въ такомъ случаѣ, я думаю, что разъясненіе это можно дѣлать постепенно, растягивая его на цѣлые годы, и при каждомъ удобномъ случаѣ заходя все дальше и дальше. Но это вовсе не такъ просто, и тѣ родители, которые считаютъ себя неспособными къ этому, совсѣмъ не достойны порицанія. Въ такомъ случаѣ было бы желательно, чтобы домашній учитель или домаш-

няя учительница заботливо и постепенно исполнили эту задачу, но только съ согласія родителей.

Я нахожу лишь слабой замѣной, хотя во многихъ случаяхъ и необходимой, просвѣщать въ этомъ направленіи дѣтей цѣлыми массами извѣстнымъ школьнымъ преподаваніемъ, въ самой ли школѣ или при посредствѣ другихъ лицъ. Для разъясненія этого вопроса въ школѣ хотѣли воспользоваться преподаваніемъ естественныхъ наукъ. Но не значитъ ли это итти окольнымъ путемъ, когда цѣль гораздо легче достигается прямымъ? Вѣдь природа тоже систематически движется впередъ отъ простого къ сложному организму. И если наши преподаватели естественной исторіи только отойдутъ, хотя немного, отъ обычнаго способа преподаванія, и не обойдутъ молчаніемъ строенія и функцій половыхъ органовъ, но отъ жизни растеній перейдутъ къ жизни низшихъ, а затѣмъ и высшихъ животныхъ, то имъ даже не придется говорить о позвоночныхъ животныхъ, такъ какъ ученики и ученицы уже сами сумѣютъ примѣнить все сказанное къ человѣку.

Я признаю, что сообщать эти факты дѣтямъ необходимо, но, можетъ быть, это все же не составляетъ еще существенной задачи полового воспитанія. Между дѣтьми встрѣчаются впечатлительные умы, — на которые все сильно дѣйствуетъ, и они даютъ намъ матеріалъ, доступный для воспитанія. Мнѣ кажется, что самое большое зло, причиняемое системой замалчиванья, заключается въ томъ, что наша молодежь не знаетъ, какъ ей отнестись къ этимъ фактамъ, что мы не воспитывали ее въ этомъ смыслѣ и предоставили итти своимъ путемъ.

Если разъяснительное преподаваніе, какую бы форму оно ни приняло и отъ кого бы оно ни исходило, должно принести пользу, то его не слѣдуетъ втискивать въ воспитательную систему, которая не принимаетъ во вниманіе половой жизни во всѣхъ областяхъ и полового развитія юношества въ особенности.

Въ особенности слѣдуетъ обращать вниманіе на склонность мальчиковъ и дѣвочекъ къ преувеличенію и стараться наставленіемъ и незамѣтнымъ вліяніемъ успокоительно дѣйствовать на нихъ. Такъ должно дѣйствовать и въ томъ

случаѣ, когда это преувеличеніе распространяется и на религіозное чувство.

Употребленія алкоголя слѣдуетъ избѣгать. Горячительные напитки, чай и кофе слѣдуетъ давать въ небольшомъ количествѣ. Пища должна быть хорошая, разнообразная, и мясо въ ней не должно преобладать. Сонъ долженъ быть правильный, въ особенности не слѣдуетъ позволять дѣтямъ долго валяться въ постели. Физическое движеніе, какъ-то: прогулки, экскурсіи и гимнастику слѣдуетъ въ широкой мѣрѣ примѣнять, какъ къ мальчикамъ, такъ и къ дѣвочкамъ. Занятія ручнымъ трудомъ, способствующимъ развитію практической фантазіи, поощряется теперь больше, чѣмъ въ прежнее время. Что касается чтенія, то для дѣтскаго возраста наши милыя, старыя нѣмецкія сказки представляютъ такой драгоцѣнный даръ, которымъ, къ сожалѣнію, слишкомъ долго пренебрегали въ нашемъ воспитаніи. Слѣдуетъ избѣгать всѣхъ книгъ, которыя только разгорячаютъ фантазію или мечтательность и плотское вожделѣніе, какъ, напр.,— восточныхъ сказокъ, сочиненій Майя или романовъ для молодыхъ дѣвушекъ, всегда кончающихся счастливой помолвкой.

Жертвами половыхъ заблужденій главнымъ образомъ дѣлаются дѣти въ періодъ роста и развитія. Частое явленіе онанизма въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ дало поводъ предполагать, что въ періодъ развитія у дѣтей нормально появляется влеченіе къ лицамъ того же пола. Мнѣ кажется достаточно сказать, что вначалѣ это влеченіе еще не имѣетъ опредѣленной цѣли и можетъ легко быть устранено. Кромѣ того въ періодъ развитія оба противоположныя влеченія, составляющія половое влеченіе,— влеченіе самопожертвованія и влеченіе покоренія — еще негармонично сливаются другъ съ другомъ. Вслѣдствіе этой негармоничности многое выражается въ такой формѣ, что если бы мы замѣтили это у взрослыхъ, мы заподозрѣли бы, что имѣемъ дѣло съ болѣзненнымъ явленіемъ или даже съ садизмомъ и мазохизмомъ. Я говорю о часто наблюдаемомъ у мальчиковъ удовольствіи взаимно наказывать другъ друга и о склонности дѣвочекъ къ покаянію и аскетическимъ лишеніямъ.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ связи съ общими

всѣмъ живущимъ совмѣстно дѣтямъ половыми пороками у мальчиковъ и дѣвочекъ развивается влеченіе къ своему же полу. У мужчинъ это случается главнымъ образомъ потому, что онанистъ часто теряетъ вѣру въ свои мужскія способности и терпитъ неудачу при первой попыткѣ къ нормальнымъ сношеніямъ. У дѣвушекъ это случается вслѣдствіе особенностей воспитанія, благодаря которому все мужественное, сильное и твердое кажется имъ уродливымъ, и одна мысль о сліяніи съ существомъ мужского пола внушаетъ имъ непреодолимый ужасъ. Если на пути такого мягкаго или, какъ часто неправильно выражаются, чисто женственнаго характера встрѣчаются женщины съ мужскими чертами, все мужское въ нихъ возбуждающимъ образомъ дѣйствуетъ на половую систему дѣвочки, которой при этомъ не приходится преодолѣвать своей робости передъ мужчиной.

Скажу въ короткихъ словахъ, что я считаю необходимымъ при половомъ воспитаніи. Во-первыхъ, смягченіе всѣхъ вліяній и свѣдѣній, возбуждающимъ образомъ дѣйствующихъ на ребенка, отъ которыхъ мы все же не можемъ охранить его. Съ этой цѣлью слѣдуетъ спокойно, откровенно и безъ всякой таинственности обсуждать половые вопросы. Во-вторыхъ, нельзя допускать, чтобы чувства, сопровождающія половой инстинктъ, получили сильный перевѣсъ въ душѣ ребенка, для чего слѣдуетъ ввести здоровую физическую гигіену и развивать у обоихъ половъ волю и характеръ.

Не одна чопорность и жеманство сдѣлали невозможнымъ для нашего юношества правильное его воспитаніе въ этомъ смыслѣ; напротивъ, вся наша культурная жизнь заставляетъ насъ смотрѣть на все половое какъ на какой-то темный придатокъ въ нашей индивидуальной жизни. Къ чему читать дѣтямъ наставленія въ этой области и говорить имъ о святости брака, когда при религіозномъ воспитаніи имъ внушаютъ, что безбрачіе выше брака, а въ широкихъ кругахъ общества на бездѣтный бракъ смотрятъ не какъ на несчастье, а какъ на послѣдствіе названнаго воздержанія.

Половую жизнь нельзя приноравливать ни къ коммунистично-пессимистическому міровоззрѣнію, составляющему основу признанной государствомъ религіи, ни къ міровоз-

зрѣнію чисто индивидуалистическому. Для одного міровоззрѣнія она требуетъ слишкомъ большого вниманія къ характеру, самосознанію, къ семейной и родовой гордости, а для другого — половая жизнь налагаетъ слишкомъ много обязанностей, стѣсняющихъ личность.

Если мы желаемъ воспитать въ нашей молодежи чувство долга въ половыхъ вопросахъ, дабы она могла имѣть достаточно характера, чтобы устоять передъ многими соблазнами жизни, мы должны внушить ей здравое понятіе о ростѣ и исторіи ея семьи, народности, надо, чтобъ она чувствовала себя звеномъ той цѣпи, которую призвана продолжать. Въ юности воля и самосознаніе еще поддаются вліянію, а главное ихъ еще можно закалить. Я сдѣлалъ наблюденіе и думаю, что могу обобщить его, что изъ числа тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ я зналъ, больше всего были застрахованы отъ соблазновъ большихъ городовъ тѣ, которые съ самой своей юности считали нравственнымъ долгомъ закалять свою волю. Но, понятно, воля должна имѣть цѣль. На половую жизнь теперь нельзя смотрѣть, какъ на болѣе или менѣе индивидуальный придатокъ нашей культурной жизни; напротивъ, она проникаетъ всюду, требуя къ себѣ особаго вниманія. Половая жизнь отомстила намъ за то, что мы совершенно пренебрегали ею при воспитаніи нашей молодежи.

Душевная жизнь ребенка.

Макса Брана.

Во всѣ времена дѣлались наблюденія надъ духовной жизнью ребенка, научное же изслѣдованіе ея мы имѣемъ только со времени Руссо. Мы не знаемъ дѣтей, жаловался онъ, и пытался помочь намъ въ этомъ горѣ въ своемъ «Эмилѣ». Къ сожалѣнію это произведеніе заключаетъ въ себѣ рядомъ съ геніальными наблюденіями много невѣрнаго и неправильнаго истолкованнаго. Заботливымъ, хотя и гораздо менѣе остроумнымъ изображеніемъ дѣтской душевной жизни мы обязаны нѣмецкимъ ученымъ конца восемнадцатаго столѣтія — Тидеману, Вецелю и Траппу. До этого ребенка писали, воспѣвали, баловали, но его никогда не наблюдали: только теперь къ нему подошли безъ трогательной чувствительности и восхищенія. Но почти цѣлое столѣтіе эти начинанія оставались безъ цѣнныхъ послѣдствій. Только тогда, когда педагогика начала занимать все болѣе и болѣе видное мѣсто, когда теорія происхожденія Дарвина указала на великое значеніе начала во всѣхъ областяхъ, а психологія Вундта, наконецъ, выяснила необходимость заботливаго всесторонняго наблюденія вездѣ и всегда, только тогда проснулся въ жизни и наукѣ большой интересъ къ психологіи ребенка.

Наука, существующая менѣе тридцати лѣтъ, конечно,

не можетъ быть богата изслѣдованіями, она еще колеблется во многихъ подробностяхъ — тѣмъ болѣе, что самый надежный методъ психологіи, опытъ, почти не можетъ быть примѣнимъ къ дѣтямъ. Но опытъ служитъ самымъ вѣрнымъ вспомогательнымъ средствомъ для установки факта, который лежитъ въ основѣ всякаго знанія духовной жизни, фактъ самонаблюденія, которое безъ опыта бываетъ слишкомъ неточно. Въ дѣтской психологіи охотно принимается въ расчетъ даже и эта неточность; но человѣкъ только тогда можетъ наблюдать за самимъ собой, когда перестаетъ быть ребенкомъ. Такимъ образомъ относительно маленькаго еще не говорящаго ребенка мы должны довольствоваться наблюденіемъ надъ его движеніями, изъ которыхъ приходится заключать о причинѣ, вызвавшей ихъ, но эти заключенія легко могутъ быть ошибочными. Даже у взрослыхъ едва возможно установить, составляетъ ли какое-нибудь движеніе только движеніе, или оно служитъ выраженіемъ духовнаго побужденія; трудно, напримѣръ, опредѣлить, составляетъ ли извѣстное подергиванье угловъ рта только рефлексъ или выраженіе насмѣшки. Объясненіе этому намъ можетъ дать только самонаблюденіе. У дѣтей мы должны довольствоваться наблюденіями взрослыхъ — а здѣсь-то и лежитъ источникъ самыхъ крупныхъ заблужденій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у дѣтей многое происходитъ безъ всякой психической подкладки и составляетъ только рефлексъ, что рѣдко или почти никогда не случается у взрослыхъ; напримѣръ, вздрагиванье новорожденнаго ребенка при неожиданномъ прикосновеніи, искривленіе рта при соприкосновеніи съ чѣмъ-нибудь горькимъ или сладкимъ. Въ такихъ случаяхъ толкованье большей частью бываетъ произвольно, — напримѣръ въ опредѣленіи, когда содраганіе произошло только отъ физической причины, а когда вслѣдствіе испуга.

Опасность приписыванія дѣтямъ различныхъ проявленій ума, которыхъ у нихъ совсѣмъ еще не можетъ быть, усиливается, когда въ нихъ начинаетъ пробуждаться игра представленій и чувствъ, и когда истолкованіе дѣлается еще затруднительнѣе. Взрослый человѣкъ любитъ находить у ребенка понятія, разумныя дѣйствія, однимъ словомъ, «умъ», тамъ, гдѣ у него самого подобныя явленія

оказались бы вполнѣ логичными. Такъ наша литература полна примѣровъ замѣчательныхъ сравненій, сужденій и сентенцій дѣтей, которыя даже у умныхъ взрослыхъ людей заставили бы предположить сильную умственную работу — если бъ они исходили у дѣтей изъ тѣхъ же функцій разума. Одно и то же сравненіе можетъ иногда проистекать изъ совершенно случайнаго сходства и неточнаго наблюденія, въ другой разъ изъ дальновидныхъ комбинацій и остроумнаго подбора внутреннихъ отношеній. Кто, какъ ребенокъ всюду видитъ аналогіи, тотъ, вѣроятно, между тысячами глупыхъ аналогій, на которыя не обращаютъ вниманія, встрѣтитъ одну такую, которая и взрослому покажется остроумной. Если бы ребенокъ былъ такъ уменъ, какъ это должно было бы быть, судя по анекдотамъ, которые о немъ разсказываютъ, слѣдовало бы подумать о томъ, какъ бы заставить регрессировать, а не прогрессировать его развитіе. Мы имѣемъ право только тамъ видѣть проявленіе настоящей функціи ума, гдѣ она чаще проявляется и всегда налицо — иначе это значило бы постоянно искать самыхъ простыхъ процессовъ; его всегда легко найти.

Эта ошибка совпадаетъ съ еще болѣе общимъ мнѣніемъ, что ребенокъ въ умственномъ отношеніи тотъ же взрослый человѣкъ въ меньшемъ и несовершенномъ изданіи. Утверждаютъ, что память его равняется памяти взрослаго, только не имѣетъ еще той же силы запоминанія; его аффекты тѣ же, только менѣе развиты, его сужденія имѣютъ тѣ же основы, только менѣе тверды. Извѣстно, что ребенокъ долженъ обладать тѣми же элементарными ощущеніями и чувствами и принципіально подчиняться тѣмъ же законамъ разума, совершенно такъ же, какъ для тѣла ребенка существуютъ тѣ же законы физіологіи, что и для взрослыхъ. Но въ тѣлѣ ребенка есть органы, которые дѣятельно функціонируютъ, а у взрослаго бездѣйствуютъ и наоборотъ, у ребенка есть органы, которые еще не функціонируютъ, между тѣмъ какъ у взрослаго они имѣютъ громадное значеніе. Составъ его костей, мускуловъ и железъ химически совершенно отличенъ отъ состава взрослаго, вѣсовое соотношеніе органовъ совсѣмъ другое и вслѣдствіе этого ихъ взаимодѣйствіе совершенно другое. Можетъ ли быть иначе въ духовномъ отношеніи? И въ этой области, навѣрное, еще

нѣтъ тѣхъ функцій, которыя позднѣе пріобрѣтаютъ большое значеніе, и напротивъ, есть такія, которыя позднѣе бездѣйствуютъ. Представленія, конечно, имѣютъ совершенно другое построеніе, чувства — гораздо болѣе сильное и непосредственное значеніе, чѣмъ у взрослыхъ. Мы знаемъ изъ анатоміи мозга, что самыя важныя для умственной жизни части, а именно мозгъ и многія другія части центральной нервной системы, отчасти еще совсѣмъ не развиты, а отчасти не связаны еще другъ съ другомъ нервными нитями; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ нарастаютъ новыя части и новыя соединенія. Замѣчается такимъ образомъ большой недостатокъ въ содержимомъ и въ особенности въ связи его между собой, слѣдствіемъ чего должна явиться совершенно другая душевная жизнь; низшіе органы при такомъ неразвитомъ мозгѣ самостоятельнѣе и проявляютъ дѣятельность наслѣдственную и чисто физическую, но позднѣе и она принимаетъ духовную окраску. Поэтому надо принять за основаніе, что значеніе духа растетъ въ человѣкѣ съ годами и что у дѣтей все слѣдуетъ объяснять минимумомъ духовной дѣятельности. По этой причинѣ никогда нельзя ожидать многаго отъ родителей, если только они не ученые психологи. Родители къ счастью никогда не бываютъ объективными и не желаютъ имѣть глупыхъ дѣтей! Поэтому въ ихъ отчеты, даже когда они представляютъ перечисленіе голыхъ фактовъ, всегда вкрадываются такіе, которыхъ, навѣрное, никогда не было.

Эта склонность родителей приписывать именно своимъ дѣтямъ высокія умственныя способности уже въ первые годы ихъ жизни противорѣчитъ взгляду многихъ психологовъ, которые утверждаютъ, что маленькія дѣти представляютъ собой чистый листъ бумаги въ духовномъ отношеніи, и что всѣ они похожи другъ на друга. Изъ неразвитости духовной стороны они дѣлаютъ выводъ это го сходства дѣтей между собой. Предвзятое мнѣніе, что никакое воспитаніе не возможно, если всѣ дѣти родятся съ извѣстными опредѣленными свойствами, почти совсѣмъ исключаетъ свободное отъ предразсудковъ наблюденіе, какъ много индивидуально разнообразнаго приноситъ съ собой на свѣтъ каждое новорожденное дитя. При самомъ простомъ наблюденіи намъ бросается въ глаза, что ка-

ждый ребенокъ родится съ своими личными особенностями. Если Дарвинъ говоритъ и, конечно, всѣ съ нимъ въ этомъ случаѣ согласны, что уже у очень маленькихъ дѣтей появляются специфическія движенія, придающія лицу ихъ различное выраженіе, унаслѣдованное ими отъ отца или матери, то можно также предположить, что они унаслѣдовали и особенности чувства. Именно жизнь чувствъ у дѣтей съ самаго начала совершенно различная; сравнимъ только между собой раздражительно-сердитаго, кроткаго и флегматичнаго ребенка и намъ невозможно будетъ усомниться въ врожденномъ различіи, по крайней мѣрѣ, чувствъ, такъ какъ темпераментъ едва ли возможно измѣнять, ибо онъ устанавливается съ самаго начала. Сила чувства, быстрота, съ которой ребенокъ хватается за предметъ или отталкиваетъ ихъ, также очень различна у дѣтей. Уже съ перваго года жизни дѣти различно относятся къ музыкѣ. Одни возбужденно кричатъ, пока музыка не прекратится, другія съ удовольствіемъ къ ней прислушиваются и сопровождаютъ звуки веселымъ топаньемъ ножекъ. Такимъ образомъ каждый ребенокъ съ самаго ранняго дѣтства живетъ въ своемъ собственномъ особенномъ мірѣ. Если мы подумаемъ о значеніи чувства для всей остальной духовной жизни, то намъ будетъ ясно, что и она должна быть различна у каждаго отдѣльнаго ребенка. Если ребенокъ воспринимаетъ только то, что доставляетъ ему радость, если онъ запоминаетъ лишь то, что его веселитъ или огорчаетъ, то и представленіе о жизни должно очень скоро у каждаго ребенка стать совершенно различнымъ. Все больше и больше выясняется, что люди съ самыхъ раннихъ лѣтъ отдаютъ предпочтеніе какому-нибудь одному изъ пяти чувствъ при составленіи себѣ понятія о мірѣ, одинъ руководствуется слухомъ, другой зрѣніемъ. Изъ этого можно заключить, что одно и то же явленіе оставляетъ совершенно различные слѣды у различныхъ дѣтей. Изъ этого слѣдуетъ, что данныя относительно того, когда развиваются отдѣльныя функціи, когда ребенокъ начинаетъ видѣть, дѣлать произвольныя движенія, не имѣютъ большого значенія, такъ какъ у разныхъ дѣтей функціи эти наступаютъ въ разное время, такъ же какъ и способность ходить или говорить. Слѣдовательно споръ о томъ, въ какое время проявляется та или другая дѣятель-

ность, совершенно безполезенъ и только приблизительно можно сказать, что въ проявленіи каждой изъ нихъ наблюдается извѣстная послѣдовательность; но извѣстно, что каждая способность, отдѣльно взятая, можетъ проявиться въ различное время. Только въ томъ смыслѣ слѣдуетъ разсматривать всѣ дальнѣйшія данныя.

Новорожденный ребенокъ имѣетъ за собой длинный періодъ утробнаго развитія, но еще болѣе длинный ожидаетъ его впереди. Такъ какъ мозгъ ребенка еще не созрѣлъ и долженъ пріобрѣсти еще много новыхъ связей и сцѣпленій, то онъ воспринимаетъ не много неопредѣленныхъ впечатлѣній духовнаго свойства, которыя имѣютъ то важное значеніе, что связаны съ движеніями. Каждое впечатлѣніе въ это время сильно выражается, всѣ жизненныя потребности существуютъ въ видѣ смутныхъ ощущеній, которыя сопровождаются энергичными движеніями. Большей частью вслѣдствіе наслѣдственной передачи — къ основнымъ духовнымъ процессамъ присоединяются извѣстныя движенія. Немногія смутныя волненія и чувства внѣшняго міра, сильныя неясныя ощущенія, сопровождающія всѣ впечатлѣнія, и внутреннія дѣйствія, и соотвѣтствующія имъ движенія — составляютъ все достояніе ребенка. Желая отличить животное отъ человѣка, утверждали раньше, что первое обладаетъ многими инстинктами, но не обладаетъ разумомъ, а человѣкъ, напротивъ, обладаетъ разумомъ, но немногими инстинктами. Безъ всякаго сомнѣнія подобное утвержденіе совершенно несправедливо. Возможно, что человѣкъ богаче всѣхъ другихъ животныхъ инстинктами, но только позднѣе ихъ прикрываетъ сверкающее покрывало разума. Но не слѣдуетъ изъ-за строителя забывать о матеріалѣ, безъ котораго онъ не можетъ воздвигать зданіе; надо принять во вниманіе, что все искусство строителя должно быть опредѣленнымъ, потому что оно черпаетъ свои правила изъ повелѣвающаго имъ матеріала, а не изъ воздушнаго пространства. Разумъ связываетъ инстинкты въ новыя формы, приводитъ ихъ въ порядокъ для того, чтобъ они другъ друга поддерживали и чтобы гибель одного не губила другого; но всей своей силой онъ обязанъ инстинктамъ.

Самымъ первымъ инстинктомъ является инстинктъ питанія, который у ребенка сопровождается менѣе ярко вы-

раженнымъ инстинктомъ самозащиты. Этотъ основной инстинктъ имѣетъ рѣшающее значеніе для начала всего духовнаго развитія. Здоровый ребенокъ спитъ или кричитъ, сосетъ и снова спитъ, крикъ и сосанье являются первыми проявленіями инстинкта питанія. Какъ только тѣлу ребенка не доставлено достаточнаго питанія, это сразу выражается въ общемъ недомоганьи, а оно въ свою очередь проявляется общимъ безпокойствомъ, отталкиваньемъ, дрыганьемъ ножекъ и крикомъ. Вѣдь и у взрослыхъ настроеніе, какъ, напримѣръ, сильное возбужденіе, также выражаются болѣе или менѣе рѣзкими движеніями, не имѣющими опредѣленной цѣли и только являющимися простыми внѣшними проявленіями внутренняго чувства. Чѣмъ сильнѣе голодъ у ребенка, тѣмъ рѣзче движенія. Только окружающіе могутъ помочь этому чувству; но оно уже приспособилось къ окружающимъ условіямъ: ребенокъ уже пріучается къ движеніямъ, устраняющимъ его недовольство, какъ напр., брать грудь матери, или бутылку, и различать вкусъ молока. Уже черезъ три минуты послѣ рожденія было замѣчено у одного ребенка послѣ прикосновенія къ его язычку движеніе сосанья, сначала неловкое, которое черезъ нѣсколько дней становится вполнѣ нормальнымъ. Уже здѣсь выказываются индивидуальныя различія; отъ рожденья слабоумныя дѣти съ большимъ трудомъ пріучаются къ сосанью. Это первое сосанье отличается точностью рефлективныхъ движеній, но оно не есть исключительно рефлексъ. Это ясно доказывается тѣмъ, что ребенка, который уже насытился, прикосновеніемъ груди нельзя заставить дѣлать движенія сосанья, а если это достигается, то только съ большимъ трудомъ. Непріятное чувство голода ничего не говоритъ о голодѣ или средствахъ утолить его, оно просто наслѣдственно связано съ извѣстными движеніями. Только опытъ превращаетъ это чувство въ сознательную волю. Питаніе, воспринятое черезъ сосанье приноситъ двоякое удовольствіе: голодъ устраняется пріятнымъ чувствомъ насыщенія, а безпокойныя и утомительныя движенія замѣняются ритмически-радостнымъ движеніемъ сосанья. Конечно, и само молоко пріятно ребенку, потому что онъ энергично отказывается отъ кислаго и особенно отъ горькаго. Этимъ несложнымъ чувствамъ соотвѣтствуютъ уже такія же мимическія дви-

женія рта, носа и щекъ, которыя мы встрѣчаемъ и у взрослыхъ, и на которыя и у нихъ мы должны смотрѣть какъ на инстинктивныя формы выраженія чувства.

Вслѣдствіе частаго, постоянно одинаково проявляющагося чувства голода, вслѣдствіе удовольствія, которое доставляетъ молоко, а слѣдовательно и тотъ, кто даетъ его, вслѣдствіе удовольствія при видѣ движеній, употребляемыхъ при приготовленіи питанія, чувство голода постепенно вызываетъ представленіе объ ожидаемой радости, а наконецъ и объ извѣстныхъ важныхъ сторонахъ любимаго объекта. Голодъ, какъ и раньше, дѣлается причиной безпокойныхъ движеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и причиной понятія радости, предмета этой радости и ведущаго къ ней покойнаго ритмическаго движенія: слѣпое побужденіе прозрѣло, оно узнало свои дѣйствія, свое удовлетвореніе и средства, ведущія къ нему. Губы сосутъ уже раньше, чѣмъ къ нимъ прикоснулись, глаза пристально устремляются въ одну точку еще до появленія бутылки. Инстинктъ, силой живущихъ въ немъ чувствъ, сдѣлался основой воли. Вскорѣ ребенокъ уже почти не желаетъ предметовъ, а хочетъ лишь того, что они ему доставляютъ: радости, удовлетворенія инстинкта. Предметы дѣлаются для него лишь внѣшними возбудителями, вызывающими воспоминаніе объ удовольствіи. Настоящія переживанія ребенка, то, что запечатлѣвается въ немъ, заключается въ чувствѣ; предметы для него служатъ средствами къ полученію удовольствія; не сами предметы, но то, что они производятъ, интересуетъ его. Когда ребенокъ разсматриваетъ предметы, онъ подразумѣваетъ удовольствіе, которое они ему доставляютъ; когда онъ произноситъ слова, онъ подразумѣваетъ радость или боль ихъ значенія, его слова составляютъ лишь его желаніе: его понятія схватываютъ не одинаковыя качества, а однородныя желанія, требованія и антипатіи, вмѣстѣ взятыя.

Въ концѣ концовъ звенья этой цѣпи такъ тѣсно спаиваются другъ съ другомъ, что легко уничтожить одну часть ея, не нарушая цѣлаго. Неудовольствіе ведетъ безъ возникновенія неупорядоченныхъ движеній прямо къ представленію о предметѣ съ его ощущеніемъ, послѣднее можетъ исчезнуть, и вслѣдъ за голодомъ непосредственно слѣдуютъ жесты хватанья; тогда достаточно одной стороны, одной ча-

сти предмета, чтобы вызвать правильныя движенія. Такимъ образомъ первоначально господствовавшее чувство все больше и больше выдѣляется, достаточно предмета, чтобы вызвать движенія.

Такимъ образомъ первое развитіе зависитъ отъ врожденныхъ инстинктовъ, но нельзя сказать того же о дальнѣйшемъ. Поэтому, часто дѣлали такое заключеніе, что если вообще всякая умственная дѣятельность проистекаетъ изъ инстинкта, то рядомъ съ прирожденными инстинктами питанія и самозащиты должны появляться пріобрѣтенныя, отъ которыхъ зависитъ развитіе. Но между прирожденными и пріобрѣтенными инстинктами позднѣе появляются наслѣдственные, между которыми самыми значительными являются инстинкты подражанія и полового влеченія. Уже это послѣднее одно должно было бы предохранить насъ отъ такой альтернативы: прирожденный или пріобрѣтенный. Половое влеченіе начинается тогда, когда развиваются половые органы, но тогда оно уже для насъ здѣсь не интересно, потому что тамъ, гдѣ оно начинается, дѣтство кончается. Половой инстинктъ производитъ послѣднюю и самую значительную революцію въ физической и умственной жизни ребенка; послѣ него уже не появляется новыхъ инстинктовъ и не развиваются прежніе, и потому новые существенные элементы уже не входятъ въ душевную жизнь; происходятъ еще только количественныя измѣненія.

Сначала всѣ функціи ума группируются около питанія, вся дѣятельность чувствъ направлена на него. Поэтому надо думать, что первыя, наиболѣе опредѣленныя впечатлѣнія доставляетъ чувство вкуса, которое въ этомъ случаѣ совсѣмъ нельзя отдѣлить отъ чувства обонянія. Всѣ движенія, свойственныя ощущенію вкуса, похожи на движенія взрослыхъ. Они навсегда сохраняются, какъ типичное выраженіе несложныхъ ощущеній. Уже въ царствѣ животныхъ мы встрѣчаемъ на самыхъ низшихъ его ступеняхъ хорошо развитые центры обонянія и вкуса, и у ребенка они наблюдаются очень рано. Прикосновенія такъ же мало дѣйствуютъ на совсѣмъ крошечнаго ребенка, какъ тепло и холодъ. Только губы отъ природы чувствительны, и ребенокъ издали ощущаетъ ими тепло. Прикосновеніе къ нимъ вызываетъ движенье, соотвѣтствующее сосанью и иногда со-

провождаемое легкимъ движеніемъ головы, но лишь черезъ нѣкоторое время движенія эти дѣлаются увѣренными. Поэтому ребенокъ сначала подноситъ всѣ предметы къ этому самому чувствительному мѣсту своего тѣла и долго сохраняетъ привычку брать въ ротъ всякіе предметы, когда руки уже сдѣлались главнымъ и самымъ точнымъ органомъ осязанія. Такъ какъ движенія сосанья соединены съ прикосновеніемъ, то ребенокъ не только узнаетъ вещи, благодаря вкусу и осязанію, но двигаясь около нихъ, узнаетъ свое собственное тѣло. Такимъ образомъ извѣстныя группы ощущеній движенія и соединенныя съ ними чувства (напряженія и освобожденія) становятся для него путемъ опыта познаванія почти всѣхъ предметовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ребенокъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ первое впечатлѣніе активнаго осязанія, при помощи котораго онъ ощупываетъ и хватаетъ предметы, попадающіеся на его пути. Здѣсь пріобрѣтаются первыя понятія о собственной дѣятельности, собственномъ хотѣньи и его связи съ внѣшнимъ міромъ. Они рано дополняются вліяніемъ зрѣнія, изъ двухъ способностей котораго — видѣть и побуждать къ осязанію — послѣдняя самая значительная. Рѣсницы составляютъ самую чувствительную часть у новорожденнаго, прикосновеніе къ нимъ вызываетъ морганье раньше, чѣмъ раздраженіе свѣтомъ, послѣдній только послѣ нѣсколькихъ дней вызываетъ рефлекторныя движенія глазныхъ мускуловъ, которыя часто принимались за «исканіе» свѣта. Но это выступаетъ только постепенно, и сначала такія движенія совершенно не упорядочены; насколько можно судить по направленію, эти движенія скорѣе обозначаютъ уклоненіе отъ свѣта, чѣмъ исканіе его. Сначала каждый ребенокъ боится свѣта, потомъ начинаетъ радоваться умѣренному свѣту — но въ обоихъ случаяхъ свѣтъ скорѣе непріятно или пріятно чувствуется, чѣмъ ясно сознается. Какъ мало ребенокъ тянется къ свѣту, видно изъ того, что въ продолженіе четырехъ недѣль зрительныя движенія совсѣмъ неправильны, случайны и не приспособлены къ свѣту. Каждый ребенокъ въ это время коситъ и даже во снѣ производитъ частыя движенія глазами, чего совсѣмъ не бываетъ у взрослаго человѣка, такъ какъ онъ дѣлаетъ только тѣ движенія глазами, которыя ему нужны для опредѣленныхъ цѣ-

лей. Только позднѣе ребенокъ начинаетъ смотрѣть въ одну точку, но при этомъ сначала все еще видитъ большія расплывчатыя поверхности, а не отдѣльныя точки, какъ мы. Въ то же время въ мозгу все больше и больше развивается зрительный центръ и входитъ все въ новыя связи, вѣроятно, съ двигательными центрами глазныхъ мускуловъ. Только тогда вещи правильно отражаются на точкѣ яснаго зрѣнія, и ребенокъ начинаетъ замѣчать пространство вслѣдствіе опредѣленнаго представленія и правильнаго движенія глазъ. Отдаленные предметы уже начинаютъ попадать въ поле его зрѣнія, и голова, поворачиваясь, обращается къ нимъ. Такимъ образомъ у зрячаго ребенка развитіе пониманія пространства прежде всего основывается на чувствѣ зрѣнія, только позднѣе руки способствуютъ дѣлать въ этомъ направленіи болѣе точныя опредѣленія; но такое включеніе всего, находящагося въ пространствѣ, надолго сохраняется и у взрослыхъ. Неточность чувства зрѣнія при локализаціи зависитъ у ребенка отчасти отъ невѣрныхъ движеній глазъ, но главнымъ образомъ, отъ того, что свѣтовыя и красочныя ощущенія еще очень неточны. Сначала ребенокъ различаетъ только свѣтлое и темное, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще неточно различаетъ нѣкоторые главные цвѣта, только на второмъ году они дѣлаются для него ясными, и только на третьемъ и до пятаго года онъ различаетъ уже оттѣнки. Повидимому сначала различаются большей частью только свѣтлые цвѣта. Если вспомнить, что для воспринятія формъ, разница въ цвѣтѣ и освѣщеніи, а въ особенности тѣневыя условія составляютъ главную основу, то легко понять, что существо, еще совсѣмъ не умѣющее различать тонкія тѣни, едва будетъ въ состояніи усвоить себѣ съ помощью зрѣнія понятіе о пространствѣ и формахъ. Руки, напротивъ, очень чувствительны. Уже въ первый день при прикосновенія къ ладонямъ происходятъ рефлекторныя движенія пальцевъ, обхватывающихъ предметъ; къ этому вскорѣ прибавляются непроизвольныя движенія рукъ ко рту больше для того, чтобы познакомиться съ самими руками, чѣмъ для того, чтобы черезъ нихъ чему-нибудь научиться. Затѣмъ, какъ послѣдствіе зрительныхъ и осязательныхъ опытовъ, развивается ознакомленіе съ тѣмъ важнымъ пунктомъ, когда уже можно обѣими руками брать предметъ и

разсматривать его — этотъ пунктъ удачно обозначаютъ названіемъ центральнаго пункта чувствъ. Къ нему послѣ того періода, когда все направлялось въ ротъ, охотнѣе всего подносятъ предметы для разсматриванья, и они, дѣйствительно, при такомъ образѣ дѣйствій оказываются гораздо богаче разнообразными свойствами. Довольно поздно развивается слухъ. Что ребенокъ первые дни совсѣмъ ничего не слышитъ — твердо установлено; затѣмъ начинаютъ дѣйствовать сильныя слуховыя раздраженія, которыя сопровождаются лишь сильнымъ неожиданнымъ содроганіемъ, такъ что можно предположить, что ребенокъ почувствовалъ сотрясеніе всего своего тѣла, но не услышалъ звука. Проявленія голоса такъ же однообразны, какъ и все слышимое, собственно говоря, ребенокъ издаетъ лишь однообразный, совсѣмъ беззвучный крикъ. Затѣмъ одновременно развиваются лучше слухъ и болѣе тонкіе нюансы ритма и звуковъ, и вмѣстѣ взятые содѣйствуютъ развитію тонкаго слуха и рѣчи. Такъ какъ голосъ все яснѣе дѣлается выраженіемъ оттѣнковъ чувствъ ребенка, то онъ посредствомъ слуха раньше всего разбираетъ, говорятъ ли съ нимъ ласково или сердито, слышитъ ли онъ ласку или что-либо страшное,—а къ этому постепенно присоединяется различіе объективнаго характера звука; но это начинается не раньше окончанія перваго полугодія. Еще ранѣе впечатлѣніе звука уже вызывало повороты головы въ сторону источника звука, хотя они еще очень неопредѣленны.

Такимъ образомъ ребенокъ послѣ первой четверти года уже владѣетъ всѣми движеніями, необходимыми для распознаванія пространства: увѣренность зрительныхъ движеній достигнута, и движенія побужденія и рефлекса сдѣлались произвольными. На предметы смотрятъ пристально и видятъ ихъ ясно, и вмѣстѣ съ тѣмъ правильно оцѣнивается ихъ положеніе относительно тѣла и относительно другъ друга. Взрослому кажется совершенно естественнымъ, что предметы, замѣченные въ пространствѣ, занимаютъ во внѣшнемъ мірѣ опредѣленное мѣсто; а между тѣмъ ребенку приходится долго этому учиться. Только на пятомъ и шестомъ мѣсяцѣ дѣти всегда вѣрно берутся за совершенно знакомые и близко находящіеся предметы; и еще на второмъ и третьемъ году настолько не умѣютъ разсчитывать раз-

стояніе, что готовы изъ окна второго этажа передать игрушку стоящую внизу на улицѣ. Отчасти это зависитъ оттого, что сила зрѣнія ребенка очень незначительна, и онъ только неясно или совсѣмъ не видитъ отдаленныхъ предметовъ; но гораздо важнѣе недостатокъ пониманія пространства. Это пониманіе пріобрѣтается только тогда, когда ребенокъ начинаетъ ходить и пріобрѣтаетъ новыя понятія для оцѣнки величинъ. Для этого служитъ напряженіе при достиженіи отдаленныхъ предметовъ и способность чаще и интимнѣе съ ними обращаться. Такимъ образомъ все больше и больше исчезаетъ неумѣніе оцѣнивать пространство и растетъ увѣренность въ его пониманіи. Съ пріобрѣтеніемъ понятія о пространствѣ мы на основаніи прирожденныхъ инстинктовъ и рефлексовъ видимъ, что ощущенія зрѣнія, осязанія и движенія соединяются въ особыя формы, которыя мы собственно и называемъ пространствомъ. Правильное образованіе представленій о пространствѣ имѣетъ громадную важность для жизни человѣка, а способность устремлять пристальный взглядъ и преслѣдовать взглядомъ какой-нибудь предметъ необходима для возникновенія одного изъ важнѣйшихъ духовныхъ процессовъ. Недостатокъ этой способности поэтому является первымъ признакомъ ненормальнаго развитія; идіотъ смотритъ, ничего не видя, онъ не устремляетъ взгляда на что-нибудь опредѣленное; его движенія неправильны и выказываютъ грубыя нарушенія порядка, такъ что онъ никогда не можетъ оріентироваться въ пространствѣ.

Это доказываетъ, что способность связывать ощущенія составляетъ основу умственной жизни, и пріобрѣтеніе понятія о пространствѣ можетъ считаться прообразомъ возникновенія представленій черезъ ассоціацію идей. Послѣдняя наступаетъ очень рано, слѣды соединенія отдѣльныхъ ощущеній устанавливаются уже въ первые дни жизни. Упражненіе въ элементарныхъ способностяхъ, напримѣръ, въ нахожденіи груди, распознаваніи вида окружающихъ, наступаетъ очень рано и доказываетъ быструю связь впечатлѣній. Конечно это не отдѣльныя, обособленныя ощущенія; это — важныя жизненныя группы, которыя связываются между собой—скорѣе общія группы, возбуждающія чувство и инстинкты, какъ объективные предметы. Уже сла-

бость чувствъ служитъ достаточнымъ указаніемъ, что предметы не одними и тѣми же признаками своими дѣйствуютъ на дѣтей и на взрослыхъ. Ребенокъ видитъ лишь небольшую часть тѣхъ предметовъ, которые являются для него носителями удовольствія или неудовольствія; онъ видитъ лишь ту ихъ часть, которая произвела на него впечатлѣніе. Съ ней связано ощущеніе, а потому и воспоминаніе. Ребенокъ часто держится, какъ за лучшее свое сокровище, за тѣ свойства предмета (напр., цвѣтъ, движеніе), которыя въ практическомъ и логическомъ смыслѣ являются совершенно второстепенными. Онъ знаетъ лицо своей матери по ея глазамъ, ея душу и настроеніе по ея голосу, отца по опредѣленному цвѣту его бороды. Это очень рѣзко проявляется въ понятіи о словахъ, состоящихъ часто изъ одного звука, а часто изъ одного ритма, между тѣмъ какъ все содержаніе названнаго предмета заключается только въ ощущеніи или желаніи, которое онъ вызываетъ. Поэтому звукъ, замѣняя слово, обозначаетъ самыя разнообразныя вещи и однородныя желанія. Чѣмъ ничтожнѣе число примѣтъ, которыми вещи запечатлѣваются въ памяти, тѣмъ легче онѣ, благодаря отсутствію побочныхъ представленій, проявляютъ «сходства» — аналогію — которыя ребенокъ замѣчаетъ тамъ, гдѣ взрослому разница между предметами слишкомъ ясна для того, чтобъ онъ могъ замѣтить немногія общія черты. Кто охотно забываетъ многія глупыя сравненія и аналогіи, явившіяся такимъ способомъ, тотъ легко находитъ умныхъ и удивительныхъ дѣтей.

Даже эти немногія примѣты не тѣсно связаны другъ съ другомъ; ихъ связь исчезаетъ уже черезъ нѣсколько часовъ, если ее постоянно не оживляютъ вновь; но это можетъ случиться только тогда, когда сильныя ощущенія постоянно запечатлѣваютъ въ сознаніи какой-нибудь предметъ. Вслѣдствіе этого большей частью бываетъ такъ, что наши юношескія воспоминанія или особенно пріятны, или особенно непріятны, такъ какъ сила ощущенія должна равняться той, которая когда-то запечатлѣла ихъ въ нашей памяти. Мы ихъ преувеличиваемъ совершенно такъ же, какъ преувеличиваемъ достоинства друзей своего дѣтства, которые большей частью кажутся намъ гораздо лучше, чѣмъ они есть. Но и эти важныя впечатлѣнія сохраняются, какъ мы

видѣли, только въ томъ случаѣ, если часто повторяются, связанныя другъ съ другомъ. Съ годами количество повтореній, необходимыхъ для связи, сильно уменьшается— процессъ, который продолжается до самой юности. Ребенокъ поэтому почти безконечно воспринимаетъ съ тѣмъ же интересомъ одно и то же впечатлѣніе, потому что оно все же каждый разъ приноситъ съ собой нѣчто новое и снова вызываетъ давно забытое. Такъ мы видимъ, что ребенокъ сотни разъ повторяетъ одни и тѣ же движенія, видимъ вѣчное возвращеніе къ ритмичной игрѣ руками и ногами, слышимъ все тотъ же звукъ, сначала удвоенный, а потомъ повторяющійся однотонными лепечущими слогами. Конечно ребенокъ повторяетъ не для того, чтобы познакомиться съ предметами и съ ихъ и своимъ собственнымъ опредѣленіемъ, онъ знакомится съ ними, потому что повторяетъ. Физіологическое влеченіе заставляетъ дѣтей двигаться; сильное переполненіе или возбужденіе нервныхъ клѣточекъ должно быть причиной, вызывающей такія рефлекторныя и инстинктивныя движенія. Подобное облегченіе дѣйствуетъ очень пріятно, особенно, если оно ритмически слѣдуетъ за все новымъ переполненіемъ питательными соками, и такимъ образомъ къ физическому удовольствію присоединяется еще и духовное. Эта игра собственныхъ членовъ, легко обращающаяся въ игру ими, постепенно даетъ точныя свѣдѣнія о движеніяхъ, кладетъ основаніе умѣнью владѣть ими, научаетъ ознакомленію съ собственными членами и ихъ функціями. Легко можно замѣтить, что дѣти, случайно сдѣлавъ новое, еще незнакомое имъ движеніе, вдругъ останавливаются, чтобъ обратить вниманіе на сдѣланное движеніе, затѣмъ неловко повторяютъ его, постепенно овладѣваютъ имъ и такимъ образомъ проходятъ правильный курсъ науки движенія и собственнаго тѣла.

Тѣмъ, что только часто повторенное или очень сильно перечувствованное сливается въ одно и сохраняется въ памяти, объясняются многія особенности дѣтской памяти. Пріобрѣтенное одними и тѣми же повтореніями удерживается въ опредѣленной формѣ, отъ этого и происходитъ механическое запоминаніе у дѣтей. Даже болѣе взрослыя дѣти требуютъ повторенія сказки одними и тѣми же словами, и замѣчаютъ всякое уклоненіе отъ текста. Слова «од-

нажды былъ или были» считаются непремѣннымъ началомъ всякаго разсказа. Запоминаютъ дѣти съ трудомъ, но то, что они хорошо запомнили, они съ трудомъ мѣняютъ, легче забывается ими цѣлое, чѣмъ часть его. То, что запечатлѣлось въ памяти, благодаря сильнымъ ощущеніямъ, удерживается въ ней дольше всего. Поэтому первыя воспоминанія нашей юности всегда связаны съ особенно волнующими фактами, напр., похоронами, пожарами, свадьбой, первой пробой любимаго кушанья или запахомъ подгорѣвшаго молока и т. д.

У ребенка въ школьномъ возрастѣ, по крайней мѣрѣ, до періода половой зрѣлости, память устроена иначе, чѣмъ у взрослыхъ: она сохраняетъ свой механическій характеръ, что видно изъ того, что она точно воспроизводитъ отдѣльные предметы, которые запечатлѣлись въ ней. Одно слово, напримѣръ, названіе какого-нибудь животнаго, всегда пробуждаетъ воспоминаніе объ извѣстномъ, единичномъ животномъ: память полна индивидуальныхъ представленій, между тѣмъ какъ у взрослыхъ она работаетъ надъ общими представленіями и понятіями. Поэтому абстрактныя понятія всегда превращаются въ видимыя представленія, и теченіе мыслей цѣпляется у дѣтей не за слова или понятія, а за подробности картины. Безъ созерцанія для ребенка все мертво и представляетъ пустое слово безъ всякаго содержанія, ненужный хламъ, не имѣющій никакого отношенія къ настоящей духовной жизни ребенка. Поэтому ходъ мыслей ребенка совсѣмъ особенный; намъ часто кажется, что онъ удаляется отъ «дѣла», именно потому, что онъ не пользуется словомъ и его логическими отношеніями, какъ мы, для связи разсказа, а единичными подробностями. Развитіе памяти типично для многихъ сторонъ умственнаго развитія; оно происходитъ не равномѣрно, а скачками. Въ особенности позднѣе, уже у дѣтей школьнаго возраста, періодъ сильнаго улучшенія памяти чередуется съ періодомъ остановки въ развитіи ея. Половая зрѣлость тоже знаменуетъ періодъ улучшенія памяти, а можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и измѣняетъ ея свойства прибавленіемъ абстрактныхъ представленій.

Сильныя индивидуальныя различія относятся не только къ вѣрности и твердости памяти, но и къ ея содержанію

Примѣры этого существуютъ съ самой ранней юности. Нѣкоторые люди съ самаго ранняго дѣтства лучше всего замѣчаютъ выраженіе лица, другіе лучше запоминаютъ слуховыя впечатлѣнія или различныя движенія: этимъ люди съ самаго начала отличаются другъ отъ друга въ содержаніи своего представленія о мірѣ, такъ же какъ они по своему темпераменту различны въ своемъ міровоззрѣніи. У дѣтей, рано одаренныхъ способностью къ живописи или музыкѣ, эти различія выступаютъ всего яснѣе; но что они присущи всѣмъ людямъ, къ удивленію узнали только недавно. Всякій предметъ и всякое слово каждый ребенокъ понимаетъ по-своему, теченіе его мыслей естественно невольно цѣпляется за самыя выдающіяся стороны предмета; одинъ за лицо, другой за тонъ, третій за произнесенное слово. Именно у ребенка, у котораго все находится въ связи съ созерцаніемъ и непосредственными впечатлѣніями, эти различія выступаютъ всего сильнѣе, у взрослаго они отступаютъ на задній планъ передъ значеніемъ содержанія слова.

Индивидуальныя различія, основанныя на разницѣ въ сферѣ представленій и чувствъ, должны вести и къ разнообразію въ сознаніи своего «я» или въ самосознаніи; но какъ бы оно ни было различно въ отдѣльномъ случаѣ, оно всегда одинаково въ томъ, что постоянно носитъ въ себѣ, задерживаетъ и переживаетъ все какъ отдѣльные моменты. Никто не отрицаетъ, что новорожденное дитя не можетъ еще соединять предметы въ одно цѣлое и не сознаетъ самое себя. Назвать опредѣленное время, когда внезапно просыпается сознаніе своего «я», невозможно; элементы этого сознанія пробуждаются постепенно, группы этихъ элементовъ становятся все сильнѣе, отдѣльный человѣкъ все больше чувствуетъ себя личностью, которая является относительно другихъ законченной, своеобразной единицей. Какъ сознаніе своего «я» не наступаетъ въ опредѣленное время, такъ его невозможно и опредѣлить какой-нибудь отдѣльной примѣтой: даже употребленіе слова «я» не составляетъ доказательства. Оно вполнѣ зависитъ отъ того, когда ребенокъ услышитъ это слово отъ окружающихъ и, конечно, появилось бы раньше, если бы взрослые, говоря съ ребенкомъ, называли себя «я» и родители не называли сами себя «папа» и «мама», но

сознаніе своей личности отъ этого все-таки не наступитъ раньше. Вѣрно то, что не было бы постояннаго задняго плана, не было бы своего «я», на которомъ бы выдѣлялись всѣ стороны сознанія, если бы получались все только одни новыя впечатлѣнія, если бы одно и то же не возвращалось постоянно и не составляло противоположности внезапнымъ и преходящимъ впечатлѣніемъ. Постоянными прежде всего являются наши собственные органы, которые мы познаемъ отчасти посредствомъ зрѣнія, отчасти посредствомъ осязанія и движенія. Поэтому въ сознаніи своего «я» руки, пальцы и ротъ играютъ главную роль, ноги же долго остаются чуждымъ элементомъ. Затѣмъ ребенокъ присоединяетъ къ своей личности ухо; глаза же онъ только позднѣе присоединяетъ къ своимъ органамъ. Ребенокъ не умѣетъ установить связи между глазами своей матери и своими собственными, такъ какъ его глаза при прикосновеніи всегда закрыты — только зеркало въ этомъ случаѣ даетъ здѣсь ясное понятіе. Что кожа составляетъ принадлежность личности, медленно сознается, благодаря чесанью, щипанью и мытью. Относительно внутренностей у ребенка очень странныя представленія; онъ съ трудомъ понимаетъ, что у него твердыя кости и что онъ имѣетъ желудокъ.

Вмѣстѣ съ самыми употребляемыми органами — руками, ртомъ, пальцами — ребенокъ причисляетъ къ своему «я» и части одежды. На второмъ году жизни этотъ элементъ сильно заполняетъ сознаніе. Одежду: рубашку, чулки, башмаки — можно постоянно наблюдать; окружающіе обращаютъ на нее большое вниманіе и пріучаютъ ребенка замѣчать ее; къ тому же она сильно дѣйствуетъ на общее состояніе ребенка и на его чувство. Въ башмакахъ онъ совершенно иначе сознаетъ свои ноги, чѣмъ босикомъ, легкое сжиманье ихъ составляетъ опредѣленный фонъ для различныхъ умственныхъ движеній. Ребенокъ сначала едва можетъ различить ногу отъ башмака. Хватаясь за самый грязный сапогъ чужого человѣка, онъ доказываетъ, какой интересъ этотъ сапогъ вызываетъ въ немъ. Извѣстно, что существуетъ время, когда ребенокъ больше считаетъ принадлежностью своего «я» рубашку и чулки, чѣмъ уши и зубы. Существеннымъ факторомъ дѣлается въ это время

настоящее или ласкательное имя ребенка, съ которымъ онъ почти такъ же часто сталкивается, какъ и съ отдѣльными своими органами — поэтому искаженіе или измѣненіе его имени ощущается имъ, какъ нарушеніе его личности.

Еще важнѣе этого ознакомленія съ органами является воспріятіе одинаковыхъ и всегда имѣющихся движеній, которыя сопровождаются различными ощущеніями, связанными частью съ чувствомъ удовольствія или дѣятельности. Всякое хватанье и отталкиванье, всякое стремленіе и сопротивленіе, всякое напряженіе вниманія и утрата его соединены съ движеніями, которыя такимъ образомъ дѣлаются выразителями ощущенія. Наружные знаки вниманія и хотѣнья у ребенка выражаются сильнѣе, чѣмъ у взрослаго; сопровождающія ихъ чувства соотвѣтственно этому тѣмъ сильнѣе и связанныя съ каждымъ дѣйствіемъ они тѣмъ болѣе способствуютъ отдѣленію личности отъ внѣшняго міра. Когда ребенокъ прикасается одной рукой къ другой, онъ этимъ дѣйствіемъ осязанія знакомится съ психическимъ актомъ, при которомъ ощущеніе напряженія предшествуетъ прикосновенію; такимъ образомъ онъ быстро узнаетъ, что каждый разъ можетъ произвести прикосновеніе, когда въ немъ проявляется это особенное ощущеніе. Поэтому онъ начинаетъ отдѣлять дѣйствія, которыхъ достигаетъ напряженіемъ, отъ тѣхъ, которыя происходятъ извнѣ — онъ познаетъ себя причиной и дѣйствующимъ лицомъ. Это чувство дѣятельности, съ которымъ, по крайней мѣрѣ, у ребенка всегда связаны ощущенія движенія, составляетъ настоящее основаніе личности, отъ него и на немъ выдѣляются отдѣльные акты, какъ поверхностныя волны моря поднимаются со дна и съ его болѣе спокойной, глубокой водяной массы. Чѣмъ сильнѣе движется ребенокъ, чѣмъ сильнѣе жизнь его чувствъ, чѣмъ быстрѣе и увѣреннѣе онъ умѣетъ объединять повторяющіеся ряды ощущеній своихъ органовъ и движеній, тѣмъ раньше и яснѣе разовьется его чувство собственнаго достоинства и понятіе о томъ, что онъ представляетъ относительно внѣшняго міра нѣчто самостоятельное и законченное. Но ни въ одномъ ребенкѣ чувство собственнаго «я» не можетъ всплыть сразу въ опредѣленный моментъ и затѣмъ навсегда въ немъ сохраниться, такъ же какъ ребенокъ не можетъ долго оста-

ваться одинаковымъ. Если взрослые желаютъ уяснить себѣ, какъ можно себѣ вообще представить развитіе понятія о собственномъ «я», имъ можно рекомендовать, по совѣту одного остроумнаго автора, представить себѣ, что можетъ почувствовать человѣкъ, котораго внезапно разбудили утромъ въ чужой комнатѣ, и который постепенно, глядя по сторонамъ, опредѣляетъ свое собственное положеніе и все его окружающее.

Самосознаніе лучше назвать чувствомъ своего собственнаго «я», такъ какъ познаніе самого себя вначалѣ сильно зависитъ отъ чувствъ; поэтому познаніе внѣшняго міра тѣсно связано съ ощущеніями, такъ какъ всѣ соединенія познаній происходятъ лишь тогда, когда они обусловлены сильными ощущеніями. Такимъ образомъ жизнь чувствъ скорѣе господствуетъ надъ всѣмъ развитіемъ, чѣмъ сопровождаетъ его. Познаніе, чувство, желаніе — не обособленныя способности, но представляютъ функціи, которыя присущи всякимъ дѣйствіямъ и изъ которыхъ то одна, то другая выступаетъ сильнѣе. Онѣ лишь разныя стороны одного духовнаго акта. Чувство, напримѣръ, способствуетъ всякому развитію памяти, но развитіе представленій въ общія формы на основѣ памяти, въ свою очередь, составляетъ основаніе дальнѣйшаго развитія чувствъ и воли. Въ началѣ на жизнь чувствъ надо смотрѣть какъ на неопредѣленное смутное состояніе — пріятное или непріятное, совершенно такъ же, какъ первыя прелести внѣшняго міра сознаются, какъ возбудители смутныхъ впечатлѣній. Сравненіе съ дурнымъ и хорошимъ настроеніемъ взрослыхъ и съ общимъ недомоганіемъ, напримѣръ, съ болью живота, можетъ объяснить намъ это примитивное состояніе. Только, когда появляются болѣе ясныя ощущенія и болѣе опредѣленныя движенія, выступаютъ и опредѣленныя чувства, сила которыхъ различна у каждаго ребенка. Мимическія движенія и общее возбужденіе тѣла выражаютъ своей силой и интенсивность чувства. Поэтому мы имѣемъ право предполагать у дѣтей болѣе легкую возбудимость сильныхъ чувствъ. Степень возбудимости индивидуально очень различна, кромѣ того одни дѣти болѣе склонны къ радостнымъ возбужденіямъ, другіе къ печальнымъ; поэтому признаки темперамента и начала характера выказываются очень рано.

Эти различія дѣлаются ясными и невнимательному наблюдателю, когда проявляются душевныя движенія, аффекты, выраженные соотвѣтствующими движеніями. Можетъ быть испугъ, выражающійся общимъ содраганіемъ, морганьемъ и поднятіемъ рукъ, можно назвать первымъ аффектомъ. Во всякомъ случаѣ онъ служитъ доказательствомъ тому, что эти сложныя выраженія тоже прирожденныя, потому что совершенно индивидуально проявляются уже на 3-й или на 4-й недѣлѣ. Извѣстно, что эти движенія исходятъ изъ низшихъ центровъ мозга, а задача большого мозга состоитъ въ томъ, чтобъ ихъ упорядочить и сдерживать; но такъ какъ большой мозгъ новорожденнаго еще очень неразвитъ, то всякое сильное раздраженіе, какъ и всякое неожиданное, неудержимо вноситъ сильное возбужденіе въ низшіе центры, которые причиняютъ общее потрясеніе органовъ. Но и болѣе тонкія и спеціальныя выраженія и движенія бываютъ врожденными, напр., движенія страха и гнѣва, которыя проявляются очень рано и образуютъ типы защитительнаго, нападающаго, пассивнаго и активнаго аффекта. Особенно въ темнотѣ дѣти выказываютъ всѣ признаки страха, хотя только со второго полугодія. Трудно рѣшить составляетъ ли этотъ страхъ врожденное чувство, какъ, напримѣръ, страхъ котенка передъ собакой, или онъ составляетъ плодъ фантазіи, сильнѣе работающей во мракѣ. Какъ бы то ни было — проявленія его навѣрное врождены, и только ихъ утонченность и переходъ къ болѣе тонкимъ органамъ мимики и опредѣленнымъ мимическимъ выраженіямъ зависятъ отъ умственнаго развитія. Значительная доля развитія этого аффекта, конечно, вполнѣ зависитъ отъ памяти. Подрастающій ребенокъ лишь настолько можетъ бояться боли, насколько онъ ее помнитъ. Одновременно со страхомъ проявляется у ребенка гнѣвъ, симптомы котораго составляютъ крикъ, приливъ крови къ головѣ и сильное отталкиванье руками и ногами. До одного года господствуетъ этотъ аффектъ; въ этомъ отношеніи ребенокъ похожъ на дикаря, это совершенно нормальное явленіе, и проявляющійся временами сильный гнѣвъ ребенка можно назвать признакомъ нормальнаго чувства и воли.

Съ развитіемъ разсудка аффекты могутъ перейти въ болѣе тонкія, сложныя формы, которыя одновременно сдер-

живаются опытомъ. Въ этомъ уже заключается все, что впослѣдствіи разовьется. Неожиданность замѣняется изумленіемъ, которое проявляется уже не общимъ возбужденіемъ всего тѣла, а локализованными напряженіями: глаза широко раскрываются, тѣло становится неподвижнымъ; такія формы напряженія могутъ наступать только тогда, когда мускулы уже пріобрѣли извѣстную крѣпость и увѣренность; вмѣстѣ съ тѣмъ они дѣлаются предшественниками тѣхъ или иныхъ проявленій воли. Сочувствіе развивается только тогда, когда ребенокъ уже можетъ понять и объяснить признаки боли и радости у другихъ людей. Только, когда разовьется сознаніе своего «я», можно ожидать отъ ребенка сочувствія, т.-е. перенесенія своего «я» на другихъ, что, впрочемъ, также обозначаетъ проснувшееся самосознаніе. Этому развитіе мѣшаетъ то, что личныя потребности ребенка, крайне необходимыя для его образованія и развитія, очень сильны, и потому ребенокъ очень занятъ самимъ собой, между тѣмъ какъ чувство «я», а тѣмъ болѣе перенесеніе его на постороннихъ, въ формѣ сочувствія, у него еще очень слабо и ничтожно. (Смотри статью: Нравственность ребенка.) Недостатокъ въ сочувствіи и проистекающая изъ него жестокость чаще происходятъ вслѣдствіе незнанія, чѣмъ вслѣдствіе порока, хотя жестокіе взрослые непремѣнно были когда-то и жестокими дѣтьми. Ясно, что сила сочувствія опредѣляетъ на всю жизнь степень жалости и любви къ ближнимъ. Что вмѣстѣ съ силой аффектовъ развивается и разумъ, пріобрѣтая при этомъ способность сдерживать отдѣльные, особенно сильно дѣйствующіе аффекты, составляетъ основное предположеніе для правильнаго развитія человѣка, у котораго разумъ, чувство и воля развиты правильно и правильно относятся другъ къ другу. У идіота аффекты или очень слабы или ихъ совсѣмъ не имѣется, или одинъ аффектъ господствуетъ надъ всѣми. Какъ должно воспитаніе взяться за дѣло, чтобы повліять успокоительно или уничтожить зло, является самымъ затруднительнымъ вопросомъ для родителей и учителей; насколько же воспитаніе способно достигнуть чего-либо, что оно можетъ въ этомъ случаѣ измѣнить, составляетъ неразрѣшенный вопросъ.

особенно жгучій для всякаго психолога практика и теоретика.

Активные аффекты выражаются энергичными движеніями, какъ напримѣръ, толчками, дерганьемъ и т. д. Послѣдніе по происхожденію своему непроизвольны и наслѣдственны. Позднѣе гнѣвъ обращается противъ предметовъ или лицъ, которыя вызывали его; ребенокъ отталкиваетъ, напримѣръ, игрушку, бьетъ или царапаетъ няньку — слѣдовательно, аффектъ превратился въ дѣйствіе воли. Аффектъ не всегда ведетъ къ желанному дѣйствію, но ясно указываетъ, что послѣднее выросло только изъ чувства. Самая простая форма хотѣнья это когда ребенокъ замѣчаетъ пріятныя ощущенія, потому что это воспріятіе есть желаніе удержать то, что нравится. Но всякое удерживаніе или желаніе какого-нибудь возбужденія предполагаетъ движенія; по нимъ-то мы и можемъ судить о ростѣ воли. Мы могли прослѣдить по движеніямъ глазъ, что они сначала составляли лишь простые, врожденные рефлексы, а затѣмъ уже перешли въ сознательно устремленный взглядъ на привлекавшій его предметъ. Какъ только умѣренный свѣтъ начинаетъ нравиться ребенку, онъ устремляетъ на него взглядъ, но для этого онъ долженъ сначала научиться соотвѣтствующимъ движеніямъ. Это устремленіе взгляда сопряжено съ сильнымъ чувствомъ напряженія, которое, какъ умѣренное усиліе, кажется ребенку пріятнымъ и повышаетъ силу взгляда. Пристальный взглядъ часто сопровождается неподвижностью тѣла и прерывистымъ дыханіемъ, при чемъ почти всегда опускается нижняя челюсть и раскрывается ротъ. Все это вмѣстѣ взятое, въ соединеніи съ чувствомъ радости при видѣ даннаго объекта и чувствомъ напряженія составляетъ признакъ вниманія, или само вниманіе. Соотвѣтственно быстро мѣняющимся чувствамъ ребенка, вниманіе бываетъ непродолжительнымъ, большей частью даже мгновеннымъ. Продолжаться долго оно не можетъ еще и потому, что мускулы легко утомляются. Научиться преслѣдовать предметы — задача ближайшаго будущаго, которая требуетъ, чтобы ребенокъ не всегда слѣдовалъ только за новымъ, только что появившимся привлекательнымъ предметомъ, и чтобы тонкія мышцы органовъ чувствъ могли точно и продолжительно сокращаться и напрягаться.

Можно съ увѣренностью сказать, что крупныя мышцы (туловища, рукъ и ногъ) раньше могутъ производить упорядоченныя движенія, и поэтому напряженіе тѣла въ общемъ возможно раньше, чѣмъ такое же напряженіе отдѣльныхъ мышцъ органовъ чувствъ. Какъ трудно ребенку держать въ покоѣ маленькіе мускулы, можно прослѣдить надъ маленькими школьниками, для которыхъ составляетъ мученіе, а отчасти и совершенную невозможность долго не шевелить пальцами. Этому позыву къ движенію способствуютъ дѣятельные, движущіеся предметы; поэтому дѣтямъ легче долго слѣдить за однимъ движущимся предметомъ, чѣмъ долго разсматривать предметъ неподвижный. Это мимолетное вниманіе длится довольно долго; оно проявляется въ преслѣдованіи взглядомъ мелькающаго огонька, въ поворачиваніи головы по направленію звука.

Разъ научившись слѣдить за предметами, ребенокъ пріобрѣтаетъ также способность слѣдить за движеніями взрослыхъ, но слѣдить за ними часто означаетъ подражать имъ. Поэтому одновременное развитіе воли и вниманія совпадаетъ съ появленіемъ инстинкта подражанія. Конечно, подражаніе заставляетъ предположить наличность вниманія и способность производить произвольныя движенія хотя бы въ слабой степени; но подражаніе облегчаетъ послѣднія и дѣлаетъ разнообразными. Безъ него умственное развитіе человѣка было бы непонятно. Въ простой формѣ этотъ инстинктъ выражается въ непосредственномъ подражаніи видѣнному движенію, напримѣръ, движенію глазъ или рукъ окружающихъ; затѣмъ дѣти начинаютъ подражать не только видѣнному, но и слышанному и притомъ непосредственно вслѣдъ за услышаннымъ. И, наконецъ, съ развитіемъ памяти и укрѣпленіемъ воли подражаніе продолжается и послѣ исчезновенія оригинала; это случается при затруднительныхъ движеніяхъ и звукахъ. Ребенокъ вникаетъ въ родной языкъ, безконечно подражая звукамъ взрослыхъ; въ этомъ подражаніи есть основаніе рѣчи ребенка. Но ребенокъ можетъ производить такія трудныя движенія только потому, что между его ухомъ и органами членораздѣльной рѣчи находится наслѣдственная связь, вызывающая движенія при извѣстныхъ звукахъ. Когда-то эти звуки, какъ инстиктивныя движенія, выражали извѣ-

стныя чувства, такъ какъ ребенокъ не можетъ создавать движенія, а только подчинять своей волѣ уже имѣющіяся налицо, по-новому комбинировать и пользоваться ими для новыхъ функціи.

Ребенокъ всему подражаетъ; движенія и ловкость взрослаго составляютъ объектъ, а ребенокъ—усердный фотографъ, который старается сдѣлать снимокъ съ старшаго. Дѣти съ одинаковымъ стараніемъ подражаютъ тому, какъ взрослый откашливается, плюетъ, какъ читаетъ газету и носитъ очки; если мы при этомъ напомнимъ, что они до тѣхъ поръ повторяютъ свои опыты, пока не овладѣютъ ими вполнѣ, то мы поймемъ, какое вліяніе имѣетъ дѣтская привычка на людей до самаго поздняго возраста. Къ движеніямъ, которымъ дѣти подражаютъ, принадлежатъ также и мимика, и пантомимы: когда мать дѣлаетъ веселое лицо, ребенокъ легко принимаетъ такое же выраженіе; когда мать наморщитъ лобъ, ея ребенокъ дѣлаетъ то же самое. Такъ какъ мимика у ребенка почти та же, что и у взрослаго, то подражаніе ей очень легко, и малѣйшій намекъ на мимическое выраженіе у взрослаго вызываетъ у ребенка точное подражаніе. Мимика выраженія такъ же легко вызываетъ сотвѣтствующія ей чувства, какъ послѣднія вызываютъ движенія. Слѣдовательно ребенокъ, подражая взрослымъ, чувствуетъ одинаково съ нимъ, потому что переживаетъ чувства взрослаго только въ болѣе простой, дѣтской формѣ. Такимъ образомъ онъ сживается съ окружающимъ, и подражаніе дѣлается основой всѣхъ чувствъ солидарности. Далѣе извѣстно, что одно выраженіе лица влечетъ за собой пріятное, другое—непріятное, и потому ребенокъ умѣетъ уже соединять съ «добрымъ» выраженіемъ чувство удовольствія, а съ «сердитымъ» и «строгимъ»,—чувство непріятности. Изъ всѣхъ этихъ явленій: легкости подражанія, силы чувствъ ребенка и его опытовъ получается тотъ результатъ, что дѣти тоньше, чѣмъ сами взрослые, понимаютъ чувства послѣднихъ. Существеннымъ облегченіемъ для этого служитъ своеобразная память ребенка. Она цѣпляется за немногія черты выраженія, повторенія которыхъ достаточно для ихъ объясненія. Поэтому ребенокъ по какой-нибудь ничтожной черточкѣ узнаетъ то, что ускользаетъ отъ взрослаго, и кажется намъ

тогда необыкновенно умнымъ; но зато, когда онъ насъ не понимаетъ и отвѣчаетъ невпопадъ, мы часто напрасно волнуемся.

Подражательныя движенія такимъ образомъ образуютъ родъ перехода отъ рефлекса и инстинкта къ произвольному дѣйствію въ строгомъ смыслѣ. Инстинктъ подражанія не направляется, какъ рефлексъ, на одно опредѣленное дѣйствіе, но, напротивъ, на безчисленное количество ихъ. Затѣмъ онъ доставляетъ богатый матеріалъ для движенія, безъ котораго воля никогда не могла бы получить своего всесторонняго развитія, и кромѣ того онъ составляетъ важный факторъ еще и вслѣдствіе того, что превращаетъ сначала чисто инстинктивныя движенія въ совершенно произвольныя. Каждое повтореніе заставляетъ предполагать, что въ душѣ ребенка осталось отраженіе движенія, на которое должно обратиться вниманіе ребенка въ цѣляхъ подражанія. Такъ, выраженіе чувствъ и подражаніе свободно переходятъ въ дѣйствія воли, благодаря тому, что на нихъ обращали вниманіе и что на нихъ направлялась внутренняя воля, чтобы вызвать внѣшнее ея проявленіе. Движенія хватанія, которыя сначала имѣли своимъ источникомъ рефлексъ и инстинктъ, на 3-мъ и 4-мъ мѣсяцѣ дѣлаются уже съ опредѣленными цѣлями. Въ этомъ же періодѣ развивается внутреннее вниманіе; ребенокъ, при какомъ-нибудь случайномъ движеніи своего тѣла, вдругъ затихаетъ, сдерживаетъ дыханіе, напрягаетъ мускулы головы и прислушивается къ чему-то, происходящему внутри него. Такимъ образомъ онъ знакомится съ своими собственными движеніями и научается владѣть ими. Ребенокъ становится все независимѣе отъ каждаго раздраженія, онъ научается дольше слѣдовать за опредѣленнымъ раздраженіемъ и подражать сложнымъ и болѣе продолжительнымъ дѣйствіямъ; это доказываетъ, что онъ уже въ состояніи сопротивляться всегда имѣющимся наготовѣ раздраженіямъ и не слѣдовать пассивно за первымъ попавшимся. Конечно, сильное и для ребенка важное или неожиданное раздраженіе еще будетъ иногда увлекать его за собой, но способность сопротивленія уже пробудилась въ немъ и замѣтно быстро и сильно крѣпнетъ. Мы называемъ ее способностью выбора или активнымъ вниманіемъ.

Ребенокъ познакомился со многими пріятными и многими непріятными раздраженіями и многими движеніями, которыя ихъ приближаютъ или отдаляютъ; но понятно, что теперь часто встрѣчаются впечатлѣнія совершенно противоположнаго свойства. Онъ постепенно научается выбирать между ними, посредствомъ вниманія опредѣлять достоинство двухъ предметовъ и мысленно произвести оцѣнку ихъ. Но для этого надо пріобрѣсти способность сдерживать влеченія къ движенію, которыя еще сильно дѣйствуютъ при каждомъ сильномъ впечатлѣніи чувства; движенія борются за свое существованіе какъ самыя чувства. Прежде всего дѣло идетъ о двухъ возбужденіяхъ чувствъ, изъ которыхъ одно должно исчезнуть, если воспринимается другое. Но первое впечатлѣніе имѣетъ то преимущество, что оно ново, и потому интересно, старое же уже овладѣло всѣмъ вниманіемъ и потому владѣетъ силой чувства. Но у ребенка новое впечатлѣніе побѣждаетъ старое скорѣе, чѣмъ у взрослыхъ; отчасти оттого, что чувство ребенка легко притупляется, отчасти оттого, что для вниманія необходимо напряженіе мускуловъ, а ребенокъ не выдерживаетъ продолжительнаго и односторонняго физическаго усилія. Тѣмъ дольше можетъ онъ, наоборотъ, заниматься однимъ и тѣмъ же дѣломъ, если оно доставляетъ ему возможность движенія и перемѣну впечатлѣній, и такимъ образомъ онъ можетъ въ подробности изучить какой-нибудь предметъ; разсказы о дѣтяхъ, которыя по сто разъ втыкали карандашъ въ его металлическую гильзу и открывали и закрывали крышку кружки, очень нерѣдки. Но и отъ этого, такъ интересующаго его занятія, ребенокъ отрывается не по приглашенію взрослыхъ, но благодаря чему-нибудь новому, которое въ свою очередь успѣло заинтересовать его; но что можетъ заинтересовать ребенка, это можно узнать только по послѣдствіямъ. Ничто такъ не отличаетъ ребенка отъ взрослаго, какъ именно этотъ недостатокъ въ опредѣленныхъ матеріалахъ, опредѣленныхъ предметахъ, которые составляютъ кругъ интересовъ ребенка; его склонности еще очень измѣнчивы и зависятъ отъ капризовъ, а постоянство совсѣмъ отсутствуетъ. Даже у ребенка школьнаго возраста нельзя разсчитывать на опредѣленный кругъ его интересовъ, и большая ошибка

находить рычагъ интереса въ опредѣленныхъ, постоянно повторяющихся предметахъ или въ методѣ объясненія ихъ дѣтямъ; каждый ребенокъ, сообразно своему положенію, мѣсту жительства и личности, имѣетъ свой собственный узкій, особый кругъ интересовъ. Ознакомиться съ нимъ и съ него начать школьное преподаваніе—единственная исходная точка элементарнаго преподаванія, а цѣлью его должно быть стремленіе образовать общій, опредѣленный кругъ интересовъ.

Съ возрастающимъ внутреннимъ вниманіемъ и усиливающейся памятью растетъ сила внутреннихъ побужденій, въ противоположность внѣшнимъ. Свойство этого перехода снова доказывается повтореніемъ подражательнаго движенія какой-нибудь дѣятельности. Когда ребенокъ занятъ подражаніемъ, онъ имѣетъ дѣло съ едва исчезнувшимъ раздраженіемъ чувства, которое снова чувственно проявляется въ самомъ подражаніи, а въ промежуткахъ является внутреннимъ чувствомъ. Если ребенокъ предпочтетъ его чувственному возбужденію, это значитъ, что воспоминаніе побѣдило чувственность; началась борьба чувственнаго побужденія съ побужденіемъ воспроизведеннымъ. Въ схемѣ—«ребенокъ, который обжегся, боится огня», можно прослѣдить это дальше. Теперь недостаетъ только послѣдняго шага: дѣлается выборъ между двумя положеніями; ребенокъ уже въ состояніи представить себѣ два дѣйствія, которыя еще должны только совершиться, со всѣми ихъ послѣдствіями, и выбрать то, которое субъективно ему пріятнѣе. Конечно, чувственное побужденіе имѣетъ у ребенка еще большую силу и, если вещи, которыя онъ себѣ представляетъ, какъ, напримѣръ, наказаніе или награда, одерживаютъ надъ нимъ верхъ, то это большей частью случается потому, что онъ ихъ очень живо и почти чувственно себѣ представляетъ. Только когда разовьются внутреннія побужденія, у ребенка является настоящая человѣческая, духовная воля; сумма его собственныхъ опытовъ можетъ тогда влiять на его жизнь и привести ее къ единству. Но неустойчивости чувствъ соотвѣтствуетъ слабость, безпокойство и нетвердость дѣтской воли; легкой забывчивости соотвѣтствуетъ трудность соединять сложныя побужденія въ одно полезное цѣлое. Изъ этого вытекаютъ часто непонят-

ное упрямство и настойчивость ребенка; какое-нибудь представленіе или побужденіе такъ засѣли въ немъ, что всѣ убѣжденія изъ внѣшняго міра отскакиваютъ отъ него. Можно было бы сказать, что ребенокъ находится подъ вліяніемъ самовнушенія, не допускающимъ въ его душу никакихъ постороннихъ вліяній. Извѣстно, что часто видали, какъ ребенокъ черезъ нѣсколько минутъ добровольно дѣлалъ то, чего не хотѣлъ сдѣлать даже при побояхъ; такъ всегда бываетъ, когда внушенное представленіе уже исчезло изъ сознанія, при чемъ данное приказаніе легко и почти машинально производитъ свое дѣйствіе въ сознаніи ребенка и заставляетъ его исполнить требуемое. Такъ же легко подвергнуть ребенка внѣшнему внушенію, если онъ еще не имѣетъ своего опредѣленнаго взгляда на внушаемое, или вѣритъ въ него, или если предлагаемое ему дѣйствіе нравится ему. Ребенокъ еще не строго отдѣляетъ свое собственное «я» отъ посторонняго «я», какъ дѣлаетъ взрослый; вѣра въ послѣдняго и послушаніе ему такъ велики, что его мнѣніе и воля всегда считаются справедливыми и поэтому усваиваются. Чѣмъ моложе, несамостоятельнѣе и неувѣреннѣе въ своихъ убѣжденіяхъ какое-нибудь существо, тѣмъ легче навязать ему чужія мнѣнія, а слѣдовательно и дѣйствія. Воспріимчивость ко всему постороннему тѣмъ сильнѣе, чѣмъ моложе ребенокъ, и у дѣтей школьнаго возраста до 14 лѣтъ можно наблюдать постепенное исчезновеніе воспріимчивости къ внушенію. Собственно говоря, мы здѣсь имѣемъ дѣло только съ болѣе духовной, внутренней формой инстинкта подражанія; ребенокъ сначала подражалъ и постепенно усваивалъ себѣ лишь внѣшнія движенія, теперь онъ поступаетъ такъ же съ взглядами и желаніями взрослыхъ. Это свойство, конечно, имѣетъ большее значеніе для сужденія о показаніяхъ ребенка относительно его переживаній; если его спрашиваютъ такъ, какъ будто ожидаютъ точнаго показанія, то его всегда направляютъ въ желанную сторону. Кромѣ того, если принять во вниманіе, что память ребенка воспринимаетъ только отдѣльныя части вещей, примѣчаетъ очень немногое и, какъ дальше будетъ показано, часто смѣшиваетъ настоящее съ прошедшимъ воспоминаніемъ, то будетъ совершенно ясно, что, напримѣръ, свидѣтельскія показанія ребенка не имѣютъ никакого зна-

ченія и тѣмъ болѣе теряютъ свою цѣнность, чѣмъ болѣе ихъ стараются вызвать своими вопросами судьи, учителя и родители. Увѣренность, которая часто заключается въ такихъ показаніяхъ, совершенно не противорѣчитъ ихъ невѣрности; мы уже видѣли, что ребенокъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, очень крѣпко удерживаетъ разъ ему внушенное и не можетъ измѣнить его, если повторялъ его про себя или, что еще важнѣе, передъ авторитетными взрослыми, и составилъ себѣ, такимъ образомъ, увѣренность въ его точности. Вмѣстѣ съ тѣмъ это свойство бросаетъ яркій свѣтъ на многія проявленія такъ называемой «дѣтской лжи», которыя часто представляютъ собой не что иное, какъ дѣтскую правду.

Развитіе воли и ея возрастающая независимость отъ внѣшнихъ возбужденій самымъ тѣснымъ образомъ сопряжены съ развитіемъ разума и чувства. Чѣмъ болѣе общими и абстрактными дѣлаются представленія, тѣмъ болѣе общія побужденія могутъ изъ нихъ выработаться. И чѣмъ шире становится кругъ интересовъ, чѣмъ тоньше формы чувства и аффекта, тѣмъ больше условій дѣйствуютъ въ этой области, и тѣмъ больше спеціализируются дѣйствія воли. Но для того времени, которое вполнѣ созрѣло для хорошей памяти и одухотворенныхъ чувствъ, функція воли еще очень слаба; шестилѣтній ребенокъ еще едва можетъ владѣть своими чувствами, и продолжительное преслѣдованіе какого-нибудь предписаннаго теченія мыслей для него очень утомительно. Навѣрное можно сказать, что сила воли возрастаетъ не постоянно; почти можетъ казаться, что во время половой зрѣлости она дѣлаетъ сильные скачки. Но это происходитъ и при всякомъ духовномъ развитіи; оно происходитъ скачками, такъ какъ то одна, то другая функція лучше развивается въ опредѣленное время, между тѣмъ какъ остальныя въ то же время мало прогрессируютъ. Уже при первомъ развитіи рѣчи у ребенка замѣчали подобные успѣшные и неуспѣшные періоды. Чѣмъ тщательнѣе производится изслѣдованіе, тѣмъ больше встрѣчаются такіе внутренно обусловленные періоды, которые раньше приписывались случайностямъ. У мальчиковъ, напримѣръ, повидимому, временемъ скачковъ развитія воли являются годы, когда ихъ интересъ захватываютъ военные и разбойничьи

разсказы и описанія путешествій, что часто выражается въ борьбѣ, бѣгствѣ и склонности выказать свой героизмъ. Можно предположить, что окончаніе развитія воли, собственно говоря, составляетъ прекращеніе всякаго развитія вообще— слѣдовательно, никогда не можетъ наступить. Твердаго единства оно достигаетъ лишь на 25 году.

Больше, чѣмъ проявленія воли, которыя для начала важнѣе всего, простому наблюдателю дѣтей бросаются въ глаза замѣчательныя проявленія фантазіи. Ее часто противопоставляютъ несложнымъ пріобрѣтеніямъ представленій и дѣйствію памяти, какъ особо сложную форму умственной дѣятельности, но все же никто не можетъ провести точной границы между всѣми этими функціями. Когда ребенокъ называетъ поднимающіяся и опускающіяся вѣкии глазъ занавѣской, а спущенную занавѣсь глазомъ,—является ли это дѣйствіемъ памяти, фантазіи или дѣйствіемъ, сравнивающаго и вырабатывающаго понятія, разума? Основаніемъ этому служитъ общее глазу и занавѣси свойство подниматься и опускаться, которое представляетъ неполной памяти ребенка оба эти явленія; слѣдовательно, это вначалѣ не есть игра фантазіи, ни понятіе, а только, въ смыслѣ взрослаго, ошибка, въ основѣ которой лежитъ сравненіе. Но когда ребенокъ такимъ образомъ устанавливаетъ отношеніе между вещами и все новое представляетъ себѣ съ помощью уже бывшаго,—дѣйствуетъ ли онъ иначе, чѣмъ взрослый, который никогда не старается узнать вещь по всѣмъ ея свойствамъ, а по опредѣленнымъ выдающимся примѣтамъ опредѣляетъ все остальное по прежнимъ наблюденіямъ? Такимъ образомъ, наша фантазія въ каждую вещь вселяетъ уже бывшія испытанія, если фантазировать, значитъ сначала прибавлять нѣчто изъ своего внутренняго существа, а позднѣе черпать изъ него. Такъ память и фантазія незамѣтно и неразличимо переходятъ одна въ другую, какъ только подъ памятью подразумѣваютъ нѣчто большее, чѣмъ механическое, въ дѣйствительности никогда не случающееся новое воспроизведеніе совершенно однихъ и тѣхъ же представленій, которыя разъ уже были пережиты. На дѣлѣ образы нашей памяти исчезаютъ черезъ нѣсколько секундъ. Далѣе безпристрастное наблюденіе говоритъ намъ, что спо-

собность узнавать вновь когда-то видѣнное основывается больше на чувствахъ, чѣмъ на разумѣ. Если мы съ чѣмъ-нибудь встрѣчаемся во второй или болѣе разъ, въ насъ появляется особое чувство, которое точно выражается у взрослаго въ воспоминаніи, и часто мы при этомъ ощущаемъ что-нибудь пріятное или непріятное, сами не зная почему. При скоромъ чтеніи, напримѣръ, имена лицъ или предметы пробуждаютъ чувства, свойственныя имъ, въ замѣчательно сильной степени, и, чѣмъ смутнѣе проносятся мимо насъ представленія, тѣмъ сильнѣе бываетъ сопровождающее ихъ чувство. Поэтому мы имѣемъ право предполагать, что мелкія черты воспроизведеннаго представленія, однородныя съ когда-то уже бывшимъ, возбуждаютъ въ ребенкѣ сильныя чувства.

Такимъ образомъ, когда память уже установилась, всѣ движенія и впечатлѣнія чувствъ могутъ служить для игры фантазіи, если ихъ постоянно повторяютъ въ одинаковыхъ или измѣненныхъ формахъ. Фантазія превращается въ игру, какъ только переходитъ въ дѣйствія, служащія для развлеченія ребенка. Первая игра происходитъ съ своими собственными членами, которыми ребенокъ ритмически двигаетъ, сопровождая эти движенія возгласами, затѣмъ онъ плескается въ водѣ, чтобы насладиться разными звуками, потомъ бросаетъ мячикъ и т. д. Какъ только ребенокъ узнаетъ, что можетъ производить различныя измѣненія въ игрѣ, онъ всесторонне пользуется этой возможностью, и у болѣе развитого ребенка можно измѣрить силу его фантазіи по тому, насколько онъ измѣняетъ свои игры съ помощью прежнихъ воспоминаній; все равно, придумываетъ ли онъ при этомъ новыя дѣйствія для игры или создаетъ новыя комбинаціи знакомыхъ ему разсказовъ. Интересно наблюдать мѣняющееся выраженіе лица играющаго ребенка, который, то весело визжа, двигаетъ своими членами и прислушивается къ звуку, то умолкаетъ и съ глубокой серьезностью наблюдаетъ за объектомъ игры. Часто спорили о томъ, бываетъ ли ребенокъ по природѣ веселымъ и серьезнымъ: онъ обладаетъ еще способностью быть и тѣмъ и другимъ; онъ серьезенъ, когда замѣчаетъ что-нибудь, или напряженно наблюдаетъ, веселъ, когда дѣйствуетъ или чѣмъ-нибудь занимается. Всѣ эти игры, съ своимъ соб-

ственнымъ тѣломъ и при помощи возбужденія различныхъ чувствъ, имѣютъ то двоякое значеніе, что пріятны и полезны ребенку, способствуя упражненію всего его тѣла. Здѣсь настоящая радость составляетъ серьезное дѣло, а серьезныя дѣла вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и радостью.

Фантазія, а вмѣстѣ съ ней и игры дѣлаются разнообразнѣе со второго полугодія, когда пробуждается способность подражанія, распространяющаяся на всѣ дѣйствія взрослыхъ; сначала на все внѣшнее, видимое, напримѣръ, хлопанье въ ладоши, надѣваніе шляпы и подражаніе всему, что продѣлываютъ взрослые, а позднѣе подражаютъ цѣлымъ сценамъ изъ жизни взрослыхъ, игра дѣлается снимкомъ съ окружающей культурной жизни. Здѣсь она только количественно удаляется отъ предыдущей ступени, и вся прелесть ея для ребенка главнымъ образомъ состоитъ въ сознаніи, что онъ дѣлаетъ то, что и взрослые. Во внутренней умственной области этимъ двумъ ступенямъ соотвѣтствуетъ подражаніе и частое повтореніе словъ взрослыхъ, а позднѣе изъ сказокъ и разсказовъ, съ различными прибавленіями, смотря по силѣ фантазіи ребенка. Каждая такая фантастичная копія связнаго разсказа, если онъ даже состоитъ только изъ нѣсколькихъ фразъ, доказываетъ, что въ ребенкѣ уже выработался связный ходъ мыслей, хотя бы онъ и часто уклонялся отъ него. Игра потому еще подчиняется правиламъ разсудка, что для подражанія дѣйствіямъ взрослыхъ соединяются нѣсколько дѣтей и такимъ образомъ взаимно регулируютъ свою фантазію, а въ сложныхъ случаяхъ подчиняютъ ее общимъ правиламъ, т.-е. правиламъ разсудка. Если общая игра необходима для общественнаго развитія ума, она кромѣ того приноситъ ту пользу, что ребенокъ изъ царства фантастическихъ игръ, благодаря ей, постепенно переходитъ къ разумной игрѣ и такимъ образомъ приближается понемногу къ играмъ взрослыхъ.

Всѣ свойства фантазіи и игры, о которыхъ до сихъ поръ говорилось, можно обозначить, какъ человѣческія, т.-е. такія, которыя имѣютъ дѣло съ самимъ ребенкомъ или съ окружающими его людьми. Имъ можно противопоставить вещественныя игры, которыя, какъ таковыя, свойственны только ребенку и никогда не практикуются взрос-

лымъ: у послѣдняго онѣ переходятъ уже въ искусство. Именно эти игры часто заставляли смотрѣть на дѣтскую фантазію какъ на совершенно противоположную фантазію взрослыхъ или, по крайней мѣрѣ, отдѣлять ихъ другъ отъ друга. Онѣ же часто вели къ тому, что на царство дѣтской фантазіи смотрѣли, какъ на настоящее царство чудесъ, въ которомъ все мѣняется, не подчиняясь никакимъ законамъ, и въ которомъ изъ ничего воздвигаются сказочные дворцы. А между тѣмъ, если мы не хотимъ только удивляться и отчаяться, понять фантазію ребенка, намъ ничего больше не остается, какъ объяснить ее фантазіей взрослыхъ, потому что ни у кого не остаются въ памяти важнѣйшія формы фантазіи дѣтства. Для этого необходимо подробнѣе повторить то, что уже было сказано раньше.

Какія вещи настолько интересуютъ ребенка, что онъ ихъ запоминаетъ? Сначала только тѣ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ его радостямъ и горю и къ которымъ принадлежатъ также и всѣ тѣ, которыя доставляютъ ему занятіе и возможность движенія. Но прежде всего ребенку доставляетъ все хорошее человѣкъ, и именно, своей дѣятельностью. Ей-то ребенокъ всего легче подражаетъ, и она возбуждаетъ большую часть его движеній, доставляя ему вмѣстѣ съ тѣмъ ощущеніе напряженія и дѣйствія, которое больше всего способствуетъ проявленію чувства своего собственнаго «я». Для ребенка всѣ предметы и люди означаютъ дѣйствіе; своими жестами и словами онъ хочетъ выразить, что дѣлаютъ ему вещи, какъ онъ самъ относится къ нимъ, а не имѣетъ въ виду самихъ вещей. Если онъ видитъ стулъ, онъ хочетъ влѣзть на него, сидѣть на немъ, какъ уже раньше сидѣлъ; шляпу онъ хочетъ надѣть и т. д. Въ вещи онъ видитъ свою дѣятельность, свое движеніе въ связи съ этой вещью, а двигаться, значитъ чувствовать напряженіе, чувствовать себя живымъ существомъ и потому предметъ, въ которомъ онъ видитъ лишь его дѣятельность, одухотворяется для него. Совершенно такъ же, какъ онъ одухотворяетъ человѣка, подражая его дѣятельности и переносясь въ него, онъ одухотворяетъ и всѣ вещи, которыя представляютъ ему такія же совокупности способностей, какъ и человѣкъ. Если онъ, какъ было приведено выше, смѣшиваетъ глаза съ занавѣской, то долженъ одухотво-

рять занавѣску, такъ какъ одухотворяетъ глаза. Но одухотворить человѣка онъ можетъ лишь отождествляя себя съ нимъ. Такимъ образомъ, здѣсь представляется одинъ и тотъ же процессъ съ двухъ сторонъ: ребенокъ считаетъ людей субъектами, а себя вмѣстѣ съ ними за объектъ. Міръ оживляется для насъ лишь тогда, когда мы растворяемъ въ немъ свою жизнь, мы населяемъ его чувствами временно, придавая ему свое чувство. Нетрудно понять, что ребенокъ одухотворяетъ предметы, вѣдь и взрослый дѣлаетъ то же самое, только въ меньшей мѣрѣ. Мы говоримъ про какое-нибудь зданіе, что оно стремится вверхъ, а про другое, что оно давитъ, потому что переносимъ въ нихъ собственное чувство стремленія въ высоту или чувство подавленности. Удивительнымъ является только легкость и степень, съ которыми фантазія ребенка одухотворяетъ окружающій его міръ, и это требуетъ объясненія.

Преобразовывающая фантазія должна начинаться съ памяти; слѣдовательно, во всѣхъ своихъ формахъ должна имѣть твердую основу, на которую можетъ опереться. Ребенокъ можетъ построить цѣлый міръ изъ нѣсколькихъ щепочекъ, но онѣ должны быть налицо, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока ребенокъ еще не владѣетъ достаточно сильной способностью репродукціи. Но дѣйствительно ли онъ считаетъ кусокъ дерева лошадью, а кусокъ олова солдатомъ? Настолько ли онъ обманывается, что не удивился бы, если бы вдругъ дерево начало ѣсть предложенную ему пищу, а солдатъ началъ маршировать и стрѣлять? Если случаются такіе случаи полнаго превращенія объекта, то они, конечно, очень рѣдки. Въ нормальныхъ случаяхъ лошадь и солдатъ живутъ только до тѣхъ поръ, пока ребенокъ этого хочетъ, и окружающіе могутъ допускать эту игру, не изобрѣтая при этомъ другихъ вещей, далеко отстоящихъ отъ минутной фантазіи ребенка.

Два примѣра изъ жизни взрослыхъ могутъ объяснить это положеніе. При опытахъ съ загипнотизированными людьми легко можно достигнуть, что они, если имъ дадутъ въ руки кинжалъ и внушатъ имъ, что передъ ними стоитъ человѣкъ, сразу бросятся на него и заколютъ его, такъ какъ ясно видятъ его передъ собой. Если же передъ ними поставятъ настоящаго человѣка, опытъ никогда не

удается, потому что загипнотизированный всегда въ послѣднюю минуту отступаетъ. Передъ тѣмъ онъ совершенно ясно видѣлъ воображаемаго человѣка, но въ сознаніи его оставался слабый остатокъ увѣренности въ его недѣйствительности, остатокъ, который сильно напоминаетъ о себѣ, когда положеніе возбуждаетъ сильныя чувства. Или возьмемъ другой примѣръ: мы сидимъ въ театрѣ и смотримъ, какъ Отелло душитъ Дездемону; мы все переживаемъ вмѣстѣ съ ними; намъ кажется, что на сценѣ дѣйствительно совершилось убійство,—но какое и совершенно иное зрѣлище представилъ бы зрительный залъ, если бъ актеръ по ошибкѣ задушилъ актрису не на шутку! И взрослый можетъ еще въ одно и то же время вѣрить и не вѣрить.

Что въ такихъ случаяхъ видитъ ребенокъ, и что видимъ мы сами? При самыхъ простыхъ случаяхъ одухотворенія, когда, напримѣръ, вода стекаетъ по стеклу или танцуетъ вѣтеръ, неопредѣленное представленіе ползанья, постепенное движеніе внизъ, могутъ заставить ребенка приписать одинаковое дѣйствіе мухѣ и водѣ. Общія черты сильно возбуждаютъ воображеніе ребенка, и различія въ немъ представляются ему неясно. И такимъ образомъ начинаются многія другія, а, можетъ быть, и всѣ одухотворенія—продолженіе ихъ имѣетъ другія причины. Ничто еще не мѣшаетъ ребенку развивать свою фантазію, для него данный предметъ не имѣетъ еще опредѣленнаго мѣста, не совершается въ опредѣленное время, онъ не животное и не человѣкъ, не имѣетъ тысячи свойственныхъ только ему примѣтъ, но опредѣляется для него лишь немногими, и то отвлеченными признаками. Такимъ образомъ люди и вещи могутъ безпрепятственно перемѣшиваться, не сдерживаемые разумомъ и разсужденіемъ, которые доказываютъ, что такія-то примѣты не сходятся съ такими-то, что именно самыхъ значительныхъ примѣтъ недостаетъ и лишь мелочи совпадаютъ; состояніе человѣка во время сновидѣній, когда отсутствуетъ все регулирующее разсудокъ, представляетъ нѣчто подобное. Ничто еще не говоритъ намъ, что жердь не можетъ быть розовымъ кустомъ, на которомъ цвѣтутъ розы, потому что на ней нѣтъ шиповъ. Поэтому фантазія тогда только можетъ одухотворять, украшать и обогащать вещи, когда онѣ не слишкомъ похожи на воображаемыя;

поэтому грубо сдѣланные оловянные солдатики и еще больше сыпучій песокъ, способный принимать всевозможныя формы, составляетъ гораздо лучшія игрушки, чѣмъ искусно сдѣланныя игрушки или вещи, способныя производить всевозможныя движенія и не дающія ребенку возможности производить ихъ самому, напримѣръ, всѣ автоматически двигающіеся звѣри, поѣзда и т. д.

Настоящая причина этого одухотворенія заключается въ жизни чувствъ, а не въ жизни разсудка. Только чувственная жизнь объясняетъ глубину впечатлѣнія и возможность одновременно смотрѣть на него, какъ на дѣйствительное и воображаемое. Какъ сильно можетъ ощущеніе замѣнить представленіе, мы ясно видимъ при томъ, когда вспоминаемъ какой-нибудь предметъ. Сначала въ насъ возникаетъ ощущеніе, которое и раньше сопровождало этотъ предметъ, оно все усиливается, пока, наконецъ, не появится въ нашемъ воображеніи самый предметъ, и ощущеніе не исчезнетъ передъ работой яснаго представленія. Каждый испыталъ на себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на чувства то, что неясно нашему сознанію, какъ тайныя надежды и опасенія, которыя мы не рѣшаемся высказать, сильнѣе вліяютъ на наши настроенія, чѣмъ все высказанное откровенно и облегчающее нашу душу. Смутныя радости и страданія, едва касающіяся днемъ нашего сознанія, съ первоначальной силой выступаютъ во снѣ и продолжаютъ въ немъ дневную работу, придавая снамъ силу дѣйствительности. Насколько сильнѣе должны быть чувства у ребенка! Ему всегда ясны лишь немногія части предметовъ, но тѣмъ сильнѣе выступаютъ чувства, соединенныя съ этими предметами, такъ какъ дѣти гораздо легче возбуждаются. Многое представляется ребенку гораздо болѣе смутно и неясно, чѣмъ взрослому человѣку и потому сильно волнуетъ его. Ребенку нужна лишь бездѣлица, смутная, но сильно возбуждающая чувство, чтобы вызвать въ его воспоминаніи предметъ, котораго нѣтъ передъ его глазами, вѣдь и у взрослыхъ воспоминаніе о дорогомъ покойникѣ часто зависитъ отъ совершенно второстепенныхъ причинъ, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ вызываютъ такое сильное ощущеніе тѣхъ радостей, которыя мы переживали, благодаря ему, что образъ его ясно возникаетъ въ нашей душѣ, хотя мы его не ви-

димъ и не слышимъ. У ребенка же вещь кромѣ того одухотворяется и потому дѣйствуетъ, какъ живое существо, какъ части своего собственнаго «я», еще сильнѣе; съ предметомъ, одухотвореннымъ чувствомъ собственнаго состоянія, обращаются иначе, чѣмъ съ безжизненнымъ матеріаломъ, и такимъ образомъ еще усиливаютъ присущее ему ощущеніе. И если ребенокъ сознаетъ, что обманываетъ самого себя своими фантазіями — почему же ему не забавляться своими собственными представленіями, если это разнообразное занятіе доставляетъ ему удовольствіе, напримѣръ, такое же, какое онъ находитъ въ вымыслахъ другихъ? Такимъ образомъ онъ можетъ достигнуть послѣднихъ ступеней игры своей собственной фантазіей, не исходя уже не изъ какой дѣйствительности, а только воображая себѣ мѣста и людей, съ которыми играетъ. Если фантазія уже привыкла отъ ничтожнаго символа перелетать въ широкія пространства, то она сумѣетъ замѣнить этотъ символъ какой-нибудь внутренней причиной.

Когда фантазія освобождается отъ необходимости цѣпляться за внѣшніе предметы, начинаетъ преобладать внутренняя игра фантазіи. Занимаясь самимъ собой, ребенокъ полонъ фантазій, смыслъ которыхъ часто трудно понять. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ больше относятся всѣ его фантазіи къ самому себѣ — всѣ люди и вещи должны относиться къ нему, какъ къ центру. Только съ возрастомъ къ этому существенно присоединяется сначала все ближайшее, окружающее его, а затѣмъ и болѣе далекое. Такъ строитъ себѣ ребенокъ царство фантазіи, въ которомъ онъ самъ и все его окружающее выступаютъ въ измѣненныхъ, часто совершенно перемѣшанныхъ роляхъ; въ этомъ царствѣ его желанія и надежды живутъ своей собственной жизнью, въ немъ онъ предупреждаетъ будущее, представляя себя взрослымъ, и наслаждается всѣми желанными радостями. Здѣсь вещи теряютъ свои настоящіе размѣры, и всѣ предметы или вырастаютъ, или дѣлаются необычайно малыми. Какъ ребенокъ охотно представляетъ себя взрослымъ или бэби, такъ онъ стремится въ своихъ фантазіяхъ къ сильнымъ эффектамъ. Можетъ быть, для усиленія фантазіи необходимо уклоненіе отъ всего обычнаго; большое и маленькое представляется рѣзче, возбуждаетъ больше вниманія, ра-

дости, восхищенія, страха и ужаса. Поэтому все, что должно удовлетворить фантазію ребенка, удаляется отъ дѣйствительности; фантазія вымышляетъ великановъ и карликовъ, все происходитъ не на землѣ, а на небѣ и въ аду; ребенокъ говоритъ не о домахъ, а о хижинахъ и дворцахъ, не просто о людяхъ обыкновенныхъ и среднихъ, а о принцахъ и нищихъ. Слишкомъ благоразумные воспитатели могутъ бояться, что сказки приведутъ ребенка съ пути разума и правды прямо въ царство мистики и суевѣрія; но фантазія ребенка умѣетъ усвоить себѣ что-либо лишь съ помощью все преувеличивающихъ сказокъ и ей вредятъ, если ее не питаютъ. Воспитателямъ остается лишь задача направить на настоящій путь развитую и богатую фантазію, соединяя ее съ дѣйствительностью. Вопросъ состоитъ лишь въ томъ, когда именно фантазія созрѣваетъ для того, что не составляетъ вымысла.

Фантазируя, ребенокъ первоначально связываетъ вещи между собой, сравниваетъ и сопоставляетъ ихъ. Изъ такихъ опытовъ зарождается привычка при появленіи какого-нибудь представленія ожидать появленія и тѣхъ, которыя когда-то были съ нимъ связаны. Въ этомъ заключается элементъ сравненія, который состоитъ въ томъ, что прежній образъ съ его ощущеніями сравнивается съ появившимся позднѣе. Сравненіе заставляетъ предполагать, что имѣется понятіе о предметѣ, и такимъ образомъ внѣшняя связь двухъ представленій ведетъ къ дѣятельности разума, т.-е. къ разбору, связи и сравненію представленій. Слѣдовательно, дѣятельность разума состоитъ въ томъ, что онъ возникшее внѣшнимъ образомъ сцѣпленіе вещей разлагаетъ на отвлеченныя составныя части ихъ, ихъ свойства, дѣятельность и дѣйствія. Имѣетъ ли ребенокъ понятіе обо всемъ, окружающемъ его, когда съ удивленіемъ останавливается передъ какой-нибудь перемѣной въ этомъ окружающемъ? Онъ можетъ имѣть его, если, дѣйствительно, въ немъ возникаетъ сознательное сравненіе стараго съ новымъ, но этого не можетъ быть, если причиной его удивленія является лишь нарушеніе чувственныхъ впечатлѣній. Это удивленіе совсѣмъ не требуетъ словеснаго выраженія, какъ у взрослыхъ; можно и безъ словъ думать, т.-е. сознательно опредѣлять отношенія и дѣлать сравненія; а наоборотъ, кажущіяся совершенно связными и логичными слова часто совсѣмъ не

доказываютъ логичнаго содержанія; слова могутъ быть подражаніемъ и комбинаціей, какъ и все другое. И у ребенка гораздо труднѣе, чѣмъ у взрослаго, отличить простое значеніе вещей отъ сознанія свойствъ и сопоставленія понятія. Повидимому настоящія логичныя понятія появляются очень поздно, можетъ быть, только въ школьномъ возрастѣ, и многіе учителя жаловались мнѣ, что логическія заключенія давались съ большимъ трудомъ дѣтямъ семи и даже восьмилѣтняго возраста. Если выше было показано, что представленія дѣтей индивидуальны, то можно къ этому прибавить, что таковы и ихъ понятія; ихъ опредѣленія понятій составляютъ просто примѣры. Ребенокъ видитъ опредѣленный предметъ, рѣдко два или три сразу и описываетъ ихъ общими чертами, между тѣмъ, какъ взрослый требуетъ логичныхъ и постоянныхъ примѣтъ предмета. И здѣсь также ясно, насколько воля пересиливаетъ разумъ. Ребенокъ почти всегда спрашиваетъ о причинѣ происхожденія какой-нибудь вещи; онъ прежде всего хочетъ узнать, какимъ образомъ образовалась такая-то вещь, его интересуютъ не неподвижныя свойства ея, а та дѣятельность, которая ихъ породила. Это еще яснѣе выступаетъ въ опредѣленіи дѣтьми понятій; эти опредѣленія всегда относятся къ цѣли предмета, къ тому, что съ нимъ можно дѣлать; ребенокъ чего-то требуетъ отъ вещи, что-то хочетъ дѣлать съ ней и только это важно для него. Изъ 80% опредѣленія шестилѣтними дѣтьми понятія видно, что для нихъ интересны лишь цѣль и дѣятельность вещей, между тѣмъ какъ на 14-мъ году—такія опредѣленія понятій уменьшаются до 30%. Такимъ образомъ развитіе чисто отвлеченной дѣятельности разума выпадаетъ на долю дѣтей старшаго возраста и не можетъ наступить до того, какъ ребенокъ овладѣетъ рѣчью. Въ томъ возрастѣ, о которомъ мы здѣсь говорили, разумъ и логика еще вполнѣ порабощены чувствомъ и волей.

Нравственное чувство ребенка.

Доктора Макса Брана.

Нравственность ребенка составляла до сихъ поръ, большей частью, предметъ изслѣдованія для криминалистовъ и психіаторовъ. На малолѣтняго преступника смотрѣли, какъ на типъ дѣтской безнравственности, и весь вопросъ односторонне направлялся на причины преступленія. Для психолога преступленіе представляетъ лишь внѣшній симптомъ, который даже не всегда указываетъ на безнравственность. Психологъ исходитъ изъ тѣхъ внутреннихъ переживаній взрослаго, которыя обозначаютъ нравственными или безнравственными, и спрашиваетъ, какъ они развиваются въ ребенкѣ. Но и здѣсь онъ долженъ исходить лишь изъ общихъ духовныхъ процессовъ, представленій, чувствъ, аффектовъ и сужденій, и изслѣдовать, какимъ образомъ они постепенно принимаютъ формы, которыя мы привыкли называть нравственными. Положеніе, что нравственное чувство можетъ быть врожденнымъ, исключается съ самаго начала; врожденными могутъ быть лишь душевныя и умственныя свойства. Послѣднія могутъ быть благопріятны или неблагопріятны тому, что мы называемъ нравственными поступками, но не могутъ быть нравственными или безнравственными сами по себѣ. Вопросъ о томъ, хорошъ или дуренъ ребенокъ по своей натурѣ, на который Огюстенъ и Руссо отвѣчаютъ такъ различно, вслѣдствіе этого наводитъ насъ на другой вопросъ, а именно: клонятся ли чувства ребенка при своемъ развитіи въ ту сторону, которую мы оцѣниваемъ, какъ нравственную, или наоборотъ? Большинство изслѣдователей считало возможнымъ дать на это общій отвѣтъ: они считали всѣхъ дѣтей одаренными одинаковой нравственностью и всякое уклоненіе отъ нея приписывали окружающей средѣ, воспитанію и т. д. Если мы откажемся отъ мнѣнія, что существуетъ специфическое и нравственное чувство, врожденная склонность быть нравственнымъ и благочестивымъ, и выведемъ нравственность изъ совокупности свойствъ отдѣльнаго человѣка, приходящихъ въ

соприкосновеніе съ окружающимъ его міромъ, то мы должны будемъ допустить, что всѣ остальныя врожденныя проявленія темперамента, воли и разума такъ же должны быть индивидуальными, предрасполагающими свойствами для развитія нравственнаго чувства и сужденія. Въ общемъ получается впечатлѣніе, что послѣднимъ придается слишкомъ мало значенія.

То, что мы называемъ нравственнымъ у ребенка, понятно, называется таковымъ и у взрослаго; слѣдовательно это не общій, а культурно-условный фактъ. Мы свободно можемъ назвать моральными качествами ребенка то, что разъ принято такъ называть, потому что о томъ, въ правѣ ли мы это дѣлать, здѣсь не приходится разсуждать. Ребенка, который любитъ своихъ родителей, сестеръ и братьевъ, расположенъ къ другимъ дѣтямъ и взрослымъ, не мучаетъ съ намѣреніемъ животныхъ, не лжетъ и не крадетъ, вообще податливъ и послушенъ, не находитъ удовольствія въ томъ, чтобы вредить людямъ, ломать вещи, не завистливъ и т. д., называемъ нравственнымъ. Нельзя отрицать, что взрослые часто бываютъ гораздо строже въ своихъ требованіяхъ къ дѣтямъ, чѣмъ къ самимъ себѣ; вспомнимъ только дѣтскую ложь, строгое требованіе послушанія и часто намѣренныя испытанія выдержки дѣтей искушеніемъ ихъ лакомствами. Думаютъ, что можно искоренить у ребенка всякій недостатокъ, и потому обращаютъ на него больше вниманія, чѣмъ когда онъ есть у взрослаго, при чемъ легко забываютъ хорошія дѣтскія черты, считая ихъ естественными. Малѣйшее непослушаніе считаютъ недостаткомъ, а забываютъ о томъ, что ребенокъ ежедневно принужденъ отказываться отъ дорогихъ ему привычекъ и желаній, и дѣлаетъ это относительно охотно и легче, чѣмъ взрослый. Такимъ образомъ, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ часто получается искаженная картина дѣтской нравственности. Избѣжать на этомъ поприщѣ ошибокъ можно только въ томъ случаѣ, если мы продолжительно будемъ наблюдать за всѣми особенностями психической жизни ребенка. Здѣсь можно упомянуть лишь нѣсколько выдающихся и психологически интересныхъ сторонъ этого вопроса.

Вопросъ о томъ, нравственен ли ребенокъ отъ природы, часто смѣшивали съ вопросомъ—эгоистиченъ ли онъ отъ

природы. Говорили, что неэгоистичный ребенокъ былъ бы нежизнеспособнымъ, такъ какъ онъ раньше всего долженъ удовлетворять свои потребности, которыя всѣ непосредственно ведутъ къ сохраненію жизни. Требовать отъ ребенка альтруизма равносильно требованію подаянія отъ нищаго. Какимъ образомъ можетъ ребенокъ чувствовать другимъ, когда еще не знаетъ, что они существуютъ? Поэтому чувство симпатіи къ другимъ наступаетъ только позднѣе. Но корни его лежатъ глубоко. Если человѣкъ является для ребенка источникомъ всего хорошаго и освободителемъ отъ несчастья, то съ нимъ, т.-е. съ тѣмъ, что онъ для него представляетъ, соединяются многія пріятныя ощущенія и многія радости. Онъ пріятенъ ребенку, прежде чѣмъ сдѣлается ему симпатичнымъ, такимъ образомъ всѣ моральныя чувства произрастаютъ не изъ примитивно-моральныхъ, ни изъ антиморальныхъ, но изъ аморальныхъ чувствъ. Но вотъ начинаетъ расти чувство своего собственнаго «я» и признаніе постороннихъ въ одно и то же время; ребенокъ научается сознавать самого себя, какъ нѣчто противоположное окружающимъ его. Какъ только онъ призналъ посторонняго человѣка подобнымъ себѣ существомъ, которое такъ же ощущаетъ удовольствіе и боль, онъ вмѣстѣ съ нимъ переживаетъ его удовольствіе и его боль, слѣдовательно въ немъ пробудилось настоящее сочувствіе. Ребенокъ легко подражаетъ чувствамъ окружающихъ, такъ же, какъ и ихъ движеніямъ, и вслѣдствіе этого они все больше и больше дѣлаются частью самого ребенка. Глухонѣмая Лаура Бриджманъ, напримѣръ, надѣвала повязки на глаза своихъ куколъ, потому что сама ихъ носила; понятно, что она переносила на куколъ и свои болѣзни и ощущала ихъ страданія, какъ свои собственныя. Это сочувствіе усиливается и воспитывается съ помощью чувства привязанности ребенка, онъ привыкаетъ къ присутствію людей и скучаетъ безъ нихъ, какъ безъ дорогихъ ему вещей. Возвращеніе матери тѣмъ болѣе обѣщаетъ ему скорѣе наслажденіе, что она обыкновенно возвращается къ нему съ ласковымъ лицомъ. Это пріучаетъ ребенка любить присутствіе людей и ихъ общество, и, такимъ образомъ, укрѣпляетъ въ немъ соціальныя чувства. Когда это подражаніе чувствамъ другихъ вслѣдствіе непосредственнаго совмѣст-

наго переживанія и симпатической связи ведетъ къ первой сознательной симпатіи и къ сознательному состраданію, этого мы сказать не можемъ. Всѣ эти чувства усиливаются, когда ихъ награждаютъ ласками и ласковыми словами, и наоборотъ подавляются при неласковомъ или равнодушномъ обращеніи. Поэтому ни трудъ, ни всякія услуги не могутъ замѣнить дѣтямъ видимыхъ проявленій любви; къ тому, что о нихъ заботятся, они привыкли, что забота и уходъ за ними утомляютъ, они не сознаютъ, и лишь чувственные знаки любви усиливаютъ ихъ любовь.

Зарождающуюся такимъ образомъ симпатію легко объяснить и тѣмъ легче, если принять во вниманіе сильную возбудимость дѣтскихъ чувствъ. Тамъ, гдѣ она отсутствуетъ, какъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ идіотовъ и эпилептиковъ, соціальное чувство слабѣе, наступаетъ душевное притупленіе, благодаря которому усиливаются антисоціальныя чувства. Между сильно развитымъ чувствомъ и чувствомъ патологически отсутствующимъ существуетъ цѣлый рядъ переходовъ, вслѣдствіе чего первоначальная способность чувствомъ переноситься въ другое существо является первымъ основаніемъ для различія этихъ чувствъ. Даже у нормальныхъ дѣтей къ удивленію родителей и наблюдателей часто появляются черты, которыя заставляютъ усомниться въ ихъ сочувствіи и любви; обративъ вниманіе на специфически дѣтское въ духовной жизни, легко будетъ объяснить подобныя уклоненія. Прежде всего дѣти въ сильнѣйшей степени подвержены раздражительнымъ и грустнымъ настроеніямъ, которыя на нѣкоторое время дѣлаютъ для нихъ невозможными всякія нѣжныя чувства; и въ такихъ случаяхъ съ ними бываютъ требовательнѣе, чѣмъ съ взрослыми. Мы часто видимъ, что дѣти остаются совершенно безучастными къ самымъ печальнымъ событіямъ, напр., смерти родныхъ, болѣзнямъ и т. п.; но глазъ ребенка всегда видитъ лишь одну сторону вещей, часто то, что ему кажется только смѣшнымъ; или онъ видитъ однѣ мелкія черты, требующія всего его мнѣнія, между тѣмъ какъ выраженіе страданія и горя ему непонятно и чуждо. Это почти всегда служитъ причиной тому, что дѣти мучаютъ животныхъ, и Лафонтэнъ на этомъ даже основалъ свое мнѣніе, что этотъ возрастъ лишенъ состраданія. Но между тѣмъ именно ребе-

нокъ старшаго возраста, который уже вполнѣ отличаетъ людей отъ животныхъ, подвергается опасности причислить послѣднихъ скорѣе къ вещамъ, чѣмъ къ людямъ. Онъ судитъ о чувствахъ по выраженію лица и по словамъ — какимъ же образомъ можетъ онъ предполагать ихъ у животнаго? Какъ мало еще трехлѣтнія и даже нѣсколько старшія дѣти имѣютъ понятія о свойствахъ животныхъ, доказывается тѣмъ, что они хватаются за нихъ, чтобъ ихъ удержать, что зачастую причиняетъ имъ боль. Желаніе схватить животное, разорвать муху, наступить на кошку, чтобъ удержать ее — имѣетъ одну и ту же причину съ хватаніемъ другихъ вещей, а именно ребенокъ желаетъ ознакомиться съ ними, понять ихъ составныя части. Если ребенокъ разбиваетъ и рветъ свои любимыя игрушки, чтобы изучить ихъ, то онъ не можетъ ощущать также несправедливости такого обращенія съ животными. Какъ только ребенокъ дѣлается старше, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается и менѣе жестокъ къ животнымъ, понимая, что причиняетъ имъ боль, но только въ той степени, въ какой это допускается его любопытствомъ, которое побѣждаетъ еще не глубоко заложенное въ немъ чувство состраданія и сочувствія.

Этимъ наклонностямъ къ сочувствію, и вмѣстѣ съ нимъ и къ соціальной жизни противостоятъ и антисоціальныя. Гнѣвъ и ярость совершенно первобытные аффекты. Между патологическими дѣтскими недостатками первое мѣсто занимаетъ опасная вспыльчивость, которая часто встрѣчается, какъ семейная черта. Въ умѣренныхъ границахъ она, конечно, не составляетъ недостатка — благородная страстность всегда считалась высшимъ проявленіемъ человѣческаго духа, и способность выступать противъ зла является рычагомъ въ отношеніи соціальнаго прогресса. У ребенка она направляется противъ всего, противъ лицъ или вещей, которыя мѣшаютъ его удовольствію или усиливаютъ его боль. Сначала это есть только инстинктивное влеченіе нашумѣть, дать выходъ своему возбужденію сильнымъ крикомъ, валяньемъ по полу, толчками и царапаньемъ, при чемъ больше всего страдаетъ самъ ребенокъ. И здѣсь рано выказываются важныя для дальнѣйшей жизни различія: одни дѣти сердятся активно, другія пассивны въ своей ярости. Достаточно небольшой опытности, когда уже усвоены нуж-

ныя для этого движенія, чтобы направить свой гнѣвъ на опредѣленныя лица и предметы, и толкать, рвать и царапать ихъ. При томъ быстро развивается ревность къ людямъ и животнымъ, съ которыми ребенку приходится дѣлить что-нибудь. А изъ этой ревности проистекаетъ зависть и желаніе обладать вещами, только для того, чтобъ ихъ не имѣлъ никто другой. Часто встрѣчается у дѣтей жадность къ ѣдѣ, которая нерѣдко переходитъ въ жадность обладанія. Во всѣхъ этихъ проявленіяхъ ребенокъ вполнѣ похожъ на животное и на дикаря. Но какъ только проснется его самосознаніе, эти аффекты будутъ отличаться отъ таковыхъ же у животныхъ вслѣдствіе того, что къ нимъ примѣшается чувство оскорбленнаго «я» — чувство, которое способствуетъ точнѣе понимать разницу между своимъ «я» и окружающимъ міромъ. Къ нему прибавляется чувство обиды и пренебреженія, и образуется цѣлый ressentiment, настоящая совокупность человѣческихъ чувствъ, изъ которой затѣмъ пышно вырастутъ антисоціальныя чувства.

Сочувствіе, съ одной стороны, а боль и страхъ, съ другой, составляютъ тѣ волны, о которыя прежде всего разбиваются гнѣвъ и всѣ соотвѣтствующіе ему аффекты — только позднѣе этому способствуетъ разсужденіе. Жанъ Поль въ этомъ случаѣ совершенно вѣрно находитъ, что никогда не слѣдуетъ ослаблять силу, а нужно только усиливать силу, противоположную ей. Сочувствіе къ другому лицу такъ же удерживаетъ порывы гнѣва, какъ и боль физическая или психическая; въ первомъ случаѣ изъ уваженія къ другому лицу, а во второмъ въ своемъ собственномъ интересѣ. Страхъ есть память о боли. Нечего говорить, слѣдуетъ ли противодѣйствовать порывамъ неистовства словами, предоставленіемъ ребенка самому себѣ, побоями и т. п.; разсматривая подобныя мѣры психологически, мы поймемъ, что это лишь различные способы причинить боль, при чемъ побои будутъ не самымъ жестокимъ способомъ для ребенка. Патологи дѣтскаго возраста часто настаиваютъ на томъ, что у раздражительныхъ дѣтей наказаніе только усиливаетъ гнѣвъ: ребенокъ тогда просто подражаетъ гнѣву взрослаго. Они указываютъ также на то, что окружающіе часто усиливаютъ гнѣвъ ребенка, приказывая ему бить стулья и углы, о которыя онъ ушибся. Насколько воспита-

ніе можетъ уничтожить наклонность ребенка къ гнѣву наказаніемъ, угрозой и уговорами, сказать трудно. Многіе утверждаютъ, что этимъ гнѣвъ можно только подавить и что тогда онъ принимаетъ болѣе тонкія, менѣе непріятныя, но зато и менѣе отрадныя формы.

Родителямъ и воспитателямъ, конечно, одинаково непріятны какъ сильныя, такъ и болѣе мягкія формы сопротивленія; они подводятъ ихъ подъ понятіе непослушанія и причисляютъ къ типичнымъ формамъ дѣтскихъ недостатковъ. Это понятіе сильно измѣнилось, и родители въ этомъ отношеніи стали гораздо устойчивѣе. Въ Америкѣ даже говорятъ, что сумма послушанія въ теченіе столѣтія осталась все та же, но что сначала оно оказывалось дѣтьми родителямъ, а теперь родителями дѣтямъ. Ничего не можетъ быть естественнѣе дѣтскаго непослушанія; ребенка долго заставляютъ дѣлать то, что лишаетъ его инстинктивныхъ радостей, не замѣняя ихъ другими, а судить о пользѣ того, что ему приказано дѣлать, онъ еще не можетъ. Поэтому, и въ этомъ случаѣ, боль и страхъ должны быть первыми воспитателями. Они, какъ и приказаніе, исходятъ отъ опредѣленныхъ лицъ, дѣти слушаются ихъ, а не приказанія, это чисто личное послушаніе, не имѣющее ничего общаго со всеобщимъ закономъ. Только рѣшительный голосъ, рѣшительный тонъ, своеобразное движеніе могутъ успокоить ребенка и заставить его заснуть. Но часто встрѣчаются лица, которымъ ребенокъ постоянно сопротивляется. Какъ и передъ гнѣвомъ, авторитетъ часто терпитъ крушеніе и передъ непослушаніемъ у капризныхъ дѣтей. Давая ребенку немного опомниться, часто достигаешь бо́льшаго, чѣмъ строгимъ приказаніемъ, которое только возбуждаетъ его и лишаетъ воспоминанія и кроткихъ чувствъ. Многія наказанія, а часто и страхъ, когда онъ слишкомъ усиливается, такъ ослабляютъ именно у взрослаго ребенка разумъ и разсудительность, что всѣ прежнія воспоминанія теряютъ силу, въ то время, какъ пробуждается инстинктъ противодѣйствія. Но наказанія все же никогда не могли бы добиться послушанія, если бъ у ребенка не было склонностей, которыя даютъ ему возможность слушаться легко и охотно. Это — склонности къ подражанію и привычка. Безъ

нихъ пришлось бы заставлять дѣтей дѣлать что-либо только по принужденію; между тѣмъ какъ они въ громадномъ большинствѣ случаевъ слушаются и рѣдко бываютъ непослушными. Ребенокъ безъ всякаго принужденія дѣлаетъ то, что дѣлаютъ другіе, и такимъ образомъ привыкаетъ къ образу жизни окружающихъ, не будучи ни послушнымъ ни непослушнымъ. Ребенку читаютъ наставленія и наказываютъ его за то, что онъ не «хочетъ» отвыкнуть отъ маленькихъ привычекъ, напримѣръ, отъ кусанія ногтей, отъ которой часто не умѣютъ избавиться и взрослые. Часто происходятъ конфликты вслѣдствіе того, что хотятъ, чтобы ребенокъ пріучился или отучился отъ движеній, которыя дѣлаютъ взрослые. Отъ него требуютъ долгой неподвижности и смотрятъ на вообще желанную живость какъ на непослушаніе. То, что дѣти наблюдаютъ у взрослыхъ — наружно или внутренно — легко дѣлается для нихъ жизненнымъ правиломъ и закономъ; изъ этого проистекаютъ частые конфликты. Ребенокъ перенялъ то, что не слѣдуетъ, и тогда наказаніе кажется ему несправедливостью. Ему трудно понять, почему ему запрещаютъ ѣсть все то, что ѣстъ взрослый, потому что обыкновенно его хвалятъ, если онъ подражаетъ примѣру взрослыхъ. Поэтому опытность ребенка часто мѣшаетъ его послушанію, потому что она проявляетъ отступленія и неправильности, которыхъ онъ не можетъ понять. Утверждаютъ, что дѣти цивилизованныхъ расъ послушнѣе, чѣмъ дѣти дикарей. Но соціологія доказываетъ намъ, что чѣмъ больше требуется послушанія, тѣмъ выше становится культура и степень воспитанія; но не надо забывать, что при большемъ просвѣщеніи допускается и больше свободы. Далѣе мы можемъ правдоподобно предполагать, что дѣти дикарей выказываютъ болѣе сильные активные аффекты и потому труднѣе поддаются воспитанію, но тутъ заключается разница въ степени, а не въ качествѣ.

Вторымъ источникомъ невольнаго послушанія служитъ привычка, которая въ одно и то же время превращаетъ послушаніе одному лицу въ подчиненіе закону. Какъ память у ребенка, съ одной стороны, строго механична, слѣдовольно связана, и требуетъ, и даетъ лишь точныя повторенія, съ другой же стороны фантазія капризно

пускаетъ удивительные мыльные пузыри, такъ и жизнь чувствъ ребенка капризна, и постоянно подчинена удивительнымъ колебаніямъ настроенія, или же она постоянно педантично повторяется. Пріятныя ему вещи или такія, которыя сдѣлались ему дороги, благодаря постоянному повторенію, ребенокъ безпрестанно повторяетъ и желаетъ, чтобы то же дѣлали и другіе. Если онъ исполнилъ какое-нибудь приказаніе родителей и сдѣлалъ это не разъ, то ожидаетъ, чтобъ и другіе поступали такъ при такихъ же обстоятельствахъ и самъ строго придерживается предписаннаго ему закона. Если его похвалятъ за исполненіе этихъ первыхъ законовъ, въ немъ, можетъ быть, впервые зарождается идея добра, которое онъ отождествляетъ съ тѣмъ, что похвалили. Тогда дальнѣйшее внушеніе и исполненіе даннаго правила обезпечено, частое повтореніе и исполненіе его сильнѣе чѣмъ всѣ проповѣди внушитъ законъ и заставитъ его войти въ плоть и кровь ребенка. Подобныя правила внушаются ребенку словами «можешь» и «долженъ», и къ данному приказанію у ребенка присоединяется чувство того, что можно и чего нельзя, что должно и не должно только какъ расширеніе прежняго непосредственнаго наказанія или угрозы. Общепринятыя слова «можно» и «нельзя» представляютъ собой принудительныя мѣры старшихъ или добровольное подражаніе ребенка, которое отчасти становится его второй натурой, вслѣдствіе внутренней привычки, а отчасти внушается ему похвалой или порицаніемъ окружающихъ. Влеченіе усваивать себѣ такія привычки и возводить ихъ въ правило индивидуально очень различны по своей силѣ; мы слышимъ разсказы о пятилѣтнихъ педантахъ и судьяхъ нравственности и о мальчикахъ, не признававшихъ никакихъ правилъ.

Когда ребенокъ призналъ какое-нибудь правило, значитъ, относительно него можно уже говорить о внутренно моральныхъ дѣйствіяхъ, если онъ только подчиняется признанному имъ закону; все остальное еще не подлежитъ законамъ нравственности. Но тогда ребенку уже должно быть нѣсколько лѣтъ. Соціальныя отношенія, въ которыхъ ребенокъ находится, предписываютъ ему такія правила и закрѣпляютъ ихъ. Во время игры съ другими дѣтьми, требующими одинаковыхъ правъ, правила устанавливаются са-

мими дѣтьми или умиротворяющими взрослыми, при чемъ ребенокъ придерживается ихъ сильнѣе, чѣмъ взрослый. Онъ интересуется правиломъ, потому что оно прежде всего удобно для его собственныхъ интересовъ, обезпечиваетъ его собственныя требованія, и потому дѣлается для него цѣлью и строго соблюдается. Ребенокъ, какъ и дикарь, тщательно придерживается существующихъ церемоній и щепетильно относится къ праву, которое, конечно, толкуетъ по-своему. Понятіе о правилѣ такъ запечатлѣвается въ ребенкѣ, такъ способствуетъ его все развивающейся склонности къ подражанію и, благодаря похвалѣ за его исполненіе, становится ему такимъ дорогимъ, что въ возрастѣ отъ 4 до 6 лѣтъ является для него центральнымъ понятіемъ, признанія котораго онъ ожидаетъ и отъ другихъ. Поэтому дѣти почти всегда объясняютъ необходимость наказанія за шалости тѣмъ, что «надо слушаться» и почти никогда цѣлью исправленія. Поэтому выводъ нѣкоторыхъ современныхъ авторовъ, что дѣти имѣютъ врожденное моральное чувство, что они отъ природы могутъ отдѣлять моральное обязательство отъ всѣхъ эмпирическихъ причинъ, и представляютъ собой безсознательныхъ послѣдователей Канта, является сильнѣйшимъ предразсудкомъ. Дѣти говорятъ лишь то, что узнали отъ взрослыхъ, нравственныя понятія воспитателя теоретическимъ путемъ переходятъ къ ребенку.

До сихъ поръ мы не упомянули о самомъ трудномъ вопросѣ дѣтской морали,—а именно о лжи. Жанъ Поль говоритъ: «Въ первыя пять лѣтъ дѣти не говорятъ ни слова правды и ни слова лжи, они просто говорятъ». Это, можетъ быть, немного преувеличено, но все же вѣрнѣе мнѣнія многихъ прежнихъ психологовъ. Конечно, правильное объясненіе должно основываться на правильномъ опредѣленіи. Ложь есть такое утвержденіе, которое высказывается съ сознаніемъ неправды, при чемъ слѣдуетъ исключить шутливую или дразнящую ложь, не требующую признанія своей правдивости. Исключая немногихъ случаевъ патологической лжи, слѣдуетъ признать, что люди лгутъ для того, чтобы получить прямую пользу, предохранить себя отъ какой-нибудь непріятности или возвеличить свою личность и сдѣлать ее интересной. Нѣчто совсѣмъ иное—неправда; она просто составляетъ утвержденіе того, что не соотвѣтству-

етъ дѣйствительности. Между ложью и неправдой у взрослыхъ, а еще болѣе у ребенка есть еще переходы, которые трудно подвести подъ какую-нибудь рубрику. Говоря о будущемъ, люди охотно высказываютъ, какъ истину, именно то, чего больше всего желаютъ. При многихъ разсказахъ люди сначала сознаютъ заключающуюся въ нихъ неправду, а при повтореніи ихъ сознаніе это исчезаетъ. Слабое сознаніе неправды еще всплываютъ иногда, но заглушаются живой фантазіей и силой позднѣйшихъ впечатлѣній. У дѣтей такія сильныя переполненія сознанія, не дающія возникать мыслямъ о правдѣ и неправдѣ, встрѣчаются очень часто.

Заявленія ребенка рѣдко бываютъ вполнѣ правильны, потому что слабая еще наблюдательность не даетъ ему вѣрно схватить что-нибудь, а слабость памяти заставляетъ невѣрно передать видѣнное и слышанное; разсмотримъ первые рисунки, на которыхъ человѣческое тѣло изображено только съ головой и двумя ногами, и мы перестанемъ удивляться, что слова ребенка соотвѣтствуютъ его рисункамъ. Существующее опускается, не существующее добавляется фантазіей, а немного позднѣе ребенку доставляетъ удовольствіе играть съ вещами и перемѣшивать самыя разнообразныя понятія или придумывать что-либо новое. Ребенокъ играетъ своими словами и показаніями совершенно такъ же, какъ своими кубиками и рисунками, онъ болтаетъ не только про себя, но и передъ взрослыми все, что ему взбредетъ на умъ. Послѣдніе иногда весело слушаютъ его, иногда же серьезно относятся къ рѣчамъ ребенка и приказываютъ ему придерживаться правды; но ребенокъ, который не можетъ различить правды отъ неправды, вслѣдствіе этого стѣсняется и смущается. Если же взрослый не пойметъ, что большая часть показаній ребенка неправильна, и сочтетъ ихъ за истину, что и даетъ понять ребенку, тогда это сознаніе истины перейдетъ на него, и онъ безпрепятственно будетъ продолжать свои фантазіи. Взрослый, который повѣритъ первой части фантастическаго расказа ребенка, самъ того не сознавая, внушаетъ ему продолженіе все болѣе и болѣе фантастическихъ разсказовъ.—Еще чаще случается, что взрослый подхватываетъ фантазію ребенка, своими вопросами внушаетъ ему продолженіе ея, и такимъ

образомъ получаетъ логичное зданіе, для котораго онъ самъ доставилъ части логичной и согласной связи, а ребенокъ далъ первый толчокъ и дальнѣйшія детали. Такимъ образомъ бездѣлицы часто превращаются въ страшнѣйшія обвиненія дѣтьми нянекъ, товарищей и учителей, тѣмъ болѣе, что родители, испуганные этими обвиненіями, часто вѣрятъ дѣтямъ, а послѣднія, видя ужасъ родителей, окончательно убѣждаются сами въ истинѣ своихъ разсказовъ.

Если ребенокъ со своими разсказами остается одинъ, его фантазія всегда наготовѣ измѣнить ихъ содержаніе, если же онъ можетъ разсказать свои впечатлѣнія другимъ, то въ такомъ случаѣ громадную роль играютъ внушеніе и тщеславіе. Поэтому, если справедливо требованіе не считаться на судѣ только съ показаніями дѣтей, то не слѣдуетъ и обвинять ихъ за подобную кажущуюся грубую ложь и наказывать за нее; это, конечно, не мѣшаетъ убѣждать дѣтей говорить правду и объяснять имъ плачевныя послѣдствія лжи. Всѣ ложныя показанія, лишенныя сознанія истины, очевидно можно объяснить силой дѣтской фантазіи и аффекта и узостью дѣтскаго сознанія. И у взрослаго во время аффекта, напримѣръ, во время горячаго спора, вырываются слова, въ полную правильность которыхъ онъ самъ не вѣритъ; иначе мы бы не видали, какъ часто человѣкъ въ спорѣ самъ себѣ противорѣчитъ. Когда сердце переполнено, слова вырываются наружу раньше, чѣмъ ихъ провѣряетъ разсудокъ; сердце же ребенка легко переполняется, потому что его представленія чувственнѣе и живѣе, чувства возбудимѣе, а интересы непосредственнѣе. Но эти причины необдуманной болтовни вѣрны только отчасти, существенную же причину составляетъ незначительная сила воспріимчивости дѣтскаго сознанія. Когда ребенокъ возбужденъ, онъ часто многое пропускаетъ, потому что ощущенія оставляютъ слишкомъ мало мѣста для представленій; когда же на ребенкѣ останавливается взглядъ отца или учителя, то онъ такъ волнуется, что отъ этого часто страдаетъ правда.

Эти причины еще чаще вызывали бы неправду, если бъ не вышеупомянутая склонность къ закономѣрному. Сначала механическая память ребенка, склонность слушать повтореніе все одного и того же составляютъ хорошее

упражненіе чувства правды и вѣрности фактовъ, благодаря чему событія передаются такъ, какъ они произошли. Затѣмъ приказаніе родителей говорить правду, поправка и порицаніе при каждой неправдѣ, наконецъ, приводятъ къ тому, что ребенокъ ставитъ правдивость выше всякаго послушанія. Указаніе на то, что взрослый не лжетъ, дѣйствуютъ отчасти морально, а отчасти потому, что дѣти охотно подражаютъ взрослымъ.

Достаточно извѣстно, что поведеніе окружающихъ ребенка не всегда ведетъ къ развитію въ немъ правдивости, и что ложь изъ вѣжливости, отговорки и вѣжливыя мины взрослыхъ передъ непріятными имъ людьми даютъ дѣтямъ первыя понятія и примѣры лжи. Выше было сказано, какъ ребенокъ не одобряетъ и не любитъ отступленія отъ правила; поэтому онъ набрасывается на лгуновъ и старается узнать, зачѣмъ они лгали. Удовлетворительнаго отвѣта при этомъ не получается, или, если хотите, ребенокъ благодаря этому дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ на пути къ вѣжливости, но зато на нѣсколько шаговъ отступаетъ отъ правдивости. Въ общемъ же значеніе подобныхъ случаевъ преувеличено, они случаются недостаточно часто и не такъ поразительны, чтобы сдѣлаться общей причиной лжи. Гораздо чаще на дѣтей дѣйствуетъ принужденіе смотрѣть бодро послѣ наказанія, подавить слезы и сказать, что имъ весело, или, что теперь случается рѣже, благодарить за благонамѣренное и полезное наказаніе. Ложь глубоко запечатлѣвается въ душѣ ребенка, потому что онъ долженъ маскировать и скрывать свои самыя сильныя чувства. Мудрый воспитатель не найдетъ здѣсь большого затрудненія, но, напротивъ, найдетъ его въ самой важной и постоянной причинѣ дѣтской лжи — въ страхѣ передъ наказаніемъ за сказанную имъ правду. Царство лжи въ самомъ строгомъ смыслѣ наступаетъ тогда, когда дѣти стараются какимъ бы то ни было образомъ извлечь изъ нея пользу. Какъ только ребенокъ замѣтитъ, что правда при извѣстныхъ обстоятельствахъ повредитъ ему, а ложь принесетъ пользу, то надо опасаться, что онъ воспользуется послѣдней. Чѣмъ свободнѣе воспитаніе, тѣмъ правдивѣе ребенокъ, говорили много разъ; это совершенно вѣрно, но развѣ на практикѣ ребенокъ не подвергается наказанію даже и по-

слѣ откровеннаго признанія? Во-время простить и во-время наказать—составляетъ задачу педагогическаго такта, и никакая психологическая теорія не можетъ дать ему въ этомъ случаѣ указанія. И возможно ли совершенно избѣжать порицанія и наказанія, разъ они только могутъ внушить дѣтямъ понятіе о безнравственности лжи? Но одно все же можно утверждать, а именно, что ребенокъ будетъ тѣмъ смѣлѣе, свободнѣе и потому правдивѣе, чѣмъ больше намъ удастся удалить отъ него привычки, искажающія душу, и ограничить степень стѣсненія. И опасность лживости возрастаетъ вдвойнѣ, когда ребенокъ замѣтитъ, что открытіе лжи и признаніе въ ней ведутъ къ двойному наказанію; тогда онъ дальнѣйшими неправдами постарается поддержать первую ложь и крѣпко будетъ держаться ея, хотя самъ охотно облегчилъ бы свою совѣсть правдой. Къ этому присоединяется еще то, что способность выказать свою силу съ помощью обмана доставляетъ ребенку такое же удовольствіе, какъ физическая побѣда надъ своими товарищами по игрѣ. Въ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются менѣе способныя дѣти, на лгуновъ особенно дѣйствуетъ восхищеніе остальныхъ дѣтей, которое заставляетъ лгуна все совершенствоваться во лжи. Поэтому ложь дѣйствуетъ заразительно, даже эпидемично. Теперь все болѣе и болѣе обращаютъ вниманіе на то, что ребенку легко заставить лгать и другихъ, поэтому нельзя придавать серьезнаго значенія даже свидѣтельству нѣсколькихъ учениковъ противъ учителя. Уже изъ древней исторіи извѣстно, что ложь и глупость заразительнѣе правды и разсудка. Похвала товарищей имѣетъ немалое значеніе для развитія лжи, но и дѣти болѣе юнаго возраста легко лгутъ, чтобы сыграть какую-нибудь роль, придать себѣ значеніе и понравиться окружающимъ. Первой переходной ступенью ко лжи можетъ послужить то, что ребенокъ ласковѣе и привѣтливѣе, чѣмъ ему хочется, отнесется къ своей матери, чтобы получить ея одобреніе. Такое явленіе часто переходитъ въ желаніе выказать свои поступки въ лучшемъ, часто фальшивомъ свѣтѣ, украшать ихъ все больше и больше и, наконецъ, сочинять цѣлыя исторіи, чтобы заслужить похвалу. Но нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ бываетъ трудно опредѣлить, желаетъ ли ребенокъ, чтобъ ему повѣрили, или просто хочетъ пошутить, играя

взрослыми и съ самимъ собой. Это свойство говорить неправду, чтобы возвысить свою личность, ведетъ больше къ тому, что мы назовемъ хвастовствомъ, но также часто влечетъ за собой нечестное отношеніе къ самому себѣ, которое становится корнемъ всякаго зла. Подобная и самая опасная форма лжи, нерѣдко встрѣчающаяся у дѣтей, заставляетъ ихъ чернить другихъ, сочинять на нихъ что-либо дурное, чтобы лишить ихъ ласки или, наконецъ, просто для того, чтобы повредить товарищамъ. Часто ребенокъ неясно сознаетъ вредъ, который приноситъ такой ложью, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда это сознаніе и не отсутствуетъ, онъ не въ силахъ удержаться отъ нея. Поразительно, что уже 3-хъ и 4-хлѣтнія дѣти выказываютъ самое глубокое раскаяніе въ той именно лжи, которой они обдуманно дольше всего придерживались; объясняется это горячностью дѣтскихъ чувствъ. Но для этого надо предполагать, что ребенокъ уже въ этомъ возрастѣ сознаетъ, что означаютъ ложь и правда, конечно, вслѣдствіе того, что ему было сказано и доказано окружающими.

Поэтому между дѣтьми отъ 12—14-ти лѣтъ мы не найдемъ ни одного, исключая идіотовъ, который не былъ бы убѣжденъ, что правда причисляется къ идеаламъ; напротивъ, мы встрѣтимъ цѣлый рядъ дѣтей, которыя питаютъ такой патологическій страхъ передъ всякимъ уклоненіемъ отъ дѣйствительности, что всякое свое показаніе начинаютъ словами «мнѣ кажется» и «можетъ быть». Они представляютъ собой существа, вполнѣ подчиненныя формальному закону и придерживающіяся буквы его; а можетъ быть, не слишкомъ отличаются отъ второй группы, которая не умѣетъ дѣлать различія между намѣренной неправдой и безсознательной неправильностью. Легко убѣдиться, что, при извѣстной неподвижности и неразвитости ума, можно ошибочно найти у ребенка наружное проявленіе очень высокой нравственности и большой безнравственности, между тѣмъ какъ въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ не о недостаткѣ разума. У дѣтей этого возраста правдивость часто и не всегда побѣдоносно вступаетъ въ споръ съ другими качествами; дѣти считаютъ справедливымъ ложнымъ признаніемъ взять на себя чужую вину и, ради героизма, не только забываютъ о лжи, но она кажется имъ достой-

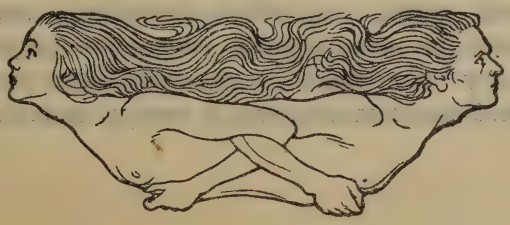
ной восхищенія. Часто также считается даже достоинствомъ лгать постороннимъ и нелюбимымъ учителямъ. Извѣстно, что школьники, всегда правдивые относительно родителей, до самаго юношескаго возраста считаютъ совершенно позволительнымъ обманывать учителя. Здѣсь повторяется то, что уже извѣстно изъ исторіи рода: всякое благородное отношеніе и добродѣтели слѣдуетъ развивать въ отношеніяхъ къ ближнимъ, надо пройти долгій путь, прежде чѣмъ любовь будетъ примѣнена не только въ теоріи; безконечный путь прежде, чѣмъ придутъ къ убѣжденію, что она важна также на практикѣ и, можетъ быть, непроходимый путь, прежде чѣмъ ее, дѣйствительно, будутъ примѣнять. Но подобные обманы учителей, если они отчасти и происходятъ изъ желанія дать щелчокъ своему начальству, все же главнымъ образомъ проистекаютъ изъ эгоизма, это обманъ ради выгоды. По статистикѣ видно, что большая часть лжи въ этомъ возрастѣ встрѣчается въ спортѣ и игрѣ, во время которыхъ, благодаря ей, пріобрѣтаются сейчасъ же замѣтныя выгоды; поэтому пришли къ убѣжденію, что во время возбужденія, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь очень интересномъ, чувство правдивости сильно страдаетъ; полное и сильное его развитіе составляетъ задачу, которую самовоспитаніе разрѣшаетъ только постепенно.

Здѣсь невозможно подробно описать, какъ развивается нравственное чувство ребенка, приходится довольствоваться нѣсколькими основными проблемами. Всѣ онѣ указываютъ на то, что нѣтъ ни врожденныхъ добродѣтелей, ни врожденныхъ пороковъ, но существуютъ врожденный темпераментъ, аффекты и влеченія, которые вмѣстѣ со степенью развитія разсудка предрасполагаютъ къ извѣстнымъ нравственнымъ качествамъ. Какъ сильно развиваются отдѣльные аффекты, насколько ихъ задерживаютъ другіе, такъ же зависитъ отъ окружающей среды и воспитанія, какъ и развитіе ума для воспринятія общихъ идей, или его застой въ узкой области ближайшей среды. Но отъ среды вполнѣ зависитъ то, что ребенокъ считаетъ именно нравственнымъ и что бываетъ лишь пріобрѣтеннымъ, а никогда не бываетъ врожденнымъ. Насколько каждый въ отдѣльности воспринимаетъ нравственныя правила, объ этомъ придется поговорить при описаніи отношеній ребенка къ его средѣ.

Въ каждомъ, вообще достижимомъ, развитіи можно различить три ступени; первая проистекаетъ изъ пассивнаго подражанія, пассивнаго неизмѣннаго чувства симпатіи или антипатіи, или совершенно пассивно изъ чувства страха. Это элементы нравственности, но еще не сама она; они относятся къ ней, какъ простое произнесеніе словъ относится къ сознательно правдивому или ложному показанію. Вторую ступень составляетъ нравственное сужденіе, находящееся сначала въ непосредственномъ соприкосновеніи съ законами среды. Затѣмъ, основываясь на немъ, наступаетъ расширеніе или суженіе этихъ законовъ и ихъ взаимное взвѣшиванье, при чемъ рѣшающими являются врожденныя свойства характера, если воспитаніе не вмѣшается въ дѣло новыми пріемами. Третья ступень проистекаетъ изъ двухъ первыхъ, и въ ней сходятся склонности, подражаніе и руководимое хорошимъ воспитаніемъ сужденіе; частое упражненіе здѣсь усиливаетъ нравственныя дѣйствія, заставляетъ ихъ перейти въ плоть и кровь, а изъ дѣйствій и сужденій проистекаетъ то внутреннее сліяніе, которое называютъ нравственнымъ чувствомъ и нравственнымъ тактомъ.

Отъ ребенка нельзя ожидать такой твердости и продолжительности опредѣленныхъ нравственныхъ качествъ. Возбудимость его фантазіи и его чувственной жизни слишкомъ легко перемѣшиваетъ цѣнности понятій. Физическія разстройства также случаются часто и продолжительно, питаніе можетъ раздражать и возбуждать капризы и тѣмъ вліять на всякія рѣшенія. Все непривычное дѣйствуетъ съ невѣроятной силой, поэтому одно измѣненіе всей окружающей среды можетъ измѣнить избалованнаго, нервно-капризнаго и несноснаго ребенка въ спокойнаго и послушнаго; но, конечно, лишь на то время, пока продолжается благопріятная перемѣна въ окружающей обстановкѣ. Кромѣ разнообразныхъ нарушеній въ нравственномъ поведеніи ребенка въ частностяхъ, заставляющихъ его нравственность колебаться и измѣняться, существуетъ еще одно свойство, которое различаетъ развивающуюся нравственность отъ вполнѣ законченной — а именно цѣльность. Только у взрослаго можно встрѣтить цѣльность характера, когда отдѣльныя побужденія приняли надлежащее отношеніе другъ къ другу и такимъ образомъ дали извѣстную однообраз-

ную окраску всей нравственной жизни. Ребенку недостаетъ той цѣльной, единой силы нравственности, которая вырабатывается только, какъ результатъ дѣятельности и ея согласованія съ принципами. Патологическіе случаи часто, какъ въ увеличительное стекло, показываютъ намъ то, что соотвѣтствуетъ и нормальному и нравственному поведенію ребенка; а именно, что въ немъ просто рядомъ другъ съ другомъ, безъ всякой связи, живутъ самыя разнообразныя нравственныя свойства, дѣйствія и сужденія. Существенной задачей воспитанія въ этомъ случаѣ является необходимость при однихъ обстоятельствахъ дѣйствовать примирительно, при другихъ дать возможность выступить благопріятнымъ сторонамъ и не дать развиться неблагопріятнымъ; способствовать тому, чтобы высокомѣрный потерпѣлъ неудачу при затруднительной задачѣ, а скромный могъ приписать себѣ то, что сдѣлали за него другіе. При такомъ образѣ дѣйствій воспитанію все-таки придется убѣдиться въ томъ, что оно не въ силахъ творить новое и измѣнять существующее. Воспитанію и безъ того достаточно будетъ дѣла, если оно будетъ добиваться того, чтобы поставить существующія наклонности ребенка въ опредѣленныя условія, если оно постарается дать воспитаннику возможность развить свои внутреннія качества и только опредѣлить направленіе, въ которомъ онъ долженъ дать выходъ своимъ душевнымъ движеніямъ. Конечно, воспитатель будетъ въ состояніи измѣнить лишь какую-нибудь одну сторону, потому что его нѣмые совоспитатели въ человѣческой и неодушевленной природѣ стоятъ на пути его плановъ и часто, именно своей преднамѣренностью, дѣйствуютъ сильнѣе чѣмъ онъ. Воспитаніе должно примириться съ ролью одного изъ существеннѣйшихъ элементовъ, которые опредѣляютъ пути человѣка; надъ нимъ все же рѣшающимъ образомъ стоитъ то, что сильнѣе всего образуетъ и преобразуетъ:—жизнь во всей ея полнотѣ. Надъ ней же еще то, что управляетъ самой жизнью — личность.



Влеченіе ребенка къ игрѣ и искусству.

(Съ психологической точки зрѣнія.)

В. Амента.

Всѣмъ извѣстно, что животное и человѣкъ, особенно въ юности, обладаютъ врожденнымъ влеченіемъ къ безцѣльной дѣятельности и что это влеченіе обыкновенно называютъ влеченіемъ къ игрѣ. Гроосъ, написавшій самыя обширныя и значительныя сочиненія объ игрѣ, правда, избѣгаетъ слова «влеченіе къ игрѣ» или «инстинктъ игры», потому что, по его мнѣнію, общаго влеченія къ игрѣ не существуетъ и игра скорѣе представляетъ особый способъ проявленія другихъ инстинктовъ и влеченій. У ребенка игра заполняетъ всю жизнь, у взрослаго же она должна уступить мѣсто сознательной и цѣлесообразной работѣ. Но и для взрослаго игра еще служитъ въ совершенно непосредственной формѣ средствомъ для отдыха, а посредственно игра живетъ еще въ высшей формѣ—въ формѣ искусства. Потому что оно произошло именно изъ простыхъ дѣйствій человѣка во время игры. Если бы мы этого не знали изъ первобытныхъ произведеній искусства первобытнаго человѣка и дикарей, мы могли бы тотчасъ же прочесть это на своемъ языкѣ, когда, напримѣръ, говоримъ, что «играемъ» на какомъ-нибудь инструментѣ, «играемъ» такую-то музыкальную пьесу или такое-то драматическое произведеніе. Мыслящій наблюдатель можетъ и теперь прослѣдить этотъ

родъ творчества у ребенка. Замѣтимъ радость ребенка при видѣ предметовъ, издающихъ громкіе звуки, при видѣ рисунковъ и при игрѣ словъ и риѳмъ. Такимъ же образомъ многія основанія науки (алхимія — изъ лишенныхъ всякаго плана химическихъ экспериментовъ многихъ мальчиковъ), народное хозяйство (инстинктъ собиранія и питанія первобытнаго человѣка, который можно сравнить съ влеченіемъ ребенка все класть въ ротъ) и наконецъ, вообще основанія всей культуры произошли изъ простыхъ дѣйствій игры.

«Въ самые первые мѣсяцы», говоритъ Жанъ Поль въ своей великолѣпной «Леванѣ, или наукѣ о воспитаніи», «ребенокъ еще не знаетъ творческой игры или напряженія, онъ только чувствуетъ. При быстромъ ростѣ тѣла и подъ вліяніемъ наплыва ощущеній, переполненная душа еще не способна къ самодѣятельнымъ играмъ, въ которыхъ потомъ изливается избытокъ силы. Она хочетъ лишь смотрѣть, слушать, хватать, стучать». Онъ очень удачно замѣтилъ здѣсь моментъ въ развитіи дѣтской игры, но не совсѣмъ удачно выразилъ его сопоставленіемъ понятій «ощущать» и «творить». Современный психологъ выразился бы яснѣе: у крошечнаго ребенка мы вообще наблюдаемъ больше проявленій въ игрѣ его несложныхъ душевныхъ функцій, какъ двигательныхъ, такъ и функцій его чувствъ и ощущеній, дѣятельности интеллекта и внушаемости. Гроосъ назвалъ эти игры экспериментирующими, потому что онѣ составляютъ эксперименты надъ душевными функціями. Но мы желали бы оставить это названіе за играми дѣтей, имѣющими своимъ источникомъ инстинктъ любопытства и любезнательности, а здѣсь вообще говорить лишь объ играхъ, при посредствѣ функцій.

Прежде всего во всякомъ возрастѣ бросается въ глаза игра, вызванная влеченіемъ къ движенію. Движеніе составляетъ душу всякой дѣтской игры, какъ физическое, такъ и душевное, но мы все же имѣемъ въ виду первое, наружное, когда говоримъ о подвижныхъ играхъ; но, конечно, въ широкомъ смыслѣ этого слова, потому что, при оцѣнкѣ значенія различныхъ игръ для воспитанія юношества, мы встрѣтимъ еще разъ это названіе для опредѣленной группы игръ, уже въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Уже у совсѣмъ маленькихъ дѣтей можно видѣть, какъ они радуются все-

возможнымъ движеніямъ своихъ собственныхъ членовъ. Грудной младенецъ барахтается ножками и ручками въ своихъ пеленкахъ, кричитъ, визжитъ, лепечетъ и самъ этому радуется. Если его завернутъ въ пеленки, онъ продолжаетъ работать по воздуху ручонками. Во время сосанья онъ треплетъ ручкой грудь матери. Если мать вложитъ ему въ ручки какой-нибудь маленькій предметъ, напримѣръ, дѣтскую трещетку, онъ зажимаетъ ее и двигаетъ ею. Онъ даже вкладываетъ ее въ ротъ и кусаетъ ее. Все это составляетъ начало его игры. Ребенокъ болѣе старшаго возраста ползаетъ, встаетъ, ходитъ, бѣгаетъ, безъ смысла носится по комнатѣ, прыгаетъ и даже, сидя, не можетъ успокоиться. Замѣчательно, что дѣти особенно любятъ кружиться. Часто они обхватываютъ одной или обѣими руками какой-нибудь шестъ или деревцо, ногами обхватываютъ корни и кружатся вокругъ ствола. То же самое дѣлаютъ дѣти, взявшись обыкновенно вдвоемъ за руки и упершись другъ въ друга ногами. Изъ этихъ первобытныхъ наклонностей человѣка, конечно, произошли и народныя круговыя пляски. Такимъ образомъ ребенокъ, играя, изучаетъ мѣстное движеніе во всемъ его разнообразіи. Особенную прелесть имѣютъ для ребенка и искусственные способы движенія; ѣздить верхомъ и кататься въ воображаемыхъ или настоящихъ экипажахъ для него составляетъ величайшее наслажденіе. Ребенокъ, который не радуется движенію, боленъ.

Какъ дѣти радуются движенію своихъ собственныхъ членовъ, такъ сильно радуются они и заставляя двигаться разные предметы, что мы можемъ замѣтить, когда будемъ говорить объ экспериментальныхъ играхъ; такую же радость они испытываютъ, видя движеніе постороннихъ вещей, что относится къ зрительнымъ играмъ.

Любопытство и жажда знанія съ самыхъ раннихъ лѣтъ влекутъ ребенка къ изслѣдованію; для этого онъ разрушаетъ и строитъ. Прелесть новизны особенно легко и сильно возбуждаетъ эти влеченія ребенка — даже до самаго зрѣлаго возраста. Одинъ высокообразованный взрослый господинъ, напримѣръ, остановившись нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной гостинницѣ, въ которой только что провели электричество, нашелъ большое удовольствіе въ томъ, что чуть не двѣнадцать разъ подрядъ тушилъ и за-

жигалъ его, пока наконецъ токъ совсѣмъ пересталъ дѣйствовать. Мы назовемъ проявленіе такихъ влеченій экспериментальными играми. Грудной младенецъ уже хватается и ощупываетъ все, что попадетъ ему подъ руку, беретъ предметы въ ротъ и кусаетъ ихъ, трясетъ трещеткой, потому что она радуетъ его своимъ стукомъ, и рветъ кусочки бумаги. Ребенокъ постарше разбираетъ свои игрушки, рветъ книжки съ картинками или выбрасываетъ все изъ ящиковъ. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ заключается первобытное стремленіе узнать природу вещей, въ особенности же убѣдиться, подвижны ли они или живы, а также можно ли ихъ ѣсть. Когда ребенокъ научится бѣгать, онъ безсознательно силой врожденнаго чувства стремится неудержимо къ матери-природѣ. Въ свѣтлый солнечный день ребенка такъ же трудно удержать дома, какъ и собаку. И это хорошо. Потому что внѣ дома его ждутъ тысячи и тысячи предметовъ, съ которыми онъ долженъ познакомиться. Похожденія на дворѣ и въ саду, улица, поле, лугъ и лѣсъ, ручей и озеро — все это представляетъ для его пытливаго ума новыя открытія. Извѣстно, что любимыя естественныя игрушки ребенка составляютъ вода, песокъ и огонь. Какъ охотно играютъ дѣти пламенемъ свѣчи, пока не обожгутъ себѣ пальчиковъ! Въ Вецларѣ я однажды встрѣтилъ на окраинѣ города трехъ маленькихъ дѣвочекъ отъ 10 до 11 лѣтъ, которыя указали мнѣ дорогу. На мой вопросъ, что онѣ тутъ дѣлаютъ, онѣ отвѣчали мнѣ: «мы разводимъ огонекъ». Не удивительно ли, что любимыми игрушками дѣтей служатъ именно тѣ элементы, которые послужили началомъ человѣческой культуры? Камни, цвѣты, бабочки и жуки дѣлаются жертвой дѣтскаго влеченія къ собиранію. Ребенокъ дѣлаетъ открытіе, что закрытыя въ видѣ бутона чашечки цвѣтка Silene inflata щелкаютъ, если надавить ихъ большимъ пальцемъ, или что можно сдунуть одуванчикъ. Правда, что онъ также и безразсудно разрываетъ иногда цвѣты или сбиваетъ верхушки цвѣтущихъ кустовъ. Жуки и бабочки часто подвергаются опасности быть насаженными живыми на булавки, а гнѣзда птицъ часто страдаютъ отъ дѣтей, особенно отъ мальчиковъ. Я припоминаю одинъ экспериментъ изъ моей юности, когда я хотѣлъ испытать, можетъ ли моя кошечка такъ же плавать въ водѣ, какъ и собака. Когда бѣд-

ное животное сверхъ ожиданія погибло, я весь промокъ, доставая его изъ бассейна. О другомъ экспериментѣ — подѣйствуетъ ли электрическій толчокъ маленькаго индуктора Румкфора, который я разъ случайно испыталъ, на кошку, такъ же какъ и на меня — я лучше умолчу.

Глубоко заложенный въ душу человѣка врожденный инстинктъ подражанія рано ведетъ къ широкому подражанію всѣмъ окружающимъ, а благодаря этому къ подражательнымъ играмъ. Такъ какъ съ подражаніемъ рука объ руку идетъ сильная доза фантазіи, то эти игры отчасти превращаются въ фантастическія, а отчасти въ игры воображенія. Подражаютъ живымъ существамъ и предметамъ. Живымъ существамъ подражаютъ мимически, подражаютъ ихъ разговору и привычкамъ. Такимъ образомъ ребенокъ почтительно играетъ въ отца и мать, при чемъ для перваго случая ему достаточно отцовской шляпы и палки, а для второго «ребенка», которымъ служитъ кукла или младшіе братецъ и сестричка, которые при этомъ должны подчиниться и необходимой порціи колотушекъ. Затѣмъ дѣти охотнѣе всего подражаютъ солдату, мастеровому, кучеру, пожарному, а также и пастору. Извѣстно, что Шиллеръ мальчикомъ охотно произносилъ, стоя на стулѣ, проповѣди и вслѣдствіе этого ему грозила опасность сдѣлаться священникомъ. Подражаніе рѣчи особенно важно, когда ребенокъ учится говорить. Послѣ человѣка ребенокъ также охотно подражаетъ животнымъ. Играя въ собаку, онъ лаетъ, въ кошку—мяукаетъ, въ лошадь—ржетъ. Въ моемъ изслѣдованіи «О развитіи рѣчи и мышленія у ребенка» 1899 г. наблюдаемая мной Луиза познакомилась съ собакой, которую звали Белло, и которая часто подавала ей лапу. На 1174-мъ днѣ своей жизни она играла въ «Белло», подавала своей мамѣ ножку и говорила: «теперь я Белло и потому должна тебѣ подавать ногу вмѣсто руки». Ребенку еще пріятнѣе обладать лошадью, чѣмъ самому играть въ нее. Но такъ какъ не всѣмъ смертнымъ достается такое счастье, то лошадь изображаютъ, стоя на четвереньках отецъ, или дядя, или просто слуга. О Шиллерѣ разсказываютъ, что онъ игралъ въ «льва» съ своимъ мальчикомъ Карломъ, ползая передъ нимъ по комнатѣ въ видѣ «льва». А въ чемъ только ребенокъ не подражаетъ предметамъ! Часто это

дѣлается съ особой вѣрностью оригиналу, а часто съ помощью сильнаго воображенія. Напримѣръ, когда ребенокъ при помощи стула или печки играетъ въ карету или желѣзную дорогу. Наконецъ, вспомнимъ, какъ обезьянничаетъ ребенокъ, когда овладѣетъ «искусствомъ рисованія». Въ такихъ случаяхъ его врожденная острая наблюдательность часто творитъ каррикатуры въ самомъ настоящемъ эстетическомъ смыслѣ. На воспитательное значеніе подражанія слѣдуетъ обратить большое вниманіе. Оно служитъ главнымъ средствомъ передачи культуры подрастающему поколѣнію.

Двигательныя функціи выражаютъ дѣятельность душевныхъ функцій во время игры, а именно влеченія къ движенію и др. Послѣ нихъ мы разсмотримъ роль чувствъ при играхъ. То, что мы здѣсь обсуждаемъ дѣйствія воли раньше чувственныхъ функцій, имѣетъ основаніе, на которое мы не можемъ не указать ученымъ читателямъ. Прежде всего это не есть, какъ это сразу могли подумать,— основанія волунтаризма, т.-е. того ученія, которое разсматриваетъ волю, какъ исходный пунктъ душевной жизни; это — основаніе методичное. Прежде всего мы у ребенка — какъ и у животнаго и даже у взрослаго человѣка, слѣдовательно во всей области науки о душѣ — видимъ только одну внѣшнюю реакцію и можемъ отвести чувственному возбужденію, какъ причинѣ, лишь второстепенное мѣсто. Кусмауль, Генумеръ и Прейеръ, напримѣръ, дѣлали опыты надъ новорожденнымъ, чтобы узнать, можетъ ли онъ уже видѣть, слышать, обонять, ощущать вкусъ и осязать. Чтобъ это установить, они возбуждали органы этихъ чувствъ соотвѣтствующими средствами. Что возбужденіе чувства иногда наступало, они могли принять лишь тогда, когда вслѣдъ за раздраженіемъ слѣдовала реакція рефлективнаго или инстинктивнаго характера. То же самое можно сказать относительно игры. Что ребенку нравится, напримѣръ, шумъ трещотки, мы узнаемъ изъ того, что онъ очень часто вертитъ ее. Но это заключеніе не безусловно вѣрно. Такія движенія могутъ имѣть еще и другія причины, а именно удовольствіе, которое доставляютъ сами эти движенія. Иначе смотритъ на это такъ называемая общая наука о душѣ, основывающаяся прежде всего на самонаблюденіи и опустившая вышеприведенный фактъ, который она могла

бы использовать для исправленія системы, когда она обратилась къ сравнительной наукѣ о душѣ. Общая наука о душѣ направленія Вундта также по причинамъ волунтаризма легко можетъ согласиться съ подобнымъ нововведеніемъ.

Въ проявленіи чувственныхъ функцій въ игрѣ очень рано бросаются въ глаза осязательныя игры. Ребенокъ часто ощупываетъ части своего тѣла, что составляетъ важный факторъ въ образованіи его самосознанія, хватается за различные посторонніе предметы, возбуждающіе его любопытство, и еще охотно суетъ ихъ въ ротъ, сосетъ и кусаетъ, а позднѣе суетъ ихъ даже въ носъ. Всѣмъ извѣстно сосанье большого пальца и ковырянье въ носу.

Еще большее значеніе имѣютъ слуховыя игры. Гроссъ дѣлитъ ихъ на игры, состоящія въ прислушиваніи къ звукамъ, и на такія, въ которыхъ производится звукъ. Радость ребенка при прислушиваніи къ звукамъ, особенно ритмичнымъ (напр., къ тиканью карманныхъ часовъ, къ музыкѣ), наблюдается очень рано. Но и собственное производство звуковъ, принимающее скоро широкіе размѣры, также рано развивается. Прежде всего звуки эти производятся дѣтской трещоткой, — старѣйшей изъ дѣтскихъ игрушекъ. Затѣмъ наступаетъ игра голосомъ, ребенокъ кричитъ, визжитъ, радостно вскрикиваетъ и лопочетъ, при чемъ наслаждается не только его двигательный аппаратъ, но и его ухо. Ребенокъ болѣе старшаго возраста въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, стоитъ гораздо выше. Онъ кричитъ, поетъ, визжитъ, дѣйствительно потому, что это доставляетъ ему удовольствіе. Того, чего онъ не можетъ достигнуть однимъ своимъ голосомъ, онъ достигаетъ съ помощью искусственныхъ вспомогательныхъ средствъ, напримѣръ, съ помощью жестяной трубы или простой палки, которую онъ тащитъ по полу. Страхъ многихъ людей передъ дѣтьми есть именно страхъ передъ шумомъ, который они производятъ.

Зрительныя игры не менѣе поразительны, чѣмъ слуховыя игры. Уже грудной ребенокъ слѣдитъ за свѣтомъ и движущимися предметами и радуется имъ. Что дѣтская трещотка составляетъ для уха, то арлекинъ составляетъ для глазъ. Когда ребенокъ уже можетъ хвататься за вещи, то онъ сейчасъ же тянется за ними. Уже многихъ любовь дѣ-

тей ко всему блестящему приводила въ отчаяніе особенно, когда они, благодаря ей, хватаются за золотые очки. Краски также глубоко возбуждаютъ дѣтскую душу. Все пестрое и яркое имѣетъ для нихъ большое преимущество. Поэтому игрушки всегда пестро раскрашиваются. Я зачастую замѣчалъ у своихъ кузинъ, что онѣ брали съ блюда прежде всего самыя пестрыя конфеты, хотя это были и не самыя вкусныя. Мой братъ, когда еще былъ ребенкомъ, однажды разукрасилъ собаку пестрыми пятнами. Поэтому фабрикуются также такъ называемыя красочныя игры, цвѣтные камешки, изъ которыхъ ребенокъ составляетъ фигуры. Такъ же интересуетъ дѣтей смотрѣть на движеніе постороннихъ предметовъ. Поэтому они гораздо больше интересуются людьми и животными, чѣмъ растеніями, что видно изъ статистики представленій и дѣтскихъ рисунковъ.

Проявленіе игры чувствъ составляетъ не поверхностное явленіе. «Наслажденіе боли» должно быть еще очень далекимъ для ребенка и можетъ скорѣе быть игрой для взрослыхъ. Но тѣмъ значительнѣе вспомогательное участіе чувствъ въ дѣтской игрѣ — радость и удовольствіе, которыя игра доставляетъ ребенку. Видимо они выражаются въ смѣхѣ.

Между играми, въ которыхъ проявляется интеллектъ, надо обратить вниманіе на разсудочныя игры (отгадки, загадки, карточныя игры) и въ особенности на фантастическія игры. Ребенокъ дѣлаетъ душевно такіе же прыжки, какіе производитъ и физически. Поэтому мы наблюдаемъ у него свободную и широкую игру фантазіи. Между подражательными играми мы видѣли цѣлый рядъ фантастическихъ игръ, далѣе напомнимъ любимыя преувеличенія детей и страсть ихъ къ лжи въ цѣляхъ игры. Фантастическія игры ребенка важны, какъ исходный пунктъ для него къ творческому искусству. Уже рано появляется связная форма рѣчи въ риѳмованныхъ играхъ, а позднѣе въ первыхъ опытахъ стихотворства. Въ моемъ портфелѣ имѣются нѣсколько образцовъ дѣтской поэзіи (юмористическіе и поздравительные стишки, а также и серьезные лирическіе опыты).

Надо замѣтить, что для нашего изслѣдованія мы стоимъ на очень неблагопріятной почвѣ, такъ какъ кромѣ скудныхъ случайныхъ замѣтокъ у насъ имѣются лишь два со-

чиненія, принципіально трактующія этотъ предметъ — «L'art et la poésie de l'enfant» Перэ 1888 г. и затѣмъ вторая часть сочиненія Дирофа «О душевной жизни ребенка» 1904 г. О такой бѣдности можно только пожалѣть.

Давно уже замѣчено, что ребенокъ вѣритъ всему, что изобрѣтетъ его богатая фантазія, благодаря своей сильной способности поддаваться внушенію. Поэтому Конрадъ Ланге въ своей «Сущности искусства» говоритъ и объ играхъ воображенія. «Большая часть дѣтскихъ игръ», говоритъ онъ въ другомъ сочиненіи, «представляютъ игры воображенія». Со временъ Жана Поля много разъ наблюдали, что дѣвочки зачастую предпочитаютъ не самую изящную и модную куклу, а что любимицей ихъ является часто совсѣмъ изломанная или даже просто сшитая домашнимъ способомъ изъ разныхъ лоскутьевъ. Вѣроятно многіе по этому поводу вспомнятъ прелестную картину Кнауса «Маленькая мамаша». Многихъ дѣтей трогаютъ до слезъ прочитанные имъ печальные разсказы. Удивительное, съ трудомъ поддающееся изслѣдованію и потому совершенно недостаточно изслѣдованное явленіе представляетъ то, что называютъ внутренней душевной жизнью ребенка. Каждый, навѣрное, еще помнитъ сны наяву своей дѣтской фантазіи, которая рисовала ему идеалы храбрости и величія и созидала всевозможные воздушные замки. На эту замѣчательную сторону душевной жизни, которая не проявляется для окружающихъ ни видимыми жестами, ни выраженіемъ лица, словами или дѣйствіями, а напротивъ тщательно скрывается въ глубинѣ души, указываетъ въ особой работѣ Мозесъ. Ребенокъ не раскрываетъ своей душевной жизни, какъ дѣлаетъ безумный: мальчикъ разсказываетъ, что онъ солдатъ, безумный объявляетъ, что онъ король. Здравый разсудокъ научаетъ взрослаго не говорить лишняго. Полнѣйшая иллюзія вырабатывается особенно въ фокусахъ, которыми дѣти, какъ извѣстно, сильно интересуются. Именно радость ребенка при осуществленіи иллюзіи побудила нашихъ современныхъ художниковъ къ изображенію такъ называемыхъ «новѣйшихъ игрушекъ». Эти игрушки своими несложными формами, яркими пестрыми красками и чуждой всякому натурализму стилизаціей— должны доставлять питаніе дѣтскому воображенію.

Всемогущая сила сотворила матерію изъ ея же элемен-

товъ во всемъ ея разнообразіи до сложнаго яичнаго бѣлка, носителя жизни, включительно; изъ нѣсколькихъ звуковъ она вызвала такія произведенія искусства, какъ девятая симфонія Бетховена или музыкальная драма Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунговъ», изъ несложныхъ душевныхъ функцій она сотворила новое, величайшее въ сложной душѣ. Послѣдняя составляетъ совокупность всѣхъ несложныхъ душевныхъ функцій и имѣетъ новыя, болѣе крупныя задачи: выполнять всѣ жизненныя функціи человѣка, быть его душой. Жизненная дѣятельность его двоякаго рода: прежде всего ему приходится заботиться о нуждахъ своего собственнаго тѣла, а затѣмъ и о нуждахъ ближнихъ, связанныхъ съ нимъ общественной жизнью, первая изъ нихъ представляетъ культуру, вторая общественность. Эта маленькая отрасль объясняетъ намъ игру старшаго ребенка; а именно у ребенка болѣе старшаго возраста проявленіе игры съ участіемъ менѣе сложныхъ душевныхъ функцій все больше и больше переходитъ въ игру болѣе сложныхъ жизненныхъ проявленій, культурныхъ и общественныхъ (спеціальныхъ). Такъ какъ въ этихъ играхъ многократно проявляется игра несложныхъ функцій, то намъ невозможно говорить объ однѣхъ, не упоминая и о другихъ. Гроссъ довольствовался въ этомъ случаѣ, въ ожиданіи лучшаго обозначенія, въ противоположность обозначенію— «проявленіе игры инстинктовъ перваго разряда» или «экспериментальныя игры», мало удовлетворительнымъ обозначеніемъ—«проявленіе игры инстинктовъ второго разряда». Не пытаясь разрѣшить эти затрудненія, мы назовемъ эти игры, принимая во вниманіе изслѣдованія жизненныхъ проявленій съ помощью біологіи и душевной эволюціи, при посредствѣ недавно возникшей физіологической психологіи, біологическими играми.

Культурныя игры мы встрѣчаемъ во многихъ, сильно распространенныхъ играхъ, частью при поверхностномъ, а частью только при болѣе глубокомъ наблюденіи. Къ удивленію приходится сказать, что эти игры мы уже находимъ въ распространенныхъ играхъ въ прятки и ловлѣ другъ друга. Эти игры не что иное, какъ выраженіе первобытнаго влеченія человѣка къ охотѣ, благодаря которому онъ съ самыхъ древнихъ временъ добывалъ себѣ

большую часть пищи и доставлялъ себѣ развлеченіе, и потому ихъ можно назвать охотничьими играми. Онѣ пробуждаются уже у самаго маленькаго ребенка, который громко выражаетъ свою радость, когда кто-нибудь бѣжитъ отъ него или издали кричитъ ему — ку-ку. Ребенокъ старшаго возраста удовлетворяетъ свое влеченіе къ охотѣ только что названными играми или дѣйствительно охотится за животными, напр., за бабочками, жуками, бѣлками и т. п. Далѣе культурныя игры составляютъ: игра кубиками, строительныя игры, съ инструментами, ремесленныя игры и т. п. Миѳическія влеченія въ человѣческой душѣ, исходные пункты умственной культуры, въ дѣтской душѣ, какъ и во всякой неразвитой душѣ вообще, не имѣютъ никакого сдерживающаго начала. Любимое занятіе дѣтей—вопрошать судьбу, и для этого, рядомъ съ многими возвышенными формами игръ, они изобрѣли и очень прозаичную игру въ счастье. Мы понимаемъ, что она можетъ дать уже разыграться и страстямъ ребенка.

Вѣнецъ всякой игры представляетъ это проявленіе чувствъ общественности. Причина этого заключается въ интересѣ живого существа къ существу подобному себѣ. Вслѣдствіе этого ребенокъ всякой другой игрѣ предпочитаетъ игру съ товарищемъ. Воспитательное значеніе этого факта очень велико, и Жанъ Поль справедливо стоитъ за игру съ товарищами. «Если люди сотворены для людей, — говоритъ онъ, — то и дѣти для дѣтей!» Игра въ любовь у ребенка стоитъ на самомъ заднемъ планѣ, исключая намековъ на нее въ игрѣ въ «папу» и «маму»; но игра въ воспитаніе часто наблюдается при игрѣ въ куклы и въ мать. Разговорныя игры (фанты и т. п.) и зрѣлища (театръ и другія представленія, хороводы) и ихъ значеніе въ дѣтской жизни слишкомъ извѣстны, чтобы много говорить о нихъ въ этой статьѣ. Но всѣмъ этимъ играмъ недостаетъ одного, что обезпечило бы имъ продолжительный интересъ, какъ для настоящей минуты, такъ и на всю жизнь, а именно измѣренія своихъ силъ, борьбы. Поэтому никакія игры не могутъ быть такимъ средоточіемъ интереса, какъ у ребенка такъ и у взрослаго, какъ борьба. Мальчикъ борется, играетъ въ солдаты, въ разбойниковъ, индѣйцевъ, а взрослый занимается спортомъ. Всѣ эти игры составляютъ борьбу

партій. Особенную форму игры въ борьбу представляетъ удовольствіе дразнить.

Всѣ народы обладаютъ переходящими изъ поколѣнія въ поколѣніе дѣтскими играми. Частью онѣ по своему происхожденію составляютъ творчество дѣтей, частью перешли къ намъ изъ дѣтства самихъ народовъ. Извѣстно, что дѣти въ играхъ, танцахъ, пѣсняхъ и пѣніи передали намъ много народнаго, того, что въ древнія времена было достояніемъ взрослаго. Этимъ сокровищемъ дѣтскихъ игръ недавно начала пользоваться педагогика въ интересахъ естественнаго воспитанія. Она беретъ его у ребенка изъ народа и учитъ ему ребенка въ школѣ. Всякій знаетъ игры, которыя, систематически сгруппированныя, названы бѣговыми играми: напр., прыганье черезъ веревочку. бѣганье другъ за другомъ, прятки; танцовальными играми, напр., хороводы,—играми бросанья и ловли—напр., игра въ мячъ; играми съ пѣніемъ и мимическими играми, и наконецъ игры, служащія для развитія физической ловкости и силы, названы гимнастическими играми.

«Много лѣтъ тому назадъ»,—такъ начинаетъ Гербертъ Спенсеръ въ своемъ сочиненіи «Принципы психологіи» главу объ «эстетическихъ чувствахъ»,—«я напалъ на цитату изъ одного нѣмецкаго сочиненія, гласившую, что эстетическія чувства проистекаютъ изъ влеченія къ игрѣ. Имя автора ускользнуло изъ моей памяти, и я не помню, были ли приведены какія-нибудь основанія для этого утвержденія, а также какіе выводы были изъ него сдѣланы. Но это сужденіе осталось въ моей памяти, потому что оно, хотя и не буквально вѣрно, но все же содержитъ въ себѣ тѣнь истины». Нѣмецкій авторъ, имя котораго забылъ Спенсеръ, не кто иной, какъ Шиллеръ, который въ 27 письмѣ «Объ эстетическомъ воспитаніи человѣка» вполнѣ развилъ эту мысль. Но кромѣ того Шиллеръ высказываетъ еще другую мысль, которая также повторяется Спенсеромъ, а именно, что игра объясняется избыткомъ жизненной силы. «Животное,—говоритъ Шиллеръ,—работаетъ, когда побудительной причиной къ этому является недостатокъ въ питаніи, и играетъ, когда побудительной силой является избытокъ силъ, побуждающій его къ дѣятельности». А Спен-

серъ говоритъ: «Низшія животныя имѣютъ то общее между собой, что всѣ ихъ силы направлены на отправленіе тѣхъ функцій, которыя необходимы для сохраненія жизни. Мы видимъ, что они безпрестанно заняты исканіемъ корма, стараніемъ спастись отъ враговъ, устроить себѣ убѣжище, или заботой о дѣтенышахъ. Но, поднявшись до животныхъ высшаго типа, которыя одарены болѣе многочисленными и развитыми способностями, мы увидимъ, что ихъ время и силы не исключительно посвящены заботѣ объ удовлетвореніи первыхъ потребностей. Доставляя себѣ, благодаря своему превосходству, лучшую пищу, они достигаютъ и большей жизненной силы. Разъ ихъ потребности удовлетворены, они уже не имѣютъ охоты направлять свои излишнія силы на преслѣдованіе новой добычи. Они расходуютъ эти силы въ игрѣ и именно въ формѣ подражанія. «Изъ этого, — говоритъ Спенсеръ, — происходитъ позднѣе игра во всякой (!) формѣ». Объясненіе происхожденія игры отъ избытка жизненной силы съ тѣхъ поръ обошло весь свѣтъ подъ названіемъ «теоріи избытка силъ». Послѣ Шиллера и еще до Спенсера эту теорію поддерживали Жанъ Поль, философъ Фридрихъ Эдуардъ Бенеке и Юргенъ Бона Мейеръ, а позднѣе Колоцца, по мнѣнію котораго, для игры, кромѣ извѣстнаго избытка силъ, требуется еще болѣе или менѣе высокая степень психической дѣятельности.

Очень старое мнѣніе, на первый взглядъ кажущееся противорѣчіемъ теоріи избытка силъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывающееся болѣе, чѣмъ ея дополненіемъ, недавно было высказано Шаллеромъ и Лацарусомъ. По ихъ мнѣнію, игра — это отдохновеніе и этотъ взглядъ назвали теоріей отдохновенія. Слѣдовательно, съ одной стороны, избытокъ силъ, съ другой, отдохновеніе. «Тамъ расточительно выбрасываютъ за окно, здѣсь успѣшно собираютъ въ житницу». И все же здѣсь нѣтъ противорѣчія, только одна мысль освѣщаетъ двѣ разныя стороны. Потому что, по этому взгляду, во время игры тратятся силы, набранныя во время работы, а при работѣ возобновляются силы, истраченныя во время игры. Игра и работа нѣкоторымъ образомъ представляютъ два смѣняющихъ другъ друга проявленія дѣятельности, при которомъ одна отдыхаетъ, а другая возобновляется.

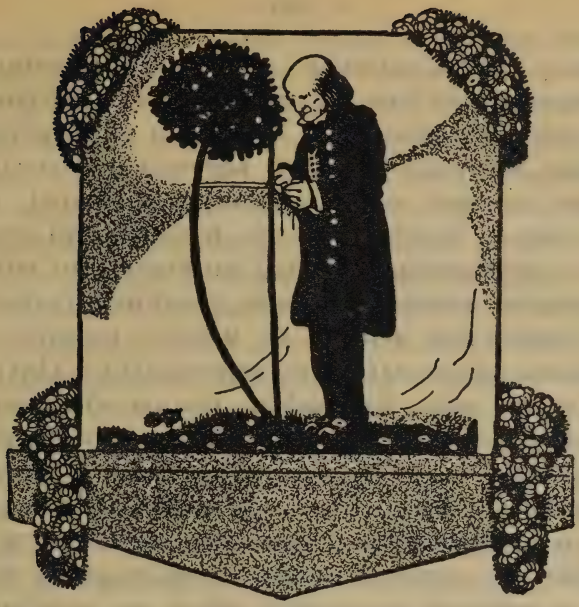
Противникомъ теоріи избытка силъ и теоріи отдохновенія явился Гроосъ. Противъ теоріи избытка силъ онъ говоритъ, что игрѣ совсѣмъ не должно непремѣнно предшествовать состояніе покоя, означающее накопленіе силъ. Спенсеръ особенно подчеркиваетъ, что не всѣ игры являются подражательными, что, напротивъ, многія, какъ, напримѣръ, экспериментальныя игры ребенка, совсѣмъ не принадлежатъ къ нимъ. Теорію отдохновенія Гроосъ упрекаетъ въ томъ, что объ ней была высказана мысль, которая въ ограниченной области была бы очень плодотворной, но совершенно несправедливо распространяется на все царство игръ. Онъ говоритъ, что въ этомъ случаѣ судятъ слишкомъ съ точки зрѣнія взрослаго, который вечеромъ послѣ дневного труда ищетъ отдохновенія въ какой-нибудь «игрѣ». Но что молодая собака потому бѣгаетъ и играетъ съ другими, что ощущаетъ необходимость въ отдыхѣ, этого никто не станетъ серьезно утверждать. Гроосъ думаетъ, что Спенсеръ самъ указываетъ намъ путь къ вѣрному отвѣту, когда говоритъ, что дѣятельности, которымъ подражаютъ въ игрѣ, суть именно тѣ, которыя играютъ въ жизни отдѣльныхъ существъ главную роль, и когда прибавляетъ къ этому замѣчаніе о разбойничьихъ и разрушительныхъ инстинктахъ, которые идеально удовлетворяетъ игра. «Здѣсь,—говоритъ онъ,—мы, дѣйствительно, наталкиваемся на мысль, которая руководила нами во время всего нашего систематическаго изслѣдованія, и которая, по моему мнѣнію, оказалась вполнѣ плодотворной. Не подражаніе, но жизнь влеченія и инстинкта должна объяснить намъ отдѣльныя формы игры». Біологическая цѣнность игры, по мнѣнію Грооса, состоитъ въ упражненіи или въ развитіи унаслѣдованныхъ во время юности способностей. Этотъ взглядъ получилъ названіе теоріи упражненія или теоріи саморазвитія.

Противъ Грооса въ защиту теоріи избытка силъ выступилъ Карръ, хотя и въ преобразованной формѣ, и это-то преобразованіе, какъ и весь трудъ Карра, заслужило со стороны Грооса полнѣйшее признаніе въ его новѣйшихъ лекціяхъ о «душевной жизни ребенка» въ 1904 г. Карръ пытается измѣнить понятіе объ избыткѣ силъ такимъ образомъ, чтобы мѣсто уже имѣющейся накопленной силы за-

няло стремленіе легко и быстро пріобрѣсти избытокъ силъ. «Измѣненная такимъ образомъ мысль,—говоритъ Гроосъ,— мнѣ чрезвычайно симпатична». Что его критика Спенсера не обращена противъ этой формулы и потому не можетъ быть опровергнута ссылкой на нее—вполнѣ ясно. Поэтому, если мы признаемъ мнѣніе Карра, которое представляетъ существенное измѣненіе мнѣнія Спенсера, мы все же можемъ попрежнему отвергать послѣднее. Данная имъ раньше теорія упражненія относится къ измѣненію теоріи избытка силъ Спенсера совсѣмъ не въ противномъ смыслѣ и лишь составляетъ дополненіе къ ней, прибавляя къ физіологической точкѣ зрѣнія біологическую. Слѣдовательно мы имѣемъ право говорить здѣсь о компромиссѣ между теоріей упражненія и теоріей избытка силъ.

О дѣтскихъ играхъ см.:

Г. А. Колоцца. Психологія и педагогика дѣтской игры. Русскій перев. 1910 г.



Нервность въ дѣтскомъ возрастѣ.

Профессора С. Брунса.

Теперь прошли тѣ времена, когда, затрагивая вопросъ о нервности въ дѣтскомъ возрастѣ, приходилось сначала отвѣчать на удивленные вопросы, что дѣйствительно въ дѣтскомъ возрастѣ существуетъ нѣчто подобное. Теперь же всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя по своему призванію или вслѣдствіе особаго интереса къ этому вопросу приходили съ нимъ въ соприкосновеніе, извѣстна частота случаевъ нервности въ дѣтскомъ возрастѣ и ея значеніе для всей дальнѣйшей жизни даннаго индивидуума. Прежде всего съ ней, конечно, имѣютъ дѣло врачи и педагоги, а затѣмъ и всѣ тѣ, кто принимаетъ участіе въ соціальной и филантропической дѣятельности; широкая публика—особенно родители—также познакомились съ дѣтской нервностью по поводу страстно обсуждавшагося вопроса о школьномъ переутомленіи. Но все же, среди непосвященной публики—я исключаю здѣсь врачей и педагоговъ—еще часто встрѣчаются невѣрныя сужденія относительно нервнаго раз-

стройства у дѣтей; пожилые люди часто склонны прекращать всякое разсужденіе въ этомъ смыслѣ замѣчаніемъ, что прежде ничего подобнаго не было, что на подобныя явленія раньше смотрѣли какъ на капризы и непослушаніе и примѣняли къ нимъ соотвѣтствующія наказанія, и что говорить здѣсь о болѣзняхъ—это просто одно изъ современныхъ преувеличеній. Спѣшу замѣтить, что сильно распространенное мнѣніе, что наше столѣтіе отличается особенной нервностью, никакъ не можетъ назваться вполнѣ подходящимъ, равно какъ и по отношенію къ дѣтской нервности. Стоитъ лишь, напримѣръ, говоря объ отличающихся сильной нервностью среднихъ вѣкахъ вообще, напомнить здѣсь о дѣтскихъ крестовыхъ походахъ и о тяжелой эпидеміи пляски св. Витта. Къ этому можно также причислить сказаніе о крысоловѣ изъ Гамельна, имѣющее ту же подкладку. Все это случаи, которые теперь были бы приписаны истеріи, и которые, по крайней мѣрѣ, въ подобныхъ размѣрахъ въ наше время уже не бываютъ. Но уже эти краткія замѣчанія должны послужить основаніемъ для того, чтобы поднять вопросъ о родѣ, проявленіи и причинахъ дѣтской нервности передъ широкой, интересующейся имъ публикой—а кто же теперь имъ не интересуется?—и прибавить къ нему нѣсколько краткихъ замѣчаній относительно предупрежденія этого зла и методовъ его излѣченія. Все это будетъ сказано на слѣдующихъ страницахъ.

Прежде всего слѣдуетъ ограничить тему. Мы будемъ здѣсь говорить лишь о нервныхъ заболѣваніяхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а именно о такъ называемыхъ функціональныхъ заболѣваніяхъ, т.-е. о нервныхъ разстройствахъ, обусловленныхъ не грубыми анатомическими измѣненіями и не доступными обычнымъ методамъ изслѣдованія. Поэтому, собственно, душевныя разстройства здѣсь исключаются — въ дѣтствѣ главнымъ образомъ идіотизмъ и слабоуміе и т. н. психопатическая конституція, нравственное помѣшательство и др. — другія же умственныя разстройства, присущія взрослымъ, въ дѣтскомъ возрастѣ встрѣчаются очень рѣдко. Но изъ функціональныхъ нервныхъ болѣзней въ болѣе тѣсномъ смыслѣ я принужденъ исключить эпилепсію, которая представляетъ собой совершенно отдѣльную область патологіи. Остаются значитель-

ные такъ называемые общіе неврозы, которые въ настоящее время дѣлятся на три группы: неврастенію, ипохондрію, истерію и ихъ смѣшанныя формы. Дать короткое и ясное опредѣленіе того, что подразумѣваютъ подъ этими болѣзнями, совсѣмъ не такъ легко. Неврастенія въ общемъ включаетъ въ себѣ то, что публика привыкла называть нервностью, а именно болѣзненно повышенную способность утомляться физически и умственно при большей частью усиленной душевной возбудимости и возбудимости органовъ чувствъ; подъ ипохондріей, въ тѣсномъ смыслѣ слова подразумѣваютъ болѣзненныя и преувеличенныя опасенія за свое собственное здоровье; ипохондрическія идеи въ болѣе или менѣе сильной степени всегда примѣшиваются къ неврастеніи, по крайней мѣрѣ, у взрослыхъ. Дать вполнѣ точное опредѣленіе истеріи въ настоящее время еще совершенно невозможно; говорятъ, что дѣло идетъ о болѣзненныхъ картинахъ, обусловленныхъ представленіями; характерно, что эта болѣзнь наружно выражается грубыми, видимыми проявленіями: параличами, разстройствомъ чувствъ, судорогами, разстройствомъ органовъ чувствъ, а также и пищеварительныхъ органовъ; эти проявленія могутъ ввести въ заблужденіе непосвященнаго относительно своего происхожденія. При дальнѣйшемъ описаніи я не буду говорить отдѣльно о симптомахъ всѣхъ трехъ неврозовъ, потому что это было бы затруднительно при многочисленныхъ переходахъ одной формы въ другую и только повлекло бы за собой повторенія; я лишь представлю здѣсь всѣ кажущіеся мнѣ важными отдѣльные симптомы дѣтской нервности. Именно это ознакомленіе съ отдѣльными симптомами будетъ важно для родителей, воспитателей и учителей; оно послужитъ къ тому, чтобы возбудить подозрѣніе относительно болѣзненнаго свойства «особенностей» ребенка, и подастъ поводъ показать его врачу. Дѣтскій возрастъ оканчивается съ достиженіемъ такъ называемой половой зрѣлости; поэтому я за крайнюю границу беру 16-й годъ; у дѣвочекъ сюда входитъ все школьное время, между тѣмъ какъ ученики старшихъ классовъ уже не могутъ быть причислены къ дѣтямъ.

Если я выше исключилъ изъ этого обзора умственныя разстройства, я все же долженъ здѣсь замѣтить, что и симп-

томы неврозовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣютъ душевную, психическую основу и что одни больше, другіе меньше, а отдѣльные даже вполнѣ исходятъ изъ духовной и умственной сферы. Поэтому и здѣсь самые важные и многочисленные симптомы составляютъ симптомы психическіе въ широкомъ смыслѣ этого слова, и потому о нихъ мы поговоримъ прежде всего. Эти симптомы именно свойственны неврастеніи и ипохондріи, между тѣмъ какъ истерія совсѣмъ ихъ лишена или соединена съ совершенно особыми симптомами. Изъ болѣзненныхъ психическихъ явленій, сопровождающихъ неврастенію у дѣтей, рѣже всего встрѣчается подавленность, но иногда появляется и она. Дѣти удаляются въ такихъ случаяхъ отъ своихъ товарищей, не хотятъ играть, ищутъ уединенія, лица ихъ выражаютъ печаль, и они такъ чувствительны къ порицанію за ихъ поведеніе, что оно вызываетъ у нихъ потоки слезъ и отчаяніе. Такое состояніе часто встрѣчается именно въ школьномъ возрастѣ; нервность мѣшаетъ мышленію и вниманію; но учитель, думая, что имѣетъ дѣло съ лѣнивыми и разсѣянными дѣтьми, обращается съ ними строго и наказываетъ ихъ, чѣмъ еще усиливаетъ ихъ подавленность; если же маленькихъ паціентовъ не поймутъ и дома, если родители ихъ окажутся жесткими и честолюбивыми, требующими лишь перехода изъ класса въ классъ, то при неудачѣ, напримѣръ, при оставленіи въ томъ же классѣ, стыдъ и страхъ передъ наказаніемъ могутъ довести ребенка до самоубійства. Еще чаще, чѣмъ подавленность и апатія, у дѣтей встрѣчается психическое послѣдствіе второго основного симптома неврастеніи — усиленная возбудимость. Душевно это высказывается отчасти быстрыми перемѣнами настроенія, которое, впрочемъ и у нормальнаго ребенка очень обыкновенно, но у нервнаго переходитъ всякія границы. Тогда появляется чрезмѣрная пугливость; малѣйшая причина вызываетъ испугъ; физическая реакція испуга принимаетъ ненормальную силу: ребенокъ отъ испуга вздрагиваетъ и коченѣетъ и даже корчится въ судорогахъ. Близкое отношеніе къ этой пугливости имѣетъ боязнь, страхъ передъ всѣмъ необычнымъ; эта боязнь и робость особенно часто проявляется у такихъ дѣтей передъ врачомъ и сильно мѣшаетъ изслѣдованію, а особенно проникновенію въ психологическія основы болѣз-

ненныхъ разстройствъ у дѣтей. Конечно, пугливость и боязливость дѣтей сильно зависятъ отъ воспитанія; у очень дурно воспитанныхъ дѣтей такое состояніе можетъ встрѣтиться и безъ всякой нервности.

Въ области физической нервная возбудимость часто проявляется въ большомъ двигательномъ безпокойствѣ; дѣти минуты не могутъ просидѣть спокойно, чтобы не двигать всѣми своими членами. Понятно, что трудно остановить вниманіе такихъ дѣтей, и ихъ успѣхи въ школѣ всегда будутъ только умѣренными, хотя ихъ интеллектъ при этомъ совершенно не страдаетъ; кромѣ того такія дѣти очень быстро устаютъ и умственно и физически и послѣ короткаго напряженія совсѣмъ неспособны къ работѣ.

При истеріи въ дѣтскомъ возрастѣ, при которой большей частью существуетъ полное психическое равновѣсіе, характерна склонность къ преувеличенію, а иногда и прямо ко лжи и обманамъ. Маленькимъ больнымъ нравится, что взрослые испуганы и озабочены ихъ болѣзненнымъ состояніемъ, и они держатся за него до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ, что къ нимъ относятся равнодушно. Даже самоповрежденія можно встрѣтить у истеричныхъ дѣтей; а именно, при настойчивыхъ и странныхъ болѣзняхъ кожи всегда слѣдуетъ имѣть въ виду истерію. Склонность ко лжи—такъ называемая Pseudologia phantastica—влечетъ за собой, напримѣръ, обвиненіе учителей и духовныхъ лицъ въ половыхъ преступленіяхъ; въ такихъ обвиненіяхъ часто участвуютъ цѣлыя группы ученицъ, хотя оно первоначально произошло отъ одной. Однажды я былъ свидѣтелемъ того, какъ одна девятилѣтняя дѣвочка сама обрѣзала себѣ косу, а потомъ разсказывала, что на нее въ паркѣ напали мужчины и такъ ее обезобразили. Продолжительныя судебныя разслѣдованія, а иногда и несправедливые приговоры являются послѣдствіемъ этихъ, слишкомъ еще мало извѣстныхъ фактовъ.

Къ области истеріи принадлежитъ также и симптомъ такъ называемаго сна наяву. Дѣти, страдающія имъ, напримѣръ, во время игры до того живо переносятся въ роль, которую играютъ, и такъ чувствуютъ себя королевой или феей, что все окружающее для нихъ исчезаетъ, и они прямо натыкаются на стулья и столы. Мальчики, при игрѣ въ

разбойниковъ или индѣйцевъ, иногда увлекаются до того, что, дѣйствительно, дѣйствуютъ подобно индѣйцамъ и разбойникамъ, при чемъ часто производятъ грубыя безчинства, которыя доводятъ ихъ до конфликтовъ съ полиціей.

Ясно выраженныя ипохондрическія идеи во всякомъ случаѣ въ дѣтскомъ возрастѣ встрѣчаются очень рѣдко. И въ ихъ появленіи сильно виновато воспитаніе. Если родители придаютъ слишкомъ сильное значеніе всякому малѣйшему нездоровью дѣтей, то будетъ совсѣмъ неудивительно, если и ребенокъ постепенно сдѣлается боязливымъ и при малѣйшемъ недомоганіи, при всякомъ пятнышкѣ на кожѣ, будетъ ожидать наступленія тяжкой болѣзни и со страхомъ слѣдить за всѣми отправленіями своего тѣла. Иногда тяжелая болѣзнь близкихъ родственниковъ бываетъ причиной дѣтской ипохондріи. Какъ и у взрослыхъ, ипохондрическія идеи у дѣтей часто направлены на дѣятельность кишекъ, такъ какъ постоянные запоры нерѣдки у нервныхъ дѣтей. Въ такихъ случаяхъ дѣти придаютъ такое значеніе своему ежедневному стулу и посвящаютъ ему столько заботливости, что большаго не встрѣтишь и у самаго патентованнаго геморроидальнаго чиновника. Переходы къ ипохондрическому безумію также уже наблюдаются въ дѣтскомъ возрастѣ, при чемъ дѣтямъ иногда кажется, что сердце ихъ разрывается, печень распадается, голова трескается— но эти болѣзни сюда не относятся. Острые случаи ипохондріи нѣсколько разъ наблюдались также и у дѣтей, и причина ихъ основательно или неосновательно приписывалась укушенію бѣшеной собаки.

Чисто психическій характеръ имѣютъ также т. н. навязчивыя идеи въ тѣсномъ смыслѣ и фиксированныя на чемъ-нибудь одномъ состоянія страха, т. н. фобіи. Оба эти случая встрѣчаются уже въ дѣтскомъ возрастѣ, хотя въ самой опасной формѣ развиваются лишь у взрослыхъ. Что касается фобій, то чаще всего встрѣчающаяся у взрослыхъ извѣстная боязнь пространства—страхъ перейти большое пространство—уже наблюдалась и у дѣтей; но еще чаще встрѣчается боязнь одиночества и страхъ передъ грозой. Оппенгеймъ наблюдалъ также и боязнь путешествія; далѣе слѣдуетъ страхъ при видѣ острыхъ предметовъ. Именно, послѣдній страхъ, большей частью, связанъ

съ ярко выраженной навязчивой идеей, вслѣдствіе которой больной боится ранить этими предметами себя или другихъ, или даже ему кажется, что онъ долженъ это сдѣлать. Страхъ испачкаться о разные предметы и этой грязью повредить себѣ или своимъ близкимъ я наблюдалъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ, а также и болѣзненный страхъ покраснѣть въ присутствіи постороннихъ или покраснѣть некстати. Рѣже всего у дѣтей встрѣчается болѣзненная страсть къ доискиванію причинъ и къ вопросамъ—Folie du doute у французовъ; если она появляется, то большей частью въ видѣ желанія разрѣшить религіозные вопросы: существуетъ ли Богъ? Какой у него видъ? Гдѣ милосердый Богъ? и т. д. и т. д. Здѣсь не приходится говорить о всѣхъ наблюдаемыхъ подробностяхъ подобныхъ явленій, а новыя наблюденія въ этой области дѣлаются постоянно; но надо отмѣтить, что и у дѣтей, какъ послѣдствіе навязчивыхъ идей, могутъ появляться вынужденныя дѣйствія; напримѣръ вслѣдствіе постояннаго болѣзненнаго страха загрязниться появляется вынужденное стремленіе постоянно мыться; изъ постоянныхъ думъ о религіозныхъ вопросахъ вытекаетъ побужденіе къ богохульству, какъ, напримѣръ, Пикъ разсказываетъ объ одномъ ребенкѣ, который вдругъ громко и нѣсколько разъ подъ рядъ повторялъ: «Богъ злой», а на вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, отвѣчалъ, что у него голова переполнена этимъ. Эти вынужденныя дѣйствія имѣютъ то значеніе, что, выполняя ихъ, больные на нѣкоторое время освобождаются отъ связанной большей частью съ навязчивыми идеями боязни; больные часто сопротивляются этимъ идеямъ, но затѣмъ побѣждаются импульсомъ и даже неоднократно повторяютъ ихъ, такъ какъ освобожденіе отъ навязчиваго представленія длится лишь короткое время.

Настоящая оцѣнка и ознакомленіе съ навязчивыми представленіями и вынужденными ими дѣйствіями часто бываетъ очень затруднительна именно въ дѣтскомъ возрастѣ. Какъ существенный признакъ навязчивыхъ представленій всегда отмѣчали то явленіе, что больной, какъ говорится, стоитъ выше ихъ, что онъ сознаетъ безсмыслицу своихъ представленій и опасеній, но не можетъ избавиться отъ нихъ. Но Пикъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ, что у дѣтей часто не бываетъ такой проницательности, или она еще не-

ясно у нихъ выражается; вообще больной ребенокъ безпомощенъ передъ проявленіями своего внутренняго состоянія, и даже опытному врачу часто бываетъ очень трудно напасть на настоящій путь и получить нужные ему отвѣты съ помощью подходящихъ вопросовъ. На настоящій путь въ этомъ случаѣ можетъ навести врача наблюдаемое именно у такихъ дѣтей болѣзненное влеченіе къ порядку; всѣ вещи должны у такихъ дѣтей стоять на извѣстныхъ мѣстахъ и въ извѣстномъ порядкѣ; поэтому иногда случается, что съѣстные припасы портятся, потому что ребенокъ, уложивъ, напримѣръ, яблоки аккуратными рядами, не хочетъ нарушить ихъ порядка; кажущаяся болѣзненная скупость также объясняется тѣмъ, что ребенокъ не можетъ рѣшиться нарушить извѣстную сумму денегъ, вынувъ изъ нея одну монету. Необходимо заботливое и тщательное проникновеніе въ дѣтскую душу, чтобы выяснить подобныя явленія, обыкновенно принимаемыя за странности и глупости. Всѣ авторы, особенно много занимавшіеся этимъ предметомъ, приводятъ особенно замѣчательные и трудные случаи изъ дѣтской жизни, но здѣсь говорить объ этомъ не приходится.

Еще особую форму вынужденныхъ дѣйствій представляетъ въ дѣтскомъ возрастѣ, особенно у мальчиковъ во время полового развитія, влеченіе къ странствованію— «fugues» у французовъ—поріоманія. По какому-нибудь поводу, напримѣръ, вслѣдствіе страха передъ наказаніемъ— дѣти уходятъ изъ дома, часто безъ всякихъ средствъ, а часто похитивъ деньги. Путешествія эти, если средствъ оказывается достаточно, могутъ быть очень продолжительными; одинъ изъ моихъ товарищей во время третьяго такого припадка добрался до карлистовъ въ Испаніи. Но маленькіе бѣглецы всегда добровольно или недобровольно возвращаются въ родительскій домъ, хотя часто случается, что они опять подчиняются своему влеченію къ странствованію. Если дѣло идетъ не объ эпилепсіи, то прогностика этого влеченія не такъ еще плоха; большей частью такія дѣти дѣлаются потомъ вполнѣ полезными членами общества; если же дѣло идетъ о слегка слабоумныхъ дѣтяхъ, то изъ нихъ легко могутъ выйти бродяги.

Къ навязчивымъ идеямъ и фобіямъ очень близко подходятъ нѣкоторыя т. н. идіосинкразіи. Оппенгеймъ при-

водитъ пищевыя идіосинкразіи, при которыхъ ребенокъ, напримѣръ, не въ силахъ ѣсть рыбу или птицу, если на него раньше произвелъ болѣзненное впечатлѣніе видъ окровавленной птицы или рыбы. Чрезмѣрное отвращеніе и анормальная реакція при видѣ извѣстныхъ животныхъ: мышей, пауковъ, червей и т. д. также составляетъ признакъ этого явленія. Къ этому слѣдуетъ еще причислить чрезмѣрное отвращеніе или особую любовь къ нѣкоторымъ краскамъ или также запахамъ; въ послѣднемъ случаѣ замѣчаютъ отвращеніе къ такимъ, которые большинству пріятны, и любовь къ такимъ, которые нормальнымъ субъектамъ непріятны.

Изъ физическихъ симптомовъ дѣтской нервности главную роль играетъ головная боль. Большей частью она наступаетъ только въ школьномъ возрастѣ. Зенгеръ различаетъ три формы головной боли: во-первыхъ чисто неврастеническую головную боль, которая проявляется совершенно такъ, какъ у взрослыхъ; начинается большей частью уже при вставаньи, слѣдовательно до ухода въ школу, усиливается во время уроковъ и ослабѣваетъ поздно послѣ обѣда, такъ что вечеромъ дѣти уже чувствуютъ себя здоровыми. Здѣсь дѣло идетъ не столько о боли, сколько о давленіи, о тяжести въ головѣ или о такомъ чувствѣ, точно весь мозгъ окутанъ вуалью, но это чувство можетъ перейти и въ боль. Случаи второй группы Зенгера происходятъ при слабости глазъ, такъ называемой астенопіи, но, по моему мнѣнію, они совершенно совпадаютъ съ первой. У третьей группы малокровныхъ, анемичныхъ дѣтей головныя боли начинаются только въ школѣ и, можетъ быть, вызываются нехорошимъ воздухомъ въ классахъ; тогда онѣ являются настоящими «школьными головными болями»; но все же такъ называемая «анемія» у дѣтей большей частью также бываетъ нервнымъ симптомомъ. Какъ мы уже сказали, всѣ эти три формы головныхъ болей появляются только въ школьномъ возрастѣ, по моимъ наблюденіямъ особенно у мальчиковъ, которымъ приходится больше напрягаться, чѣмъ дѣвочкамъ, и которые чаще страдаютъ отъ честолюбія родителей, всегда желающихъ, чтобы сынъ ихъ далеко пошелъ; у учениковъ средней школы я встрѣчалъ головныя боли, большей частью у третьеклассниковъ, которыхъ осо-

бенно затрудняютъ чужіе языки — латинскій, французскій, греческій или англійскій. И настоящія мигрени со всѣми своими симптомами нерѣдки у дѣтей; въ этомъ случаѣ большей частью и мать, рѣже отецъ, или оба родителя, страдаютъ мигренью. Въ единичныхъ случаяхъ я наблюдалъ появленіе мигрени, когда дѣти уходили въ школы съ пустымъ желудкомъ и забывали взять съ собой завтракъ; головной боли предшествовалъ сильный голодъ.

На нервныя головокруженія дѣти рѣдко жалуются, если же они часто случаются, слѣдуетъ опасаться, что за ними кроются болѣе серьезныя болѣзни, — какъ напр. ушныя, тяжелыя мозговыя страданія. Такъ же рѣдко дѣти жалуются на нервное сердцебіеніе. У маленькихъ дѣтей пульсъ быстрѣе, чѣмъ у взрослыхъ. Вопросъ о томъ, является ли склонность къ обморокамъ по всякому поводу, которая часто бываетъ наслѣдственной, вслѣдствіе сердечной слабости, или скорѣе составляетъ нервный симптомъ, — я оставляю открытымъ... Органы чувствъ также часто участвуютъ въ нервности дѣтскаго возраста. Особенно это относится къ глазамъ. Вильбрандъ и Зенгеръ въ Гамбургѣ спеціально занимались изученіемъ этихъ разстройствъ, которыя они обозначили названіемъ нервной астенопіи (зрительная слабость). Дѣло идетъ здѣсь какъ о сильной раздражимости чувствительной къ свѣту части зрительнаго аппарата и зрительной части мозга, такъ и о слабости внѣшней и внутренней глазной мускулатуры; въ особенности такъ называемой аккомодаціонной мускулатуры, служащей для того, чтобы дать глазу нужное положеніе для смотрѣнія вдаль или вблизи. Такія дѣти очень быстро утомляются при чтеніи, они начинаютъ моргать, и глаза у нихъ слезятся; появляется такое ощущеніе, какъ будто у нихъ въ глазахъ песокъ или другіе посторонніе предметы. Печать расплывается передъ глазами, и дѣти все больше подносятъ книгу къ глазамъ и при этомъ особенно выворачиваютъ глаза и голову; въ концѣ-концовъ чтеніе дѣлается совершенно невозможнымъ, и большей частью появляется сильная боль глазъ и головы. Очень важно правильно понять эту слабость глазъ и не приписать ее простой мѣстной глазной болѣзни.

Къ разнымъ шумамъ дѣти также менѣе чувствитель-

ны, чѣмъ взрослые. Въ дѣтскихъ больницахъ часто удивляются тому, что даже тяжело больныя дѣти неохотно лежатъ одни и предпочитаютъ переносить шумъ въ общей палатѣ, переполненной другими дѣтьми, гдѣ шумъ этотъ неизбѣженъ.

Нерѣдко у нервныхъ дѣтей встрѣчается еще чрезмѣрная чувствительность кожи къ извѣстнымъ прикосновеніямъ, такъ, напримѣръ, прикосновеніе шелка, бархата, шерсти и т. д. вызываетъ у нихъ непріятное ощущеніе. Но здѣсь, можетъ быть, дѣло состоитъ больше въ идіосинкразіи, потому что уже одно представленіе объ этихъ прикосновеніяхъ вызываетъ непріятныя ощущенія.

Разстройство сна или, по крайней мѣрѣ, безсонница, также рѣже встрѣчается у нервныхъ дѣтей, чѣмъ у взрослыхъ. Но сонъ часто бываетъ неспокойнымъ. Дѣти сильно вертятся, говорятъ во снѣ и скрежещутъ зубами. Но этого не слѣдуетъ принимать слишкомъ трагично. Ночной испугъ у дѣтей — такъ называемый Pavor nocturnus — обыкновенно такъ пугающій родителей, большей частью не представляетъ опасности. Въ такихъ случаяхъ дѣти черезъ часъ или два послѣ того, какъ заснутъ, вдругъ просыпаются, ничего не помнятъ, кричатъ и неистовствуютъ, видятъ животныхъ и разныя рожи, которыя ихъ пугаютъ и отъ которыхъ они обороняются; успокоить ихъ невозможно, но спустя нѣкоторое время дѣти сами успокоиваются, засыпаютъ и на другое утро ничего не помнятъ. Эти случаи бываютъ часто до наступленія школьнаго возраста. Настоящій лунатизмъ составляетъ рѣдкое явленіе, я наблюдалъ его только у истеричныхъ дѣтей.

Большинство нервныхъ дѣтей плохо ѣстъ, а именно нервные дѣти очень разборчивы и часто отказываются отъ цѣлаго ряда кушаній. Хотя нельзя требовать, чтобы дѣти ѣли все, что взрослые ѣдятъ даже съ удовольствіемъ, воспитаніе все же должно обратить вниманіе на то, чтобы ребенокъ вообще ѣлъ все, что ему подаютъ. Особенно полезно давать ребенку также обильную вегетаріанскую пищу, молоко и сладкія блюда. Нервныя дѣти часто не могутъ совсѣмъ ѣсть по утрамъ до школы, за обѣдомъ также ѣдятъ мало, но зато съ удовольствіемъ ѣдятъ вечеромъ;

въ такихъ случаяхъ надо наблюдать только, чтобъ ужинъ подавался не передъ самымъ сномъ.

Нѣкоторыя нервныя дѣти особенно склонны къ частой рвотѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ рвота эта основывается на чрезмѣрной чувствительности центровъ равновѣсія (Оппенгеймъ), вслѣдствіе чего одна перемѣна горизонтальнаго положенія на вертикальное при вставаніи утромъ уже вызываетъ позывъ къ рвотѣ, и еще болѣе вызывается такое чувство ѣздой, особенно если ѣхать спиной въ вагонѣ или даже въ экипажѣ. Такія дѣти совсѣмъ не могутъ садиться въ карусель или на качели. Но и безъ всякаго отношенія къ центрамъ равновѣсія нервныя рвоты бываютъ у дѣтей чаще всего по утрамъ, до отправленія въ школу; взрослые тоже нерѣдко страдаютъ по утрамъ отъ нервной рвоты послѣ дурно проведенной ночи (Vomitus maturinus), и это случается совсѣмъ не съ одними алкоголиками.

Оппенгеймъ замѣчаетъ, и я тоже сдѣлалъ такое наблюденіе, что упорные, часто всю жизнь продолжающіеся запоры, часто встрѣчаются на нервной почвѣ и нерѣдко бываютъ наслѣдственными. Въ такихъ случаяхъ большей частью не помогаютъ никакіе обыкновенные методы лѣченія запора, даже лѣченіе водами въ курортахъ рѣдко помогаетъ. Что нервныя возбужденія могутъ вызывать поносы—всѣмъ извѣстно. Очень неясно отношеніе нервности къ слизистымъ поносамъ съ выдѣленіемъ слизистой оболочки кишечника — Enteritis membranaue — но все же эти формы катарра кишекъ главнымъ образомъ наблюдаются у нервныхъ людей.

Нервную астму я также встрѣчалъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ; дѣло состоитъ тогда, большей частью, въ очень упорныхъ и тяжелыхъ симптомахъ, которые не исчезаютъ иногда въ продолженіе всей жизни больныхъ.

Мочеиспусканіе въ постели, а иногда и днемъ у дѣтей наблюдается до позднѣйшаго дѣтскаго возраста и даже иногда послѣ десяти лѣтъ; такіе случаи, конечно, чаще бываютъ съ нервными дѣтьми, чѣмъ съ здоровыми, но еще чаще это случается съ слабоумными. Испусканіе мочи при испугѣ или внезапной радости также наблюдается у дѣтей. Затрудненіе въ испусканіи мочи при постороннихъ, или сильный позывъ къ нему тамъ, гдѣ невозможно его удо-

влетворить, напримѣръ, въ обществѣ, въ желѣзнодорожномъ купэ и т. д., слѣдовательно, разстройства, обусловленныя чисто психическими причинами, не чужды дѣтскому возрасту (Оппенгеймъ).

Составляетъ ли онанизмъ, который наблюдается уже у дѣтей 2-хъ — 3-хлѣтняго возраста и, какъ я успѣлъ убѣдиться, особенно у дѣвочекъ (онѣ трутъ одна о другую ножки, что доставляетъ имъ сладострастное ощущеніе),— всегда признакъ нервности, я рѣшить не могу. Съ другой стороны я не могу согласиться, что дѣти, какъ это часто утверждаютъ, научаются подобнымъ вещамъ всегда отъ прислуги. Въ наблюдаемыхъ мною случаяхъ дѣти въ концѣ-концовъ всѣ бросали эту привычку еще до школьнаго возраста. Я только вскользь упоминаю здѣсь о томъ, что чрезмѣрный и откровенный онанизмъ часто бываетъ признакомъ и послѣдствіемъ слабоумія и идіотизма, а не причиной этихъ тяжкихъ разстройствъ, какъ не разъ ложно утверждали.

На границѣ просто нервныхъ и болѣе психопатическихъ случаевъ нервной дегенераціи стоитъ симптомъ или совокупность симптомовъ, которые лучше всего обозначили французы названіемъ Tic или Maladie des tics. Они заключаются въ непроизвольныхъ судорожныхъ, быстро слѣдующихъ одно за другимъ, подергиваньяхъ отдѣльныхъ мускуловъ или мускульныхъ группъ. По мнѣнію Пика чаще всего наблюдаются: морганье, подниманье бровей, трясенье и верченье головой, подергиванье плечами и углами рта, поджатіе губъ, обнюхиванье, чавканье, покашливанье, кусанье губъ, безсвязные звуки или отдѣльныя слова, а иногда произносятся и цѣлыя фразы, часто циничныя и даже непристойныя (копролалія). Конечности, особенно руки, также часто подвержены этимъ тикамъ.

Особенно интересно происхожденіе этихъ т. н. тиковъ. Всѣ авторы приходятъ къ тому соглашенію, что они представляютъ автоматическія движенія, образовавшіяся изъ движеній произвольныхъ, которыя въ этомъ случаѣ сдерживаются только съ трудомъ, или же просто благодаря дурнымъ привычкамъ. Такимъ образомъ такія движенія сначала могутъ быть реакціей на непріятное мѣстное ощущеніе; напримѣръ, постороннее тѣло или

болѣзнь глазъ вызываетъ морганье, которое затѣмъ уже остается въ видѣ Tic; узкій воротникъ рубашки или плохо сидящія подтяжки влекутъ за собой подергиванье плечами и шеей, которое затѣмъ переходитъ въ Tic и т. д. Вначалѣ люди, страдающіе этими tics, на короткое время могутъ удержаться отъ подергиваній и ихъ не сразу можетъ замѣтить врачъ въ своей пріемной; но характеристично то, что такое удерживанье очень тяжело для больного, и онъ чувствуетъ облегченіе, когда снова можетъ возобновить свои подергиванья, что сближаетъ ихъ съ навязчивыми идеями и вынужденными дѣйствіями. Скажемъ еще только, что къ безвреднымъ Tics принадлежитъ еще привычка грызть ногти, дергать свои волосы и дѣтское влеченіе сосать свой палецъ.

Излѣчимыя, но очень похожія на обыкновенный дегенеративный Tic, явленія можетъ вызвать также и истерія. Эта форма нервности, какъ уже было сказано, вызываетъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ болѣе грубыя болѣзненныя явленія, какъ на нервной почвѣ, такъ и въ органахъ чувствъ: судороги, параличи, напряженіе мускуловъ, разстройство походки, потерю голоса и нѣмоту, слабость зрѣнія и слѣпоту, потерю чувствительности кожи, судорогу вѣкъ, невралгію и наконецъ кажущіяся тяжелыя органическія заболѣванія легкихъ, кишечника, пузыря и т. д. Такъ какъ непосвященный сразу принимаетъ такіе симптомы за настоящую болѣзнь, то ребенка сейчасъ же везутъ къ врачу, которому для правильнаго ихъ опредѣленія необходимо большое знаніе дѣла; поэтому я не буду здѣсь входить въ подробности, какъ я дѣйствовалъ при менѣе бросавшихся въ глаза и не сразу признанныхъ за болѣзненные симптомахъ. Особенно заинтересованнымъ читателямъ я указываю на второе изданіе моего сочиненія «Истерія въ дѣтскомъ возрастѣ».

Нервныя явленія въ дѣтскомъ возрастѣ въ общемъ довольно равномѣрно распредѣлены между обоими полами; истеріи немного больше подвержены дѣвочки нѣсколько старшаго возраста, неврастеніи же мальчики, особенно въ возрастѣ полового развитія, а именно отъ 13 до 16 лѣтъ. Истеричные симптомы появляются очень рано, иногда уже на 3-мъ году жизни, неврастеническія же въ школьномъ

возрастѣ, да и то не въ первые годы. Что раса въ этомъ случаѣ имѣетъ вліяніе, допускается всѣми знатоками дѣла; еврейскія дѣти и, по мнѣнію Оппенгейма, особенно дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ евреевъ съ христіанами, а также дѣти славянскаго происхожденія, часто бываютъ нервными. Тяжелые случаи неврастеніи, конечно, чаще встрѣчаются среди дѣтей большихъ городовъ; о причинѣ этого будетъ говорено ниже; напротивъ, тяжелые истеричные симптомы и даже настоящія эпидеміи дѣтской истеріи чаще встрѣчаются среди дѣтей сельскаго населенія и часто въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ.

Что касается соціальнаго положенія родителей, то оно почти не играетъ никакой роли въ истеричныхъ разстройствахъ, но тяжелые неврастеническіе случаи чаще встрѣчаются между дѣтьми бѣднѣйшихъ классовъ, особенно же между дѣтьми такихъ родителей, которые стараются образованіемъ поднять дѣтей до болѣе высокаго соціальнаго положенія и, при недостаточномъ питаніи и плохихъ условіяхъ жилища, принуждаютъ ихъ къ чрезмѣрной умственной работѣ, часто не соотвѣтствующей ихъ интеллекту. Такіе случаи часто наблюдаются среди дѣтей вдовъ. Многія изъ этихъ бѣдныхъ дѣтей въ низшихъ классахъ учатся еще недурно, но въ старшихъ уже сильно ослабѣваютъ и, наконецъ, совсѣмъ изнемогаютъ, когда имъ приходится самостоятельно работать, напримѣръ, въ университетѣ при тяжелой обстановкѣ, полной лишеній.

Я часто встрѣчалъ среди студентовъ самые тяжелые случаи неврастеніи и полную невозможность сдать экзамены, происшедшіе именно вслѣдствіе такихъ условій.

Самый важный пунктъ во всемъ вопросѣ о дѣтской нервности составляютъ обстоятельства, вызывающія ее. Со всѣхъ сторонъ утверждаютъ, что наслѣдственность имѣетъ громадное значеніе для нервныхъ разстройствъ, особенно, когда они наступаютъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ; многіе авторы считаютъ её даже единственной рѣшающей причиной. Эта наслѣдственность проявляется или въ тождественной болѣзни, т.-е. дѣти страдаютъ той же нервной болѣзнью, что и родители, что особенно часто наблюдается при истеріи и такъ называемыхъ навязчивыхъ представленіяхъ, или наслѣдственность эта проявляется въ трансформированной

формѣ, т.-е. дѣти наслѣдуютъ нервную болѣзнь, но не ту, которой страдаютъ родители; напримѣръ, у помѣшанныхъ родителей могутъ быть просто нервныя дѣти — и наоборотъ. Такое явленіе встрѣчается чаще, чѣмъ тождественныя болѣзни. Я также убѣжденъ въ громадномъ значеніи наслѣдственности при нервныхъ разстройствахъ, но долженъ предупредить, что не слѣдуетъ придавать ему чрезмѣрнаго значенія, которое, по моему мнѣнію, основано на ложныхъ предположеніяхъ. А именно, если, напримѣръ, какъ это часто случается, хотятъ объяснить какую-нибудь болѣзнь наслѣдственностью, но не находятъ ее ни у родителей, ни у дѣда и бабки, а притягиваютъ сюда братьевъ и сестеръ родителей и ихъ дѣтей, а затѣмъ начнутъ объяснять нервное разстройство не только собственно нервными и душевными болѣзнями этихъ родственниковъ, но и болѣзнями суставовъ и туберкулезомъ, то не найдется ни одной болѣе или менѣе многочисленной семьи, въ которой, въ такомъ случаѣ, нельзя было бы говорить о такой наслѣдственности. Такими преувеличеніями можно только дискредитировать всю важную науку о наслѣдственности нервныхъ болѣзней, и я очень радъ, что съ другой стороны теперь уже совѣтуютъ умѣреннѣе и съ большей заботливостью относиться къ изслѣдованію наслѣдственности. И въ такомъ случаѣ наслѣдственности будетъ предоставлено все еще достаточно важное мѣсто среди причинныхъ моментовъ нервныхъ заболѣваній.

Рядомъ съ наслѣдственностью громадное значеніе для развитія нервныхъ болѣзней имѣетъ неправильное воспитаніе дѣтей. И то и другое тѣсно связано другъ съ другомъ; нервные родители часто плохіе воспитатели, имъ главнымъ образомъ недостаетъ твердости и послѣдовательности, ласки быстро смѣняются чрезмѣрной строгостью — все это обстоятельства, которыя чрезвычайно пагубно дѣйствуютъ на нервнаго ребенка. Воспитаніе дѣтей въ семьѣ происходитъ двоякимъ образомъ; во-первыхъ примѣромъ, который подаютъ родители, во-вторыхъ, прямыми активными воспитательными методами, поученіями, наградами и наказаніями. Въ общемъ я придерживаюсь того взгляда, что первый, болѣе пассивный способъ воспитанія примѣромъ родителей имѣетъ для дѣтей больше значенія, чѣмъ

активные методы, хотя я и не отрицаю, что хорошо взвѣшенные и разумные активные воспитательные методы тоже могутъ принести большую пользу нервнымъ дѣтямъ. Укажу по этому поводу читателямъ на статью профессора Оппенгейма въ Берлинѣ «Нервныя болѣзни и воспитаніе», которую я самъ постоянно перечитывалъ все съ новымъ и новымъ наслажденіемъ и которая мастерски трактуетъ эти вопросы. Дурной примѣръ нервныхъ родителей можетъ дѣйствовать очень разнообразнымъ образомъ. Если родители сами вслѣдствіе своей нервности не могутъ сдерживаться, если они при малѣйшемъ поводѣ раздражаются, ссорятся и бранятся, а при важныхъ и имѣющихъ большое значеніе обстоятельствахъ лишены всякой энергіи, дѣйствуютъ апатично и не сопротивляясь и безъ всякой борьбы принимаютъ тяжелые удары судьбы, то имъ уже не приходится удивляться, если и дѣти ихъ не сдерживаютъ своихъ страстей и съ одной стороны оказываются вспыльчивыми, упрямыми и непослушными, а съ другой лѣнивыми и апатичными. Такъ какъ несчастные браки особенно часто обуславливаются нервностью одного или обоихъ супруговъ и такой бракъ постоянно служитъ причиной взрывовъ раздраженія, ссоръ и споровъ въ присутствіи дѣтей, то можно себѣ представить, какъ вредно должны вліять на воспитаніе дѣтей такія нежелательныя отношенія между родителями; приходится согласиться съ Оппенгеймомъ, который утверждаетъ, что дѣти разведенныхъ родителей бываютъ относительно часто очень нервны.

Иногда въ нервныхъ болѣзняхъ у дѣтей играетъ роль прямое подражаніе, нѣчто въ родѣ психической инфекціи. Такъ, напримѣръ, дочери истерическихъ матерей впадаютъ въ такія же истерики, какими страдаютъ ихъ матери, и тоже по тому же или другому подходящему поводу — передъ страхомъ наказанія, нежеланіемъ итти въ школу и т. д. Въ школахъ истеричная ученица можетъ подать поводъ къ настоящей эпидеміи истерики. Изъ болѣзней болѣе неврастеническаго или психологическаго характера описанные выше Tics происходятъ большей частью вслѣдствіе подражанія.

Что касается болѣе активнаго воспитанія, то слишкомъ большая нѣжность, почти обожаніе ребенка, встрѣчаю-

щіяся въ нѣкоторыхъ семьяхъ, можетъ вліять такъ же вредно, какъ и чрезмѣрная, мрачная и деспотичная строгость. При первомъ методѣ дѣти очень быстро чувствуютъ себя главными лицами, центромъ семьи и, такъ какъ у нихъ вообще всегда бываетъ склонность тиранить окружающихъ, то они очень скоро даютъ почувствовать родителямъ свою власть. При второмъ методѣ никогда не установятся между родителями и дѣтьми тѣ откровенныя и дружескія отношенія, которыя такъ желательны, и дѣти вслѣдствіе страха передъ наказаніемъ дѣлаются неоткровенны и даже лживы. И здѣсь самымъ правильнымъ путемъ является середина, но и въ строгихъ наказаніяхъ родителей должна всегда чувствоваться ихъ любовь къ дѣтямъ; счастливое, согрѣтое родительской любовью дѣтство составляетъ неприкосновенное счастье на всю жизнь. Конечно, ребенокъ также представляетъ собой личность, которая требуетъ, чтобы съ ней считались, что родители часто забываютъ,—такъ какъ у большинства изъ нихъ плохая память относительно того, что они сами творили въ юности,—но ребенокъ долженъ пріучаться и къ послушанію, а иногда и къ безпрекословному. Такъ какъ молодые люди большей частью пріучаются къ такому послушанію на военной службѣ, если не научились ему у родителей, а дѣвочкамъ не приходится этого дѣлать, то мужчины позднѣе лучше умѣютъ владѣть собой, чѣмъ женщины. Но, главное, слѣдуетъ остерегаться несправедливыхъ наказаній, которыя часто грозятъ дѣтямъ со стороны нервныхъ родителей; справедливое, хотя и строгое наказаніе ребенокъ забываетъ очень быстро,—несправедливое же не забывается никогда.

Развитію чрезмѣрной пугливости и страха часто способствуетъ то обстоятельство, что дѣтей оставляютъ съ необразованной прислугой, которая разсказываетъ имъ разныя страшныя исторіи и часто угрозами отдать ихъ трубочисту и т. п. старается добиться отъ нихъ послушанія. Съ другой стороны такая пугливость и страхъ могутъ питаться и большей частью нашихъ прекрасныхъ сказокъ и спеціально написанными для дѣтей рождественскими театральными пьесами; если окружающіе замѣтятъ, что ребенокъ слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу эти сказ-

ки, если онъ приходитъ въ волненіе и плачетъ надъ судьбой сказочнаго героя, то слѣдуетъ очень осторожно и съ выборомъ раскрывать передъ нимъ сказочный міръ. Но я меньше, чѣмъ кто-нибудь, желалъ бы ради преувеличенной осторожности лишить дѣтей этого сказочнаго міра, а позднѣе романическихъ описаній путешествій и индѣйскихъ разсказовъ; Оппенгеймъ также горячо настаиваетъ на томъ, какъ много значитъ въ воспитаніи дѣтей развитіе души и фантазіи, сколько въ этомъ случаѣ хорошаго можетъ сдѣлать любовь къ природѣ, поэзіи, музыкѣ и остальнымъ прекраснымъ искусствамъ въ связи съ искреннимъ религіознымъ чувствомъ и какъ ошибочно предполагать, что, воспитывая холодныхъ разсудительныхъ людей, можно спасти ихъ отъ нервности. Потому что у такихъ людей при столкновеніи съ превратностями жизни отсутствуютъ всѣ источники ихъ внутренней жизненной силы.

Особенно много въ послѣдніе годы говорили и писали о вліяніи школы на нервность дѣтей. Что школьное преподаваніе, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, представляетъ въ этомъ случаѣ важный факторъ, приходится безусловно допустить. Но причину этого слишкомъ односторонне искали въ «непосильной работѣ», налагаемой на школьниковъ; и въ этомъ направленіи были сдѣланы многочисленныя попытки къ преобразованіямъ. Короче говоря, еще не доказано, что будетъ правильнѣе—пять или шесть уроковъ утромъ при отдыхѣ послѣ полудня или 3—4 урока утромъ и два урока послѣ полудня. При продолжающемся нѣсколько часовъ подъ рядъ ученіи, уроки, при которыхъ требуется напряженное вниманіе, напримѣръ, ариѳметика, языки и т. д. смѣняются другими, при которыхъ оно требуется меньше, для чего между трудными уроками и вводятъ пѣніе, рисованіе, уроки рукодѣлья и гимнастики, но только иногда забываютъ, что гимнастика и даже гимнастическія игры требуютъ траты нервныхъ силъ. У меня впрочемъ осталось только такое впечатлѣніе, что въ мое время отъ абитуріентовъ и другихъ учениковъ на экзаменахъ требовалось больше, чѣмъ въ настоящее время, такъ что объ увеличеніи дѣтской работы, по крайней мѣрѣ, въ средней школѣ не можетъ быть и рѣчи. Все увеличивающееся участіе юношества въ спортивныхъ упражне-

ніяхъ также благопріятно вліяетъ въ этомъ случаѣ, если только оно не будетъ преувеличено. И по моему мнѣнію Шарко совершенно справедливо замѣтилъ, что дѣти не позволяютъ заваливать себя работой; когда они уже не въ состояніи воспринимать что-либо далѣе, они пассивно отвергаютъ всякій научный матеріалъ; у мальчиковъ въ періодъ полового развитія, напримѣръ, я считаю лѣнь физіологическимъ явленіемъ и признакомъ здоровыхъ нервовъ. Честолюбіе съ его вредными вліяніями самостоятельно появляется только въ старшихъ классахъ; я уже говорилъ, что честолюбивые родители могутъ требовать и отъ учениковъ еще дѣтскаго возраста чрезмѣрныхъ успѣховъ, что, конечно, можетъ повлечь за собой тяжелыя и неизлѣчимыя разстройства, особенно если ребенокъ растетъ при плохихъ условіяхъ, недостаточно питается или, что въ такихъ случаяхъ бываетъ нерѣдко, принадлежитъ къ малоспособнымъ дѣтямъ. Но въ такихъ несчастныхъ случаяхъ менѣе всего виновата школа, потому что родители почти никогда не слушаются совѣта учителей отдать дѣтей въ школу низшаго разряда, болѣе подходящую къ ихъ умственнымъ способностямъ. Можетъ быть, въ этихъ случаяхъ будетъ постепенно благотворно дѣйствовать авторитетъ школьныхъ врачей.

Надо еще сказать здѣсь нѣсколько словъ о преподаваніи музыки. Къ счастью, прошли тѣ времена, когда каждый ребенокъ, въ особенности каждая дѣвочка изъ такъ называемой хорошей семьи непремѣнно должна была, по крайней мѣрѣ, учиться игрѣ на рояли. Слѣдуетъ учить музыкѣ только дѣйствительно музыкально одаренныхъ дѣтей; для всѣхъ же другихъ эти уроки будутъ лишь мученьемъ, которое можетъ только повредить. Правда, что именно музыкальные геніи часто бываютъ очень нервными; музыка дѣйствуетъ на самую глубину человѣческой души—она является, такъ сказать, нервнымъ искусствомъ, и когда дѣло идетъ, дѣйствительно, о геніяхъ, приходится мириться съ нервностью. Что жизнь въ большихъ городахъ способствуетъ развитію въ дѣтяхъ неврастеническихъ симптомовъ, я уже говорилъ. Уже одинъ спѣхъ и сильное движеніе на улицахъ, постоянно напряженное вниманіе, чтобы не подвергнуться какой-нибудь опасности, при сильномъ

движенiи и ѣздѣ со всѣхъ сторонъ, недостаточная тишина на оживленныхъ улицахъ даже ночью—все это также дѣйствуетъ на дѣтскiя нервы. Но вредъ городской жизни еще усиливается, если, вслѣдствiе плохихъ условiй жизни, ночной покой дѣтей еще сокращается тѣмъ, что дѣти должны принимать участiе въ заработкѣ семьи, напр., до школы разносить газеты или хлѣбъ и, если родители, не желая лишиться удовольствiя, ведутъ дѣтей съ собой по вечерамъ въ прокуренные трактиры или въ театры, потому что дома за ними некому присмотрѣть. Въ такихъ случаяхъ могутъ появиться у дѣтей самыя тяжелыя формы неврастенiи, сильное малокровiе и разстройство питанiя.

Питанiе также имѣетъ значительное влiянiе при появленiи нервныхъ разстройствъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Уже всѣми признано, что слишкомъ обильная мясная пища усиливаетъ нервную возбудимость. Дѣти должны ѣсть овощи, сладкiя блюда и по возможности больше плодовъ. Вечеромъ пища должна быть особенно простая; лучше всего давать имъ вечеромъ только молочныя кушанья и хлѣбъ. Къ сожалѣнiю, какъ я уже говорилъ, у нервныхъ дѣтей аппетитъ появляется больше всего по вечерамъ. Алкоголь долженъ быть во всякой формѣ и подъ всякимъ видомъ безусловно запрещенъ дѣтямъ.

Тяжелыя физическiя страданiя, особенно продолжительныя и неизлѣчимыя болѣзни, конечно способствуютъ нервности у дѣтей; но все же дѣти легче и веселѣе переносятъ такiя болѣзни, чѣмъ взрослые. У истеричныхъ дѣтей нерѣдко случается, что симптомы, появившiеся сначала вслѣдствiе органическихъ заболѣванiй, послѣ того, какъ болѣзнь уже прошла, остаются въ видѣ истерическихъ симптомовъ, которые остаются навсегда; такимъ образомъ послѣ хрипоты вслѣдствiе воспаленiя голосовыхъ связокъ остается истерическое ослабленiе голосовыхъ связокъ; послѣ слабости ногъ, появившейся послѣ лихорадочныхъ заболѣванiй, остается истерическое разстройство походки и т. д., при чемъ очень трудно прослѣдить за переходомъ симптома одной болѣзни въ другую.

Подробныя разъясненiя причинъ нервности въ дѣтскомъ возрастѣ даютъ возможность помѣшать развитiю этихъ страданiй, устраняя по мѣрѣ силъ эти причины. Потому что

избѣгать болѣзней и въ этомъ случаѣ гораздо лучше, чѣмъ ихъ лѣчить. Къ сожалѣнію это легче сказать, чѣмъ исполнить. Самую важную причину, именно наслѣдственное предрасположеніе къ нервности, можно было бы уничтожить только въ томъ случаѣ, если бы нервныхъ взрослыхъ людей лишили возможности производить дѣтей. Это, конечно, утопія. Уже много было бы выиграно, если бы, по крайней мѣрѣ, люди старались избѣгать того, чтобы родители были нервно-больными. А между тѣмъ именно такіе браки очень нерѣдки, потому что нервные субъекты очень часто сильно симпатизируютъ другъ другу. Врачей въ такихъ случаяхъ спрашиваютъ очень рѣдко и большей частью только тогда, когда бракъ по чему-либо другому непріятенъ родителямъ жениха и невѣсты; кромѣ того врачи часто связаны профессіональной тайной.

Вредное вліяніе примѣра и воспитанія нервными родителями своихъ дѣтей тоже трудно устранить, хотя въ тѣхъ случаяхъ, когда опасность уже слишкомъ ясна, можно спасти дѣтей, удаливъ ихъ отъ родителей. Но сдѣлать это также не легко, такъ какъ это возможно лишь въ состоятельныхъ семьяхъ, и затѣмъ родители, въ Германіи, по крайней мѣрѣ, рѣдко соглашаются отказаться отъ личнаго воспитанія своихъ дѣтей—тѣмъ болѣе нервные родители, которые часто особенно нѣжно привязаны къ своимъ дѣтямъ; не слѣдуетъ также забывать, что воспитаніе посторонними людьми въ пансіонахъ и т. п. также представляетъ опасность для дѣтей.

Что вообще обдуманное и считающееся съ каждой отдѣльной индивидуальностью воспитаніе можетъ многое сдѣлать для предотвращенія и улучшенія дѣтской нервности, я уже говорилъ выше, о подробностяхъ же мнѣ здѣсь говорить неудобно. Эксплуатація труда дѣтей школьнаго возраста до ухода ихъ утромъ въ школу должна быть запрещена закономъ. Относительно того, что можетъ сдѣлать школа для предотвращенія дѣтской нервности, мнѣ прибавить нечего. Вредное вліяніе нездоровой пищи и употребленіе алкоголя легко устранить. Противъ нервныхъ явленій вслѣдствіе легкихъ ушибовъ дѣтей можно закалить тѣмъ, что съ самаго ранняго возраста пріучаютъ ихъ переносить боль; для этого лучше всего, несмотря на всѣ заботы о нихъ, не при-

давать большого значенія ихъ жалобамъ. Я намѣренно не говорю здѣсь ничего о врачебныхъ мѣрахъ противъ дѣтской нервности. Ихъ могутъ невѣрно понять и неправильно примѣнять. Моя небольшая статья исполнитъ свою задачу, если она въ соотвѣтственныхъ случаяхъ наведетъ родителей или учителей, по крайней мѣрѣ, на подозрѣніе, что ребенокъ боленъ и заставитъ ихъ обратиться къ знающему врачу. Ко всему этому прибавлю еще только одно. Часто бываетъ очень трудно понять свойство нервнаго разстройства ребенка и его причины; я только напоминаю о томъ, что я говорилъ о навязчивыхъ идеяхъ или представленіяхъ. При этомъ на основаніи діагноза врача приходится иногда прибѣгать къ очень важнымъ рѣшеніямъ, напримѣръ, надолго отложить занятіе въ учебномъ заведеніи, перемѣнить школу или намѣченную уже карьеру. Нельзя требовать, чтобы даже самый знающій врачъ могъ разрѣшить всѣ эти вопросы въ одинъ часъ во время изслѣдованія больного; родители должны какимъ-нибудь образомъ дать ему возможность дольше наблюдать такого ребенка.

Кто можетъ отрицать, что все увеличивающаяся нервность въ дѣтскомъ возрастѣ составляетъ большую опасность для будущности человѣчества? Но не слѣдуетъ смотрѣть на этотъ вопросъ и слишкомъ мрачно. Истеричныхъ дѣтей можно на всю жизнь освободить отъ истеріи, если вѣрно понять и энергично искоренять первыя проявленія болѣзни. Неврастеники работаютъ дѣйствительно съ большимъ трудомъ, чѣмъ здоровые люди, но часто достигаютъ выдающихся успѣховъ на своемъ поприщѣ, хотя не всегда бываютъ постоянны въ работѣ. Кромѣ того, какъ мы уже говорили, нервность часто основана на особенно живой фантазіи и большой душевной глубинѣ; но именно въ этихъ основахъ лежатъ и изъ нихъ вытекаютъ источники всего лучшаго, что даетъ человѣческій умъ въ области искусства и поэзіи, а также и въ практически-филантропической дѣятельности, посвященной благу человѣчества. Здѣсь снова проявляется близкое отношеніе между геніемъ и нервностью. А человѣчеству геніальные люди необходимы, и оно не можетъ обходиться одними «филистерами съ крѣпкими нервами».

Литература.

Г. Оппенгеймъ. Первые признаки нервности въ дѣтскомъ возрастѣ.

Г. Оппенгеймъ. Нервныя болѣзни и воспитаніе.

Л. Брунсъ. Истерія въ дѣтскомъ возрастѣ.

Дѣтскія самоубійства.

Доктора А. Эйленбурга.

Дѣтскія самоубійства! — Если всякая скоропостижная смерть ребенка, еще далеко не достигшаго цѣли своего развитія, представляетъ намъ нѣчто непонятное и противорѣчащее естественному міровому порядку,—то добровольная смерть въ дѣтскомъ возрастѣ такъ идетъ въ разрѣзъ со всѣми нашими естественными и нравственными представленіями, что мы, какъ «разумныя существа», едва можемъ понять возможность такого факта и еще меньше можемъ съ нимъ примириться. Самоубійство въ томъ возрастѣ, когда все еще кажется зарождающейся надеждой, радостнымъ стремленіемъ впередъ, когда здоровое желанье жить является самымъ естественнымъ и понятнымъ—въ возрастѣ, который долженъ быть такъ далекъ отъ статистики самоубійствъ, далекъ отъ враждебныхъ вліяній призванія и заработка, отъ страстей, честолюбія и корыстолюбія, отъ тяжелой, ожесточающей борьбы за существованіе. А между тѣмъ такія типичныя и вновь постоянно повторяющіяся самоубійства, дѣйствительно, являются печальной истиной. И повидимому, утвержденіе, что эти самоубійства начинаютъ повторяться все чаще и чаще,—особенно въ нашихъ, такъ быстро растущихъ громадныхъ городахъ—не вполнѣ несправедливо. Во всякомъ случаѣ, въ наше время широкой гласности они, какъ и другія мрачныя явленія соціальной жизни, больше, чѣмъ когда-либо, всплываютъ на поверхность ея и тяжело ложатся на общественную совѣсть, настойчиво взывая къ участію и помощи всего общества.

Относительно количества дѣтскихъ самоубійствъ статистика даетъ намъ печальныя, но все-таки, вѣроятно, не полныя свѣдѣнія. Надо принять во вниманіе, что многія самоубійства приписываютъ несчастному случаю, а многія прямо скрываютъ.

Важный масштабъ для колеблющагося или увеличивающагося количества дѣтскихъ самоубійствъ и для оцѣнки ихъ

причинъ даетъ намъ разборъ самоубійствъ, совершонныхъ дѣтьми, посѣщающими школу — «ученическихъ самоубійствъ». Благодаря любезности прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, я могъ изучить министерскіе акты, касавшіеся распредѣленія ученическихъ самоубійствъ, начиная съ дѣтскаго возраста и кончая 15 годами. Сначала я приведу таблицу самоубійствъ учениковъ низшихъ учебныхъ заведеній, слѣдовательно самоубійцъ ниже 15-лѣтняго возраста, начиная съ 1883 г. и кончая 1903.

Изъ учениковъ низшихъ учебныхъ заведеній въ Пруссіи покончили самоубійствомъ:

1883: 39	1888: 44	1893: 37	1898: 38
1884: 27	1889: 35	1894: 37	1899: 40
1885: 30	1890: 47	1895: 34	1900: 57
1886: 36	1891: 41	1896: 43	1901: 39
1887: 33	1892: 36	1897: 46	1902: 42

1903: 37.

Какъ видно, эти цыфры, дѣйствительно, указываютъ на большія колебанія, но не доказываютъ постояннаго и равномѣрнаго увеличенія цыфръ самоубійствъ. Прибавлю къ этому, что колебанія у учениковъ низшихъ учебныхъ заведеній менѣе замѣтны, чѣмъ у учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній, и что у послѣднихъ за послѣдніе годы снова замѣчается тенденція къ увеличенію числа самоубійствъ, между тѣмъ какъ въ предыдущіе 1898—1900 года можно было отмѣтить утѣшительное сокращеніе. Въ послѣднемъ случаѣ можно было отмѣтить самоубійства, совершонныя главнымъ образомъ въ возрастѣ отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ.

Въ продолженіе 21-го года изъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Пруссіи покончили самоубійствомъ 340 учениковъ, изъ нихъ 66 ниже 15-лѣтняго возраста, а именно 61 мальчикъ и 5 дѣвочекъ, при чемъ надо замѣтить, что офиціальные акты даютъ свѣдѣнія лишь о самоубійствахъ въ среднихъ правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ сравнительно съ частными очень мало. Поэтому здѣсь нельзя сдѣлать никакого заключенія относительно участія обоихъ половъ въ количествѣ самоубійствъ; скорѣе мы въ этомъ отношеніи можемъ воспользоваться цыфрами, собранными въ низшихъ учебныхъ

заведеніяхъ, которыя посѣщаются совмѣстно обоими полами. Цыфры эти говорятъ намъ слѣдующее: изъ общаго числа 812 самоубійцъ въ низшихъ школахъ Пруссіи отъ 1883 до 1903 года 653 приходятся на мальчиковъ и 159 на дѣвочекъ. Слѣдовательно, приблизительно 4 : 1, что совпадаетъ и съ другими наблюденіями и статистическими данными.—Число самоубійцъ моложе 10-ти лѣтъ (отъ 7-ми до 9-ти) едва ли высчитано вполнѣ правильно въ вышеприведенной общей цыфрѣ — 812 на 18.

Всѣ приведенныя цыфры на первый взглядъ могутъ показаться не особенно высокими и, можетъ быть, для нѣкоторыхъ будутъ пріятнымъ разочарованіемъ; но какая страшная сумма горя, несчастья и безутѣшнаго отчаянья дѣтскихъ сердецъ кроется за этими цыфрами, можно понять, лишь изучивъ эти офиціальныя данныя, да и то ихъ скорѣе можно предчувствовать, чѣмъ вполнѣ ясно сознать. Мнѣ здѣсь объ этомъ ничего нельзя сказать; я только приведу здѣсь таблицу собранныхъ мной по газетамъ дѣтскихъ самоубійствъ и обозначу причины, приведшія къ нимъ и способъ ихъ выполненія. (См. табл. стр. 326—327).

Слѣдовательно изъ 35-ти случаевъ 23 мальчика и 12 дѣвочекъ. Изъ послѣднихъ 4 выбрали смерть черезъ утопленіе, 4 выбросились изъ окна, 3 отравились, 1 (вмѣстѣ съ возлюбленнымъ), застрѣлилась. Изъ мальчиковъ 6 застрѣлились, 4 повѣсились, 4 утопились, 4 выбросились изъ окна, 3 отравились, 2 бросились подъ поѣздъ. Между приведенными причинами мы находимъ два раза любовныя исторіи (при чемъ одна, четырнадцатилѣтняя дѣвочка, находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности); пять разъ страхъ передъ наказаніемъ за шатанье по городу, дурное поведеніе и кражу; одинъ разъ страхъ передъ помѣщеніемъ въ исправительное заведеніе за шатанье ночью по городу; одинъ разъ выговоръ со стороны матери; одинъ разъ судороги. У мальчиковъ страхъ передъ наказаніемъ стоитъ на первомъ мѣстѣ—10 случаевъ: два случая изъ-за дурныхъ отмѣтокъ, одинъ изъ-за бродяжничества, одинъ изъ-за утайки денегъ, одинъ изъ-за поддѣлки подписи и т. д. Далѣе шесть разъ изъ-за оскорбленнаго чувства чести и т. д. Изъ-за истязаній со стороны родителей одинъ разъ, изъ-за семейнаго горя одинъ разъ, изъ-за соблазна вреднымъ чтеніемъ одинъ

№	Полъ.	Возр.	Родъ смерти.	Причина самоубійствъ.	Ближайшія обстоятельства.
1	Мальчикъ	10	Повѣсился.	Страхъ передъ побоями.	
2	Мальчикъ	10	Повѣсился.	Потому что долженъ былъ помогать по хозяйству.	
3	Мальчикъ	$10^1/_2$	Утопился.	Страхъ передъ наказаніемъ.	
4	Мальчикъ	7	Повѣсился.	Неизвѣстна.	
5	Мальчикъ	14	Выпрыгнулъ изъ окна.	Упреки матери.	
6	Дѣвочка	14	Утопилась.	Любовная связь.	Утопилась вмѣстѣ съ любовникомъ, 18-ти лѣтнимъ ученикомъ-музыкантомъ.
7	Дѣвочка	13	Утопилась.	Отчаянье отъ любовн. причинъ.	
8	Мальчикъ	12	Утопился.	Страхъ передъ наказаніемъ.	Не пошелъ въ школу и потому боялся наказанія.
9	Мальчикъ	10	Застрѣлился	Плохія отмѣтки.	
10	Дѣвочка	13	Выбросилась изъ окна.	Потому что страдала судорогами?	Болѣзненно-нервн. состояніе.
11	Мальчикъ	14	Застрѣлился.	Неизвѣстна.	
12	Мальчикъ	13	Утопился.	Неизвѣстна.	
13	Мальчикъ	11	Повѣсился (его спасли).	Потому что не могъ получить необходимыхъ учебниковъ?	Душевно-бол.? Послѣ покушенія на самоубійство помѣщенъ въ завед. для умалишенныхъ. Отецъ рабочій.
14	Мальчикъ	14	Застрѣлился.	Потому что его оставили въ томъ же классѣ.	Учен. высшаго класса реальнаго училища.
15	Мальчикъ	14	Отравился лизолемъ.	Страхъ передъ наказаніемъ.	
16	Дѣвочка	$14^1/_2$	Выбросилась изъ окна.	Страхъ передъ наказаніемъ.	Дочь рабочаго.
17	Мальчикъ	13	Задавленъ поѣздомъ.	Варварское обращеніе со стороны родителей.	
18	Мальчикъ	14	Застрѣлился.	Дурное чтеніе?	Ученикъ приходской школы.
19	Мальчикъ	13	Застрѣлился.	Потому что былъ оскорбленъ выговоромъ.	Гимназистъ.
20	Мальчикъ	15	Отравился сулемой и ціанист. каліемъ.	Плохія отмѣтки.	Гимназистъ.
21	Дѣвочка	12	Утопилась.	Потому что украла.	Прислуга.
22	Дѣвочка	14	Утопилась.	Легкое поведеніе.	
23	Мальчикъ	14	Отравился.	Потому что поддѣлалъ подпись въ школьномъ бальникѣ.	Реалистъ.

№	Полъ.	Возр.	Родъ смерти.	Причина самоубійствъ.	Ближайшія обстоятельства.
24	Мальчикъ	13	Застрѣлился.	Потому что утаилъ деньги.	Учен. высшаго класса реальнаго училища.
25	Дѣвочка	14	Застрѣлилась.	Несчастная любовь.	Застрѣл. вмѣстѣ съ 20-лѣтн. влюбл. въ нее мол. чел., потому что род. ея намѣр. были принять мѣры, чтобы разлучить ихъ.
26	Дѣвочка	14	Отравилась лизолемъ.	Выговоръ матери.	Только что конфирм. Ея 17 л. братъ незадолго пер. этимъ тоже пок. самоубійствомъ.
27	Мальчикъ	13	Выбросился изъ окна.	Серьезный выговоръ родителей за участіе въ дракѣ.	Написалъ на ступ. лѣст. мѣл.: „Прощ., милые род., простите меня".
28	Дѣвочка	13	Отравилась карбол. кислотой.	Пот. что не хотѣла подв. дисциплин. наказ. въ присутствіи подругъ за кражу.	
29	Мальчикъ	13	Выбросился изъ окна.	Страхъ передъ наказаніемъ за то, что пропадалъ нѣсколько дней.	
30	Мальчикъ	14	Выбросился изъ окна.	Страхъ передъ наказаніемъ.	Съ дѣтства прич. род. много непріят., на нѣсколько нед. убѣгалъ изъ дома, прод. свои часы и т. д.
31	Дѣвочка	15	Выбросилась изъ окна.	Страхъ передъ помѣщен. въ исправител. заведеніе.	Шатал. цѣлую ночь до утра подъ вид. прод. цвѣт. Наказ. и предост. были напрасны.
32	Мальчикъ	мол. 14	Задавленъ локомотивомъ.	Неизвѣстна.	
33	Дѣвочка	14	Отравилась лизолемъ.	Находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности.	Должна была въ скор. времени конфирмов.
34	Дѣвочка	12	Выбросилась изъ окна.	Страхъ передъ наказаніемъ?	Много разъ таскалась по ул., разъ была задер. полиц., въ друг. разъ привед. домой знак. женщ.; въ день самоуб. вер. изъ школ. только въ $9^1/_2$ ч. в., пошла ноч. на чердакъ. Мать позвала ее.
35	Мальчикъ	10	Утопился.	Семейное горе. (Отецъ пилъ).	Оставилъ прощальное письмо матери, въ котор. пишетъ, что не можетъ дольше смотрѣть на „исторію съ отцомъ". (Ученикъ народной школы.)

разъ. Въ случаяхъ 10, 11 и 26 можно предполагать умственное разстройство, а въ 30, 31 и 34 тяжелыя нервно-душевныя разстройства; но, къ сожалѣнію, вполнѣ вѣрнаго сужденія относительно этихъ данныхъ составить невозможно.

Въ другихъ случаяхъ причины и поводы, побудившіе къ самоубійству, покрыты полнымъ мракомъ. Мы не можемъ опредѣлить, скрываются ли за этимъ мракомъ оба главные фактора самоубійствъ ранняго юношескаго возраста, а именно врожденное или пріобрѣтенное болѣзненное нервно-душевное состояніе, не составляющее собственно умственнаго разстройства, или пагубная обстановка семейныхъ обстоятельствъ. Оба мотива въ отдѣльности и вмѣстѣ взятые особенно часто проявляются среди населенія большихъ городовъ и потому постоянно заполняютъ рубрики мѣстныхъ газетъ.

Какое же мы выведемъ изъ этого заключеніе? Намъ почти не приходится обдумывать ихъ тамъ, гдѣ такъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя факты и гдѣ каждый отдѣльный случай громко кричитъ о нихъ. Стоитъ лишь напомнить о самоубійствѣ тринадцатилѣтняго мальчика, рѣшившагося на смерть изъ-за истязаній родителей и бросившагося подъ поѣздъ, или того десятилѣтняго ребенка рабочаго, который лишаетъ себя жизни, потому что не можетъ больше смотрѣть на, ежедневно возвращающагося пьянымъ, отца. Здѣсь передъ нами открываются печальныя и часто ужасающія картины семейной жизни и невольно припоминаются слова «четвертой заповѣди» Анценгрубера:

«Чтить отца и мать? Да,—но отецъ и мать должны этого заслуживать».—И рядомъ съ этими горестными и трогательными картинами разстроенной дѣтской души—отталкивающіе примѣры ранней испорченности и огрубѣлости жителей большихъ городовъ! Недостаточно внимательное отношеніе къ начинающейся возмужалости въ концѣ дѣтскаго возраста и къ уже ранѣе проявляющимся эротическимъ влеченіямъ и аффектамъ также играетъ большую роль въ отчетѣ о самоубійствахъ и должно сильно приниматься въ расчетъ лицами, призванными руководить юношествомъ. Здѣсь мы можемъ глубоко заглянуть въ области соціально-воспитатель-

ныхъ, соціально-гигіеническихъ и соціально-этическихъ задачъ и обязанностей, къ которымъ мы должны отнестись очень внимательно и серьезно, если не хотимъ взять на себя отвѣтственности и вины въ столькихъ, такъ рано разбитыхъ и погибшихъ жизняхъ.

Ребенокъ и преступленіе.

Доктора Мёнкемёллера.

Гораздо тяжелѣе, чѣмъ всѣ заботы о больномъ ребенкѣ, является для родителей горе, когда ихъ ребенокъ оказывается неудачнымъ, когда онъ не только не поддается воспитанію и нравственнымъ правиламъ въ своихъ шалостяхъ и недостаткахъ, но еще и нарушаетъ законъ и нравственность. Не понимая, какимъ образомъ такой чуждый и чудовищный элементъ проникъ въ ихъ семью, озабоченные родители безпомощно стоятъ передъ мрачнымъ и непонятнымъ имъ ребенкомъ, на котораго не оказываютъ вліянія никакіе воспитательные пріемы; они не подозрѣваютъ, что тяжелыя заботы, выпавшія имъ на долю, должны раздѣлять съ ними учитель, судья, врачъ, законодатель и правительственные чиновники, и что способы обращенія съ малолѣтними преступниками имѣютъ громадное значеніе не только для всего государства, но и для всего человѣчества. Вѣдь такія дѣти именно заполнятъ въ будущемъ списки всей арміи преступниковъ и слѣдуетъ подвергнуть радикальному лѣченію ихъ наклонности къ преступленію, если вообще желаютъ избавиться или, по крайней мѣрѣ, сократить его.

Число малолѣтнихъ преступниковъ страшно увеличилось за послѣдніе годы. Между тѣмъ, какъ въ 1882 г. въ Германіи были подвергнуты наказаніямъ 30,719 юныхъ преступниковъ между 12 и 18 годами, число ихъ увеличилось до 45,261 въ 1897 г. Въ 1882 г. на 100,000 молодежи гражданскаго населенія приходилось 568, а въ 1896 г. 702 приговоренныхъ къ наказаніямъ.

Отъ ужасающаго прогрессированія дѣтскихъ преступленій сильно отстали взрослые преступники. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что многія преступленія не дошли до суда.

Снисходительность и недальновидность родителей, которые даже на самые грубые проступки своихъ дѣтей смо-

трятъ сквозь розовые очки родительской любви, вошли въ пословицу. Подобная терпимость одушевляетъ также большею частью людей, пострадавшихъ отъ дѣтскихъ проступковъ, предоставляющихъ судъ и наказаніе родителямъ, или удовлетворяющихся собственной расправой, чтобы судебнымъ наказаніемъ не испортить будущности малолѣтняго преступника. Поэтому многія дѣтскія преступленія мирно и безнаказанно существуютъ въ тайникахъ семейной хроники. Но мы не должны огорчаться этимъ слишкомъ сильно; потому что большинство этихъ преступленій представляетъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ преступленія взрослыхъ.

Ребенокъ почти лишенъ сознанія дурного поступка или едва сознаетъ его, онъ такъ же мало знаетъ, какое наказаніе онъ влечетъ за собой. Чувство отвѣтственности развивается въ немъ очень медленно. Онъ больше, чѣмъ взрослый человѣкъ, поддается соблазнамъ и новымъ впечатлѣніямъ, зависитъ отъ данной минуты и не можетъ противопоставить опаснымъ влеченіямъ закаленной воли взрослаго. Эгоизмъ ребенка развитъ безгранично, его собственное маленькое «я» всегда выступаетъ на первый планъ, и ему безразлично, если онъ этимъ повредитъ своему ближнему; лишь бы онъ могъ удовлетворить потребности своего собственнаго тѣла.

Совсѣмъ иначе, чѣмъ у взрослаго, дѣйствуетъ въ немъ инстинктъ подражанія, который слишкомъ часто навязываетъ ему свое опасное вліяніе именно въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя, какъ ему самому извѣстно, влекутъ за собой наказаніе. Дѣтская гордость часто заблуждается; ребенокъ не желаетъ отстать отъ своего предпріимчиваго товарища, тѣмъ болѣе, что дѣтская совѣсть легко заглушается. Ребенокъ старается по возможности даже превзойти товарища, особенно если его задѣли за щекотливый пунктъ ложнаго чувства самолюбія.

Нарушенія закона, появляющіяся на этой почвѣ, отличаются необдуманностью и производятся неожиданно, не вызывая сильнаго возмущенія окружающихъ. Никто не пошлетъ за сердитымъ прокуроромъ и за полиціей, если ребенокъ украдкой полакомится, если онъ солжетъ, необдуманно обманетъ кого-нибудь и даже покусится на собственность своихъ ближнихъ.

Поэтому законодатели всѣхъ временъ и народовъ установили возрастъ, до котораго ребенокъ долженъ быть освобожденъ отъ всякаго наказанія, потому что не можетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки. Далѣе противозаконныя дѣйствія осуждаются съ большимъ снисхожденіемъ и наказываются мягче, и вообще молодежь избавляется отъ многихъ тяжелыхъ наказаній. Въ общемъ этотъ періодъ, въ которомъ законъ принимаетъ во вниманіе нормальную невмѣняемость ребенка, оканчивается съ наступленіемъ половой зрѣлости. Такъ какъ въ это время ребенокъ обыкновенно удаляется отъ семьи и попадаетъ подъ новыя вліянія, которыя въ свою очередь могутъ натолкнуть его на преступленіе, то слѣдуетъ отнестись къ этому періоду, какъ къ имѣющему особо важное значеніе. Но прежде чѣмъ ребенокъ достигнетъ полной половой зрѣлости, онъ долженъ пережить время, когда склонность къ нарушенію закона временно вспыхиваетъ въ немъ яркимъ пламенемъ. Это время представляетъ собой всѣмъ извѣстный переходный возрастъ, во время котораго, особенно у сильнаго пола, усиливается, къ огорченію семьи, природное влеченіе къ преступленію. Вмѣстѣ съ ростомъ мускульной силы происходитъ и несоотвѣтственно быстрое повышеніе умственныхъ способностей. При наличности многихъ новыхъ точекъ зрѣнія, открывающихся неопытному глазу подростка, сознаніе своего собственнаго «я» чрезмѣрно усиливается, а любопытство и неупорядоченная жажда знанія выражаются въ безпокойной, и иногда очень неудобной для окружающей среды, дѣятельности. И такъ какъ нравственная сила зачастую не идетъ рука объ руку съ этимъ усиленіемъ эгоизма, ребенокъ поражаетъ окружающихъ массой поступковъ, рѣзко противорѣчащихъ всему дозволенному и приличному. Онъ не обращаетъ вниманія на требованія полиціи, дразнитъ и смѣется надъ слабыми и умственно не совсѣмъ нормальными ближними; не слушаетъ увѣщаній старшихъ. Свою увеличивающуюся физическую силу онъ упражняетъ надъ болѣе слабыми товарищами и маленькими дѣвочками, или забавляется покушеніемъ на чужую собственность; кража плодовъ не возбуждаетъ въ немъ ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти, и большую часть нарушеній полевого и лѣсного уставовъ слѣдуетъ приписать именно этому воз-

расту, окончанія котораго семья ожидаетъ съ тайнымъ ужасомъ.

Нѣжная мягкость женскаго характера служитъ причиной того, что у дѣвочекъ періодъ развитія не характеризуется такими непріятными явленіями, какъ у мальчиковъ; но зато у нихъ является много непріятнаго послѣ достиженія ими половой зрѣлости, потому что въ это время весь организмъ сильнѣйшимъ образомъ кристаллизуется, въ немъ происходитъ переворотъ, который не можетъ не имѣть сильнаго вліянія на характеръ и этическое чувство. Настроеніе у дѣвочекъ дѣлается тогда нервнымъ, и повышенная раздражительность часто легко разражается въ конфликтахъ съ окружающими. Незначительные поводы вызываютъ обиды, которыя могутъ даже кончиться насильственными дѣйствіями, и притомъ мало мотивированными, относительно постороннихъ. Къ этому иногда присоединяется порча характера. Дѣвочки начинаютъ вдругъ лгать, клеветать на другихъ, сплетничать и дразнить другихъ и даже не отступаютъ передъ воровствомъ.

Со всѣми этими выходками можно, хотя и съ грустью, примириться, такъ какъ на нихъ смотрятъ какъ на неизбѣжные признаки развитія человѣка. Но юношескій возрастъ рядомъ съ этимъ выказываетъ наклонности ко всѣмъ преступленіямъ, осужденнымъ всѣми писанными и нравственными законами. Извѣстное ограниченіе въ этомъ случаѣ зависитъ отъ мѣры физическихъ и нравственныхъ силъ, которыми располагаетъ ребенокъ.

Преступленія, требующія значительнаго напряженія силъ, не удаются ребенку, благодаря малому развитію его физическихъ силъ. Недостатокъ въ деньгахъ заставляетъ его сдерживаться въ средствахъ, а религіозными и политическими вопросами онъ не интересуется и потому не дѣлаетъ никакихъ проступковъ въ этой области. Отъ клятвопреступленія и ложной клятвы его спасаетъ законъ, не допускающій его до присяги раньше 16-ти лѣтъ.

Хотя въ общемъ почти всѣ преступленія всплываютъ въ спискѣ дѣлъ о малолѣтнихъ преступникахъ, нѣкоторыя изъ нихъ все же имѣютъ такой перевѣсъ, что мы безъ труда можемъ найти внутреннюю связь между ними и юностью преступника. Что во главѣ дѣтскихъ преступленій стоитъ

воровство, уже лежитъ въ самой природѣ вещей. Воровства не приходится долго обдумывать, слѣды легко скрыть, и въ кругу маленькихъ преступниковъ воровство не всегда считается такимъ непозволительнымъ и плохимъ дѣломъ, а кража съѣстного дома и съ прилавка даже охотно прикрашивается. Юные преступники безъ всякихъ угрызеній совѣсти соединяются шайками; они легко поддаются искушенію, если знаютъ, что въ союзѣ участвуютъ ихъ единомышленники и безвольно слѣдуютъ за особенно энергичнымъ предводителемъ. Такъ какъ другъ охотно дѣлится съ другомъ, то въ тиши, какъ побочный продуктъ, развивается укрывательство. Малолѣтній преступникъ менѣе склоненъ къ обману и утаиванію, потому что выгоды отъ нихъ достаются не такъ легко, и онъ неохотно берется за обдумыванье подробностей, къ которому еще неспособенъ его умъ. Но тѣмъ не менѣе и многіе, хитро и обдуманно проведенные, обманы отягощаютъ списокъ преступленій ребенка.

Относительно рѣдко встрѣчается въ спискѣ дѣтскихъ преступленій убійство, уже потому, что дѣтямъ для него не хватаетъ мужества и необходимой силы. Немногія убійства, совершенныя дѣтьми, всѣ безъ исключенія носятъ инстинктивный характеръ и обнаруживаютъ поразительный недостатокъ въ побудительныхъ причинахъ. Нанесеніе какъ легкихъ, такъ и опасныхъ ранъ также встрѣчается очень рѣдко сравнительно съ воровствомъ, потому что ребенокъ, несмотря на всю склонность къ грубому проявленію своей силы, большей частью боится на дѣлѣ нападать на старшихъ и болѣе сильныхъ людей. Но зато между дѣтьми относительно очень много поджигателей. Это безспорно находится въ связи съ извѣстной страстью дѣтей къ огню. Кромѣ того поджогъ представляетъ средство, которымъ легко можетъ воспользоваться и слабый, безпомощный ребенокъ для своей мести, тѣмъ болѣе, что поджоги рѣдко обнаруживаются. Кромѣ того, дѣти совсѣмъ не въ состояніи предвидѣть дѣйствіе и послѣдствія преступленія и потому поджогъ, совершонный изъ жажды мести, а иногда только изъ шалости, зачастую принимаетъ непредвидѣнные страшные размѣры.

Причины бродяжничества также очень разнообразны. Многія дѣти предпочитаютъ свободную жизнь на большой

дорогѣ вѣчному однообразію родительскаго дома, особенно если чтеніе разбойничьихъ романовъ и приключеній возбудило и взволновало ихъ воспріимчивую душу. Другія ищутъ подходящей обстановки для своей страсти къ попрошайничеству или воровству внѣ четырехъ стѣнъ родной семьи, или бѣгутъ отъ непріятной имъ работы. Третьи стараются бѣгствомъ спастись отъ отвѣтственности за совершонные проступки.

Когда же наступитъ время половой зрѣлости, то ко всѣмъ этимъ проступкамъ еще присоединяются частыя преступленія противъ нравственности. Именно въ это время половое влеченіе проявляется съ особенной силой и, если онанизмъ въ сильной степени не умѣряетъ его, то ребенокъ, которому закрыто или затруднено нормальное удовлетвореніе этого влеченія, ищетъ себѣ выхода другими способами. Эти преступленія часто совершаются съ поразительной беззастѣнчивостью. У нѣкоторыхъ дѣвочекъ въ этотъ періодъ чувственность развивается до такой степени, что онѣ впадаютъ въ проституцію.

Если мы начнемъ изслѣдовать причины, толкнувшія такъ рано ребенка на путь преступленія, то мы увидимъ, что во многихъ случаяхъ внѣшнія обстоятельства играютъ большую роль. Прежде всего дѣло идетъ объ окружающей обстановкѣ и всемъ томъ, что къ ней относится — о средѣ. Что сыну милліонера менѣе придется имѣть непріятныхъ столкновеній съ закономъ, чѣмъ сыну пролетарія, не приходится доказывать научными хитросплетеніями.

Не слѣдуетъ также всегда предполагать, что ребенокъ выросъ въ прямо преступной обстановкѣ и вслѣдствіе этого подчинился силѣ примѣра или соблазна. Достаточно уже печальной и отвратительной семейной жизни многихъ семей пролетаріевъ, въ которыхъ царствуетъ алкоголизмъ. Если родители ведутъ безрадостное существованіе, если ребенокъ видитъ ежедневное дурное обращеніе, и къ этому еще прибавлена забота о насущномъ хлѣбѣ, то неудивительно, что онъ бѣжитъ изъ дома и прибѣгаетъ къ нищенству. Уличная жизнь знакомитъ его со всѣми пороками, а если онъ еще вдобавокъ познакомится съ пьянствомъ, то мостъ, ведущій къ преступленію, готовъ безъ всякаго труда. Къ сожалѣнію воспитаніе, то слишкомъ строгое, то слиш-

комъ уступчивое, рѣдко находитъ настоящую мѣру и отчуждаетъ ребенка отъ родительскаго дома. Если родители умерли, или живутъ врозь, или въ разводѣ, и вмѣсто родительской любви заступаетъ строгость мачехи или вотчима — поводы къ преступленію еще увеличиваются.

Если на дѣтяхъ лежитъ пятно незаконнаго рожденія, то они легко попадаютъ въ фальшивое положеніе относительно товарищей. Твердое мужское воспитаніе отсутствуетъ и, такъ какъ мать часто бываетъ принуждена работать внѣ дома, воспитательное вліяніе улицы будетъ очень сомнительнымъ. Въ большихъ городахъ къ этимъ скверным вліяніямъ еще присоединяется проституція, которой занимается мать или сестра, и которая дѣлаетъ изъ мальчиковъ сутенеровъ, а изъ дѣвочекъ проститутокъ.

Если дѣти сдѣлались бродягами и родительское воспитаніе замѣнилось вліяніемъ дурныхъ и грязныхъ элементовъ, то нищенство и воровство явятся сами собой. Неправильная жизнь ослабляетъ физическую и нравственную силу сопротивленія и готовитъ вѣрный путь преступленію. Это относится и къ физическимъ продолжительнымъ болѣзнямъ, вслѣдствіе которыхъ дѣти съ одной стороны дѣлаются избалованными, а съ другой раздражительными, особенно если благодаря отсутствію товарищей, они становятся несообщительными и угрюмыми.

Вліяніе родителей совершенно исчезаетъ, если они въ умственномъ отношеніи отступаютъ отъ нормы, т.-е. если они алкоголики, эпилептики или, что еще хуже, душевнобольные. Здѣсь мы наталкиваемся на причину, передъ которой всѣ другія кажутся ничтожными.

Уже давно при изученіи преступленія пришли къ тому заключенію, что не одни внѣшнія обстоятельства дѣлаютъ изъ человѣка преступника, но что именно внутренняя природа человѣка представляетъ основу, которая способствуетъ воспринятію внѣшнихъ вліяній; или, говоря другими словами, что преступникъ всѣми врожденными свойствами и наклонностями своими вполнѣ отличается отъ непреступнаго человѣка. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что вслѣдствіе такого взгляда большинство преступниковъ не отвѣтственно за свои дѣйствія и не подлежитъ наказанію. Но точное изслѣдованіе внутренняго существа преступника без-

спорно необходимо, и оно чаще, чѣмъ думаютъ, наткнется на дѣйствительныя душевныя разстройства, которыя объяснятъ намъ преступленіе.

Все это въ одинаковой, если не въ большей мѣрѣ, относится и къ юному преступнику, и изслѣдованія въ этомъ случаѣ могутъ дать гораздо лучшіе результаты, такъ какъ мы у него можемъ легче, чѣмъ у взрослаго, прослѣдить весь, свободный отъ многихъ внѣшнихъ вліяній, внутренній процессъ, приведшій его къ преступленію. Не слѣдуетъ въ каждомъ ребяческомъ преступленіи искать проявленія болѣзненнаго предрасположенія. Зато случай играетъ слишкомъ значительную роль во многихъ мнимыхъ проявленіяхъ дѣтской преступности, и именно естественное дѣтское преступленіе всегда сохранитъ свое важное значеніе. Это не мѣшаетъ тому, что при подробномъ изслѣдованіи душевнаго состоянія, мы, принимая во вниманіе различныя другія обстоятельства, придемъ къ убѣжденію, что имѣемъ дѣло не только съ особеннымъ, но и съ душевно-больнымъ ребенкомъ. Это уже давно установлено цѣлымъ рядомъ изслѣдованій юношескихъ преступленій въ заведеніяхъ для идіотовъ, воспитательныхъ заведеніяхъ и въ тюрьмахъ.

Въ общемъ мы за немногими исключеніями встрѣчаемъ у ребенка всѣ тѣ умственныя разстройства, которыя и у взрослаго влекутъ за собою преступленіе. Недостаетъ только хроническаго злоупотребленія алкоголемъ, который составляетъ главную причину преступленія у совершеннолѣтняго человѣка, хотя и немногочисленные юные пьяницы также платятъ дань преступленію. Морфинизмъ и размягченіе мозга, болѣзни, тѣсно связанныя съ преступленіями, не встрѣчаются въ дѣтствѣ. Острыя, вдругъ появляющіяся и быстро исчезающія умственныя разстройства, къ счастью, также встрѣчаются очень рѣдко. Въ этомъ случаѣ большей частью дѣло доходитъ до безсмысленнаго насилія противъ людей и собственности. Такая склонность еще усиливается появленіемъ галлюцинацій, которымъ слѣпо подчиняется больной. Въ сущности же именно продолжительныя формы болѣзни ведутъ юношество къ преступленію. Сюда прежде всего относятся предвѣстники извѣстнаго въ народѣ хроническаго сумасшествія.

Дѣтей часто мучаютъ неосновательныя чувства постоян-

ной обиды; они дѣлаются замкнутыми, раздражительными и каждую минуту чувствуютъ себя обиженными и оскорбленными. Часто они при этомъ находятся подъ вліяніемъ обмана чувствъ, вслѣдствіе котораго возмущаются противъ всякаго авторитета, ссорятся и спорятъ, часто переходя къ оскорбленіямъ и насильственнымъ дѣйствіямъ.

Еще опаснѣе эпилептики, которыхъ вообще не любятъ за ихъ неласковое и мрачное обращеніе, вслѣдствіе котораго они часто приходятъ въ непріятныя столкновенія съ окружающими. Грубость характера, развившаяся у нихъ вслѣдствіе болѣзни, заставляетъ ихъ мучить животныхъ, братьевъ, сестеръ и товарищей. Ихъ собственные узкіе интересы стоятъ у нихъ на первомъ планѣ и, такъ какъ ихъ нравственное чувство все больше и больше притупляется, то имъ остается лишь только нищенство, бродяжничество и путь къ воровству. Къ этому присоединяется еще помѣшательство, которое служитъ причиной ужасныхъ, безумныхъ и совершенно немотивированныхъ поступковъ. Иногда у эпилептиковъ омрачается сознаніе, и они въ такомъ состояніи, хотя оно и не бросается другимъ въ глаза, совершаютъ безцѣльныя кражи, обманы, или тайкомъ уходятъ изъ дома. Родная сестра эпилепсіи — истерія — одаряетъ тѣхъ, кѣмъ она овладѣваетъ, необычайной фантазіей. Страсть истеричныхъ дѣтей ко лжи, которая иногда принимаетъ поразительные размѣры, дѣлаетъ изъ нихъ очень опасныхъ свидѣтелей на судѣ, такъ какъ они часто уличаютъ взрослыхъ въ самыхъ неслыханныхъ поступкахъ, при чемъ въ ихъ показаніяхъ нѣтъ ни слова правды. Такимъ же образомъ они своими запутанными лживыми разсказами обнаруживаютъ блестящую изобрѣтательность. Склонность ребенка дѣйствовать безъ долгихъ размышленій у эпилептиковъ усиливается до очень нежелательныхъ размѣровъ.

Но львиная часть дѣтскихъ преступленій связана съ врожденнымъ слабоуміемъ, отъ котораго такъ часто страдаютъ несчастные родители, такъ мучаются учителя и которое въ половинѣ случаевъ не признается, такъ какъ родители не могутъ допустить, что ихъ дѣти относительно умственнаго развитія стоятъ позади своихъ сверстниковъ. И именно слабоумные такъ легко впадаютъ въ преступленіе! Что данный поступокъ достоинъ наказанія, для нихъ со-

ставляетъ тайну подъ семью печатями; пренебреженіе и насмѣшки товарищей, которыя имъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто приходится выносить, толкаютъ ихъ на ложные пути, тѣмъ болѣе, что они силѣ примѣра могутъ противопоставить лишь слабость воли. Но самымъ вреднымъ для нихъ является то, что сильная задержка этическаго и моральнаго развитія далеко превосходитъ у нихъ низкій уровень разума. Строгость воспитанія неумолимо обрушивается на нихъ, между тѣмъ какъ именно здѣсь она часто совсѣмъ не у мѣста. Дремлющая въ слабоумныхъ дѣтяхъ раздражительность соединяется съ глухимъ упорствомъ, которое возбуждается твердой дисциплиной, а когда искра попадаетъ въ пороховую бочку, то происходитъ взрывъ, обнаруживающійся въ грубомъ насиліи. Внѣшнія побудительныя причины, не имѣющія никакого значенія для нормальнаго человѣка, для слабоумнаго представляютъ совсѣмъ особую силу.

Странное противорѣчіе своему внѣшнему поведенію представляетъ такъ называемый wunderkind, «чудо-ребенокъ», рано созрѣвшій и благодаря своему преждевременному развитію рано познакомившійся съ преступленіемъ, если неожиданно явился къ этому поводъ.

Въ жизни слабоумнаго ребенка мы можемъ, такимъ образомъ, прослѣдить всѣ преступленія, начиная отъ нищенства до кражи и грабежа, отъ страсти мучить животныхъ до поджога и убійства.

Если низкій уровень интеллекта мало замѣтенъ, а моральная несостоятельность достигаетъ высшей точки, то передъ нами является образъ юнаго преступника въ самомъ отвратительномъ своемъ видѣ, и тогда мы уже имѣемъ дѣло съ нравственнымъ слабоуміемъ. Въ такихъ случаяхъ особенно непосвященному, который видитъ лишь преступленіе и не можетъ убѣдиться въ существованіи ясныхъ симптомовъ душевной болѣзни, кажется, что врачъ непозволительно ошибается, желая и такого субъекта изслѣдовать съ психической стороны, приписывая и ему спасительную психіатрическую причину преступленія. Совершенно несправедливо! При ближайшемъ наблюденіи всегда оказывается, что мы въ такихъ случаяхъ имѣемъ передъ собой совершенно особыхъ людей, у которыхъ найдемъ и другія нервныя и психическія отступленія отъ нормы, ко-

торые близоруки въ своихъ стремленіяхъ, односторонни во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и многими странностями, далеко не къ своей выгодѣ, отличаются отъ другихъ людей. Какъ мы ни будемъ оцѣнивать значеніе всѣхъ этихъ моральныхъ отступленій, которыя кромѣ того часто сопровождаются физическими и нервными болѣзненными симптомами, какъ ни будемъ остерегаться преувеличенія, обсуждая состояніе такого преступника, мы все же должны будемъ сознаться, что оно играетъ важную роль въ жизни преступника. Это подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что среди рецидивистовъ больше всего встрѣчаются такіе болѣзненные и слабоумные субъекты, между тѣмъ, какъ между случайными убійцами и убійцами, совершившими преступленіе въ пылу страсти, ихъ встрѣчаютъ очень рѣдко.

При всѣхъ этихъ заболѣваніяхъ на больныхъ очень неблагопріятно дѣйствуетъ періодъ половой зрѣлости: душевная слабость усиливается, раздражительность увеличивается, а порча характера проявляется необычайно сильно, первые же симптомы душевнаго разстройства часто въ этомъ случаѣ впервые проявляются. Со всѣмъ этимъ почти всегда идетъ рука объ руку замѣтное увеличеніе преступныхъ наклонностей; конфликты съ карательными законами начинаютъ проявляться именно въ этотъ періодъ, или, своимъ частымъ повтореніемъ, свидѣтельствуютъ о совершающемся внутреннемъ переворотѣ.

Умственная ограниченность такихъ преступниковъ выражается и въ непонятности побудительныхъ причинъ, въ совершенно необдуманномъ выполненіи преступленія, въ необычайной его беззастѣнчивости и въ полномъ неумѣньѣ скрыть его. Эта ограниченность достигаетъ здѣсь еще гораздо высшей степени, чѣмъ нормальная необдуманность дѣтскихъ поступковъ.

При этомъ не слѣдуетъ поддаваться обману блестящей внѣшности нѣкоторыхъ малолѣтнихъ преступниковъ, которые умѣютъ легкимъ лоскомъ скрывать свои недостатки и, несмотря на свою безспорную глупость, умѣютъ нѣкоторой долей остроумія ослѣпить слушателя, а присутствіемъ духа и нахальствомъ прикрыть свою несостоятельность и свои слабости. Способность лгать, которой они, благодаря

своей болѣзни, обладаютъ въ высшей степени, и безъ того часто вводитъ въ заблужденіе наблюдателя.

Если мы составимъ себѣ ясное представленіе о свойствахъ души преступника, то мы нѣкоторымъ образомъ будемъ въ состояніи составить себѣ вѣрное сужденіе, какія мѣры слѣдуетъ принять для его исправленія. Если дѣло идетъ о проходящемъ болѣзненномъ состояніи, мы можемъ надѣяться, что съ исчезновеніемъ психическаго уклоненія исчезнетъ и склонность къ преступленію. Но если же мы имѣемъ дѣло съ врожденной и по существу своему не поддающейся перемѣнѣ болѣзнью, то надежды на исправленіе такого грѣшника будутъ болѣе, чѣмъ смутны.

Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ никогда забывать, что причиной поразительной отсталости нѣкоторыхъ дѣтей отъ своихъ сверстниковъ можетъ быть запоздавшее умственное развитіе, съ пробужденіемъ котораго исчезаетъ и склонность къ преступленію.

Вообще же этотъ низкій душевный уровень юныхъ преступниковъ требуетъ своевременнаго и умѣлаго вмѣшательства. Это тѣмъ болѣе необходимо, что борьба съ преступными наклонностями, начатая съ юности, можетъ искоренить преступленіе окончательно. И это тѣмъ болѣе необходимо, что при своевременномъ діагнозѣ причинъ проступка будетъ возможно спасти хотя часть малолѣтнихъ преступниковъ отъ суда, а главнымъ образомъ отъ тюрьмы. Оба приносятъ ребенку такой вредъ, который едва ли можно потомъ исправить. Если ребенокъ въ сущности богато одаренъ и благонравенъ, и только случайно дошелъ до преступленія, то, вслѣдствіе суда и тюрьмы, ему и его родителямъ долго приходится переносить пренебреженіе и плохое обращеніе, котораго онъ не въ силахъ вынести. Воспитательныя мѣры въ такомъ случаѣ окажутъ гораздо большую услугу. Если же родители сами виноваты въ преступленіи ребенка, то непродолжительное лишеніе ребенка свободы не принесетъ никакой пользы, такъ какъ онъ снова вернется въ прежнее болото, и было бы гораздо полезнѣе, если бъ въ такомъ случаѣ былъ помѣщенъ въ благотворительное воспитательное заведеніе.

Если же виною преступленія является особый характеръ ребенка, и онъ слабъ въ психическомъ отношеніи, то су-

дебное производство, во время котораго ребенокъ въ первый разъ играетъ публичную роль, влечетъ его къ новымъ преступленіямъ, наказаніе же не произведетъ на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, а тюрьма еще больше испортитъ его дурными примѣрами и будетъ способствовать его ожесточенію.

Но самое важное, конечно, заключается въ томъ, чтобы во-время понять въ чемъ дѣло, и тогда станетъ ясно, какъ слѣдуетъ обращаться съ такими дѣтьми. Родители слишкомъ часто ослѣплены; отъ учителей невозможно требовать, чтобъ они при громадномъ количествѣ матеріала, съ которымъ имъ приходится имѣть дѣло, могли различить простую испорченность отъ болѣзненной преступности, а врачу, котораго бо́льшей частью совсѣмъ не призываютъ, а если призываютъ, то слишкомъ поздно, несмотря на всѣ его психіатрическія знанія, все же очень трудно напасть на вѣрный слѣдъ въ этомъ трудномъ вопросѣ. Если ребенокъ обращаетъ на себя вниманіе своими особенно преступными наклонностями, то родители обязаны слѣдить за всѣмъ, что указываетъ на умственную ненормальность его, и самымъ основательнымъ изслѣдованіемъ ребенка черезъ спеціалиста установить его психическое состояніе. Если врачъ не найдетъ ничего опаснаго, то особые воспитательные пріемы совсѣмъ не будутъ нужны. Спокойной, цѣлесообразной, но не чрезмѣрной строгостью тогда можно достигнуть многаго. Въ самомъ крайнемъ случаѣ, если домашнія обстоятельства слишкомъ неблагопріятны, то достаточно помѣстить ребенка въ лучшія условія или въ воспитательное заведеніе.

Если же изслѣдованіе врача укажетъ на психическія измѣненія, тогда приходится уже обратиться къ помощи психіатріи.

Само собой разумѣется, что устраненіе внѣшнихъ причинъ здѣсь очень желательно. Лишенія, недостаточный сонъ, умственное и физическое переутомленіе составляютъ вредныя явленія, которыя именно въ тѣхъ кругахъ, гдѣ они чаще всего встрѣчаются, легче устранить въ теоріи, чѣмъ на практикѣ. Дѣтямъ этого класса слѣдуетъ запрещать уличную торговлю, а также и участіе въ представленіяхъ на подозрительныхъ сценахъ и въ театрахъ Variété. Всѣми силами должно

стараться избавить ихъ отъ воспитанія, ведущаго къ преступленію и которое состоитъ въ публичномъ судебномъ разбирательствѣ ихъ преступленій. При этомъ должно быть обращено вниманіе на знакомство и на умѣлый выборъ книгъ для чтенія; употребленіе алкоголя не должно быть допущено. Помѣщеніе слабоумнаго ребенка образованныхъ родителей въ какое-нибудь ремесленное заведеніе составляетъ весьма обоюдоострое оружіе; онъ тамъ большей частью знакомится съ вещами, которыя предназначены не для него.

Именно въ воспитаніи очень трудно напасть на золотую середину. Слишкомъ строгое воспитаніе доводитъ раздражительность многихъ слабоумныхъ дѣтей и эпилептиковъ именно до того, чего оно хотѣло избѣжать; если же воспитаніе слишкомъ снисходительно, то несвоевременная самостоятельность такихъ извращенныхъ умовъ разрастается въ роскошныя плевелы. Именно въ такихъ случаяхъ необходимо имѣть ясное понятіе о психическомъ состояніи дѣтей.

Иногда родители сами сознаютъ, что для такого существа гораздо полезнѣе удаленіе изъ родной семьи, и ограничиваютъ свои воспитательныя права. Но обществу слишкомъ часто приходится осуждать неумѣлое воспитаніе родителей. Что должно замѣнить его, это, большей частью, можетъ рѣшить каждый отдѣльный случай. Иногда посторонней семьѣ удается достигнуть результатовъ, которыхъ не могли добиться родители. Въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ заведенія для умалишенныхъ, идіотовъ и эпилептиковъ должны пытаться достигнуть какой-либо цѣли. Часто лишь внѣшняя дрессировка составляетъ все, чего можно въ такихъ случаяхъ добиться. Иногда пребываніе въ какомъ-нибудь благотворительномъ воспитательномъ заведеніи можетъ развить то, что есть еще въ ребенкѣ хорошаго.

Союзамъ защиты дѣтей, воспитательнымъ и попечительнымъ союзамъ предстоитъ разрѣшить еще не одну задачу. Часто приходится порадоваться, хотя бы только тому, что иногда достигается возможность преградить такимъ дѣтямъ путь къ преступленію въ самое опасное для нихъ время развитія возмужалости и спасти ихъ отъ соблазновъ и искушенія.

Это тяжелая и часто безнадежная работа для всѣхъ,

кто трудится надъ этимъ нелегкимъ дѣломъ. Часто единственной наградой за нее является лишь сознаніе, что ты способствовалъ великой культурной работѣ.

Литература.

Ашаффенбургъ. «Преступленіе и борьба съ нимъ».

Ашроттъ. «Обращеніе съ безпріютнымъ и преступнымъ юношествомъ и предложенія реформъ».

Эммингаусъ. «Ребенокъ и несовершеннолѣтніе».

Характеръ и его недостатки.

I. Трюпера, директора воспитательнаго пріюта и дѣтскаго санаторія въ Іенѣ.

I. Слово «характеръ» греческаго происхожденія. Но оно уже сдѣлалось общимъ достояніемъ. Первоначальное значеніе этого понятія составляетъ внутреннее свойство, особенность какой-нибудь вещи. Слѣдовательно то, что составляетъ особый признакъ вещи или событія, или вообще разсматриваемаго предмета, то и представляетъ собственно его характеръ. Примѣняя это понятіе къ человѣку, мы скажемъ, что сліяніе всѣхъ главныхъ сторонъ его въ одну, твердую и ставшую основой его личности, совокупность образуетъ характеръ, отличительные признаки личности.

Свойства характера могутъ быть общія и индивидуальныя.

У каждаго человѣка въ физическомъ, какъ и духовномъ отношеніи, есть общія черты характера. Онѣ присущи ему, какъ человѣку вообще, затѣмъ, какъ члену какой-нибудь расы и, наконецъ, внѣ расы, въ зависимости отъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій его прежней и настоящей жизни. Общія черты характера человѣкъ имѣетъ еще, какъ принадлежащій къ какому-нибудь народу, стоящему на извѣстной степени развитія, затѣмъ какъ членъ извѣстной общины или извѣстной семьи, извѣстнаго пола, возраста, призванія, извѣстной религіи и т. д.

Кромѣ этого общаго характера у каждаго отдѣльнаго человѣка имѣются еще личныя свойства характера и опять-таки, какъ физическія, такъ и духовныя. Онъ владѣетъ характеромъ какъ цѣльный человѣкъ и кромѣ того владѣетъ имъ въ каждомъ отдѣльномъ органѣ и въ каждомъ своемъ дѣйствіи, такъ что у каждой отдѣльной личности всякій поступокъ имѣетъ особые признаки. Такъ, напримѣръ, говорятъ о характерной походкѣ, характерной физіономіи, характерномъ носѣ, характерномъ образѣ мыслей, чувствъ,

желаній, дѣйствій и т. д. Каждый отдѣльный человѣкъ обладаетъ такимъ индивидуальнымъ характеромъ, какъ характеромъ совсѣмъ особаго свойства, или этотъ характеръ является общимъ съ нѣсколькими другими лицами въ рѣшающихъ пунктахъ и чертахъ, такъ что индивидуальный характеръ не исключительно имѣется у одной личности, но индивидуальныя черты характера болѣе или менѣе могутъ встрѣтиться и у другихъ. Характеръ этотъ можетъ выражаться очень рѣзко, или наоборотъ, болѣе или менѣе умѣренно. Онъ можетъ быть постояннымъ или измѣнчивымъ.

Нерѣдко высказывалось, что характеръ какого-нибудь предмета всегда имѣетъ нѣчто ясно выраженное и легко распознаваемое, и что онъ въ такой же степени неизмѣненъ, твердъ и постояненъ; и то и другое небезусловно вѣрно.

Если бъ это было такъ, то намъ пришлось бы отказаться отъ воспитанія вообще, потому что мы уже не могли бы измѣнить ребенка. Все наше воспитаніе основывается на положеніи, что характеръ ребенка болѣе или менѣе измѣнчивъ и доступенъ вліянію. Понятно, что чѣмъ моложе человѣкъ. тѣмъ онъ измѣнчивѣе и легче поддается вліянію. Деревцо гнется, но дерева не согнуть. Съ ребенкомъ бываетъ то же, что и съ предметомъ, на который хотятъ наложить особую печать: печать эта не должна всегда оставаться неизмѣнной, она при разныхъ обстоятельствахъ можетъ измѣняться, какъ по своему качеству, такъ и по своей силѣ. Сила чертъ характера часто увеличивается и уменьшается. Свойства характера могутъ совершенно измѣняться. Савлъ уже не разъ превращался въ Павла. Но въ Павлѣ все же осталось многое, присущее Савлу. Несмотря на измѣненіе и перемѣну отдѣльныхъ чертъ характера, большей частью, хотя и не всегда, все же остается опредѣленная основная черта.

Когда обыкновенно говорятъ о характерѣ какого-нибудь человѣка, то всегда совершенно упускаютъ изъ вида все, отличающее его въ физической области, и думаютъ только о свойствахъ и направленіи его духовной сущности; притомъ имѣютъ въ виду не его общій, но именно его индивидуальный психическій характеръ и даже его принимаютъ въ разсчетъ меньше, чѣмъ дѣйствія человѣка. Поэтому одинъ человѣкъ

можетъ выдаваться остротой своего ума, а другой своимъ поэтическимъ дарованіемъ, но, говоря объ характерѣ этихъ двухъ людей, не думаютъ ни объ этой остротѣ ума одного, ни о поэтическомъ дарованіи другого, а лишь объ особомъ направленіи воли каждаго изъ нихъ. Постоянное опредѣленное отношеніе человѣка къ внѣшнему міру составляетъ его характеръ, говоритъ Гербартъ.

Если же заглянуть вглубь вещей, то мы увидимъ, что наше хотѣнье и дѣйствіе ни въ какихъ случаяхъ не могутъ отдѣлиться отъ чувства и представленія, и не только отъ нихъ и отъ всѣхъ душевныхъ проявленій, но и отъ физическаго состоянія и отъ всей окружающей насъ среды. Вѣдь нѣкоторые въ своемъ одностороннемъ взглядѣ доходятъ даже до того, что возлагаютъ отвѣтственность за всѣ скверныя качества характера, за всѣ нарушенія законовъ и т. д. на одну только среду и на соціальные недочеты, слѣдовательно полагаютъ, что человѣкъ представляетъ собою лишь продуктъ внѣшнихъ вліяній. Гербартъ, напротивъ, утверждаетъ: «Тотъ, чьи мнѣнія и дѣйствія являются лишь результатомъ и игрою внѣшняго случайнаго положенія, тотъ не имѣетъ характера, тотъ безхарактеренъ». Кто правъ?

Мы думаемъ, что тамъ, гдѣ дѣло касается своеобразности и направленія человѣческой воли, на первомъ планѣ стоитъ его самообладаніе. Можно смѣло сказать, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ личное сознаніе, которое относится къ физическимъ и душевнымъ проявленіямъ, какъ машинистъ къ машинѣ. Мы можемъ остановить эту машину, которую называемъ своимъ физическимъ и духовнымъ организмомъ, самоубійствомъ; можемъ остановить дѣятельность отдѣльныхъ членовъ, можемъ направить эту дѣятельность въ другую сторону, можемъ усилить и сдержать ее, гнать ее впередъ и толкать назадъ. И чѣмъ болѣе человѣкъ обнаруживаетъ способностей къ такимъ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе ему приписываютъ характеръ. Человѣкъ съ характеромъ самъ направляетъ себя, безхарактерный подобенъ тростнику, которому всякій вѣтерокъ даетъ другое направленіе. Поэтому интересно, что люди съ относительно небольшой сознательной содержательностью въ большинствѣ являются послѣдователями ученія экономическаго и политическаго матеріализма, по которому человѣкъ зависитъ отъ внѣшнихъ усло-

вій. Они не могутъ понять словъ поэта: «въ твоей душѣ— звѣзда твоего счастья». Поэтому они похожи только на стадо барановъ, которое слѣпо слѣдуетъ за своимъ вожакомъ въ огонь и въ воду. Плутархъ правъ только относительно ихъ: «Характеръ не представляетъ ничего болѣе, какъ продолжительную привычку».

Поэтому, говоря о людяхъ съ характеромъ, а не объ овцахъ, мы ставимъ на первый планъ самодѣятельность мысли и воли. Въ этомъ же смыслѣ говоритъ и Спенсеръ: «Характеръ окончательно рѣшаетъ дѣйствія человѣка; разумъ въ этихъ случаяхъ играетъ служебную роль и старается доставить удовлетвореніе чувствамъ, которыя вмѣстѣ взятыя составляютъ сущность характера!»

Слѣдовательно именно это самоопредѣленіе составляетъ сущность сильнаго характера: «Мужественный и твердый характеръ не теряетъ надежды въ затруднительномъ положеніи, не допуститъ, чтобъ его столкнули съ мѣста, воспользовавшись его смущеніемъ, но сохраняетъ присутствіе духа и не теряетъ осторожности и разсудка» (Цицеронъ).

Затѣмъ уже слѣдуютъ внѣшнія вліянія. Они, какъ уже было сказано, могутъ сдѣлать человѣка безвольнымъ и безхарактернымъ орудіемъ другихъ людей или же внѣшнихъ обстоятельствъ. Но если человѣкъ такъ воспримѣтъ эти природныя или духовныя силы своей среды, что онѣ послужатъ къ усиленію его собственныхъ духовныхъ силъ, и самъ овладѣетъ ими вмѣсто того, чтобы дать имъ овладѣть собой, тогда онѣ будутъ лишь способствовать образованію его характера. Но только въ такомъ случаѣ образуется характеръ въ «міровомъ потокѣ»; иначе же онъ погибнетъ. Гербартъ правъ, говоря: «Главной основой характера служитъ конструкція наклонностей».

Въ характерѣ слѣдуетъ еще различать формальную сторону его и его содержимое.

Мы говоримъ — у такого-то человѣка есть характеръ или такой-то человѣкъ обладаетъ характеромъ. Если мы посмотримъ на характеръ съ формальной стороны, то такой человѣкъ можетъ рѣшиться на зло, какъ другой на добро. Въ такомъ смыслѣ многіе люди владѣютъ характеромъ въ противоположность другимъ, которые лишены его, на которыхъ легко вліять, руководить ими, которые неувѣрены въ себѣ,

перемѣнчивы, зависятъ отъ различныхъ вліяній, на которыхъ нельзя положиться, хотя изъ этого и не слѣдуетъ, что они непремѣнно доступны злу, что въ особенности относится къ дѣтямъ. Въ этомъ случаѣ при разсмотрѣніи характера только съ формальной стороны мы имѣемъ въ виду лишь сильное, твердое свойство воли.

Если же мы разсматриваемъ характеръ со стороны его содержанія, то спрашиваемъ себя, какія отдѣльныя качества его волевой жизни придаютъ ему конкретный отпечатокъ, и въ этомъ смыслѣ говоримъ о дурномъ, какъ и о хорошемъ, благородномъ характерѣ.

Иногда, разбирая понятіе характеръ, не думаютъ даже о совокупности особенностей воли и дѣятельности человѣка, а лишь объ его свойствахъ въ нравственной области. Въ этомъ смыслѣ характеръ то же, что и нравственность человѣка, и представляетъ направленіе духовной жизни человѣка, приведенное въ дѣйствіе въ области нравственной дѣятельности самоопредѣленіемъ.

Въ этомъ смыслѣ характеръ человѣка выражается тѣмъ, что имъ управляетъ извѣстный нравственный образъ мыслей, тѣмъ, что онъ рѣшительно дѣйствуетъ на основаніи нравственныхъ принциповъ и придерживается этого образа мыслей и принциповъ даже и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Поэтому величайшимъ характеромъ является тотъ, про который сказано: «Онъ былъ вѣренъ абсолютному добру и послушенъ до смерти». Въ этомъ смыслѣ понимаетъ это, напримѣръ, баронъ фонъ-Штейнъ: «Религіозная нравственность и любовь къ отечеству единственныя непоколебимыя опоры характера». И въ этомъ лишь смыслѣ можетъ говорить о характерѣ воспитаніе. Только въ образованіи такого религіозно-нравственнаго характера можетъ оно видѣть свою цѣль. Но достигнуть этой цѣли воспитаніе можетъ только въ томъ случаѣ, если сами воспитатели твердо держатся своихъ идеаловъ.

Въ противоположность этому характеру, въ тѣсномъ смыслѣ, стоитъ въ такомъ же смыслѣ безхарактерность. Безхарактернымъ въ этомъ смыслѣ является человѣкъ, который знаетъ требованія законовъ нравственности и въ глубинѣ своего сердца признаетъ и одобряетъ ихъ, но не имѣетъ силы воли такъ дѣйствовать и жить, какъ онъ долженъ

былъ бы и желалъ бы жить; несмотря на это сознаніе и указаніе своей совѣсти, такой человѣкъ, увлеченный внѣшними вліяніями и внутренними соблазнами, слѣдуетъ и подчиняется дурнымъ желаніямъ и страстямъ.

Противоположность, но не противорѣчивость этой безхарактерности составляетъ злой и дурной характеръ, который, несмотря на сознаніе и указанія совѣсти, добровольно живетъ въ злѣ. Это такъ называемый мефистофельскій характеръ.

Вотъ все, что мы скажемъ о понятіи характера вообще.

II. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ изложить здѣсь, какъ развиваются свойства характера въ дѣтскомъ возрастѣ. Это задача ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ и изученіемъ дѣтей. Укажу здѣсь на издаваемый мной, въ сотрудничествѣ съ Кохомъ, Уферомъ и Мартинакомъ, профессоромъ философіи и педагогики въ Грацѣ, «Журналъ для изслѣдованій и изученія дѣтей» съ «матеріалами по изученію дѣтскаго возраста».

Никто не рождается законченнымъ мастеромъ, и никакой характеръ не можетъ родиться совершенно законченнымъ. Врожденными, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, могутъ быть лишь способности, расположеніе къ извѣстному развитію, зарождающіеся образы, хотя и съ опредѣленной тенденціей къ развитію, слѣдовательно при рожденіи ребенка все будущее уже имѣется налицо въ зачаткѣ. Эти унаслѣдованныя и врожденныя способности мы едва можемъ представить себѣ всей силой нашей фантазіи. Какимъ же образомъ можно научно установить различныя духовныя тенденціи развитія, которыя уже должны быть налицо въ зародышѣ? Здѣсь мы наталкиваемся на область, лежащую внѣ естествоиспытанія и не поддающуюся эмпирическому изслѣдованію; въ нее можетъ проникнуть только разумно мыслящій человѣкъ, которому многое придется въ этомъ случаѣ взять на вѣру.

Эти унаслѣдованныя свойства характера часто развиваются очень своеобразно, не постепенно, какъ физическія свойства, но нерѣдко рѣзкими скачками. На эту разницу въ физическомъ и психическомъ развитіи обращаютъ слишкомъ мало вниманія. А между тѣмъ она имѣетъ большое значеніе для пониманія дѣтскаго развитія.

Эти унаслѣдованныя отъ обоихъ родителей свойства еще усиливаются прямымъ вліяніемъ родителей.

Естественно, что на всѣ задатки ребенка до рожденія вліяетъ только мать, но и послѣ рожденія они еще долго находятся подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ матери, чѣмъ отца. Но при здоровомъ бракѣ вліяніе отца черезъ мать переходитъ на ребенка тоже уже до рожденія, потому что все поведеніе жены, именно во время зарождающейся въ ней жизни, особенно въ здоровомъ нормальномъ бракѣ, находится подъ сильнымъ вліяніемъ мужа. И если радостныя и печальныя душевныя движенія, этическія и эстетическія впечатлѣнія и т. д. могутъ вліять на тѣло и физическую жизнь будущаго существа, то понятно, что состояніе матери должно также вліять и на зарождающіеся задатки характера, которые немыслимы безъ тѣлесныхъ функцій.

Чѣмъ старше становится ребенокъ, тѣмъ большее значеніе получаетъ въ здоровомъ бракѣ вліяніе отца, какъ прямымъ, такъ и косвеннымъ путемъ.

Здѣсь слѣдуетъ искать причину, почему незаконныя дѣти такъ часто бываютъ испорченными, или развиваются очень односторонне. И съ этой точки зрѣнія женщины сверхъ-модернистки берутъ на себя слишкомъ большую и сомнительную смѣлость замѣнять моногамическій бракъ, несомнѣнно установленный инстинктомъ самосохраненія народовъ, такъ называемой «свободной любовью» и т. п. Супружеская вѣрность относительно будущаго ребенка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и относительно будущаго человѣчества, дѣйствительно, должна быть такой, какой хотятъ ее сдѣлать государственные законы, этика и религія, — она должна быть священной. Я говорю это на основаніи многочисленныхъ наблюденій и нахожу, что даже смерть одного изъ родителей менѣе опасна для ребенка, чѣмъ гибель супружеской вѣрности одного изъ нихъ. При такихъ обстоятельствахъ всегда больше страдаетъ мать, а черезъ страдающую мать вдвойнѣ страдаетъ ребенокъ. Женщины, которыя это понимаютъ, вполнѣ согласятся со мной и будутъ дѣйствовать въ такомъ смыслѣ именно въ интересахъ женщинъ.

Поэтому вліяніе родителей на дѣтей сильнѣе, чѣмъ вліяніе постороннихъ лицъ, потому что ребенокъ и родители благодаря унаслѣдованнымъ задаткамъ и наклонностямъ на-

строены такъ сказать, на одинъ и тотъ же тонъ. Колебанія характера родителей сами собой приводятъ въ движеніе характеръ дѣтей.

Но въ этомъ заключается и большая опасность. Истеричная мать сдѣлаетъ своего истеричнаго ребенка еще истеричнѣе, и вліяніе посторонней женщины, хотя бы и ненормальной, въ такомъ случаѣ могло бы менѣе повредить ему. Напримѣръ, мнѣ пришлось наблюдать въ своемъ заведеніи, что тѣ дѣти, которыя дома, у хорошихъ и любящихъ родителей, были страшно возбуждены и раздражительны, у насъ вели себя безупречно; въ одномъ случаѣ даже черезъ годъ послѣ удаленія изъ родительскаго дома дѣти все-таки, попавши опять туда, приходили въ прежнее возбужденное состояніе. Противоположности такого поведенія невѣроятны для всякаго, кто далекъ отъ этого вопроса. А между тѣмъ онѣ ясны. Подробнѣе я уже объ этомъ говорилъ въ своемъ сочиненіи «Психопатическая несостоятельность въ дѣтскомъ возрастѣ». 1902 г.

Изъ всего сказаннаго видно, что иногда является необходимость удалить ребенка изъ родительскаго дома именно ради развитія его характера. На этомъ основаніи воспитательныя заведенія всегда будутъ необходимы, не только для такихъ случаевъ, когда школа оказалась несостоятельной, но и для проходящаго вліянія на дѣтскій характеръ такой среды, которая не имѣетъ ничего общаго съ задатками и наклонностями ребенка.

Страхъ, что въ воспитательныхъ заведеніяхъ одинъ ребенокъ легко передаетъ свои недостатки другому, не оправдывается опытомъ, хотя въ продолженіе моей дѣятельности мнѣ часто приходилось выслушивать такія опасенія.

Вслѣдствіе вышеприведенныхъ причинъ понятно, что сестры и братья легко передаютъ другъ другу свои наклонности, но что между чужими это происходитъ не такъ легко. Исключеніе, кажется, составляетъ лишь истерично-хореатичная эпидемія (пляска св. Витта), которую мнѣ не приходилось наблюдать въ моей практикѣ, и инфекціонная причина которой еще недостаточно изслѣдована.

Далѣе развитіе характера опредѣляется всей естественной обстановкой ребенка, объ отрицательномъ вліяніи которой мы будемъ говорить ниже; о положительномъ же вліяніи ея

я уже подробно говорилъ въ программѣ воспитательнаго пріюта и дѣтскаго санаторія въ Іенѣ, а также и въ своей лекціи: «Объ этической гигіенѣ».

Не менѣе важно обдуманное планомѣрное вліяніе на характеръ посредствомъ направленія, ученія и дисциплины, (воспитанія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ). Объ этомъ говоритъ намъ всякій хорошій учебникъ педагогики.

III. Что же такое недостатки характера?

Прежде всего мы должны сдѣлать различіе между физіологическими и патологическими недостатками. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что граница между ними является не рѣзко опредѣленной, а наоборотъ очень расплывчатой.

Недостатками характера, лежащими въ плоскости здоровья, являются такіе, какіе встрѣчаются у духовно здороваго человѣка. Вслѣдствіе этого ясно, что дурной характеръ со всѣми своими проявленіями можетъ быть совершенно здоровымъ. Воръ, который крадетъ, лгунъ, который лжетъ, обманщикъ, который обманываетъ — могутъ совершать всѣ эти поступки, какъ вполнѣ здоровые и вмѣняемые люди. Типъ ярко выраженнаго нравственно испорченнаго характера, Мефистофель Гёте, совсѣмъ не имѣетъ никакихъ патологическихъ чертъ. Всѣ его дѣйствія и желанья лежатъ вполнѣ въ плоскости здоровья. У него нѣтъ никакихъ болѣзненныхъ измѣненій. Онъ только переоцѣнилъ всѣ нравственныя цѣнности.

Поэтому мы можемъ найти много недостатковъ характера у дѣтей и юношей, которые по своей природѣ всѣ будутъ здоровы. Но съ нравственной, эстетической, религіозной и экономической точекъ зрѣнія всѣ они могутъ быть крайне нежелательными. Мы не можемъ сразу отнести ихъ въ патологическую область. Психопатологія также далека отъ склонности объяснять или даже извинять всякое преступное проявленіе болѣзненнымъ состояніемъ, въ чемъ ее не разъ обвиняли.

Противоположностью такихъ недостатковъ являются недостатки характера патологическаго свойства, лежащіе внѣ плоскости здоровья и обусловленные болѣзненнымъ состояніемъ, особенно нервными заболѣваніями.

Сюда прежде всего принадлежатъ недостатки рѣшительно психическаго свойства, слѣдовательно недостатки характе-

ра настоящихъ душевно-больныхъ, вызванные или измѣненные именно этой болѣзнью.

Между этими психическими недостатками съ одной стороны и полнымъ здоровьемъ съ другой находится еще одна обширная пограничная область: важная для воспитанія обширная область педагогической патологіи или психопатической отсталости.

Здѣсь встрѣчаются только отчасти нарушенные процессы душевной жизни, которые бываютъ едва замѣтны; слѣдовательно эти нарушенія находятся на границѣ здоровья. Но бываютъ и другія психическія поврежденія, которыя приближаются къ настоящимъ душевнымъ болѣзнямъ и въ единичныхъ случаяхъ бываютъ часто настолько сильны, что является вопросъ, не относятся ли они прямо къ такимъ болѣзнямъ, хотя съ увѣренностью этого рѣшить невозможно. Какъ человѣка, страдающаго насморкомъ, легкой простудой или легкими признаками ревматизма еще не называютъ больнымъ, такъ и людямъ съ пониженнымъ духовнымъ уровнемъ нельзя еще приписать душевной болѣзни. Это и составляетъ ту важную пограничную область съ ея продолжительными и мимолетными, отдѣльными и смѣшанными, врожденными и пріобрѣтенными психопатическими предрасположеніями, психопатической наслѣдственностью и психопатической дегенераціей, которую мой другъ Кохъ соединилъ и описалъ подъ заглавіемъ «Психопатическая отсталость». Указаніями этого сочиненія мы часто и пользовались въ нашей статьѣ.

И относительно патологическихъ недостатковъ характера мы можемъ сдѣлать то же отличіе, какое дѣлали раньше, и раздѣлить ихъ на общіе, присущіе цѣлой семьѣ, народу или расѣ, и индивидуальные, присущіе одному лицу или многимъ отдѣльнымъ лицамъ, у которыхъ лишь случайно явились общіе недостатки.

Но недостатки слѣдуетъ еще различать по ихъ дѣйствію. Недостатки, которые прежде всего вредятъ самому индивидууму, напримѣръ, неловкость, безпомощность, ограниченность и т. д., мы можемъ обозначить *индивидуальными недостатками*.

Если же отъ такихъ недостатковъ прежде всего должно страдать общество, слѣдовательно, ближайшая среда, семья,

община, государство народъ, то мы называемъ ихъ соціальными недостатками. Если духовная несостоятельность какого-нибудь лица, напримѣръ, чудака, дѣлаетъ его лишь непригоднымъ для общества, мы назовемъ такой индивидуумъ несоціальнымъ, если же его жизнь и недостатки приносятъ обществу прямой вредъ, мы назовемъ его антисоціальнымъ.

Напримѣръ, человѣкъ можетъ безвредно хвастаться или безцѣльно лгать, не нанося этимъ никому никакого ущерба. Это индивидуальный недостатокъ. Но человѣкъ можетъ ложью и неправдой также нанести своимъ ближнимъ большой вредъ и сдѣлать это съ намѣреніемъ; въ такомъ случаѣ, мы уже будемъ имѣть дѣло съ антисоціальнымъ свойствомъ.

Далѣе недостатки могутъ быть проходящими или болѣе или менѣе продолжительными. Причины недостатковъ могутъ исчезнуть сами собой, недостатки можно исправить, они могутъ быть пріобрѣтены лишь случайно, или же они глубоко вкореняются въ данное существо, все равно, пріобрѣтены ли они болѣзнью, которая надолго измѣнила всю сущность человѣка, или унаслѣдованы отъ родителей. Въ такомъ случаѣ недостатки считаются органическими, они, такъ сказать, не только составляютъ сущность характера въ тѣсномъ смыслѣ, но принадлежатъ всему характеру въ широкомъ смыслѣ, всей сущности отдѣльной личности.

Далѣе недостатками характера могутъ быть слабость характера и испорченность его.

Недостатки, происходящіе отъ слабости, отъ недостатка энергіи воли, отъ неспособности проявить дѣятельность воли, очень часто встрѣчаются въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ. Дѣти гораздо чаще, чѣмъ думаютъ, могутъ съ полнымъ основаніемъ сказать про себя; «И если я по слабости своей и провинился, грѣхъ все же не живетъ въ душѣ моей», — а также: «Кто можетъ знать, какъ часто виноватъ бываешь? Прости мнѣ мои скрытые недостатки». Какъ мы съ одной стороны видѣли слабость интеллекта, такъ здѣсь видимъ слабость чувствъ, воли и проявленія дѣятельности.

Но недостатки характера могутъ быть и испорченностью. Они могутъ состоять въ извращенности, въ безуміи волевой жизни смотря по тому, остались ли чувства истины, добра

и красоты неразвитыми, или приняли ложное направленіе и измѣнили всѣ нормальныя качества вслѣдствіе болѣзненныхъ причинъ. Въ тѣхъ случаяхъ мы говорили о моральномъ слабоуміи, здѣсь—о моральномъ безуміи, о моральномъ сумасшествіи, или, какъ обозначали такое состояніе первоначально, о moral insanity.

IV. Теперь мы обратимся къ причинамъ недостатковъ характера, къ источникамъ юныхъ заблужденій — и вмѣстѣ съ тѣмъ обдумаемъ, какъ запереть эти источники и помочь развитію благородныхъ свойствъ характера ребенка. Недостатокъ мѣста позволяетъ намъ лишь въ общихъ чертахъ поговорить объ этомъ. Прежде всего назовемъ внѣшнія причины недостатковъ характера нашего юношества. Между ними плохія матеріальныя условія играютъ большую роль. Сколько можно было бы сказать о бѣдности жилищъ и дѣтскомъ горѣ? Одинъ статистикъ, принимавшій участіе въ переписи населенія, разсказывалъ мнѣ, что нашелъ въ маленькомъ городкѣ Тюрингенскаго Лѣса четыре семьи, которыя всѣ ютились въ одной комнатѣ, служившей имъ и спальней и мастерской, каждая семья жила въ одномъ изъ угловъ комнаты, гдѣ и работала! А что намъ показала выставка кустарныхъ работъ въ Берлинѣ! Вся семья, кончая двухлѣтнимъ ребенкомъ, работаетъ съ самаго ранняго утра до поздней ночи и при этомъ зарабатываетъ лишь по два пфенига въ часъ на человѣка. Не долженъ ли, при такихъ обстоятельствахъ, совершенно погибнуть и испортиться характеръ человѣка? Не долженъ ли ребенокъ при такой обстановкѣ уже родиться на свѣтъ съ плохими физическими и моральными задатками? «У матери едва хватаетъ времени, чтобы взять къ себѣ, хотя на минуту, на колѣни своихъ дѣтей, облегчить ихъ маленькія горести, раздѣлить съ ними ихъ дѣтскія радости; едва хватаетъ времени согрѣть ихъ сердечки теплымъ потокомъ материнской любви, защитить ихъ отъ зла, и еще меньше времени для того чтобы вмѣстѣ съ мужемъ на короткое время оторваться отъ заботъ будничной жизни и заняться съ нимъ вопросами, правильное разрѣшеніе которыхъ имѣетъ такое важное значеніе для нравственнаго достоинства человѣка!» Такъ жалуется даже бывшій прусскій министръ фонъ-Берленшъ.

Но съ другой стороны и богатство часто не служитъ къ

благу дѣтей. Богатымъ дѣтямъ недостаетъ побужденія къ настоящей самодѣятельности, и самый первоначальный и сильный изъ всѣхъ инстинктовъ здороваго существа, инстинктъ самосохраненія, гибнетъ, потому что ему не приходится дѣйствовать, и потому что родители сами часто служатъ этому помѣхой. При такихъ обстоятельствахъ, несмотря на кажущіяся, даже преувеличенныя заботы, на будто бы внимательное воспитаніе, дѣти высшихъ классовъ бываютъ гораздо несчастнѣе, чѣмъ дѣти среднихъ и низшихъ классовъ, а можетъ быть и чѣмъ дѣти пролетаріевъ. И тамъ дѣти голодаютъ, но въ другомъ отношеніи.

Прочтите «Воспоминанія молодости стараго пастора» профессора Гасгагена. Сколькимъ прекраснымъ качествамъ, развившимся въ немъ, благодаря простотѣ обстановки его дѣтства, могъ бы основательно позавидовать не одинъ принцъ! Какой несчастной, напротивъ, часто бываетъ дѣтская жизнь среди роскоши! Я самъ собственнымъ опытомъ и многочисленными наблюденіями ознакомился съ самыми простыми условіями жизни, а также серьезно заглядывалъ и въ высшіе круги, и нашелъ, что юношество тамъ далеко не достойно зависти, несмотря на весь внѣшній блескъ. Поэтому понятно, почему Іисусъ Сирахъ, озабоченный спасеніемъ своей души, молился такъ: «Господи! Пошли мнѣ не слишкомъ много и не слишкомъ мало земныхъ благъ». Въ обоихъ случаяхъ развитію юнаго характера грозитъ большая опасность.

Объ умственной средѣ можно сказать то же самое. Не всякій ребенокъ, живущій въ кругу высоко-образованныхъ и ученыхъ людей, достоинъ зависти, напротивъ, часто бываетъ совсѣмъ наоборотъ.

Простые родители часто по уму и душѣ гораздо ближе къ своимъ дѣтямъ, чѣмъ поклонники сверхъ-модернистскаго искусства, науки и спорта. Вліяніе простоты и естественности являются необходимымъ для развитія характера юношества и въ духовномъ отношеніи.

Главнымъ источникомъ недостатковъ характера служитъ духовное наслѣдство, полученное отъ родителей и отдаленныхъ предковъ, т.-е. врожденныя свойства характера. Творецъ, точно желѣзнымъ грифелемъ на каменныхъ скрижаляхъ, глубоко начерталъ въ природѣ человѣчества и его

исторіи памятныя слова: «Я покараю грѣхи отцовъ въ дѣтяхъ ихъ до третьяго и четвертаго колѣна», т.-е. пока не вымретъ или не обновится добровольно.

Изъ всѣхъ золъ самыми ужасными являются пьянство, развратъ и сифилисъ родителей, какъ я уже говорилъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Но и туберкулёзъ и другія хроническія болѣзни, а также мозговыя и нервныя страданія служатъ причиной вырожденія будущихъ поколѣній. Поэтому гигіена тѣла есть въ то же время нравственная гигіена и профилактическая мѣра для потомства.

Но какимъ образомъ вызвать устойчивыя чувства, которыя установили бы настоящую внутреннюю температуру, способствующую произрастанію правильныхъ стремленій? Преподаваніе, которое желаетъ лишь сообщить знаніе, никогда этого не достигнетъ. Только то преподаваніе, которое «умѣетъ возбудить интересъ, можетъ этого добиться», говоритъ Рейнъ. Относительно развитія характера мы не можемъ смотрѣть на хваленую реформу школьной жизни, какъ на начало этого дѣла. Школа, особенно средняя, всегда является лишь школой ученья, часто даже лишь школой заучиванья словъ, и нерѣдко только «мѣстомъ погребенія труповъ въ могилѣ памяти», какъ выразился Гербартъ. Но юношество еще далеко не освободилось отъ ея цѣпей. Характеръ основывается не на знаніи словъ, не на знаніи вообще, даже по мнѣнію Гёте, не на талантѣ, а на личности. «Таланты могутъ присоединиться къ характеру, онъ же не присоединяется къ нимъ, потому что онъ можетъ обойтись безъ всего, кромѣ личности». Но этого не хотятъ понять ходячія живыя книги, жаждущія титуловъ, какъ китайскіе мандарины. Они готовы посовѣтовать такимъ характерамъ, какъ Эмиль Фроммель, Гаусъ, Гумбольдтъ, Дарвинъ и другіе, скорѣе сдѣлаться столярами, чѣмъ стремиться къ духовнымъ идеаламъ. Поэтому съ точки зрѣнія развитія характера я всѣмъ школамъ безъ исключенія повторяю слова Гете:

«Все, что просвѣщаетъ насъ, не давая намъ власти надъ самимъ собою, пагубно для насъ».

V. Но можно ли вообще вліять на характеръ воспитаніемъ?

Шопенгауеръ говоритъ: «Эгоисту можно доказать, что,

отказавшись отъ мелкихъ выгодъ, онъ выиграетъ; злому, что, заставляя страдать другихъ, онъ готовитъ себѣ еще большія страданія; но заставить кого-нибудь отказаться отъ самаго эгоизма и отъ самой злобы невозможно, какъ невозможно заставить кошку бросить охоту на мышей. Умъ просвѣтить можно, но сердце не исправишь. Существенной основой, рѣшающимъ элементомъ, какъ въ нравственной, такъ и въ физической области, является врожденное качество, искусство можетъ здѣсь только слегка помочь.

Въ этомъ много правды. Но мы и здѣсь не можемъ раздѣлять полнаго пессимизма Шопенгауера; да это и совсѣмъ не нужно, потому что задача воспитанія въ нашемъ смыслѣ заключается не только въ томъ, чтобы просвѣтить голову и образовать въ ней этическія понятія; воспитаніе должно ученіемъ, кромѣ того, дѣйствовать воспитательно, т.-е. такъ передавать понятія, чтобъ они возбудили интересъ, и чтобы къ нимъ присоединились такія сильныя чувства, которыя могли бы вліять на волю. Воспитаніе должно до ученія, во время и послѣ него пріучать ребенка къ добру, возбуждать въ немъ религіозно-нравственныя чувства и побуждать его къ благороднымъ желаніямъ и нравственнымъ поступкамъ. «Не сидѣть безъ дѣла, творить добро, бѣжать отъ зла. Пріучить къ этимъ тремъ правиламъ ребенка—значитъ, воспитать его», сказалъ Гёте.

Если воспитаніе, такимъ образомъ, будетъ воспитывать дѣтей къ планомѣрной дѣятельности рукъ, головы и сердца, и само будетъ дѣйствовать только въ духѣ «Господа», какъ говоритъ Апостолъ, т.-е. все подчинитъ абсолютно доброму и религіозно-нравственному началу, тогда оно будетъ въ силахъ утѣшить страждущихъ и обремененныхъ изъ нашего юношества, спасти апатичныхъ или моральныхъ плѣнниковъ, исцѣлить разбитыя сердца, сотворить въ груди рядомъ съ унаслѣдованной или пріобрѣтенной, психопатичной или обремененной недостатками, душой, новую, которая сама вступитъ въ борьбу со зломъ, котораго не желаетъ; тогда душа пріобрѣтаетъ власть надъ самой собой и такимъ образомъ поможетъ воспитанію характера.

Но самое важное для развитія характера составляетъ не постороннее вліяніе, а самовоспитаніе.

Поэтому величайшій характеръ прошлаго столѣтія, Бис-

маркъ, справедливо напоминаетъ намъ: «Только смиренно и самоотверженно работая надъ собой и для другихъ, пріобрѣтаемъ мы силу для существованія; въ обратномъ случаѣ мы гибнемъ».

Къ этому самовоспитанію слѣдуетъ пріучать ребенка съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Онъ долженъ пріучаться сознавать и понимать свои недостатки и слабости, долженъ знать и научиться примѣнять средства къ ихъ уничтоженію. И ребенка необходимо пріучить, чтобы онъ всѣми силами своего ума и души старался усиливать свои хорошія свойства и бороться противъ дурныхъ. Только человѣкъ съ слабымъ умомъ и нравственностью всю жизнь будетъ повторять: «Я воспитанъ и не нуждаюсь въ дальнѣйшемъ воспитаніи». Человѣкъ, стремящійся къ нравственному совершенствованію, наоборотъ, согласится съ Рюккертомъ, который говоритъ: «Недостатки, которые глубоко вкоренились въ тебѣ, будутъ еще долго мучить тебя, послѣ того, какъ ты уже освободился отъ нихъ; они снова проявятся въ твоихъ дѣтяхъ и тебѣ еще разъ придется побороть ихъ воспитаніемъ».

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 21870 6205

50

ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАНУФАКТУРА СПб